[illegible]

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Часть I. Вып. II

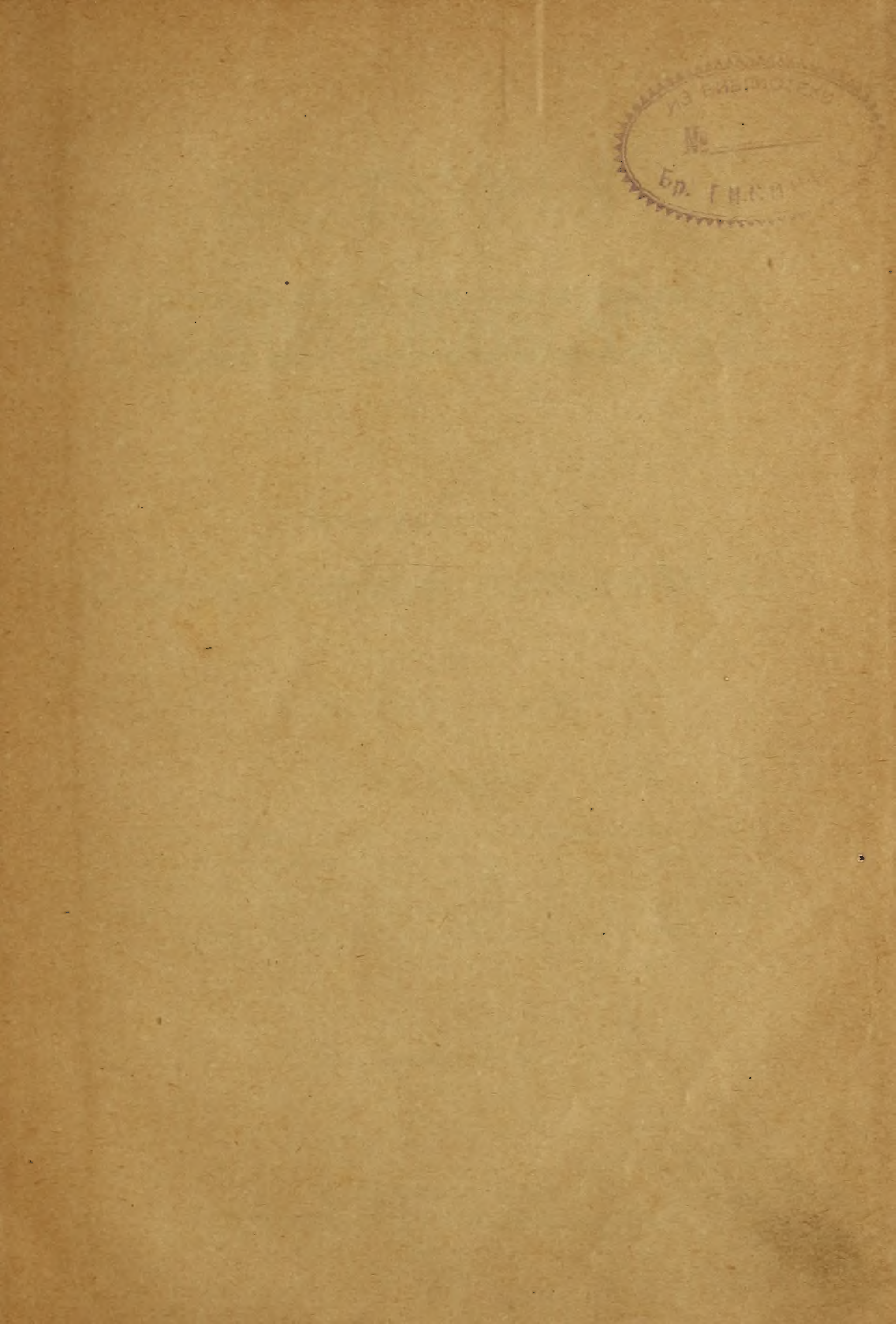
([illegible])

[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.

[illegible]

Из библиотеки
№
Бр.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Часть I.

Выпускъ II.

(Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в.).

СОСТАВИЛЪ
В. В. Сиповскій.

ШЕСТОЕ ИЗДАНІЕ.

Изданіе 2-ое допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища Министерства Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія оно допускается въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣдомства Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1912.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ШРЕДЕРА
49 С.-ПЕТЕРБУРГЪ 49
Гороховая

Предисловіе къ 2-ому изданію.

Выпуская въ свѣтъ 2-ой вып. I-ой части моей „Исторіи русской словесности“ *вторымъ* изданіемъ, я считаю своимъ долгомъ выразить свою признательность всѣмъ тѣмъ, кто печатно, или устно, указалъ мнѣ пробѣлы *перваго* изданія этой книги. Особенно цѣнны были для меня замѣчанія проф. А. С. Архангельскаго, проф. В. М. Истрина, проф. И. А. Шляпкина, гг. И. Ѳ. Анненскаго, В. В. Каллаша, Г. З. Кунцевича, Е. А. Ляцкаго, М. В. Трофимова и др.

Большинство сдѣланныхъ мнѣ указаній приняты мною къ свѣдѣнію при обработкѣ второго изданія. Я не воспользовался лишь тѣми замѣчаніями, съ которыми не былъ согласенъ по существу, или считалъ съ педагогической точки зрѣнія неудобнымъ ими пользоваться.

Главнѣйшія измѣненія, сдѣланныя мною во второмъ изданіи, сводятся — 1) къ упрощенію и исправленію стиля, — 2) почти совершенному устраненію ссылокъ на фамиліи изслѣдователей, чтò, по указанію нѣкоторыхъ критиковъ, слишкомъ пестрило изложеніе моей книги именами, неизвѣстными ученикамъ и потому мало имъ говорящими, — 3) къ сокращенію нѣкоторыхъ отдѣловъ и къ расширенію другихъ.

Считаю своимъ долгомъ выразить свою признательность В. И. Короленко за то, что онъ взялъ на себя трудное дѣло корректированія 2-го изданія этой книги.

Составитель.

Предисловіе къ 1-ому изданію.

Исторія и русская литература — предметы, на изученіе которыхъ въ нашей обновленной школѣ должно быть обращено особое вниманіе, — надо на нихъ отвести большее число уроковъ, ихъ программы необходимо значительно расширить. Печальные результаты жалкой постановки этихъ предметовъ въ нашей старой школѣ — на лицо: юноши, оканчивающіе курсъ, вступаютъ въ жизнь часто съ ничтожными знаніями, и, что̀ особенно важно, безъ интереса къ великимъ урокамъ прошлаго. А вѣдь для огромнаго большинства молодыхъ людей, не идущихъ на историко-филологическіе факультеты, знакомство съ исторіей заканчивается въ стѣнахъ среднеучебнаго заведенія!

Безъ достаточнаго знанія исторіи русской и западноевропейской, наши юноши дѣлаются „гражданами" и обязаны нести свои знанія, свою энергію на великое дѣло строенія „будущаго" родины. Между тѣмъ, безъ знанія прошлаго нельзя *строить* „будущаго", — можно только *мечтать* о немъ...

Исторія русской литературы изложена въ моемъ руководствѣ, какъ рядъ моментовъ изъ жизни русскаго слова— „моментовъ", которые отразили на себѣ послѣдовательныя эпохи культурной жизни родной старины. Въ этомъ постоянномъ тѣсномъ связываньи литературы съ культурою—особенность моей книги,—мнѣ хотѣлось бы въ этомъ видѣть и ея достоинство.

Относительно размѣровъ книги я высказался уже въ предисловіи къ *первому* выпуску I-ой ея части, — всякій преподаватель воленъ ее сокращать въ предѣлахъ програмныхъ требованій [1],—для учениковъ же она, благодаря своимъ размѣрамъ, плану и содержанію, не будетъ только сжатымъ конспектомъ отрывочныхъ знаній, который надо „отзубрить" и забыть, который въ жизни ничѣмъ не послужитъ и у огромнаго большинства (не идущихъ на историко-филологическіе факультеты) ничѣмъ не пополнится. Любознательный ученикъ найдетъ въ моей книгѣ попытку дать полное выясненіе того, какъ русская литература постепенно отражала на себѣ вѣковой ростъ національныхъ идеаловъ, — проясненіе въ нашемъ сознаніи идеаловъ общечеловѣческихъ, борьбу своего съ чужимъ, стараго съ новымъ...

Какъ и *первый* выпускъ I-й части этой книги, такъ и *второй*, главнымъ образомъ, компилятивнаго характера; только распредѣленіе матеріала, идея, его объединяющая нѣкоторыя характеристики, принадлежатъ мнѣ, — все остальное взято изъ трудовъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ.

Конечно, въ книгѣ моей есть промахи, быть можетъ, даже фактическаго характера—и потому всякому критику, ихъ указавшему, я скажу только спасибо, но не критики „ученаго" жду я для своей популярной работы, а критики „педагога-спеціалиста", который указалъ бы мнѣ недостатки практическаго свойства.

---

[1]) Комиссіей по составленію новой программы по исторіи русской литературы высказано пожеланіе предоставить полную самостоятельность педагогическимъ совѣтамъ *сокращать*, или *видоизмѣнять* новую „программу по русской словесности, сообразно мнѣніямъ спеціалистовъ и мѣстнымъ условіямъ, *лишь бы при этомъ не нарушалась система* курсовъ, выработанная комиссіей по тщательномъ соображеніи опытныхъ и теоретическихъ данныхъ" („Журналъ М. Н. Пр.", № 7—8, 1905 г., 32 стр.). Настоящая книга является выражающей maximum желаній новой программы. Въ предѣлахъ ея содержанія и возможны указанныя комиссіей „сокращенія" и „видоизмѣненія", съ сохраненіемъ „системы" курса.

Главнѣйшія пособія, которыми я пользовался при составленіи книги, перечислены въ приложенномъ библіографическомъ указателѣ. Онъ поможетъ гг. преподавателямъ въ дѣлѣ пополненія ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ пособіями для болѣе успѣшнаго прохожденія расширеннаго курса исторіи русской литературы.

Составитель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*) Въ текстѣ § 22, по недосмотру, этотъ § названъ 20-ымъ; въ названіи всѣхъ послѣдующихъ §§ удержалась ошибка на *два*.

СТРАН.

ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА

(съ XI—XVII вв.)

---

§ 1. *Исторія литературы, какъ наука.* Изученіемъ произведеній литературы занимались еще въ глубокой древности. Но тогда это изученіе сводилось—1) къ собиранію произведеній и — 2) къ объясненію и исправленію ихъ текста: сравнивались различные списки одного произведенія, и изъ отрывковъ, или испорченныхъ текстовъ, составлялся одинъ сводный и наиболѣе совершенный. Біографіей писателя тогда не интересовались, оттого мы такъ мало знаемъ о жизни древнихъ писателей. Въ такомъ положеніи находилось изученіе литературы не только въ Греціи, въ Александріи (Египетъ), въ Римѣ и въ Византіи, но и въ средневѣковой Европѣ. Въ эпоху Возрожденія кругъ изученія литературы расширился: кромѣ произведеній греческихъ и римскихъ, стали изучаться также произведенія и родного творчества. Въ 1373 г. въ флорентійскомъ университетѣ Боккачьо комментировалъ «Божественную Комедію» Данта.

Исторія литературы, какъ наука a) въ древности и въ средніе вѣка. Узко-филологическая критика. b) въ эпоху Возрожденія.

Впервые Бэконъ въ сочиненіи: «De augmentis scientiarum» высказалъ требованіе, чтобы изученіе литературныхъ явленій сдѣлалось самостоятельной наукой, но до XVIII вѣка исторія литературы, даже сдѣлавшись самостоятельной отраслью знанія, «научности», въ современномъ смыслѣ слова, не имѣла: рядъ анекдотовъ изъ жизни писателя, собираніе именъ и годовъ, комментированіе произведеній внѣ связи ихъ съ жизнью писателя, съ исторіей общества и съ другими произведеніями—вотъ, въ чемъ состояла тогдашняя *исторія* литературы.

Исторія литературы—самостоятельная наука.

Лишь въ XVIII вѣкѣ изученіе нашей науки приняло новое направленіе. Баумгартенъ, первый опредѣлившій принципы эстетики, положилъ начало критикѣ *эстетической* (ранѣе была только *узко-филологическая*). Винкельманъ, Лессингъ продолжили его дѣло оцѣнки произведеній искусства и литературы съ этой новой точки зрѣнія.

c) въ XVIII-мъ вѣкѣ возникновеніе эстетической критики.

Романтизмъ, смѣнившій въ XVIII-омъ вѣкѣ классицизмъ, принесъ съ собою интересъ къ простонародной поэзіи, къ письменности средневѣковья и творчеству другихъ народовъ. Разбираться въ этой массѣ разнородныхъ произведеній уже было не подъ силу при помощи одной эстетической критики: чувствовалась потребность объяснить ихъ происхожденіе изъ дѣятельности писателя, изъ связи его съ народомъ и эпохой,—словомъ, въ изученіе литературы вносились чисто-историческіе интересы, результатомъ чего и явилась критика *историческая*.

d) въ эпоху романтизма.

Наиболѣе виднымъ представителемъ этого *историческаго* изученія литературы былъ нѣмецкій ученый Гервинусъ, выпустившій въ свѣтъ

Возникновеніе историческаго изученія литературы.—Гервинусъ.

«Исторію нѣмецкой поэзіи». Онъ рѣшительно отказался давать эстетическую оцѣнку произведеніямъ, признавъ, что цѣль его труда ограничивалась желаніемъ объяснить всю совокупность поэтическихъ созданій нѣмецкаго народа изъ духа и условій времени, отыскать причины появленія литературныхъ явленій и ихъ вліяніе на другія, позднѣйшія.

е) въ XIX-омъ столѣтіи. Возникновеніе философской критики.

Въ началѣ XIX-го столѣтія изученіе литературы сразу приняло нѣсколько новыхъ направленій. Въ Германіи появилась критика *философская*, которая искала въ литературныхъ произведеніяхъ воплощенія философскихъ идей,—вѣчныхъ, или временныхъ,—общечеловѣческихъ, или узконаціональныхъ. У насъ къ такому изученію литературы примкнули славянофилы и западники. Первые превозносили тѣ произведенія, въ которыхъ воплотились идеалы славянства вообще, *русскаго* славянства въ частности. Критика, стоящая на точкѣ зрѣнія принциповъ національно-политическаго характера, можетъ быть названа *философско-политической*; сюда же можно отнести и критику *публицистическую*, которая судитъ произведеніе съ точки зрѣнія политическихъ идеаловъ данной эпохи.

Философско-политическая и публицистическая критика.

Наконецъ, къ разновидностямъ философской критики надо отнести и *моралистическую*, которая въ основаніе оцѣнки произведеній полагала идеалы нравственности.

Моралистическая критика.

Философская критика для пониманія *исторіи* литературы даетъ очень мало, такъ какъ она готова судить явленія литературной жизни съ предвзятой точки зрѣнія. Такого рода сужденія очень часто неустойчивы и легко разрушаются другими, вытекающими изъ другихъ точекъ зрѣнія.

Періоды въ жизни нашей науки (собирательный, классификаціонный и теоретическій).

Такимъ образомъ, исторія нашей науки пережила періодъ а) *собирательный*, когда ученые собирали литературныя произведенія и изучали каждое въ отдѣльности, и b) періодъ *классификаціонный*, когда произведенія стали приводиться въ систему, съ точки зрѣнія хронологіи, взаимной внутренней связи, или съ точки зрѣнія развитія той или другой идеи. За классификаціоннымъ періодомъ въ исторіи всѣхъ наукъ, болѣе старыхъ, чѣмъ исторія литературы, всегда наступалъ періодъ *теоретическій*,—періодъ научныхъ теорій, опредѣляющихъ тѣ *законы*, что управляютъ изученными явленіями. Такъ было, напримѣръ, въ исторіи ботаники, астрономіи—такъ было и въ исторіи литературы.

Теорія словесности въ древности.

Правда, построенія *теоріи словесности* начались еще въ глубокой древности: Платонъ, Аристотель и др. первые представили опыты *теоріи словесности*, но это были только собранія практическихъ указаній, какъ правильно создавать произведенія поэтическія и реторическія. Эти правила не касались *теоріи исторіи* словесности, т. е. изученія законовъ, управляющихъ вѣковой жизнью поэзіи. Такое же прикладное значеніе имѣли и всѣ поэтики и реторики среднихъ вѣковъ, равно какъ и всѣ теоріи псевдоклассицизма.

Теорія исторіи словесности.

Теорія *исторіи поэзіи* могла появиться только послѣ того, какъ собранъ былъ богатый историческій матеріалъ, изучены произведенія народной поэзіи и другихъ народовъ.

Первыя попытки построенія теоріи

Первыя попытки создать такія научныя теоріи имѣли мѣсто во Франціи. Сталь, Шатобріанъ, Вильменъ, Гизо, Кузенъ, Сенъ-Бевъ въ своихъ трудахъ объясняли историческія и литературныя явленія, какъ неизбѣжные ре-

зультаты воздѣйствія эпохи, физическихъ вліяній страны и личности историческихъ дѣятелей. Первый Тэнъ опредѣлилъ самые *законы*, управляющіе исторіей культуры вообще, исторіей человѣческаго слова въ частности. Тэнъ приложилъ къ изученію литературы тѣ же пріемы, что примѣняются естествоиспытателями къ изученію явленій міра естественнаго. Онъ указалъ, что существованіе и особенности поэтическихъ произведеній зависятъ отъ вліянія *расы* (племенныхъ особенностей писателя), *среды* (общества, которое воспитало его), *момента* (настроенія той эпохи, представителемъ которой былъ писатель). Тэнъ высказалъ требованіе *изучать* произведеніе, но не *судить* его—изучать, какъ ботаникъ изучаетъ сосну, лавръ—съ одинаковымъ интересомъ и одинаково безпристрастно. «Наука не осуждаетъ и не прощаетъ: она только указываетъ и объясняетъ». Эти слова Тэна сдѣлались девизомъ всей современной исторической науки. Въ наши дни французскій академикъ Брюнетьеръ предложилъ цѣлое построеніе исторіи литературы на основаніи теоріи Дарвина о вѣчномъ развитіи (эволюціи) явленій міра естественнаго. Брюнетьеръ высказалъ предположеніе, что литературные «виды» (genres), какъ, напримѣръ, романъ, эпопея, ода, драма, въ своемъ постепенномъ развитіи подчинены тѣмъ же законамъ развитія, что и жизнь міра естественнаго. Въ зависимости отъ вліяній того или другого настроенія общества, литературная жизнь видоизмѣняется: т. е. знаетъ «борьбу за существованіе», «приспособленіе» и пр. Особенно это замѣтно на произведеніяхъ заимствованныхъ, которыя пріобрѣтаютъ совсѣмъ иную окраску, попавъ въ иную, чуждую среду. Условія, вліяющія на ходъ развитія литературныхъ видовъ, тоже выяснены Брюнетьеромъ. «Эволюціонный» методъ, въ примѣненіи къ изученію литературной жизни, до Брюнетьера предложенъ былъ въ Россіи Плотниковымъ и проф. Карѣевымъ («Литературная эволюція на Западѣ»).

исторіи словесности во Франціи.

Заслуги Тэна въ этомъ отношеніи.

Гипотеза Брюнетьера.

Гипотеза Плотникова и проф. Карѣева.

Построенія теоріи исторіи словесности въ Германіи.

Въ Германіи научныя теоріи исторіи поэзіи стали создаваться еще съ конца XVIII-го вѣка, и, если не привели до сихъ поръ къ блестящимъ, но не вполнѣ доказаннымъ построеніямъ въ духѣ Брюнетьера, то дали цѣлый рядъ любопытныхъ и цѣнныхъ частичныхъ завоеваній въ области теоріи исторіи литературы. Особенное вниманіе обратили нѣмцы на изученіе первобытной поры народнаго творчества и, главнымъ образомъ, изучали произведенія народной поэзіи.

Изученіе литературы въ Россіи.
А. Періодъ собирательный.
а) въ древности

Какъ на Западѣ, такъ и у насъ изученіе литературы началось съ собиранія произведеній. Многіе древніе русскіе князья и епископы были любителями книгъ; во многихъ монастыряхъ уже издавна составлялись цѣлыя библіотеки благодаря вкладамъ благочестивыхъ людей, или трудамъ монаховъ-переписчиковъ. Московскіе великіе князья тоже были большими библіофилами. «Описи» книгамъ, вѣроятно, тоже начали составляться очень давно: но до нашихъ дней сохранилась одна поздняя—лишь XV-го вѣка. Въ XVII-мъ вѣкѣ патріархъ Никонъ, занятый исправленіемъ книгъ, попытался привести въ извѣстность существующія на Руси произведенія; при немъ составленъ былъ указатель рукописей, находящихся въ монастырскихъ библіотекахъ. Въ концѣ того же XVII вѣка появился у насъ первый библіогра-

Первая русская библіографія. b) въ XVIII-омъ вѣкѣ.

фическій трудъ: «Описаніе книгъ, кто ихъ сложилъ». Эта работа одними учеными приписывается Сильвестру Медвѣдеву, другими—старцу Евѳимію. Въ XVIII-мъ вѣкѣ интересъ къ изученію литературы усилился,—явился интересъ и къ личности писателей, ихъ жизни и общественной дѣятельности (Дмитревскій, «Извѣстія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ», Новиковъ «Опытъ историческаго словаря»). Старые памятники и документы стали появляться въ печати, чѣмъ облегчалось ихъ историческое изученіе» (Новиковъ «Древняя россійская вивліоѳика», Рудневъ «Библіотека Россійская»).

c) въ XIX-омъ вѣкѣ.

Первая половина XIX столѣтія вся ушла на самое ревностное собираніе и изданіе старыхъ памятниковъ. Явились такіе меценаты, какъ гр. Румянцевъ, которые не жалѣли средствъ на собираніе и изданіе старыхъ рукописей, явились такіе самоучки-ученые, какъ Карамзинъ, сумѣвшіе сдѣлать немало цѣнныхъ открытій, появились цѣлые кружки «любителей словесности»; наконецъ, на сцену выступили такіе знатоки книжной старины, какъ Бантышъ-Каменскій, Калайдовичъ, Малиновскій, митроп. Евгеній, Востоковъ, Строевъ, Горскій, Невоструевъ и др. Имъ принадлежатъ «описанія» рукописей,—описанія, до сихъ поръ не потерявшія своей научной цѣнности. Правительство пошло навстрѣчу этому интересу къ родной старинѣ: основаніе «Археографической комиссіи» положило начало правильному и систематичному изданію лѣтописей и актовъ историческихъ. Изъ ученыхъ, много потрудившихся на пользу родного слова, надо назвать Погодина, Ундольскаго, Срезневскаго, Максимовича, Бодянскаго.

B. Періодъ классифика-ціонный. Историческое изученіе литературы.

Съ 40-хъ годовъ XIX-го столѣтія впервые у насъ начинается систематизація собраннаго матеріала. Наступаетъ тотъ же моментъ, что и на Западѣ, когда *узко-филологическое* изученіе литературы смѣнилось *историческимъ*. Русское правительство стало посылать молодыхъ ученыхъ въ нѣмецкіе университеты. Тамъ ознакомились они съ новыми пріемами историческихъ изслѣдованій,—и, въ результатѣ, появились у насъ серьезные ученые историки и первая «Исторія русской словесности» (до XVI-го в.)

Шевыревъ, его „Исторія".

Шевырева. Съ необыкновенной любовью почтенный ученый отнесся къ произведеніямъ русской старины,—но эта любовь заставила его идеализировать русскую старину, а потому его исторія лишена объективности. Самое пониманіе древней литературы оказалось одностороннимъ, такъ какъ Шевыревъ былъ во власти собраннаго матеріала, а матеріалъ этотъ оказался исключительно церковный (житія, поученія),—или историческій,—свѣтскихъ повѣстей тогда не собирали, ими не интересовались. Оттого русская старина пріобрѣла въ освѣщеніи Шевырева исключительно церковный характеръ. Такое пониманіе ея удержалось до нашихъ дней, несмотря на многочисленные труды цѣлаго ряда послѣдующихъ ученыхъ. Новой поэзіей Шевыревъ не занимался, и, какъ критикъ современной ему литературы, оказался очень посредственнымъ.

Милюковъ, его „Исторія". Значеніе Бѣлинскаго въ исторіографіи.

Совершенно въ другомъ духѣ приблизительно въ это же время появившаяся «Исторія русской поэзіи» Милюкова,—вся основанная на взглядахъ Бѣлинскаго. Богато-надѣленный талантомъ критика, тонко чувствующій красоты поэзіи, Бѣлинскій первый понялъ Пушкина во всемъ величіи его генія. Это—великая заслуга критика; но онъ зналъ очень мало для того, чтобы сдѣлаться историкомъ—онъ не зналъ русской литературы XVIII вѣка,

не понималъ народной поэзіи и плохо зналъ литературы западно-европейскія. Между тѣмъ, пытаясь охарактеризовать литературу до-пушкинскую, взялся онъ за задачи историка. Вотъ почему онъ внесъ много ошибокъ въ пониманіе всей новой русской литературы. Эти ошибки повторены Милюковымъ и до сихъ поръ еще повторяются во многихъ учебникахъ русской словесности, несмотря на то, что онѣ давно изобличены нашей наукой. Въ самой оцѣнкѣ Пушкина Бѣлинскій колебался неразъ. Такимъ образомъ, Шевыревъ и Бѣлинскій оба сослужили великую пользу нашей наукѣ, но внесли и много ошибокъ; у одного были знанія, но не было критическаго таланта,—у другого былъ талантъ, но не было знаній, но они не исправили другъ друга, такъ какъ занимались разными эпохами нашей исторіи.

Изъ настоящихъ ученыхъ, вооруженныхъ на европейскій ладъ, надо назвать Буслаева, который въ длинномъ рядѣ работъ впервые поднялъ и разрѣшилъ рядъ любопытныхъ вопросовъ изъ жизни русской старины: онъ занялся, главнымъ образомъ, опредѣленіемъ всей наличности поэтическаго элемента въ произведеніяхъ народнаго творчества и въ сочиненіяхъ древней русской письменности: въ житіяхъ, легендахъ, апокрифахъ, духовныхъ стихахъ. Въ его сочиненіяхъ русское прошлое стало терять тѣ строгія и однообразныя очертанія, которыя придалъ ей Шевыревъ,—оказалось, что древняя Русь знала не только церкви, посты и проповѣди, но любила и радости жизни, и смѣхъ, и веселье... Буслаевъ.

Труды Тихонравова продолжали это правильное изученіе древней и новой русской литературы. Цѣлый рядъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ профессоровъ и академиковъ въ различныхъ своихъ работахъ дѣлали то же самое. Пыпинъ, А. Веселовскій, Шахматовъ, Галаховъ, Сухомлиновъ, Соболевскій, Ждановъ, Л. Майковъ, О. Миллеръ, Кирпичниковъ, Истринъ, Шляпкинъ, Владиміровъ, Архангельскій и многіе другіе—вотъ имена наиболѣе извѣстныхъ тружениковъ въ нашей области. Четырехтомная «Исторія литературы» Пыпина, есть капитальное произведеніе, въ которомъ подведены итоги всему тому, что сдѣлано у насъ для вѣрнаго пониманія исторіи русской словесности. Современные ученые.

Что касается до русскихъ трудовъ по *теоріи исторіи литературы*, то, кромѣ случайныхъ работъ Плотникова и проф. Карѣева, надо упомянуть многолѣтнюю работу акад. Веселовскаго, который также занимается построеніемъ научной теоріи исторіи словесности въ духѣ нѣмецкихъ теоретиковъ. Его наблюденія надъ судьбой различныхъ частныхъ явленій поэтической жизни прошлаго привели его къ окончательному разрѣшенію многихъ важныхъ вопросовъ. Какой видъ имѣла поэзія первобытнаго человѣка? какъ и когда безличная поэзія дѣлается личной, индивидуальной, какъ сложились и опредѣлились поэтическіе жанры, и по какимъ законамъ развивался поэтическій стиль? — вотъ вопросы, на которые можно найти отвѣтъ въ его трудахъ. Начиная свои наблюденія глубоко снизу и выводя теорію изъ фактовъ, нашъ ученый, въ сущности, пришелъ во многомъ къ тѣмъ же результатамъ, что и эволюціонистъ-Брюнетьеръ, который работалъ обратно: взялъ у естественниковъ готовую теорію и попытался ее подтвердить литературными фактами. С. Періодъ теоретическій Акад. Веселовскій.

§ 2. *Значеніе русской литературы.* Если народную поэзію надо изучать, чтобы понять мысли и чувства русскаго народа, главнымъ об- Значеніе русской литературы.

Литература есть показатель духовной жизни интеллигенціи.

разомъ, *простонародья*, то литературу, и древнюю и новую, надо изучать, чтобы знать, какими идеалами жила и живетъ наша *интеллигенція*, — тотъ высшій слой русскаго общества, который при св. Владимірѣ оказался наиболѣе подготовленнымъ къ принятію византійской культуры и христіанства, въ XVII-мъ в. откликнулся на вѣянія Запада, чтобы сродниться съ этими вліяніями при Петрѣ. Этому верхнему слою суждено было всегда играть первую роль во всѣхъ случайностяхъ русской исторической жизни, а потому знать его надо.

Лишь въ XIX-омъ столѣтіи эта русская интеллигенція, оставаясь русской по существу, въ то же время стала жить общечеловѣческими интересами и идеалами. Съ этого момента и русскіе вошли въ семью европейскихъ народовъ съ яснымъ сознаніемъ того, что все «общечеловѣческое» имъ доступно, но что въ то же время они не обезличены могучимъ вліяніемъ Запада; они облагородили благами цивилизаціи свои собственныя и мысль и сердце и могутъ внести «*свое*» оригинальное въ толкованіе этого «общечеловѣческаго».

Достоевскій и Толстой.

Русской литературѣ суждено было сказать это *свое* устами величайшихъ русскихъ писателей: Достоевскаго и Толстого. Изъ всѣхъ дорогихъ намъ именъ, эти два имени сдѣлались наиболѣе популярными на Западѣ: они завоевали Европу и, можно сказать, заставили ее уважать насъ и даже учиться у насъ [1]).

Великіе писатели—показатели національныхъ общественныхъ идеаловъ.

Чтобы знать себя, мы должны знать своихъ великихъ людей, такъ какъ великіе люди только лучшіе, наиболѣе счастливые представители своего народа. Въ ихъ великихъ сердцахъ собираются радости и печали родного имъ народа; въ силу своихъ индивидуальныхъ чертъ, они наиболѣе полно и глубоко воспринимаютъ эти вѣчныя и временныя настроенія родного имъ общества. Художественный талантъ помогаетъ имъ воплощать эти настроенія въ соотвѣтствующихъ образахъ.

Цѣль историческаго изученія—показать органическую связь различныхъ событій.

Исторія всегда должна ставить себѣ цѣлью объяснять современную жизнь на основаніи изученія жизни прошлой. Вотъ почему, чтобы понять современную литературу, мы должны понять Достоевскаго и Толстого; чтобы понять ихъ, мы должны изучить Гоголя и Пушкина. Пушкинъ непонятенъ безъ знанія XVIII вѣка; для пониманія петровской эпохи нужно знать XVII-й вѣкъ. Идя все вглубь столѣтій, мы спустимся, наконецъ, къ Кіевской Руси, этой *колыбели нашего литературнаго творчества*. И только тогда мы поймемъ, что исторія изящнаго русскаго слова органически связана въ теченіе многихъ вѣковъ одной нитью вѣчнаго развитія. Всѣ разрозненныя событія предстанутъ не въ видѣ отдѣльныхъ звеньевъ, а въ видѣ длинной цѣпи, отдѣльныя части которой связаны и обусловлены историческими причинами.

Многіе находятъ, что изучать древнюю литературу «скучно», но эта скука объясняется только тѣмъ, что изучаются обыкновенно отдѣльныя произведенія, внѣ исторической связи съ другими.

Между тѣмъ историческій интересъ и заключается какъ разъ въ этой *связи* явленій. Если нѣтъ ея,—нѣтъ мѣста интересу, нѣтъ смысла въ изученіи исторіи.

[1]) На Западѣ создалась школа молодыхъ писателей, которые считаютъ своими учителями Достоевскаго и Толстого.

Трудность приложенія такой точки зрѣнія къ оцѣнкѣ литературныхъ явленій увеличивалась отъ того, что въ кругъ изученія часто вводились произведенія, которымъ мѣсто или въ церковной исторіи, или въ исторіи политической.

Опредѣленіе исторій литературы.

Будемъ поэтому помнить, что *изящной литературой называется совокупность такихъ произведеній слова, которыя въ живыхъ образахъ и картинахъ выражаютъ всѣ проявленія мысли и чувства извѣстнаго народа. Исторіей литературы мы называемъ науку, изучающую эти произведенія въ ихъ генетической и закономѣрной послѣдовательности.*

Равноцѣнность всѣхъ періодовъ исторіи съ точки зрѣнія историка.

Если съ такимъ пониманіемъ нашей науки мы обратимся къ великимъ произведеніямъ русской литературы, мы поймемъ, что для яснаго и полнаго ихъ пониманія нужно знать не только ближайшее, но и далекое прошлое этой литературы. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, мы должны будемъ изучать и произведенія древней письменности, хотя они и не вполнѣ подойдутъ подъ данное опредѣленіе изящной литературы.

Синкретизмъ въ исторія древней письменности.

Но есть и другое основаніе, оправдывающее изученіе произведеній древней словесности. Существованіе народной поэзіи начинается съ того ея періода, когда еще не опредѣлились ея виды, не выяснился эстетическій характеръ ея, когда *поэзія сливалась съ вѣрой и знаніемъ* и какая-нибудь обрядовая пѣсня была и поэтическимъ произведеніемъ, и молитвой, и заключала въ себѣ всю сумму знаній тогдашняго человѣка... Тогда были не прояснены не только виды поэзіи, но и самыя искусства: въ пляскѣ сопровождавшейся аккомпаниментомъ ударнаго инструмента, пѣніемъ и мимическимъ представленіемъ соединялись начала музыки, поэзіи, драмы и пляски. Этотъ періодъ непроясненнаго, смѣшаннаго состоянія видовъ искусства и видовъ поэзіи называютъ *синкретическимъ* [1]). Такимъ же характеромъ отличалась книжная словесность въ первый періодъ своего существованія. Проповѣдь, произнесенная въ церкви, заключала въ себѣ элементы вѣры, знанія и поэтическихъ настроеній. «Житіе» какого-нибудь святого, прочитанное дома, одинаково будило фантазію, и въ то же время просвѣщало умъ и сердце. Еще въ большей мѣрѣ все сказанное можетъ относиться къ поэзіи церковныхъ пѣснопѣній, къ созданію легендъ и религіозныхъ сказаній. Слѣдовательно, и съ такой точки зрѣнія произведенія древней письменности имѣютъ вполнѣ самостоятельное право на изученіе. Надо сумѣть опредѣлить въ нихъ этотъ поэтическій элементъ.

Идеалы старины многое опредѣляютъ въ жизни новой.

Только изученіе идеаловъ далекой, родной старины объяснитъ намъ многія особенности [2]) современнаго интеллигентнаго русскаго человѣка; только это изученіе облегчитъ возможность понять очень многое въ жизни простого русскаго мужика, поможетъ разобраться въ міросозер-

---

[1]) σύγκρασις—смѣшеніе. Ср. 11 стр. 1-го выпуска I-ой части этого учебника (2 изд.).

[2]) Для опредѣленія этихъ „особенностей" особенно любопытны отзывы западной критики о произведеніяхъ русской литературы: иностранецъ всегда остановитъ свое вниманіе на томъ, чего нѣтъ у него въ его литературѣ; такъ, напримѣръ, западно-европейскіе критики всегда выражаютъ удивленіе тому, что герои русскихъ произведеній всегда слишкомъ копаются въ своей душѣ и приносятъ всенародныя покаянія, что въ нихъ мало энергіи и вѣры въ себя.

цанія раскола, въ «двоевѣрной» поэзіи народа, помирившаго свое старое язычество съ новымъ христіанствомъ. Только пониманіе идеаловъ русской старины дастъ намъ возможность вѣрно понять все великое историческое значеніе Достоевскаго и Толстого—этихъ искателей Христа въ сердцахъ простыхъ русскихъ людей.

Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды.

§ 3. *Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды.* Принято дѣлить исторію русской литературы на *древнюю* (до XVII-го в.), *новую* (съ XVII-го в., кончая Гоголемъ) и *новѣйшую* (XIX-й в.). Если понятно употребленіе терминовъ *древняя* и *новая*, такъ какъ они имѣютъ за собой историко-психологическія основанія, опираясь на два различныя міросозерцанія русскаго народа, то терминъ «новѣйшая» не имѣетъ за собой никакихъ основаній.

Дѣленіе по культурнымъ моментамъ.

Гораздо научнѣе дѣленіе литературы сообразно историческимъ «эпохамъ». Литературное произведеніе всегда было и будетъ выраженіемъ настроеній той эпохи, которой оно принадлежитъ. Поэтому изученіе литературы всегда тѣсно связано съ знаніемъ исторіи общества, эту литературу создавшаго... Стоя на такой точкѣ зрѣнія, нетрудно замѣтить, что въ прошломъ наша историческая жизнь знаетъ нѣсколько культурныхъ эпохъ, съ своеобразными особенностями. Каждая такая эпоха, каждый такой «культурный моментъ» различно отразились на народномъ творчествѣ [1]). *Первымъ* «моментомъ» приходится считать періодъ «Кіевской Руси», хотя бы потому, что центръ тогдашней культурной жизни сосредоточивался, главнымъ образомъ, въ Кіевѣ. Съ XIII-го вѣка, послѣ нашествія татаръ, замираетъ, недавно еще ключомъ бившая, жизнь южной Руси, и культурная жизнь ея отливаетъ на сѣверо-востокъ. Наступаетъ эпоха Суздальской Руси (XIII—XV вв.).—Это *второй* моментъ русской исторической жизни. Возвышеніе Москвы, централизація Руси и выработка новыхъ своеобразныхъ идеаловъ—*третій* моментъ, кончающійся смутнымъ временемъ и пробужденіемъ новой жизни... XVII вѣкъ—эпоха пробужденія въ русскомъ обществѣ самосознанія, эпоха исканія свѣта у Запада—*четвертый* моментъ, кончающійся выступленіемъ на арену исторической жизни Петра. Вся первая половина XVIII-аго вѣка, когда культура поддерживалась свыше, когда нѣсколько личностей вели русскую цивилизацію «на помочахъ»—*пятый* моментъ. Въ эпоху Екатерины дѣло просвѣщенія изъ рукъ отдѣльныхъ личностей переходитъ въ руки «общества». Оно само заявляетъ права на самостоятельное самоопредѣленіе. Это *шестой* «моментъ». Александровская Россія, съ ея подъемомъ самосознанія, общественнаго и національнаго, была въ нашей исторіи *седьмымъ* моментомъ. Эта эпоха выдвинула Пушкина, сосредоточившаго въ себѣ всѣ теченія, всѣ направленія старины, и намѣтившаго всѣ настроенія литературной жизни XIX вѣка. Въ русской лирикѣ отъ Пушкина пошло нѣсколько направленій: 1) философско-пессимистическая (поэзія «міровой скорби»), 2) поэзія чистаго искусства, 3) поэзія народничества. Въ драмѣ XIX-го в., ведущей

Пушкинъ—средоточіе всей исторіи русской литературы.

---

[1]) Хотя, конечно, и это распредѣленіе будетъ нѣсколько условнымъ: творчество каждой эпохи всегда захватываетъ отчасти и слѣдующую. Впрочемъ, такое „запоздалое“ творчество не имѣетъ большого значенія: оттого, напримѣръ, псевдоклассическія трагедіи, написанныя послѣ „Бориса Годунова“, не имѣютъ историческаго значенія.

свое начало отъ Пушкина («Борисъ Годуновъ»), мы замѣчаемъ направленіе, по преимуществу, историческое; въ романѣ — сентиментально-реалистическое («Капитанская Дочка»), къ которому примкнулъ Гоголь, сдѣлавшійся представителемъ всего новаго русскаго романа—съ его проповѣдью христіанскаго идеализма. Высшими представителями этого направленія надо считать «писателей-моралистовъ»—Толстого и Достоевскаго. Ихъ творенія находятъ себѣ историческое освѣщеніе при сопоставленіи съ идеалами древней Руси, съ ея аскетическимъ міросозерцаніемъ, съ ея заботами о душѣ, съ ея исканіемъ царства небеснаго не здѣсь, на землѣ, а за гробомъ. Въ противовѣсъ этому глубокому стремленію къ нравственному совершенствованію и проповѣди христіанскаго идеализма, въ русской литературѣ, начиная еще съ XVII-го, особенно въ XVIII-мъ вѣкѣ и, конечно, въ XIX-омъ, ясно выражается стремленіе другое, которое обличало дѣйствительность русской жизни, требовало реформъ, искало «царства Божія», здѣсь на землѣ, въ свободѣ личности, въ правахъ гражданскихъ, въ измѣненіи политическихъ и общественныхъ условій жизни... Реформы Петра В., дѣятельность Екатерины II, общественныя настроенія въ эпоху Александра I, эпоха великихъ реформъ въ царствованіе Александра II—были результатами этого стремленія. Въ литературѣ XIX-го ст. это теченіе сказалось очень сильно: оно создало критику Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева, обличительную литературу Гоголя, Щедрина, Герцена и др.

Два направленія въ новой русской литературѣ а) стремленіе къ нравств. совершенствованію;—b) стремленіе къ политическому совершенствованію.

§ 4. *Общество и писатель.* Въ исторіи всякой литературы наблюдается то же явленіе, что и въ жизни народной поэзіи. Періодъ *безличнаго* творчества, когда народный пѣвецъ является лишь выразителемъ настроеній толпы,—*пѣвцомъ за всѣхъ и для всѣхъ* — совпадаетъ съ тѣмъ начальнымъ періодомъ всякой литературы, когда въ сознаніи общества нѣтъ еще яснаго понятія литературной собственности. Такъ было, напримѣръ, въ древней Руси, когда многія произведенія остались совершенно безъ имени автора, другія, переводныя, приписаны русскимъ сочинителямъ, оригинальныя русскія ходили по рукамъ съ именемъ какого-нибудь извѣстнаго византійскаго писателя. Эта непроясненность понятія, что̀ такое авторъ, наблюдается даже въ XVIII-мъ в., отъ котораго сохранилось немало любопытныхъ произведеній безъ авторскаго имени, или многія «оригинальныя» представляютъ собою прямо переводъ, или передѣлку чужого. Это понятно: чѣмъ однообразнѣе были настроенія общества, чѣмъ обще-обязательнѣе идеалы, тѣмъ меньше мѣста было личности, съ ея оригинальнымъ пониманіемъ жизни. Чѣмъ сложнѣе дѣлалась современемъ жизнь, тѣмъ болѣе въ ней складывалось различныхъ направленій мысли, тѣмъ больше свободы было личности для самоопредѣленія. Оттого въ современной литературѣ возможна литература «кружковая», когда писатель является выразителемъ идеаловъ небольшой группы общества.

Общество и писатель. а) періодъ безличнаго творчества.

Проясненіе личности, сознаніе того, что можно говорить «свое», образованіе общественныхъ и литературныхъ группъ, литературная борьба этихъ группъ—все это привело къ проясненію личности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ проясненію понятія «литературной собственности». Вотъ почему нельзя вѣрно понять произведеніе, не зная писателя, а писателя мы можемъ узнать только послѣ того, какъ удастся выяснить, чѣмъ жило современ-

b) Періодъ проясненной личности.

ное ему общество, или та часть общества, представителемъ которой онъ явился. Такимъ образомъ, на всякаго писателя, какъ и вообще на всякаго общественнаго дѣятеля, надо смотрѣть, какъ на выразителя современной ему эпохи; выражая въ себѣ, въ своей дѣятельности современныя идеи и настроенія, онъ находитъ имъ воплощеніе,—этимъ онъ поясняетъ ихъ тому самому обществу, въ которомъ созрѣли эти идеи. И часто только въ такомъ воплощенномъ видѣ, толпа уясняетъ себѣ человѣка, нашедшаго имъ воплощеніе, превозноситъ, какъ великаго мыслителя, великаго художника, великаго писателя...

Въ какой мѣрѣ можно признать воспитательное значеніе литературы.

Только съ этой точки зрѣнія можно на писателя смотрѣть, какъ на *учителя общества*; только въ этомъ смыслѣ можно признать за литературой воспитательное значеніе: каждое великое произведеніе есть зеркало, въ которомъ общество видитъ себя, видитъ достоинства и недостатки своей внѣшности. Чѣмъ крупнѣе писатель, тѣмъ шире онъ захватываетъ жизнь—оттого *геній* всегда возвышается надъ временными интересами общества и берется за изображенія общечеловѣческихъ типовъ, идей и настроеній. Такія произведенія часто холодно принимаются современниками и находятъ себѣ оцѣнку лишь черезъ много лѣтъ послѣ своего появленія въ свѣтъ. Съ другой стороны, чѣмъ мельче писатель, тѣмъ мельче его личность, тѣмъ ближе онъ къ жизни толпы, тѣмъ болѣе онъ, какъ говорится, «плыветъ по теченію»—тѣмъ ўже его идея, шаблоннѣе его тема. Но зато, тѣмъ понятнѣе онъ для массы, особенно для той части ея, которая его вскормила. Ей онъ и служитъ.

„Геній“ и мелкій писатель по отношенію къ обществу.

Итакъ, воспитательное значеніе литературы сводится къ очень скромнымъ размѣрамъ: всякое идейное произведеніе захватываетъ только такого человѣка, который уже подготовленъ жизнью къ пониманію этого произведенія. Въ древней Руси житіе какого-нибудь святого, или слово, прочитанное или услышанное въ церкви, часто рѣшали всю судьбу человѣка,—но, конечно, чтеніе этого житія не произведетъ никакого впечатлѣнія на первобытнаго дикаря, и слово, отъ котораго дрогнетъ подготовленное сердце, оставитъ сердце дикаря холоднымъ... Евгенію Онѣгину подражали тѣ молодые люди двадцатыхъ годовъ XIX-го ст., которые были подготовлены своими настроеніями и вкусами; въ подражаніе гётевскому Вертеру стрѣлялись тѣ юноши, сердца которыхъ были уже заражены «міровой скорбью»...

Литература и писатель.

§ 5. *Литература и писатель*. Человѣкъ, чувствующій потребность и способность къ литературной дѣятельности, пропитанный идеями и настроеніями своего времени, выступаетъ на литературное поприще. Онъ, прежде всего, долженъ считаться съ *вліяніями жизни* и *литературы*.

Вліяніе литературы на писателя.

О вліяніи «жизни» было уже сказано. Вліяніе литературы сказывается тогда, когда писателю приходится идею, его взволновавшую, облекать въ литературную форму. Исканіе этой формы выразится въ выборѣ литературнаго *жанра* (романъ, проповѣдь, элегія, житіе, легенда, и пр.), наиболѣе удобнаго къ воплощенію идеи,—изъ выбора сюжета, типовъ и стиля... Чтобы отвлеченная идея обратилась въ живое поэтическое созданіе, надо, чтобы эта идея, ясно сознанная и хорошо выясненная, сама себѣ выбрала такую литературную оболочку. Черновые наброски многихъ великихъ произведеній доказываютъ, какихъ усилій, даже мученій, стоитъ

писателю этотъ процессъ «исканія»: десятки, сотни «сюжетовъ», типовъ идутъ навстрѣчу «идеѣ» писателя, иногда она легко находитъ себѣ воплощеніе, иногда гаснетъ и умираетъ, не найдя себѣ формы.

История сюжетовъ.

Найденный *сюжетъ* всегда имѣетъ за собою въ прошломъ, болѣе или менѣе, длинную исторію развитія. Новая идея одушевляетъ его, и онъ расширяется, или сужается, комбинируется съ другимъ—однимъ словомъ, видоизмѣняется подъ вліяніемъ идеи, жизни (напр. сюжетъ: «преступникъ раскаивается» найдетъ себѣ мѣсто и въ народной поэзіи, и въ житіяхъ святыхъ, и въ повѣстяхъ XVIII-го в.; въ романѣ Достоевскаго: «Преступленіе и Наказаніе», въ драмѣ Толстого: «Власть тьмы» [1]). «Дѣйствующія лица»—*герои* также подготовляются *прошлымъ* и передъ писателемъ выборъ «типовъ» и героевъ великъ, и выбранный типъ всякій разъ видоизмѣняется, прилаживаясь къ идеѣ и духу времени (сравни, напримѣръ, типъ «разочарованнаго жизнью»: отъ святаго отшельника изъ житія онъ переходитъ въ сентиментальнаго мечтателя-юношу XVIII-го в., въ Онѣгина, Печорина, въ тургеневскіе и чеховскіе типы и др.).

Исторія типовъ.

То же повторяется и со *стилемъ*. Манера письма, употребленіе разныхъ поэтическихъ пріемовъ, самый языкъ—все это, съ теченіемъ времени, развивается, видоизмѣняется, приспособляется къ идеѣ и личности писателя. Справедливо сказано, что стиль отражаетъ всѣ характерныя черты личности писателя.

Исторія стиля.

Литературный *жанръ* тоже не остается безъ движенія: изъ житія, съ теченіемъ времени, образовывается легенда, религіозная повѣсть, или цѣлый романъ. Самый романъ у Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго различенъ по своей *формѣ*.

Исторія жанровъ.

Говоря о зависимости писателя отъ другихъ произведеній своей и чужой литературы, нельзя миновать вопроса о томъ, что такое «литературное вліяніе», «заимствованіе», «подражаніе»... Изъ этихъ трехъ терминовъ самымъ широкимъ понятіемъ будетъ «*литературное вліяніе*»: въ его объемъ войдутъ *вліянія внутреннія, психическія* и *вліянія внѣшнія, формальныя*, иногда чисто-*механическія* («заимствованіе», «подражаніе»).

„Литературное вліяніе".

Подъ литературнымъ вліяніемъ перваго рода надо понимать то могучее воздѣйствіе, которое одинъ писатель оказываетъ на *духъ* другого, подчиняя себѣ его настроеніе, покоряя, заставляя смотрѣть на все его глазами. Такое вліяніе возможно только надъ писателями второстепенными, которые не двигаютъ литературы впередъ, а разрабатываютъ данное. Возможность сильнаго, глубокаго вліянія надъ геніальнымъ писателемъ можно допустить развѣ въ раннемъ юношескомъ возрастѣ, когда самодѣятельность его еще не проявилась.

Вліяніе второго рода, *внѣшнее*, или *механическое*—результатъ стремленія возсоздать въ своемъ произведеніи сюжетъ, типъ, образъ, или картину, найденную у другого писателя и прельстившую его своей красотой. Такому *внѣшнему* вліянію писатель можетъ поддаться *сознательно*, или

---

[1]) Изъ такихъ сюжетовъ укажу еще нѣсколько: „дѣвушка топится отъ несчастной любви", „столкновеніе отцовъ и дѣтей", „столкновеніе долга съ эгоистическими разсчетами".

безсознательно; въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ случай *безсознательной реминисценціи* (воспоминаніе), незамѣтной для самого автора, но уловимой для критика.

Сущность внѣшняго вліянія.

Факты такого «внѣшняго» вліянія мы можемъ наблюдать въ литературной жизни не только жалкаго писаки, но и генія. Въ этомъ случаѣ писатель беретъ у другого образъ, сюжетъ, картину, не взявъ чужого освѣщенія, сохраняя свой духъ независимымъ. Пушкинъ былъ подъ вліяніемъ Байрона, и заимствовалъ у него напр., манеру описывать картины южной природы въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»; сюжетъ «Кавказскаго Плѣнника» заимствовалъ у Шатобріана.

Литературныя направленія.

Съ вопросомъ о литературныхъ вліяніяхъ тѣсно связано понятіе о *литературныхъ направленіяхъ*, о литературныхъ школахъ. Сильный талантъ создаетъ произведеніе, которое для общества имѣетъ смыслъ «новаго» слова и вызываетъ подражанія. Если такихъ подражаній много, то изъ нихъ складывается литературное *направленіе*, образовывается *школа*. Легче копировать картину, чѣмъ рисовать съ натуры. «Подражатели»—это живописцы, рисующіе пейзажи съ готовыхъ образцовъ—они несвободны въ манерѣ письма, въ выборѣ сюжета и типовъ...

Все, что здѣсь говорится о видахъ вліяній, о «направленіяхъ», относится къ литературѣ новой, «печатной». Изученія устнаго, письменнаго и печатнаго творчества совершенно различны по своимъ пріемамъ.

Пріемы изученія литературы а) новой.

§ 6. *Пріемы изученія литературы.* Эти пріемы въ значительной мѣрѣ несходны при изученіи произведеній древней и новой литературы. Когда мы изучаемъ какое-нибудь произведеніе новой литературы, мы прежде всего стараемся выяснить *личность писателя*, *настроенія современной ему эпохи и той общественной группы*, къ которой онъ принадлежалъ. Затѣмъ мы опредѣляемъ *литературныя вліянія*, которыя могли имѣть для него значеніе.

b) древней.

Гораздо сложнѣе изученіе произведеній древней литературы. Отсутствіе имени автора и хронологической даты, и то обстоятельство, что произведенія XI—XII вв. иногда сохранились только въ спискахъ позднихъ XIV—XV вв.—очень осложняетъ дѣло опредѣленія, кому принадлежитъ то или другое произведеніе и когда оно написано. Кромѣ того, при отсутствіи имени автора, невозможно сразу рѣшить вопросъ, оригинальное это произведеніе, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, стремясь къ опредѣленію личности писателя, къ выясненію настроенія современной произведенію эпохи и литературныхъ ея вліяній, изслѣдователь древней литературы идетъ болѣе сложнымъ путемъ. Ему надо, прежде всего, опредѣлить, оригинальный ли передъ нимъ памятникъ, или нѣтъ. Если среди сочиненій, несомнѣнно переводныхъ, отыщется такое же произведеніе, или сходное, то есть основаніе думать, что изучаемое произведеніе не оригинальное; тогда перечитываютъ соотвѣтствующія произведенія византійской, южно-славянской литературъ и, путемъ сравненія, стараются выяснить степень оригинальности интересующаго насъ памятника со стороны содержанія и композиціи.

Опредѣленіе мѣста и времени происхожденія произве-

Чтобы опредѣлить *мѣсто* и *время происхожденія* произведенія, надо изучить *языкъ*, которымъ написана рукопись. Языкъ всѣхъ старыхъ произведеній—церковно-славянскій, испорченный примѣсью болгаризмовъ, сербизмовъ и руссизмовъ. *Лингвистика* (ученіе о языкѣ) выяснила всѣ осо-

бенности трехъ родственныхъ славянскихъ нарѣчій, и потому преобладаніе въ языкѣ рукописи тѣхъ или другихъ особенностей—ясное указаніе на то, откуда явилось изучаемое произведеніе. деніе—Лингвистика. а) языкъ.

Напр., къ *руссизмамъ* относится: 1) отсутствіе носовыхъ гласныхъ (вм. ѫ—у, вм. ѧ—я, я; напр., воду вм. водѫ, воля вм. волѧ). Эти гласные исчезли у русскихъ еще въ XI в.; 2) Зубныя согласныя смягчились въ *ж* и *ч* (церк.-слав. виждѫ—др.-русск. вижю; пештъ—печь); 3) Полногласіе (церк.-слав. *ра, ла* въ др.-русск. *оро, оло*; ц.-слов. *рѣ—ере;* напр., вранъ—воронъ; брѣгъ—берегъ). Это—наиболѣе характерныя особенности древне-русскаго языка.

Кромѣ болгаризмовъ, сербизмовъ и руссизмовъ въ рукописяхъ могутъ быть замѣчаемы характерныя черты разныхъ русскихъ *говоровъ*. Изученіе языка памятника, съ этой точки зрѣнія, поможетъ опредѣлить, въ какой мѣстности древней Руси сочинено, или переписано изучаемое произведеніе. Наука, изучающая *говоры*, называется *діалектологіей*. b) говоры.

Напр., главная особенность говора кривичей (Новгородская, Псковская и часть Смоленской губ.)—мѣна *ц* и *ч* (црево—вм. чрево), иногда (въ новгородскомъ говорѣ) мѣна *ѣ* и *и* (узри—вм. узрѣ), иногда (псковской говоръ) мѣна *ж* и *з*, *ш* и *с* (зеланіи—вм. желаніе, вешь—вм. весь).

Особенности языка помогаютъ опредѣлить и *время* происхожденія произведенія. Если списковъ произведенія дошло нѣсколько, то сравненіе ихъ укажетъ, въ какомъ чище церковно-славянскій языкъ—въ большинствѣ случаевъ тотъ и долженъ считаться древнѣе. Присутствіе русскихъ діалектическихъ особенностей (особенностей говоровъ) также можетъ помочь опредѣлить, раньше какого времени не можетъ быть написанъ, или списанъ памятникъ, такъ какъ время образованія говоровъ выяснено учеными приблизительно.

Но одна *лингвистика* иногда бываетъ безсильна въ опредѣленіи времени и мѣста происхожденія памятника. На помощь ей приходитъ *палеографія*—наука, разрѣшающая эти вопросы при помощи изученія внѣшнихъ особенностей стараго письма, матеріала, которымъ пользуется писецъ, и другихъ болѣе мелкихъ особенностей, связанныхъ со вкусами извѣстной эпохи и мѣстности [характеръ украшенія рукописи узорчатыми рисунками (орнаментъ), переплотъ, цвѣтъ красокъ]. Палеографія.

Рукописи писались *уставомъ* (съ XI в.), *полууставомъ* (съ половины XIV в.) и *скорописью* (тоже съ XIV в., но въ XV, особенно XVI—XVII вв., почти исключительно). Буквы каждаго такого вида письма тоже изображались отлично въ зависимости отъ разныхъ эпохъ (напр., одна и та же уставная буква изображалась съ нѣкоторыми различіями въ XI, XII и XIII—XV вв.). Особенности письма зависѣли не только отъ времени, но и отъ мѣста (напр. сѣверо-русская скоропись XV в. отличается отъ юго-западной русской того же вѣка). Письмо.

Всѣ древнѣйшія рукописи писались на *пергаментѣ* (особо выдѣланная телячья кожа). Съ XIV в. появляется тряпичная *бумага;* въ XIV и XV она толста и форматъ ея листа низкій и широкій; въ XVI—XVII она тоньше и листъ уже и выше. Время и мѣсто выдѣлки бумаги опредѣляется „водяными знаками" (каждая бумажная фабрика имѣла свои водяные знаки). Кромѣ бумаги для письма пользовались *берестой*, *лубками* и *досками*. Матеріалъ.

Орнаментъ въ рукописяхъ повторяетъ *византійскіе* типы (растенія и животныя); XIII в. онъ онъ называется *геометрическимъ* (хитрая комбинація круговъ или многоугольниковъ, раскрашенныхъ и заполненныхъ цвѣтами). Во второй половинѣ XIII в. и въ теченіе XIV в. орнаментъ изображаетъ *чудовища* (звѣри и птицы, хитро пере- Орнаментъ.

плетенные ремнями и вѣтвями); съ XV в. чудовищный стиль смѣняется нововизантійскимъ. Въ XVII в. въ модѣ орнаментъ *цвѣточный*, представляющій систему букетовъ, листьевъ въ гирляндахъ и плетеніяхъ.

Опредѣленіе редакцій, варіантовъ.

Когда установлена *оригинальность* рукописи, выяснено *мѣсто* и *время* ея происхожденія, изучаются *списки* ея и, путемъ сличенія, устанавливаются *варіанты* и опредѣляется, какой изъ списковъ первичный, основной, какія являются его искаженіемъ—передѣлкой, сокращеніемъ, или распространеніемъ [1]). Рукопись, въ которой текстъ является сознательно измѣненнымъ въ силу извѣстныхъ соображеній переписчика, называется *редакціей* основного текста [2]). Такихъ *редакцій* иногда бываетъ нѣсколько. Редакціи, которымъ подвергается одно и то же произведеніе въ теченіе вѣковъ, очень интересуютъ ученыхъ, такъ какъ позволяютъ имъ усмотрѣть, какъ интересы времени отражались на одномъ и томъ же произведеніи, что̀ интересовало въ немъ русскаго читателя XI—XII вв., что́ перестало интересовать въ XV—XVI вв. Благодаря такимъ наблюденіямъ, удается установить очень любопытный фактъ, что древняя литература полна движенія и, подобно новой, хотя и по своему, является отраженіемъ интересовъ и настроенія исторической жизни Россіи съ XI до XVII вв.

Кіевская Русь.

§ 7. *Кіевская Русь (до половины XIII в.).* (Періодъ общерусскій, до-монгольскій). Приднѣпровье, колыбель нашего просвѣщенія, задолго до принятія христіанства находилось подъ перекрестнымъ огнемъ различныхъ вліяній. Великій водный путь, соединяющій Скандинавію съ Византіей, близость къ западнымъ славянамъ, которые соприкоснулись съ нѣмцами, сосѣдство со степью, откуда шли постоянныя вліянія востока,—все это издавна дѣлало славянъ, жившихъ по Днѣпру, народомъ, въ которомъ мирно уживались самыя различныя культурныя воздѣйствія [3]).

Вліяніе Византіи.

Изъ указанныхъ воздѣйствій самымъ замѣтнымъ было *византійское*. Богатая Византія, съ ея роскошной, утонченной жизнью, всегда привлекала алчное вниманіе варваровъ. Она отбивалась отъ нихъ оружіемъ, откупалась золотомъ, или подчиняла ихъ себѣ при помощи креста и культуры. То и другое шло рядомъ: принятіе христіанства обусловливало церковную, а отчасти и политическую зависимость, а, съ другой стороны, открывало свободный путь новымъ идеямъ, вело къ новой культурной жизни.

Культурное

Византія въ моментъ соприкосновенія съ славянами была го-

---

[1]) Иногда изученіе рукописи идетъ обратнымъ путемъ: сперва устанавливаются варіанты, потомъ изслѣдуется мѣсто и время происхожденія.

[2]) Напр., въ цѣляхъ приспособленія къ вкусамъ времени, кое-что въ старой рукописи выбрасывается, кое-что вставляется.

[3]) О культурномъ состояніи Руси, поскольку оно выразилось въ народномъ творчествѣ, см. выше въ 1-омъ выпускѣ I-ой части этой книги главы: „Природа и поэзія", „Жизнь и поэзія".

сударствомъ, морально и политически расшатаннымъ: въ немъ было больше показного блеска, чѣмъ силы. Роскошь и развратъ, „служеніе плоти", уживались здѣсь рядомъ съ отрицаніемъ этой „плоти" въ видѣ аскетизма, иногда фанатически-строгаго. Церковь византійская была въ то время полна волненія: готовилось раздѣленіе церквей, разросталась взаимная ненависть восточной церкви и западной. Жизнь высшаго общества не отвѣчала идеаламъ христіанства и вызывала обличенія; народъ еще держался за свои полустертыя языческія традиціи; въ самой византійской церкви были ереси и расколы. Все это придавало боевой, нервно-*полемическій характеръ* тогдашней церковной византійской литературѣ. Обостренность отношеній церкви къ обществу вела многихъ къ особому сосредоточенію вниманія на вопросахъ церковнаго характера, —отсюда исключительность, *односторонность интересовъ* мыслящей части общества въ сторону церковныхъ вопросовъ [1]). Состояніе Византіи.

Самое пониманіе христіанства исказилось, приняло у массы формальный характеръ: споры о догматахъ, богословскія пренія объ обрядахъ и толкованіяхъ разныхъ мѣстъ Св. Писанія оттѣснили моральную сторону христіанскаго ученія на второе мѣсто. Самый аскетизмъ, вышедшій изъ моральныхъ побужденій, исказилъ и изуродовалъ христіанское ученіе, придавъ ему одностороннее толкованіе, какъ исключительно-фанатическую ненависть къ радостямъ земной жизни [2]). Конечно, нѣкоторыя творенія св. отцовъ Пониманіе христіанства въ Византіи.

---

[1]) См. выше въ 1-мъ выпускѣ I-ой части этой книги главу: „Христіанство и поэзія".

[2]) „Христіанство было религіей, возникшей на обломкахъ міровыхъ культуръ древности. Его значеніе заключалось въ объединеніи отживавшихъ вѣковыхъ цивилизацій, въ сознаніи равенства всѣхъ, въ отрицаніи народныхъ, государственныхъ отличій и преимуществъ. Отсюда его космополитизмъ, отсюда его быстрое распространеніе. Идейное содержаніе христіанства сводилось къ борьбѣ со зломъ. Съ такой точки зрѣнія, вся исторія человѣчества распадалась на три періода: 1) грѣхопаденіе первыхъ людей—побѣда зла; 2) іудейство — приготовленіе къ побѣдѣ надъ нимъ; 3) христіанство — побѣда, одержанная надъ зломъ, покореніе царства Антихриста. Понятіе „зла" воплощалось въ плоти, „добра"—въ духѣ. Отсюда раздвоеніе личности на два начала: духъ и плоть, civitas Dei и civitas diaboli. Между этими двумя началами вѣчная борьба".

„Отсюда отвращеніе отъ всего языческаго, какъ дѣла плоти,—отъ народныхъ пѣсенъ и свѣтскихъ развлеченій. Отсюда аскетическія легенды, въ которыхъ демонъ-искуситель есть богъ плоти. Личность человѣка въ этой борьбѣ добра и зла теряла самосознаніе, свободу воли. Идеаломъ такъ понятаго христіанства была побѣда надъ зломъ, освобожденіе отъ путъ, которыя приковывали духъ къ землѣ, къ ея радостямъ и горестямъ, къ ея суетѣ. Свобода духа отъ власти золота вела къ самовольной нищетѣ, свобода отъ утѣхъ плоти—къ дѣвственности... Отъ побѣды надъ плотью христіанство, въ его крайнихъ выраженіяхъ, шло къ преслѣдованію плоти „ради преслѣдованія"—отсюда крайній аскетизмъ, мученичество безъ мучителей, „юродство Христа

проникнуты истинно-христіанскими настроеніями, но рядовые служители церкви не стояли на высотѣ такого пониманія религіи. Понятно поэтому, что новообращеннымъ христіанамъ византійская церковь несла и свою нетерпимость, и свою односторонность, и свой формализмъ.

Отнюдь такія узко-религіозныя настроенія не распространялись на все общество,—если одни были поглощены церковными интересами, то очень многіе оставались равнодушны къ церкви и развлекались только радостями жизни. Но, при общемъ паденіи образованности, эта часть общества оставалась равнодушной къ наукамъ и къ искусствамъ. Вотъ почему для ихъ процвѣтанія не было мѣста въ Византіи. Самая борьба съ язычествомъ вела къ преслѣдованію старой культуры. Имена великихъ философовъ древности теперь оказывались нужными только для ихъ обличенія. Иконоборцы, отрицавшіе, съ церковной точки зрѣнія, изображенія Божества, конечно, не могли терпимо относиться къ произведеніямъ древней скульптуры. Если, порой, къ наслѣдію старины враждебное отношеніе и ослабѣвало, то его мѣсто заступало полное равнодушіе.

Самостоятельное творчество Византіи. Самостоятельное творчество Византіи выразилось не только въ сочиненіяхъ церковныхъ (проповѣди, житія, церковныя пѣснопѣнія), но и въ развитіи народнаго эпоса (въ эпоху борьбы съ востокомъ) и въ развитіи идеалистическаго романа [1]. Вѣра

радп". Къ природѣ отношенія христіанства не установились—они колебались между сентиментальнымъ-субъективнымъ, рисовавшимъ природу совершенною, — зеркаломъ Бога—и враждебнымъ, видѣвшимъ въ природѣ царство демона; оттого силы природы казались силами демонскими; изучать эти силы считалось служеніемъ князю зла".

[1]) Изъ византійскихъ романистовъ извѣстны Евстафій (между 850—989 г.), написавшій романъ о любви Исмены и Исменіаса, Ѳеодоръ Продромъ (1118—1180), Никита Евгеніанъ и др. Изъ романовъ очень поэтиченъ „Романъ о Каллимахѣ и Хризорроѣ", „Романъ объ Иракліи" и др. Въ „Романѣ о Каллимахѣ и Хризорроѣ" сказалось отраженіе волшебной сказки. У царя 3 сына: онъ рѣшилъ царство отдать тому, кто наиболѣе отличится. Въ поискахъ приключеній, братья пустились въ путь. Младшій, Каллимахъ, оказался энергичнѣе старшихъ: онъ заставляетъ ихъ взобраться на неприступную гору, добирается до замка Дракона. Съ перстнемъ, который дѣлаетъ его невидимымъ, проникаетъ онъ во дворецъ. Здѣсь онъ видитъ, какъ Драконъ истязаетъ красавицу. Онъ убиваетъ Дракона и освобождаетъ Хризоррою. Она разсказываетъ, какъ Драконъ влюбился въ нее, какъ родители не хотѣли ее отдать ему, и онъ пожралъ всѣхъ обитателей ея царства, а ее заперъ во дворцѣ. Каллимахъ и Хризорроя полюбили другъ друга. Одинъ королевичъ захотѣлъ похитить Хризоррою; злая чародѣйка ему помогаетъ, давъ волшебное яблоко, отъ котораго наступаетъ чудесная смерть Каллимаха, и Хризорроя похищена. Братья Каллимаха видятъ вѣщій сонъ, идутъ и спасаютъ брата. Онъ идетъ разыскивать Хризоррою, нанимается садовникомъ во дворецъ, гдѣ она живетъ. По кольцу, повѣшенному на дерево, она узнаетъ объ его появленіи; происходятъ свиданія. Король узнаетъ объ этомъ, но ихъ прощаетъ и отпускаетъ. Въ этомъ романѣ изъ народной сказки взяты: „чудесный перстень", „волшебное яблоко", „Драконъ", „вѣщій сонъ", „колдунья".

въ торжество добра, вѣчное стремленіе рисовать идеальныхъ героевъ, богато одаренныхъ чисто-христіанскими добродѣтелями,— все это характерно для греческаго романа вообще,—византійскаго въ частности. Нельзя не отмѣтить также элементовъ христіанскаго романа въ тѣхъ апокрифическихъ апостольскихъ евангеліяхъ-дѣяніяхъ [1]) и житіяхъ, въ которыхъ вліяніе стараго греческаго романа чувствуется не только въ идеалистическомъ характерѣ, но и въ самомъ построеніи. Кромѣ этой литературы распространены въ греческомъ народѣ романы-„приключенія“ („Романъ объ Александрѣ“, „Троянская Исторія“), популярны были повѣсти-сказки (напримѣръ, объ Акирѣ Премудромъ, о мальчикѣ, отгадывающемъ загадки, и пр.), фантастическіе разсказы о чудесахъ далекаго Востока („Сказаніе объ индійскомъ царствѣ“, „Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ“), пѣлись народомъ пѣсни о герояхъ борьбы съ врагами родины (Дигенисъ-Акритъ—національный византійскій герой), наконецъ, любимы были волшебныя сказки.

Такъ пестро было содержаніе литературной жизни Византіи въ моментъ соприкосновенія ея съ славянами. Что̀ будетъ ими взято отсюда и усвоено? Книги Св. Писанія, творенія отцовъ **Что взято было южными славянами у Византіи?**

---

[1]) См. въ I т. Историч. Хрестоматіи: „Дѣянія Павла и Теклы“ (стр. 156), „Житіе Іустины и Кипріана“ (151), „Житіе Варлаама и Іоасафа“ (178). Кромѣ этихъ произведеній назову „Романъ о Климентѣ“ (Clementina, Κλημέντινα), еще: „Житія Ксантиппы, Поликсены и Ревекки“. Привожу содержаніе „Романа о Климентѣ“. Онъ—язычникъ и римскій гражданинъ, добродѣтеленъ и думаетъ о смерти. Его тревожатъ думы о томъ, что̀ будетъ за гробомъ; онъ обращается за разрѣшеніемъ этого вопроса къ разнымъ языческимъ мудрецамъ, путешествуетъ по всему свѣту, но не удовлетворяется отвѣтами. Узнавъ о проповѣди Христа, онъ ѣдетъ въ Іудею; здѣсь онъ встрѣчается съ апостоломъ Петромъ. Въ Іудеѣ ему разсказываютъ, что у Іоанна Крестителя были ученица Елена и ученикъ-волхвъ Симонъ. Появляется Симонъ, и, съ цѣлью пріобрѣсти своею проповѣдью больше учениковъ, производитъ разныя чудеса-фокусы. Онъ странствуетъ съ Еленой, указывая, что она—та „высшая мудрость и высшая сущность, изъ-за которой сражались греки и варвары“. Изъ чудесъ Симона интересно созданіе имъ человѣка изъ воздуха. Апостолъ Петръ преслѣдуетъ Симона по пятамъ и разрушаетъ результаты его проповѣди. Климентъ дѣлается ученикомъ Петра, странствуетъ съ нимъ. Однажды онъ сходится съ язычникомъ-философомъ, вѣрящимъ въ боговъ и проповѣдующимъ непреоборимую силу бога любви Эрота. Климентъ опровергаетъ его языческое міровоззрѣніе. Между тѣмъ, Петръ все преслѣдуетъ Симона. Изъ разговора съ Климентомъ Петръ узнаетъ, что у него были братья Фаустинъ и Фаустиніанъ, что отца его зовутъ Фаустомъ и что онъ не знаетъ о судьбѣ родственниковъ. Происходитъ трогательное свиданіе отца, матери и братьевъ Климента. Симонъ, спасаясь отъ гнѣва сотника Корнилія, передаетъ путемъ чарованія свой образъ Фаусту, отцу Климента. Апостолъ Петръ обѣщаетъ его исцѣлить, но требуетъ отъ Фауста, чтобы онъ, пользуясь образомъ Симона, отрекся отъ его ученія всенародно, чтобы народъ подумалъ, что это отрекся самъ Симонъ. Въ этомъ любопытномъ фантастическомъ романѣ живо изображено столкновеніе христіанскаго и языческаго міровоззрѣній. Романъ этотъ въ средніе вѣка былъ популяренъ въ Западной Европѣ, и, вмѣстѣ съ „Дѣяніями Павла“ и „Житіемъ Іустины“ (покореніе сердца дѣвушки при помощи чаръ), легъ въ основу народнаго романа о Фаустѣ (у Гёте во 2-й части „Фауста“ является „Елена“, упоминается homunculus,—человѣкъ, созданный волшебникомъ и т. д.).

церкви, наконецъ, апокрифы и легенды должны были войти къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Но, конечно, этимъ вліяніе Византіи ограничиться не могло: за священными книгами потянулись византійскія повѣсти и сказки и, задолго до христіанства, началось и вліяніе придворной жизни, — усваивалась роскошь жизни, перенимались византійскія потѣхи.

Изъ славянъ особенно сильно испытали вліяніе Византіи славяне южные,—болгары и сербы. Они приняли христіанство отъ Византіи благодаря просвѣтительной дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія.

Свв. Кириллъ и Меѳодій, ихъ жизнь и дѣятельность.

Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ) и Меѳодій были братья, сыновья вельможи Льва, военнаго областного начальника въ Македоніи около г. Солуня. Братья получили по тому времени прекрасное образованіе на родинѣ, а затѣмъ въ Цареградѣ; потомъ Меѳодій поступилъ въ военную службу, а Кириллъ занялъ мѣсто библіотекаря при соборѣ св. Софіи. Спустя нѣкоторое время, онъ сдѣлался преподавателемъ въ высшей цареградской школѣ и, наконецъ, миссіонеромъ. Цѣня въ немъ глубокія богословскія познанія, его посылали на пренія съ иконоборцами и сарацинами. Ради послѣдней цѣли онъ ѣздилъ въ Малую Азію, гдѣ ознакомился и съ восточными христіанскими церквами. Меѳодій, пробывъ десять лѣтъ на военной службѣ, постригся въ монахи въ монастырь, куда изъ Малой Азіи вернулся и братъ его Константинъ. Около 858 года оба брата были посланы съ проповѣдью слова Божьяго къ хозарамъ, жившимъ на югѣ нынѣшней Россіи.

Вернувшись на родину, Меѳодій сдѣлался игуменомъ въ монастырѣ, а Константинъ, отказавшись отъ сана епископа, отдался своимъ богословскимъ занятіямъ. Думаютъ, что въ это время (между 855 и 862 гг.) былъ изобрѣтенъ имъ славянскій алфавитъ. Въ основу его положена азбука греческая; недостающія буквы взяты изъ языковъ восточныхъ (сирійскаго и еврейскаго). Въ это же время приступили братья къ переводу Евангелія на церковно-славянскій языкъ.

Когда началось раздѣленіе церквей, обѣ церкви обнаружили особую ревность въ привлеченіи къ себѣ народовъ, новообращенныхъ, но еще не утвердившихся въ вѣрѣ. Такъ, въ славянскихъ земляхъ столкнулись миссіонеры западной и восточной церкви. Ради этой борьбы Константинъ и Меѳодій оставили свое уединеніе и отправились въ славянскія земли съ готовымъ церковно-

славянскимъ алфавитомъ и переведеннымъ Евангеліемъ. Такимъ образомъ, для проповѣди они оказались лучше вооруженными, чѣмъ миссіонеры западной церкви. Прежде всего, они явились въ Моравію, куда ихъ звалъ князь Ростиславъ, недовольный миссіонерами латинскими, съ ихъ богослуженіемъ и книгами на непонятномъ для народа языкѣ. Изъ Моравіи ихъ проповѣдь распространилась и на Паннонію. Вездѣ она имѣла успѣхъ: „отверзлись", говоритъ житіе св. Константина, „уши глухихъ къ слышанію книжныхъ словъ и службъ, и у нѣмыхъ сталъ ясенъ языкъ". Римъ остался недоволенъ успѣхами братьевъ и осудилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ; латинскіе богословы утверждали, что славить Бога можно только на трехъ языкахъ, на которыхъ сдѣлана была надпись на крестѣ (латинскій, греческій и еврейскій). Братья были вызваны въ Римъ, и здѣсь имъ удалось отстоять свое дѣло. При нихъ, въ соборѣ св. Павла, впервые было совершено богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Константинъ въ Римѣ постригся въ монахи, подъ именемъ Кирилла, и здѣсь скончался въ 869 г. Меѳодій одинъ вернулся въ Моравію и продолжалъ свое святое дѣло. Неудовольствіе, вызванное его трудами въ средѣ латинскаго духовенства, сдѣлало его жертвою новыхъ козней, — и онъ два года высидѣлъ въ тюрьмѣ зальцбургскаго архіепископа. Затѣмъ ему пришлось опять ѣхать для оправданія въ Римъ. И на этотъ разъ ему удалось оправдаться: славянское богослуженіе вторично было признано Римомъ. По возвращеніи въ Моравію онъ, несмотря на постоянную борьбу съ кознями враговъ, продолжалъ свою апостольскую дѣятельность [1]), и свои литературные труды надъ переводами св. книгъ [2]). Послѣ его смерти (885 г.) ученики его не смогли устоять въ борьбѣ съ латинскимъ духовенствомъ, потеряли свою паству въ Польшѣ, Чехіи и Моравіи и ушли на востокъ,—главнымъ образомъ, въ Болгарію.

Дѣятельность учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія. „Золотой вѣкъ болгарской письменности.

Въ половинѣ IX-го вѣка болгарскій князь Борисъ-Михаилъ принялъ христіанство. Сынъ его Симеонъ (892—927) былъ царемъ болгарскимъ, большимъ покровителемъ просвѣщенія. Его царствованіе называется „золотымъ вѣкомъ болгарскаго просвѣщенія". Онъ оказалъ широкое гостепріимство ученикамъ свв.

---

[1]) Крестилъ чешскаго князя Боривоя, удачно распространялъ при помощи учениковъ проповѣдь въ Силезіи и Польшѣ.

[2]) Переведена была почти вся Библія, Номоканонъ и, вѣроятно, сочиненія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и нѣкоторыхъ другихъ отцовъ церкви.

братьевъ—Клименту, Горазду, Науму, Ангеляру и Саввѣ. Дворъ его былъ устроенъ въ подражаніе двору византійскаго императора. Самъ образованный на греческій ладъ, онъ покровительствовалъ всѣмъ ученымъ и принималъ горячее участіе въ ихъ литературной дѣятельности, переводя книги съ греческаго на славянскій. Ему посвященъ сборникъ различныхъ статей, извѣстный въ древне-русской письменности подъ названіемъ „Святославова Изборника". Самъ царь, говорятъ, перевелъ нѣкоторыя слова Іоанна Златоуста для сборника, носящаго названіе „Златоструй".

Изъ современниковъ царя Симеона очень извѣстенъ Іоаннъ, „экзархъ болгарскій", который сочинилъ „Шестодневъ". Это произведеніе заключаетъ въ себѣ толкованіе первыхъ главъ Библіи о твореніи міра. При сочиненіи своего разсужденія Іоаннъ широко воспользовался трудами отцовъ церкви—Василія Великаго, Іоанна Златоуста, а также мнѣніями Платона, Аристотеля, Ѳалеса, Діогена—на нихъ, впрочемъ, ссылается онъ для того, чтобы ихъ опровергать. Все сочиненіе проникнуто глубокимъ религіознымъ настроеніемъ, воодушевлено любовью къ природѣ.

При Симеонѣ и его ближайшихъ преемникахъ (X—XII в.) были сдѣланы многочисленные переводы твореній отцовъ церкви. Кромѣ этихъ чисто-церковныхъ сочиненій, извѣстны: вышеупомянутый сборникъ (въ 1073 г. переписанный для русскаго князя Святослава), историческіе труды—хроники и хронографы, и, наконецъ, свѣтскія произведенія,—романы и повѣсти—„Александрія" („Романъ объ Александрѣ"), „Сказанія о Троянской войнѣ" „Синагрипъ, царь Адоровъ" („Слово о премудромъ Акирѣ"), „Девгеніево Дѣяніе", „Исторія Варлаама и Іоасафа" и др. Но чѣмъ особенно богата была Болгарія — это апокрифами и легендами. Язычество, пустившее корни въ Болгаріи, не безъ борьбы уступило мѣсто христіанству и примирилось съ нимъ, лишь исказивъ его: результатомъ такого примиренія было образованіе нѣкоторыхъ ересей; конечно, не обошлось здѣсь и безъ вліянія византійскихъ религіозныхъ смутъ. Изъ такихъ ересей особенно

„Богомильство" и поэтическое значеніе этой ереси.

извѣстно было „богомильство", признававшее въ мірозданіи и міроуправленіи дуализмъ, т. е. сосуществованіе двухъ силъ—доброй (Богъ) и злой (дьяволъ).

Согласно ученію богомиловъ, плоть человѣка создана Сатанаиломъ, сыномъ Божіимъ, но оживить этой плоти онъ не могъ; по его просьбѣ душу вдунулъ въ созданнаго человѣка Богъ; за такую услугу Сатанаилъ обѣщалъ Богу, что живой человѣкъ будетъ одинаково принадлежать имъ

обоимъ. Но впослѣдствіи Сатанаилъ всегда стремился завладѣть бо́льшимъ количествомъ людей; весь Ветхій Завѣтъ—эпоха его царствованія: онъ далъ законъ Моисею, говорилъ черезъ пророковъ, и люди были во власти его. Родъ человѣческій спасенъ былъ отъ его власти Христомъ, Который побѣдилъ Сатанаила, заключилъ его въ безднахъ ада и назвалъ его Сатаной. Богомилы, кромѣ того, утверждали, что земля держится на двухъ рыбахъ, что міръ созданъ сатаною, который получилъ отъ Бога власть на семь дней, что сатана возгордился и возсталъ, былъ побѣжденъ Михаиломъ, но владѣлъ міромъ до пришествія Спасителя. Обозрѣвая свои владѣнія, онъ спустился съ неба на землю, вошелъ въ ея нѣдра, тамъ нашелъ огонь неугасимый. Разсказъ о нырянія дьявола въ море и о созданіи имъ міра изъ песку встрѣчается и въ русскихъ легендахъ; извѣстный разсказъ о томъ, что земля держится на трехъ китахъ, самое представленіе діавола, какъ какого-то существа, независимаго отъ Бога, только слабѣе Его,—все это отзвуки богомильства. Богомилы вели праведный, строгій образъ жизни, но особенно увлекали народную массу фантастическими разсказами о самыхъ сокровенныхъ тайнахъ,—о твореніи міра, о спасеніи души, о будущихъ судьбахъ. Ихъ проповѣдь имѣла успѣхъ даже на Западѣ: секты патареновъ, катаровъ, альбигойцевъ возникли изъ этого славянскаго источника и распространились по южной Франціи и Италіи. Творчество богомиловъ особенно сказалось въ поэтизаціи, передѣлкахъ и распространеніи въ массѣ «апокрифовъ» (ложныя сказанія о лицахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, главнымъ образомъ, о сотвореніи міра) и легендъ, которыя имѣли значеніе въ глазахъ народа своимъ содержаніемъ, фантастическимъ, полнымъ поэзіи.

„Южнославянское“ вліяніе на Русь сказалось въ перенесеніи къ намъ изъ Болгаріи не только священныхъ книгъ на старо-славянскомъ языкѣ, и переводовъ твореній отцовъ церкви, но и многихъ религіозно-поэтическихъ созданій, иногда съ ярко-выраженными богомильскими настроеніями. Вліяніе Византіи на русскую письменность сказалось сильно, главнымъ образомъ, благодаря этому посредничеству южныхъ славянъ.

§ 8. *Переводная литература въ Кіевской Руси.* Въ начальный періодъ своего существованія русская литература была почти исключительно переводной: изъ дошедшихъ до насъ произведеній древней русской литературы, можно сказать, 99% принадлежитъ переводамъ, лишь 1%—произведеніямъ оригинальнымъ. (Переводная литература въ Кіевской Руси)

Переводы почти всѣ сдѣланы были у южныхъ славянъ, и отъ нихъ перенесены къ намъ въ Кіевъ. Только немногія произведенія могли быть переведены въ Россіи (ср. указаніе лѣтописи, что Ярославъ собиралъ переводчиковъ у себя: „собра писцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на словѣнское писмо“).

Книги, переведенныя у южныхъ славянъ (особенно въ Бол-

гаріи при царѣ Симеонѣ),—или приносились къ намъ пришлымъ духовенствомъ (первые кіевскіе митрополиты были греки), или выписывались русскими „книголюбцами“—князьями и духовными лицами (такъ, напримѣръ, св. Ѳеодосій Печерскій выписывалъ книги для своего монастыря). Что касается до качества переводовъ, то выше тѣ, которые сдѣланы раньше; лучшіе принадлежатъ кирилло-меѳодіевской эпохѣ и эпохѣ царя Симеона.

Между переводными сочиненіями нѣтъ совершенно греческихъ классиковъ; о поэтахъ и драматургахъ наши предки ничего не знали, съ отдѣльными мнѣніями древнихъ философовъ могли знакомиться только по твореніямъ св. отцовъ, да въ сборникахъ, въ родѣ „Пчелы“.

Съ отдѣльными фактами изъ греческой исторіи знакомились они въ переводныхъ „хроникахъ“; свѣдѣнія изъ естественной исторіи и географіи тоже доходили до нихъ въ отрывкахъ лишь, въ той мѣрѣ, въ какой допускали ихъ въ свои труды византійскіе компиляторы. Изъ „свѣтскихъ“ произведеній ихъ интересовали только нехитрые романы, сказки въ родѣ „Александріи“. За то все вниманіе русскаго книжника устремлено было на сочиненія церковныя. Это и понятно: до оцѣнки красотъ Софокла и Эсхила, наши предки, какъ и другіе европейскіе народы X—XI вв., еще не доросли. Самимъ византійскимъ грекамъ все это богатое наслѣдіе древней Еллады было не по плечу,—только ученые занимались изученіемъ и собираніемъ оставшихся рукописей,—общество относилось къ нимъ равнодушно.

Переводы св. Писанія.

§ 9. *Переводы Св. Писанія.* Относительно времени перевода книгъ Ветхаго Завѣта нельзя сказать ничего точнаго; можно думать, что древняя Русь знала только отрывки Библіи [1]); лишь отъ XV в. остался одинъ полный ея списокъ. Изъ болѣе популярныхъ въ древней Руси библейскихъ отрывковъ извѣстны книги Іова, Пѣснь Пѣсней, книги Премудрости Соломона и Іисуса сына Сирахова. Богослужебное Евангеліе [2]) переведено было еще св. Кирилломъ.

---

[1]) Извлеченія изъ книгъ Ветхаго Завѣта въ приспособленіи къ богослуженію (Паремейникъ) сдѣланы были еще св. Кирилломъ.

[2]) Это Евангеліе Недѣльное (апракосъ), то есть расположенное не по Евангелистамъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ главъ, а по недѣлямъ, то есть, по воскресеньямъ, начиная съ Пасхи, въ порядкѣ церковной службы, спачала по праздникамъ подвижнымъ (по Тріоди Цвѣтной, отъ Пасхи до Пятидесятницы, и по Тріоди Постной, отъ Масляной недѣли до Страстной), потомъ по праздникамъ неподвижнымъ, именно по мѣсяцеслову.

Остромирово Евангеліе (1056—1057) принадлежитъ къ такимъ же служебнымъ Евангеліямъ, носящимъ названіе «апракосъ» (обыкновенное называется «тетръ»). «Остромировымъ» оно называется потому, что оно было списано для Остромира, родственника кн. Изяслава Ярославича, въ Новгородѣ дьякономъ Григоріемъ. Между текстами Евангелія помѣщенъ здѣсь синаксарій (перечень праздниковъ святыхъ по числамъ мѣсяца). Остромирово Евангеліе—одно изъ самыхъ древнихъ произведеній, сохранившихъ въ наиболѣе чистомъ видѣ особенности церковно-славянскаго языка. Поэтому лица, изучающія церковно-славянскій языкъ, всегда знакомятся съ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ XI в., великолѣпнымъ по своей внѣшности (находится въ Спб. Публичной библіотекѣ). Остромирово Евангеліе.

Очень рано появился у насъ и переводъ Четвероевангелія (1143 г.). Впослѣдствіи было сдѣлано нѣсколько новыхъ переводовъ, но всѣ они хуже этихъ древнѣйшихъ. Изъ книгъ Ветхаго Завѣта любимой на Руси была „Псалтырь". Ее усиленно предлагали вниманію русскаго человѣка духовные пастыри. Нападая на мірскія забавы, пѣсни и пляски, одинъ обличитель говорилъ: „поганьско то есть, а не крестьянско... Блудская то есть краса и радость бѣсящихся отрокъ, а крестьянска суть гусли прекрасная, доброгласныя псалтыря". „То ти драго есть веселіе, то ти преславная есть пѣснь, со ангелы ны совокупляюща!" „На что тебѣ, христіанину, гудокъ и свирѣль?"—говоритъ другой,—„у тебя есть гусли псалтырныя, на что тебѣ пѣсни?—у тебя есть псалмы". „Псалмы" царя Давида.

Въ псалмахъ царя Давида прежде всего видѣли религіозную сторону, но, несомнѣнно, красота формы, музыка стиля, глубокій лиризмъ, переходящій отъ возвышеннаго паѳоса до стоновъ и воплей униженной и оскорбленной души, должны были непримѣтно входить въ сердце читателя и имъ овладѣвать.

При чтеніи «псалмовъ» передъ нами широко открывается душа псалмопѣвца-царя. Его первые псалмы полны такимъ восторженнымъ экстазомъ, который могъ овладѣть человѣкомъ, у котораго «отверзлись вѣщія зѣницы»—и онъ узрѣлъ въ священномъ восторгѣ Творца вселенной въ ореолѣ дивной красоты. «Ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ; благодать излилась изъ устъ Твоихъ; препояшь себя по бедру мечомъ Твоимъ... и въ семъ украшеніи возсядь на колесницу ради истины и кротости и правды, и десница Твоя покажетъ Тебѣ дивныя дѣла» (пс. 44).

Къ восхваленію Творца поэтъ призываетъ всю природу. «При звукѣ трубъ и рога торжествуйте предъ Царемъ Господомъ», «Да веселятся небеса и да торжествуетъ земля; да шумитъ море и что наполняетъ его, да радуется поле и все, что на немъ, и да ликуютъ всѣ дерева дубравныя предъ лицемъ Господа!» (пс. 95). «Да шумитъ море и что наполняетъ его, вселенная и живущіе въ ней; да рукоплещутъ рѣки, да ликуютъ вмѣстѣ горы!» (пс. 97).

Поэтъ самъ падаетъ ницъ передъ могуществомъ Бога, Его правосу-

діемъ и мудростью. То заставляя въ своихъ пѣсняхъ говорить самого Господа, «укрощающаго шумъ морей и мятежъ народовъ», то говоря отъ себя, то влагая рѣчь въ уста «природы»,—поэтъ создаетъ такую величественную картину мірозданія, которая невольно овладѣваетъ читателемъ. Потомъ широкіе и свободные аккорды божественныхъ гимновъ смѣняются тревожными звуками тоски. Могучія крылья его духа ослабѣли—его выспреннее паренье предъ лицомъ Творца смѣняется паденьемъ: «Я погрязъ въ глубокомъ болотѣ, и не на чемъ стать, вошелъ во глубину водъ, и быстрое теченіе ихъ увлекаетъ меня» (пс. 68). Онъ на землѣ, но еще не сводитъ своихъ тоскующихъ очей съ свѣтозарнаго лика Творца—только «въ Богѣ успокаивается душа» пѣвца. «Только Онъ—твердыня моя, спасеніе мое, убѣжище мое: не поколеблюсь болѣе» (пс. 61). Псалмопѣвца гнететъ міръ, съ его суетой, люди оскорбляютъ его. Немудрено, что «чужимъ сдѣлался онъ для брата своего» и еще съ большею страстью, «какъ зеленѣющая маслина» (пс. 51), обратился къ одному Богу. Нѣтъ ему утѣшенія на землѣ. «Не сплю и сижу, какъ одинокая птица на кровлѣ» (пс. 101)—восклицаетъ онъ. Но наступаетъ моментъ, когда эта тоска, смягченная надеждой, смѣняется ужасомъ отчаянья. Ему чудится, что Богъ отвратилъ отъ него, поверженнаго на землю, безкрылаго пѣвца, свой божественный ликъ—поэтъ теряетъ свой свѣточъ,—и со всѣхъ сторонъ наступаютъ на него черной толпой мірскія суеты, земное ничтожество, злоба и отчаянье... Послѣ пѣсни ужаса и отчаянья опять слышится примиреніе съ Богомъ и заканчивается пѣснопѣніе Давида торжественнымъ гимномъ во славу Бога. Въ своихъ псалмахъ ветхозавѣтный поэтъ возвышается до моленія за весь родъ человѣческій, за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ земли. Величественный Іегова, «предъ очами» котораго «тысяча лѣтъ—какъ день вчерашній», для котораго жизнь человѣка и жизнь былинки—то же самое, отъ прикосновенія котораго трепещутъ бездны—сливается съ кроткимъ образомъ Бога сиротъ и Судіи вдовамъ... Величіе Бога, ничтожество человѣка и вселенной—мотивъ, проходящій красной нитью чрезъ всѣ псалмы... Поэтическіе образы и картины, метафоры, самыя смѣлыя сравненія, антитезы, воззванія, олицетворенія—широкой волной льются передъ нами, обличая удивительное богатство духа псалмопѣвца... «Все погибнетъ», поетъ онъ,—«а Ты пребудешь! Всѣ, какъ риза, обветшаютъ и, какъ одежду, Ты перемѣнишь ихъ—и измѣнятся» (пс. 101). «Дни человѣка, какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его» (пс. 102)

Мы знаемъ, что Владиміръ Мономахъ въ минуту тоски читалъ Псалтырь. Литературной стороной своей они отразились и на „Словѣ о полку Игоревѣ“, и на церковныхъ христіанскихъ пѣснопѣніяхъ (канонахъ), и на „Моленіи Даніила Заточника“, и на лѣтописи. Конечно, при всей своей популярности, Псалтырь въ то время не для всѣхъ былъ доступенъ и интересенъ—для сознанія человѣка, не простившагося еще со своими богами, былъ недоступенъ глубокій драматизмъ души поэта, его восторги

и пареніе къ Богу, отчаяніе и паденіе. „Псалмы“ оказали громадное вліяніе и на изящную литературу; начиная съ XVII в. до XIX-го почти всѣ русскіе писатели перепробовали свои силы на „переложеніи“ псалмовъ [1]).

Житія святыхъ.

§ 10. *Житія святыхъ.* Житія святыхъ были тоже любимымъ чтеніемъ „образованныхъ“ людей древней Руси: можно сказать, что эти произведенія въ свое время замѣняли собою всю теперешнюю изящную литературу. Они учили русскихъ людей идеаламъ строгой жизни; своими разсказами о чудесахъ и видѣніяхъ они занимали воображеніе, настроенное на религіозный ладъ. Для многихъ русскихъ людей разсказъ о подвигахъ какого-нибудь святого навсегда опредѣлялъ ихъ жизнь. Идеалы самоотреченія, высокой духовной доблести, почерпнутые изъ житій, помогли многимъ стоять честно и твердо въ борьбѣ церкви со свѣтской властью (столкновенія князей съ монастырями изъ-за имущества, съ епископами и священствомъ изъ-за паствы или княжескихъ междоусобій); эти идеалы выработали немало энергичныхъ проповѣдниковъ и распространителей слова Божьяго среди инородцевъ. Главнымъ образомъ, благодаря чтенію житій въ міросозерцаніе многихъ людей древней Руси вкоренился духъ аскетизма — отрицаніе плоти и всей „внѣшней жизни“. Всѣ помыслы этихъ людей, покоренныхъ такимъ одностороннимъ пониманіемъ христіанства, устремлялись въ загробную жизнь; земная жизнь казалась имъ лишь подготовленіемъ къ будущей, вѣчной; какъ надо было къ ней приготовляться, — этому учили житія. Оттого такъ распространено было у насъ *монашество.* Даже князья часто покидали „міръ“. Кто въ теченіе жизни въ житейской суетѣ не успѣвалъ подумать о „царствѣ Божьемъ“ — тотъ часто передъ смертью всѣми угасающими своими мыслями тянулся къ завѣтамъ святыхъ мучениковъ: былъ обычай передъ кончиной постригаться, принимать схиму, чтобы на страшномъ судѣ стоять въ ряду великихъ подвижниковъ.

До нашихъ дней раскольники, особенно живущіе вдали отъ культурной жизни, чуждаются царства „антихриста“ — т. е. царства земли, плоти, интересовъ тѣла, и живутъ тѣми идеалами аскетизма, которые, главнымъ образомъ, почерпались у насъ изъ житій.

---

[1]) Напр. Симеонъ Полоцкій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ и др. Ср. также прекрасное стихотвореніе Хомякова „По прочтеніи псалма“ („Земля трепещетъ..“).

Вліяніе житій на русскую письменность.

Литературное вліяніе житій, прежде всего, сказалось на русской подражательной литературѣ. Многія житія русскихъ святыхъ повторяютъ чудеса святыхъ греческихъ [1]). Но, кромѣ того, житія затрогивали народное творчество фантастикой чудесъ и видѣній, подъ ихъ вліяніемъ складывались свѣтскія *повѣсти*, въ которыя входили элементы житія [2]), создавались *легенды*, гдѣ народное воображеніе творило около какого-нибудь святого такой фантастическій міръ, что церковь отметала такое произведеніе, какъ неправдоподобное и ею непровѣренное [3]). Подъ вліяніемъ житія создавались *духовные* стихи—лироэпическія поэмы о богатыряхъ слова Божьяго [4]). Житія пустили въ обиходъ народнаго творчества очень много разсказовъ, которые вошли въ народную сказку [5]), даже былину [6]). Нѣкоторые сюжеты изъ житій попали и въ изящную литературу [7]). Многіе разсказы житійной литературы сдѣлались ходячими. Такъ акад. Соболевскій указываетъ, что источникъ народнаго вѣрованья, будто съ сырой водой можно проглотить змѣйку, которая затѣмъ выростетъ въ желудкѣ,—коренится въ житіи св. Симеона, гдѣ святой изгоняетъ такую змѣю изъ одного человѣка.

Всѣ эти единичные факты, число которыхъ можетъ быть значительно увеличено, свидѣтельствуютъ о громадномъ значеніи житій и въ культурномъ, и въ поэтическомъ развитіи русскаго народа.

Минеи, Патерики, Прологи.

Житія дошли до насъ или въ отдѣльныхъ спискахъ, или въ сборникахъ общаго содержанія, или сборникахъ спеціально-житій-

---

[1]) Напр., въ житіи св. Ѳеодосія есть разсказъ о томъ, какъ, благодаря молитвѣ святого пустой закромъ наполнился мукой. Разсказъ о томъ, какъ св. Іоаннъ архіепископъ новгородскій поймалъ въ рукомойникѣ бѣса, перекрестилъ его, сдѣлалъ покорнымъ и на немъ леталъ въ Іерусалимъ на богослуженіе—встрѣчается въ житіи Георгія Синайскаго.

[2]) Напр., повѣсть о „Саввѣ Грудцынѣ“ (Истор. Хрест. I, 309).

[3]) Напр., легенды „Касьянъ и Никола“, „Пустынникъ и дьяволъ“, „Бѣдная вдова“ (Истор. Хрестоматія, ч. I, 136 и еще: 521).

[4]) Напр., въ стихахъ о Голубиной книгѣ разсказъ о борьбѣ правды съ кривдой взятъ изъ Пролога (собраніе сокращенныхъ житій), гдѣ разсказано, какъ правда, созданная Богомъ, борется съ неправдой, созданной дьяволомъ (Соболевскій). Ср. также съ соотвѣтствующими житіями стихи объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божьемъ, объ Іоасафѣ (Истор. Хрест. ч. I, 134, 135).

[5]) Напр., сказка о Маркѣ Богатомъ (Истор. Хрест., ч. I, 100).

[6]) Напр., въ былинѣ о Садкѣ эпизодъ о спускѣ Садко съ корабля въ море встрѣчается въ одномъ житіи, гдѣ такъ же, среди моря, остановился корабль, и пришлось спускать въ воду женщину въ видѣ искупительной жертвы (Соболевскій).

[7]) Напр., ср. сказку Жуковскаго „О мудрецѣ Керимѣ“ съ житіемъ Варлаама и Іоасафа, „Ночь передъ Рождествомъ“ Гоголя—и чудо св. Іоанна архіепископа новгородскаго, летавшаго на бѣсѣ въ Іерусалимъ. У Л. Толстого и Лѣскова есть очень удачные опыты въ этомъ направленіи.

ныхъ. Послѣднія носили названія: 1) *Минеи* (μηναῖα βιβλία), въ которыхъ житія располагались въ календарномъ порядкѣ [1]). 2) *Патерики*, въ которыхъ помѣщались разсказы изъ житій монаховъ. 3) *Прологи*, или Синаксари, гдѣ были собраны житія въ сокращенномъ видѣ.

Цѣль авторовъ житій.

Авторы греческихъ житій, равно какъ и составители житійныхъ сборниковъ, преслѣдовали двѣ цѣли: 1) прославить святого, 2) дать нравоученіе читателю. Оттого въ житіяхъ нѣтъ полной біографіи святого, а взяты только тѣ факты, которые были необходимы авторамъ. Такимъ образомъ, содержаніе житія сводилось къ разсказу о подвигахъ святого, о мученіяхъ его, чудесахъ его послѣ смерти. Вслѣдствіе этого историческихъ фактовъ въ житіяхъ очень мало, но зато много чудеснаго: борьба съ дьяволомъ, видѣнія, чудеса...

Теорія житійной литературы.

Обиліе житій, сочиняемыхъ съ одинаковыми цѣлями и по одинаковому литературному плану, привело византійскихъ писателей къ созданію „теоріи" сочиненія житій. Такъ, во многихъ житіяхъ оказываются „общія" мѣста: избѣгая историческихъ фактовъ, не имѣющихъ назидательности и не способствующихъ прославленію святого, составители житій замѣнили ихъ благочестивыми разсказами, повторяющимися во многихъ житіяхъ: напр., святой ребенкомъ избѣгаетъ игръ со сверстниками, хорошо учится, любитъ чтеніе священныхъ книгъ и т. д. Къ „общимъ" стилистическимъ пріемамъ надо отнести: 1) пристрастіе къ „сравненіямъ" святого съ извѣстными дѣятелями Библіи и легендъ. 2) Вымышленные назидательные разговоры и благочестивыя размышленія дѣйствующихъ лицъ (иногда цѣлыя молитвы). 3) Оговорки и замѣчанія автора.

Изъ житій нѣкоторыя очень интересны своимъ содержаніемъ, порою даже напоминаютъ романъ.

Житіе св. Іустины и Купріана.

Таково, напримѣръ, житіе св. Іустины и Кипріана. Содержаніе вкратцѣ слѣдующее: Одинъ богатый юноша-язычникъ Агландасъ влюбился въ христіанку Іустину; она отвергаетъ его, и онъ обращается къ волшебнику Кипріану. Тотъ даетъ юношѣ въ помощь дьявола, но Іустина осталась непобѣжденной. Самъ Кипріанъ послѣ этого увѣровалъ во Христа [2]). Житіе это, очевидно, отразило на себѣ вліяніе апокрифическаго евангелія «Дѣянія ап. Павла и Ѳеклы» [3]).

---

[1]) Минеи-Четьи—Минеи для чтенія.
[2]) См. подробнѣе содержаніе въ Истор. Хрестоматіи ч. I, 151.
[3]) Тамъ же, 156.

Житіе Андрея Юродиваго.

Изъ житій охотно читалось также „Житіе Андрея Юродиваго“ [1]). „Юродивыми“ въ Византіи были люди иногда полупомѣшанные, иногда вполнѣ сознательно возлагавшіе на себя „юродство“ „Христа ради“. Чтобы бороться съ суетой міра, люди уходили въ пустыни и монастыри, и дѣлались монахами и отшельниками; въ этихъ же цѣляхъ борьбы съ „міромъ“, „юродствующіе“ оставались въ „міру“ и боролись при помощи полнаго пренебреженія ко всему мірскому: они не имѣли постояннаго жилища, имущества, часто платья, пренебрегали всѣми приличіями, питались отбросами, голодали, холодали, часто подвергались насмѣшкамъ и преслѣдованіямъ. Это было тоже, своего рода, „убиваніе плоти“ [2]).

Св. Андрей былъ рабъ, славянинъ родомъ. Хозяинъ его далъ ему хорошее образованіе и отдалъ его на службу. Но Андрей пристрастился къ чтенію св. книгъ, особенно житій. Однажды онъ увидалъ, какъ во снѣ, по просьбѣ какихъ-то свѣтлыхъ мужей въ бѣлыхъ ризахъ, онъ побѣдилъ эѳіопа-великана. За эту побѣду онъ получилъ три вѣнца. Другой разъ онъ видѣлъ себя въ чертогахъ царя, который давалъ ему горькую ѣду и помогъ ему побѣдить отвращеніе къ этой горечи. Оба сна укрѣпили вѣру Андрея; онъ убѣдился, что побѣдитъ свою плоть, и горечь его подвига будетъ смягчена помощью Бога. Онъ возложилъ на себя «юродство». Никакія наказанія и леченія не помогли—и онъ былъ предоставленъ себѣ: спалъ съ собаками, ѣлъ отбросы, пилъ изъ грязныхъ лужъ, мерзъ зимою. Онъ получилъ даръ видѣть бѣсовъ: такъ однажды на скупомъ онъ увидѣлъ маленькаго бѣса; на похоронахъ умершаго богача онъ увидѣлъ веселящихся бѣсовъ и плачущаго ангела; у монаха, утаившаго деньги, онъ увидѣлъ сатану въ видѣ змѣи на шеѣ. Андрей много разсказывалъ священнику Епифанію о томъ, что зналъ самъ: онъ бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, что такое душа, говорилъ объ ангелахъ, о небесахъ, о громѣ и молніи, объ адѣ и раѣ и пр. Каковы эти разсказы, видно изъ объясненія, что такое громъ и молнія: громъ происходитъ не отъ грохота колесницы Ильи—не Илія пускаетъ молніи (онъ имѣетъ власть только надъ дождемъ), но ангелы. Демонъ входитъ въ змѣя и летаетъ въ видѣ тучи, а ангелъ мечетъ въ змѣя молнію. Въ житіи св. Андрея особенно интересно описаніе рая. Во время сна онъ былъ восхищенъ на небо и, одѣтый въ чудныя ризы, ходилъ въ райскомъ саду, изумляясь его красотѣ. Поднятый ангелами на третье небо, онъ видѣлъ Бога.

Чудо о прельщенномъ отроцѣ.

Очень распространенъ былъ разсказъ изъ „житія св. Василія Кесарійскаго“ „Чудо о прельщенномъ отроцѣ“ [3]). Содержаніе этого разсказа слѣдующее:

---

[1]) См. извлеченія изъ житія въ Истор. Хрестоматіи. I, 144. Особенно популярно сдѣлалось это житіе позднѣе.

[2]) Юродивый выведенъ гр. Толстымъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“, Истор. Хрестом., ч. III, 273), Пушкинымъ въ „Борисѣ Годуновѣ“. Обоими писателями юродивые представлены, какъ прозорливцы. Ср. еще въ соч. Печерскаго IV, 413 и IX, 103

[3]) Истор. Хрестом., I, 148.

Одинъ рабъ полюбилъ дочь своего хозяина. Чтобы добиться ея любви, онъ, при помощи чародѣя, продалъ душу дьяволу. Дѣвушка полюбила раба и, несмотря на просьбы родителей, вышла за него замужъ. Впослѣдствіи она узнала, какою цѣною добыта ея любовь, и обратилась за помощью къ св. Василію. Послѣ усиленной молитвы святого и его паствы грѣшникъ былъ прощенъ, и съ неба упала та бумага, на которой онъ подписалъ бѣсу свое отреченіе отъ Бога.

Съ большимъ интересомъ читалось у насъ „Житіе св. Алексія, человѣка Божьяго". Просто и трогательно разсказана здѣсь вся его многотрудная жизнь, полная трудовъ и добровольныхъ лишеній. Житіе св. Алексія.

Онъ былъ сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей; его женили противъ воли, но онъ оставилъ свою молодую жену послѣ совершенія церковныхъ обрядовъ и ушелъ изъ дому. Нищимъ вернулся онъ домой и, неузнанный, жилъ до своей смерти у родителей. Дьяволъ испытывалъ его разными лишеніями, оскорбленіями, но онъ оставался твердъ. Только изъ его завѣщанія узнали родители, кто таковъ былъ бѣднякъ, ими пригрѣтый.

Популярность этого житія выразилась, между прочимъ, въ томъ, что на русской почвѣ сложились и духовные стихи: „Объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божьемъ" [1]) и въ XVII в. сочинена была драма: „Алексѣй, человѣкъ Божій".

„Житіе Нифонта" интересовало своей фантастичностью: передъ нами рядъ видѣній самыхъ причудливыхъ. Житіе Нифонта.

Нифонтъ читалъ много св. книгъ, потомъ онъ погрузился въ бездну грѣха, но затѣмъ раскаялся и за это получилъ даръ видѣть бѣсовъ и ангеловъ. Дьяволъ неоднократно искушалъ его: то бросался на него въ видѣ ворона, то въ видѣ темнаго пса. Однажды онъ увидѣлъ плачущаго ангела и, вступивъ съ нимъ въ бесѣду, узналъ, что это—ангелъ-хранитель грѣшника, сдѣлавшагося рабомъ бѣсовъ. Этотъ грѣшникъ шелъ, окруженный многочисленными бѣсами; одни, какъ мухи, лѣпились у него на лицѣ, другіе, какъ комары, жужжали около его ушей, третьи тащили его въ разныя стороны.

Однажды видѣлъ онъ, какъ, во время ѣды одного бѣдняка, около него стояли ангелы, которые, по приказанію Бога, стоятъ всегда за столомъ тѣхъ людей, которые не ведутъ во время ѣды злыхъ рѣчей. Такія рѣчи, особенно хула пищи, отгоняютъ ангеловъ, какъ дымъ пчелъ.

„Житіе Василія Новаго" очень интересовало нашихъ предковъ своимъ содержаніемъ, которое охватывало цѣлый рядъ вопросовъ очень важныхъ: какъ при смерти душа покидаетъ тѣло, какъ она странствуетъ по мытарствамъ, какъ будетъ происходить страшный судъ и проч. Житіе св. Василія Новаго.

Ѳеодора, кормилица Василія, является ему во снѣ и разсказываетъ,

---

[1]) Историч. Хрестомат., I, 134.

какъ въ моментъ своей смерти видѣла она эѳіоповъ около себя, какъ явились на ея защиту свѣтлые юноши. Эѳіопы, съ хартіями въ рукахъ, доказывали свои права на ея душу. Явилась смерть въ образѣ человѣка безъ тѣла, изъ однѣхъ костей, вооруженная мечемъ, стрѣлами, косами, серпами. Она отсѣкла у Ѳеодоры сначала ноги, потомъ руки и т. д. Потомъ она дала выпить чего-то горькаго, и душа выскочила изъ тѣла. Ангелы повели душу черезъ 21 мытарство; на каждомъ мытарствѣ демоны пытались забрать ее себѣ, но ангелы защищали ее, высчитывая добрыя дѣла. Потомъ душа водворяется въ райской обители. Во второй половинѣ житія св. Василій помогаетъ одному невѣрующему убѣдиться въ истинѣ загробной жизни: этотъ невѣрующій во снѣ увидѣлъ себя въ раю, потомъ видѣлъ страшный судъ. Описанія загробныхъ наказаній грѣшниковъ и блаженства праведниковъ заключаютъ житіе.

Житіе Варлаама и Іоасафа.

Житіе это оказало громадное вліяніе на народное творчество: и въ народной поэзіи [1]), и въ иконописи (изображеніе смерти), и въ лубочныхъ картинахъ (страшный судъ, мученія грѣшниковъ) находимъ мы ясные слѣды его воздѣйствія.

„Житіе Варлаама и Іоасафа" совершенно подстать житію св. Алексѣя. Передъ нами раскрывается частная жизнь индійскаго царевича, который ушелъ отъ суеты міра въ пустыню [2]). Въ основу этого житія положено житіе Будды; переработка его въ христіанское житіе въ нѣкоторыхъ спискахъ связывается съ именемъ Іоанна Дамаскина.

Индійскому царю Авениру не нравилось, что у него въ царствѣ есть христіане,—онъ ихъ преслѣдовалъ. Когда у него родился сынъ, онъ получилъ отъ одного предсказателя предупрежденіе, что царевичъ будетъ христіаниномъ. Чтобы обезопасить сына отъ вліянія христіанъ, царь поселилъ его въ богатомъ дворцѣ, куда былъ закрытъ доступъ постороннимъ лицамъ, окружилъ его земными радостями, запретилъ говорить ему о болѣзни и смерти; но царевичъ увидалъ дряхлаго старика, узналъ, что есть на землѣ горе и смерть, познакомился съ проповѣдью христіанина Варлаама и самъ сдѣлался христіаниномъ, отказавшись отъ всѣхъ благъ жизни.

Подобно житію св. Алексѣя, житіе Іоасафа умиляло своей трогательной простотой, своимъ высокимъ настроеніемъ. И на это житіе народъ охотно отозвался очень красивыми духовными стихами „Плачъ Іоасафа" [3]).

Особое мѣсто среди житій занимаютъ повѣствующія о „мученіяхъ" святыхъ. Очень популярно житіе св. муч. Георгія. Народное воображеніе было поражено картиной этихъ изысканныхъ мученій и отозвалось сочиненіемъ духовныхъ стиховъ „Объ Егоріи Храбромъ" [4]).

---

[1]) Ср. сказку объ Аникѣ воинѣ и смерти.
[2]) Пересказъ въ Истор. Хрестом., I, 178.
[3]) Истор. Хрестом., I, 135.
[4]) Тамъ же, 127.

„Патериками“ (πατὴρ—отецъ) называютъ собраніе разсказовъ объ отдѣльныхъ случаяхъ чаще изъ жизни монаховъ одного какого-нибудь монастыря, или вообще изъ жизни благочестивыхъ людей. Патерики охотно читались религіозными людьми, а также читались въ монастыряхъ во время трапезы. Самымъ древнимъ (IV—V вв.) патерикомъ считается тотъ, который повѣствуетъ объ египетскихъ подвижникахъ; онъ носитъ особое названіе „Лавсаикъ“, по имени города Лавса. Затѣмъ извѣстенъ былъ Синайскій патерикъ (иначе—Лимонисъ, Лимонарь, „Лугъ Духовный“—λειμὼν—лугъ). Есть еще „Патерикъ Римскій“. Патерики.

Изъ приведенныхъ выше пересказовъ этихъ нѣсколькихъ житій видно, сколько въ нихъ разрѣшалось вопросовъ, важныхъ для нашихъ предковъ: житія рисовали передъ ними идеалы святой жизни, учили, какъ устроить свое существованіе, чего бояться, къ чему стремиться; въ живыхъ, картинныхъ описаніяхъ давали они понятія того, каковъ рай и адъ, что такое страшный судъ и загробныя муки. Такимъ образомъ, житія вполнѣ удовлетворяли потребности къ чудесному, необычному, выходившему изъ предѣловъ естественнаго. Наконецъ, читатель могъ въ нихъ узнать просто немало любопытнаго и назидательнаго о подвигахъ отшельниковъ, хитростяхъ и продѣлкахъ бѣсовъ, искушающихъ св. отцовъ, о чудесныхъ явленіяхъ и знаменіяхъ...

§ 11. *Проповѣди и поученія* отцовъ церкви были тоже очень популярны въ древней Руси. Особенно распространены были творенія Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василія Великаго, менѣе Григорія Богослова. Въ своихъ произведеніяхъ эти великіе писатели полно выразили не только свои религіозныя убѣжденія и философскія міровоззрѣнія на жизнь человѣческую, но и свои возвышенныя поэтическія настроенія. Особенно любимъ былъ Іоаннъ Златоустъ. Его творенія всегда богаты мыслью и отличаются необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Ясность и простота языка, умѣніе великія мысли и чувства выражать въ доступной формѣ—вотъ, особенности внѣшней стороны его твореній. Онъ былъ проповѣдникомъ дѣятельной любви къ ближнимъ. „Любовью дышали его поступки, любовью дышало и каждое его слово, любовью было сильно его слово... Какъ часто онъ проповѣдывалъ о любви къ врагамъ, о снисхожденіи и любви къ согрѣшающимъ, о любви къ бѣднымъ! Онъ былъ другъ грѣшниковъ“... Онъ, кромѣ того, былъ и другомъ бѣдныхъ. Однажды онъ сказалъ великія слова: Проповѣди и поученія. Іоаннъ Златоустъ.

„Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ“ [1]). Въ его твореніяхъ нѣтъ аскетизма: онъ любитъ жизнь, жизнерадостно смотритъ на жизнь, на людей и природу. Самое отшельничество ему представляется исполненнымъ прелести и красоты.

«Святые, облеченные во власяницы,—говоритъ онъ,—живущіе въ пустыняхъ, носятъ брачныя одежды... Постелью имъ служитъ просто трава; небо служитъ имъ вмѣсто крова, а луна вмѣсто свѣтильника—и для нихъ-то однихъ недаромъ свѣтитъ луна. (Далѣе онъ говоритъ о спокойствіи ихъ духа, о важности ихъ мысли, неоскверненной суетными помыслами. Древне-русское представленіе «пустыни» «прекрасною матерью» (ср. стихи объ Іоасафѣ) создалось, главнымъ образомъ, благодаря Златоусту).

Во взглядѣ на борьбу со зломъ онъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, которая принята Достоевскимъ въ его романѣ „Преступленіе и Наказаніе“: главное средство противъ зла—кротость и убѣжденіе словомъ [2]). Такимъ образомъ, онъ требовалъ мирной борьбы со зломъ: „преступно молчать и не обращать вниманія, когда оскорбляются законы Божескіе и человѣческіе“, говоритъ онъ. Онъ смѣло подымалъ въ своихъ твореніяхъ вопросы очень трудные—напр. о притѣсненіи сильными слабыхъ, объ отношеніи власти духовной и свѣтской и т. д.

Въ древней Руси было извѣстно болѣе двухъ сотъ его сочиненій, цѣликомъ и въ отрывкахъ; они ходили по рукамъ отдѣльно, или въ сборникахъ, которые носили особыя названія: „Златоструй“, „Андріантисъ“, „Маргаритъ“ (жемчужины), „Златая цѣпь“, „Златоустъ“, „Измарагдъ“. Изъ этихъ сборниковъ древнѣйшій „Златоструй“, переведенный съ греческаго еще въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ. Онъ состоитъ изъ 137 словъ, исключительно нравственнаго содержанія.

Ефремъ Сиринъ.

Другія настроенія встрѣчаемъ мы въ твореніяхъ Ефрема Сирина и Григорія Богослова. Первый—поэтъ-пессимистъ, второй—философъ-пессимистъ; ихъ взглядъ на жизнь мраченъ,—они увидѣли здѣсь на землѣ одни страданія; земля казалась имъ сплошной борьбой со зломъ,—борьбой, въ которой слабый человѣкъ часто оказывается побѣжденнымъ. Счастіе и покой человѣка не здѣсь, а за гробомъ. Вотъ почему оба проповѣдывали аскетизмъ.

Ефремъ Сиринъ былъ замѣчательнымъ ученымъ богословомъ и знаменитымъ поэтомъ. Чудная великопостная молитва—его

---

1) Русскій народъ оцѣнилъ это въ духовныхъ стихахъ: „О вознесеніи“, гдѣ Златоустъ представленъ защитникомъ бѣдныхъ.

2) Слово на память мученика Вавилы.

сочиненіе [1]). Бо́льшая часть его твореній, даже догматическихъ, написана стихами. Эти стихи необработаны, но полны глубокаго чувства. „Преп. Ефремъ — по преимуществу учитель духовнаго сокрушенія, предметы его стихотвореній—стремленіе къ внутреннему самосовершенствованію, сокрушеніе о духовной немощи человѣка“ (Архангельскій). Онъ указывалъ на неизбѣжность смерти, на то, что всѣ земныя стремленія оканчиваются смертью, за которой ждетъ человѣка судъ и муки, или награда.

«Проходитъ день,—говоритъ онъ,—по слѣдамъ его идетъ другой, и когда не гадаешь, смерть стоитъ уже въ головахъ у тебя... Гдѣ мудрецы, которые написали книги и писаніями своими наполнили міръ?.. Гдѣ тѣ, которые гордились дорогими одеждами, покоились на пурпуровыхъ ложахъ? Гдѣ тѣ, которые украшались жемчужинами?.. Скажи землѣ, и она укажетъ тебѣ—гдѣ они... Вотъ, всѣ они вмѣстѣ лежатъ въ землѣ, всѣ стали прахомъ—и не различишь, гдѣ прахъ богатаго и гдѣ прахъ бѣднаго!»

Широкой кистью нарисована мрачная картина повальнаго мора:

«Мало земли для могилъ,—вся она изрыта, вся ископана... Великій праздникъ при гробахъ! Тамъ и живые, и мертвые: мертвые погребены въ землѣ,—живые плачутъ при гробахъ... Обезлюдѣли и запустѣли дома, а могилы—полны, даже черезъ край! У всякаго гроба отверста пасть, а у домовъ у всѣхъ—двери наглухо заперты! Не стало смѣха на землѣ, исчезла радость, царствуетъ плачъ, воздыханіе сѣтованья, скорбь... Болѣзненно вопіетъ сама земля» [2]) и т. д.

Поученія Ефрема Сирина въ древней Руси были очень распространены. Сборникъ ихъ назывался: „Паренесисъ“. Особенное вліяніе на русскую письменность имѣло его „Слово о злыхъ женахъ“.

«Злая женщина», по его мнѣнію, «страшнѣе льва и лютѣе змѣи»; «нѣтъ звѣря, подобнаго женѣ лукавой и нескромной на языкъ». «О, какое это зло», восклицаетъ онъ,—«самое острое оружіе дьявольское!..», «Всякаго зла злѣйшее—злолукавая жена!» и пр.

Творенія Григорія Богослова.

Творенія Григорія Богослова были менѣе любимы нашими предками,—для нихъ этотъ писатель былъ не всегда понятенъ вслѣдствіе отвлеченности его философскаго мышленія. Въ его сочиненіяхъ много историческихъ и даже миѳологическихъ упоминаній. Даже сами греки, для его уразумѣнія, нуждались въ комментаріяхъ. Нѣкоторыя идеи этого философа-богослова напоминаютъ собою съ одной стороны пессимиста-Гераклита,—съ дру-

[1]) Пушкинъ переложилъ ее въ своемъ стихотвореніи: „Отцы-пустынники...“.
[2]) Ср. Пушкина „Пиръ во время чумы“.

гой стороны — Шопенгауера. Таковы, напримѣръ, его размышленія о „природѣ человѣческой“, о „суетѣ жизни“:

«Кто я былъ? Кто я теперь? И чѣмъ я буду по прошествіи недолгаго времени? Куда приведешь и гдѣ поставишь, безсмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями?.. А, по моему мнѣнію, мы—ничего незначащія однодневныя твари (Онъ говоритъ, что всякій звѣрь, появляющійся на свѣтъ Божій, сильнѣе безпомощнаго ребенка). «Если вѣрно уставишь вѣсы и взвѣсишь, что̀ въ жизни есть пріятнаго и что̀ прискорбнаго, то одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, а другая, напротивъ, съ благами жизни, побѣжитъ вверхъ»...

«Кто я былъ? Кто я теперь? и чѣмъ буду? Ни я не знаю сего, ни тотъ, кто обильнѣе меня мудростью. Я *существую...* Скажи, что это значитъ?.. Иная часть меня самого уже прошла, иная—я теперь, а инымъ буду, если буду...» и т. д.

Интересны его бесѣды со своей душой, нашедшія отраженіе въ русскихъ духовныхъ стихахъ: „Разговоръ души съ тѣломъ“.

«Душа моя! Кто ты, откуда и что ты такое? Кто сдѣлалъ тебя трупоносицею? Кто твердыми узами привязалъ къ жизни? Кто заставилъ непрестанно тяготѣть къ землѣ? Какъ, ты — духъ, смѣсилась съ дебелостью? Ты — умъ, сопряглась съ плотію?..» и т. д.

Творенія другихъ отцовъ церкви.

Изъ другихъ твореній св. отцовъ церкви надо отмѣтить „Слово о правой вѣрѣ“ Іоанна Дамаскина, сочиненіе богословское, съ примѣсью свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ. „Лѣствица“ Іоанна Лѣствичника, „Пандекты Никона Черноризца“, „Пандекты Антіоха“—сочиненія нравоучительныя.

Съ интересомъ читались у насъ сочиненія, въ которыхъ удовлетворялось любопытство нашихъ предковъ относительно многихъ вопросовъ, прямыхъ отвѣтовъ на которые церковь не давала. Такъ въ „Отвѣтахъ Аѳанасія Александрійскаго“ разрѣшаются вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: „Какъ при воскресеньи мертвыхъ узнаетъ душа тѣло свое и не войдетъ въ чужое?“, „Почему одни умираютъ младенцами, а другіе стариками?“, „Почему добрые бываютъ бездѣтны и убоги, а нечестивые имѣютъ дѣтей и богато живутъ?“, „Почему дьяволъ иногда знаетъ и предсказываетъ будущее?“ и пр.

„Сказаніе Меѳодія Патарскаго“.

Интересовали нашихъ предковъ и всѣ сочиненія объ антихристѣ, о второмъ пришествіи, о загробной жизни. Особенно занимало ихъ „Сказаніе Меѳодія Патарскаго“—о послѣднихъ дняхъ человѣческаго рода [1]).

---

[1]) Это сказаніе сдѣлалось у насъ особенно популярнымъ позднѣе, въ XV и XVII вв., когда въ русскомъ обществѣ возникли интересы къ вопросу о концѣ міра.

Сначала измаильтяне (потомки Измаила) выйдутъ изъ Египта и завладѣютъ міромъ, но будутъ побѣждены греческимъ императоромъ. Потомъ явятся нечистые народы—Гогъ и Магога, когда-то заключенные Александромъ Македонскимъ въ кавказскихъ горахъ [1]). Они овладѣютъ міромъ и зальютъ его кровью. Богъ пошлетъ на нихъ архистратига, который всѣхъ ихъ побьетъ. Тогда народится антихристъ и завладѣетъ міромъ. Послѣ него настанетъ страшный судъ.

„Шестодневъ“ Іоанна, экзарха болгарскаго.

Къ сочиненіямъ поучительнымъ надо отнести и „Шестодневъ Іоанна, экзарха болгарскаго“. Это сочиненіе компилятивное; въ основу его положенъ „Шестодневъ св. Василія Великаго“ и другія подобныя сочиненія. Содержаніе всѣхъ подобныхъ сочиненій—толкованіе разсказа Библіи о шести дняхъ творенія и отрицаніе всѣхъ другихъ теорій мірозданія. Оттого св. Василій, а за нимъ и Іоаннъ, постоянно отвергаютъ мнѣнія греческихъ философовъ. Попутно въ „Шестодневѣ“ сообщаются самыя различныя свѣдѣнія. Такъ, напримѣръ, говоря объ устройствѣ „неба“, толкователь объясняетъ происхожденіе дождя и снѣга; говоря о растеніяхъ, онъ объясняетъ ихъ развитіе изъ зерна; говоря о животныхъ, онъ объясняетъ систему дыханія (устройство легкихъ и жабръ). Пресмыкающихся дѣлитъ онъ по видамъ (черепокожныя, мягкочерепныя, слизняки, и т. д.). Въ „Шестодневѣ“ много мѣстъ, проникнутыхъ паѳосомъ [2]): величіе мірозданія переполняетъ сердце автора благоговѣніемъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ это сочиненіе было для нашихъ предковъ единственнымъ источникомъ, откуда почерпались ими свѣдѣнія по естествознанію.

„Физіологъ“.

Свѣдѣнія изъ естественной исторіи, болѣе анекдотическаго свойства, помѣщены въ „*Физіологѣ*“, состоящемъ изъ 49 главъ; здѣсь сообщаются самыя фантастическія свѣдѣнія о звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ, о камняхъ, ихъ свойствахъ, о растеніяхъ. Эти свѣдѣнія часто приводятся, какъ матеріалъ для нравоучительныхъ выводовъ и сопоставленій.

Такъ, напримѣръ, о львѣ сказано, что, завидѣвъ ловцовъ, онъ заметаетъ хвостомъ свой слѣдъ; слѣдуетъ неожиданное указаніе, что такъ и Спаситель скрылъ свое Божество: сдѣлавшись съ ангелами, какъ ангелъ, съ архангелами, какъ архангелъ, съ людьми, какъ человѣкъ... Когда левъ

---

[1]) См. романъ объ Александрѣ въ Истор. Хрестом., I, 165.

[2]) Привожу мѣста изъ „Шестоднева“ Василія Великаго, которыя отразились на поученіи Владиміра Мономаха: „Вотъ передъ тобою небо украшенное, облеченная въ убранство земля, море, изобилующее свойственными ему порожденіями, воздухъ, наполненный летающими птицами! Все... приведенное Божіимъ повелѣніемъ изъ небытія въ бытіе... и потому во всемъ, изучивъ премудрость Божію, не переставай никогда удивляться и во всякой твари славить Творца!..“. О разнообразіи человѣческихъ лицъ: „Аще и весь міръ совокупить,—не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ образомъ лица, по Божьеи мудрости“; о птицахъ: „однѣ изъ птицъ говорливы и болтливы, а другія молчаливы; однѣ пріятно поютъ и на разные голоса; другія совсѣмъ не имѣютъ музыкальности въ голосѣ и не умѣютъ пѣть“.

спитъ, то очи его отверсты,—такъ Господь плотію скончался, а Божество его бодрствовало. Объ орлѣ разсказано, какъ онъ слѣпнетъ отъ старости и лечитъ себя троекратнымъ погруженіемъ въ чистую воду—слѣдуетъ наставленіе людямъ очищаться отъ грѣховъ. О фениксѣ разсказано, какъ онъ сжигаетъ себя, и изъ его пепла нарождается новый; о муравьѣ сказано, что онъ во время жатвы влѣзаетъ на стебель житный и нюхаетъ, чтобы узнать, пшеница это, или ячмень,—если пшеница, то онъ пользуется зерномъ; объ ежѣ разсказано, какъ онъ добываетъ виноградъ: наколовъ ягоды на свои иглы, несетъ дѣтямъ и пр.

Церковная поэзія.

§ 12. *Церковная поэзія* нашла себѣ выраженіе, главнымъ образомъ, въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ (въ честь святого, или въ честь праздниковъ); пѣсни эти носятъ различныя названія: тропарь, икосъ, кондакъ, ирмосъ, стихира [1]). Собраніе пѣснопѣній въ честь святого называется его „канономъ". Многіе изъ нихъ извѣстны были древней Руси въ большомъ числѣ и производили большое впечатлѣніе; они пѣлись въ церквахъ наканунѣ праздника, а благочестивыми людьми читались и на дому.

Іоаннъ Дамаскинъ и Андрей Критскій.

Іоаннъ Дамаскинъ и Андрей Критскій—наиболѣе извѣстные творцы такихъ „каноновъ" [2]). По существу своему, „канонъ" есть лироэпическое изложеніе воспѣваемаго событія. Изложеніе это составлялось изъ текстовъ Св. Писанія, воодушевлялось чувствомъ поэта и украшалось различными поэтическими пріемами. Преимущественный тонъ этихъ пѣсенъ торжественный. Нѣкоторые каноны отличались даже драматизмомъ, иногда вводился въ нихъ діалогъ и даже хоръ. Въ канонахъ иногда подробно раскрывалась психологія дѣйствующихъ около Христа лицъ; имъ подсказывалось соотвѣтствующее настроеніе тамъ, гдѣ въ Евангеліи мы встрѣчаемъ лишь изложеніе фактовъ. Рѣчь идетъ то отъ имени пѣвцовъ прямо къ Богу, то отъ вѣрующихъ, то встрѣчаемъ мы діалогъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, то бесѣду Бога со святыми, то обращеніе Бога къ людямъ... Несомнѣнное вліяніе псалмовъ Давида, а также, пожалуй, и хоровъ греческой трагедіи, создали форму канона, а искреннее религіозное вдохновеніе освѣтило эти заимствованные формы и образы живымъ огнемъ искренней поэзіи.

Канонъ на „Срѣтенье".

Въ «Канонѣ на Срѣтенье» мы встрѣчаемъ воззваніе ко всей природѣ: «Веселитесь небеса, распростертыя премудро, радуйся и земля! народъ израильскій, воспѣвай нынѣ предъ лицемъ божественнаго ковчега! всѣ творенія Господни, благословите Господа и превозносите во всѣ вѣки!»

---

[1]) Книги, въ которыхъ содержатся эти пѣсни, называются: „Кондакарь", „Ирмолой" „Стихирарь", „Октоихъ" и пр.

[2]) См. поэму гр. А. Толстого „Іоаннъ Дамаскинъ". Истор. Хрест., III, 612.

Въ «Канонѣ на Успеніе» рисуется такая картина: „Канонъ на Успенье".

«Луки сильныхъ ослабѣли, немощные облеклись силою, посему въ Господѣ утвердилось сердце мое. Предъ тобою преклонились времена. Кимвалами чистыхъ устъ, стройною свирѣлью сердца, благозвучною трубою возвышеннаго ума будемъ взывать! Отверзу уста мои, и они наполнятся Духа и изреку слово Царицѣ Матери, явлюсь свѣтлоторжествующимъ и въ радости буду воспѣвать ея Успеніе. Юныя дѣвы, воспойте нынѣ съ пророчицею Маріамью пѣснь надгробную!»

Этотъ ликующій, приподнятый тонъ смѣняется въ Великомъ Канонѣ (на Страстную недѣлю) совсѣмъ инымъ настроеніемъ,—отъ шумныхъ восторговъ поэтъ уходитъ въ скорбную свою душу и, полный раскаянья, возноситъ Господу свои смиренныя мольбы: „Великій канонъ".

«По мыслямъ моимъ я—тотъ человѣкъ, который попался разбойникамъ. Теперь я весь израненъ ими, покрытъ язвами; но Ты Самъ, Христе Спаситель, приди и исцѣли меня! Исказилъ я красоту ума, помрачилъ красоту души. Буря золъ окружаетъ меня, Милосердный Господи; но, какъ Петру, и мнѣ простри руку... Украсилъ я кумиръ плоти разноцвѣтнымъ одѣяніемъ гнусныхъ помысловъ... Ты—Пастырь добрый, отыщи меня—агнца... Убѣли, какъ снѣгъ, одежду плоти моей!»

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ близко по духу подошли эти „каноны" къ псалмамъ Давида.

Каноны, несомнѣнно, нравились нашимъ предкамъ. Это видно, хотя бы, изъ того, что рано появились у насъ и попытки сочинять подобныя же произведенія. Въ „посланіи" Поликарпа упоминается Григорій-монахъ, какъ творецъ каноновъ; отъ Кирилла Туровскаго остался канонъ св. Владиміру; къ до-монгольскому періоду относится также сочиненіе канона св. Ѳеодосію.

§ 13. *Сборники для чтенія.* У византійскихъ грековъ были въ большомъ ходу сборники, или хрестоматіи, составленныя изъ разныхъ сочиненій, взятыхъ цѣликомъ, или частями. Нѣкоторые такі сборники обнаруживаютъ въ составителѣ ясное сознаніе, для чего и для кого они должны служить,—для міряиъ, или духовныхъ, для чтенія на дому, или въ монастырѣ. Такіе сборники, съ опредѣленной цѣлью, носили особыя названія; другіе, назывались просто „сборниками". И тѣ, и другіе переводились у славянъ и переходили къ намъ, при чемъ нерѣдко составъ ихъ свободно измѣнялся,—отбрасывались одни сочиненія, вносились другія. Сборники для чтенія.

Такъ называемый „Святославовъ Изборникъ" (1073 г.) и есть славянскій переводъ одного такого греческаго сборника (списокъ оригинала найденъ), сдѣланный для Симеона Болгарскаго въ IX—X вв. Нашъ списокъ—копія, сдѣланная съ этого перевода въ Кіевѣ при Святославѣ Ярославичѣ. Содержаніе Сборника очень „Святославовъ Изборникъ" 1073 г.

пестро. Здѣсь и творенія св. отцовъ церкви догматическаго содержанія (св. Василія Вел. о св. Духѣ, св. Кирилла Александрійскаго о Троицѣ); здѣсь помѣщены и „отвѣты“ Анастасія Синаита на „вопросы“, въ родѣ слѣдующихъ: „Если кто имѣетъ жену и дѣтей и долженъ пещись о мірскомъ, какъ ему спастись?“, „Кто старъ и немощенъ и не можетъ быть монахомъ, какъ ему спастись?“ и пр.

Между другими статьями любопытно разсужденіе о риторическихъ фигурахъ—„объ образѣхъ“ Георгія Хуровскаго [1]), о камняхъ драгоцѣнныхъ и объ ихъ свойствахъ [2]); о добрыхъ и злыхъ дняхъ, о 12 знакахъ зодіака (соч. Іоанна Дамаскина), о томъ, что въ какой день можно ѣсть и чего ѣсть нельзя и пр. Такимъ образомъ, передъ нами нѣчто въ родѣ энциклопедіи не только церковнаго, но и свѣтскаго содержанія (философскаго, реторическаго и описательнаго).

„Святославовъ Изборникъ“ 1076 г.

Другой сборникъ, тоже носящій названіе „Святославова“ и помѣченный не 1073-нымъ, а 1076-нымъ годомъ, былъ доступнѣе пониманію своимъ нравственно-религіознымъ, болѣе практическимъ содержаніемъ, чѣмъ сборникъ 1076 года [3]). Для русской письменности особое значеніе въ этомъ сборникѣ имѣетъ „Поученіе Ксенофонта“, несомнѣнно, отразившееся на „Поученіи Владиміра Мономаха“: тотъ же планъ, тѣ же мысли въ обоихъ произведеніяхъ. Любопытно также разсужденіе: „О чтеніи книгъ“; здѣсь совѣты, какъ читать книги, указаніе, какъ велико ихъ значеніе: „узда управляетъ конемъ—а праведникомъ книги“, „не можетъ быть построенъ корабль безъ гвоздей, такъ не можетъ существовать праведникъ безъ чтенія книгъ“ и пр.

Другіе сборники.

Къ этому же типу „сборниковъ для чтенія“ относятся: „Златоструй“, „Торжественникъ“, „Златая Цѣпь“. Послѣдніе два отличаются отъ „Златоструя“ тѣмъ, что, кромѣ твореній Іоанна Златоуста, заключаютъ въ себѣ творенія (цѣликомъ и въ отрывкахъ) другихъ отцовъ церкви. Ихъ происхожденіе неясно,—можетъ быть, они составлены были и въ Россіи [4]).

„Пчела“.

Въ древне-русской литературѣ былъ еще извѣстенъ сборникъ, носящій имя „Пчелы“ [5]) (греч. Μέλισσα). Это—сборникъ изре-

---

[1]) См. Истор. Хрестоматію, I, 142. „Инословіе“ (аллегорія), „прѣводъ“ (метафора).

[2]) См. тамъ же, стр. 146 о „гіацинтѣ“.

[3]) Въ Истор. Хрестом. приведены изъ этого сборника двѣ статьи: „О чтеніи книгъ“ и „Поученія дѣтямъ Ксенофонта“.

[4]) Позднѣе послѣ XIII в. у насъ были еще подобные сборники: „Златоустъ“, „Измарагдъ“.

[5]) Составитель его, какъ „пчела, со всѣхъ цвѣтовъ собирающая медъ“, изъ разныхъ твореній выбиралъ лучшія мысли.

ченій, сентенцій, притчъ, почерпнутыхъ изъ Св. Писанія, Патерика, изъ твореній отцовъ церкви,—и языческихъ писателей: Плутарха, Сократа, Ксенофонта, Аристотеля, Еврипида, Демосѳена, Геродота и др.

Въ заключеніе этого очерка, можно привести слѣдующія слова проф. Архангельскаго:

Проф. Архангельскій о характерѣ переводной литературы.

«Совершенно ошибочно думать, что пришедшая къ намъ съ христіанствомъ «церковная» письменность была исключительно аскетической, монастырской: въ ней не мало было содержанія и общехристіанскаго, общечеловѣческаго. При господствующемъ направленіи, духовно-религіозномъ,—она въ то же время являлась для начальной Руси могучимъ факторомъ общекультурнымъ, давала средства къ общему культурному развитію страны, къ общему умственному и нравственному развитію народа. Нѣтъ нужды говорить, какъ много этого общекультурнаго содержанія представляли, напримѣръ, такія произведенія византійской литературы, какъ творенія Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Нила Синайскаго, такія произведенія, какъ *Стословъ* патріарха Геннадія († 471), *Пандекты* Антіоха († 635) и др. под. Принесенная византійская литература нерѣдко давала читателямъ и свѣдѣнія чисто-научныя. Разумѣемъ такія сочиненія, какъ *Шестодневъ* Василія Великаго, *Небеса* Іоанна Дамаскина, его *Логика*, или *Діалектика*.»

Апокрифы, ихъ происхожденіе и значеніе.

§ 14. *Апокрифы* [1]). Исторія всеобщей литературы даетъ рядъ любопытныхъ показаній, какъ около большого произведенія часто группируется много другихъ, связанныхъ съ нимъ единствомъ содержанія и единствомъ дѣйствующихъ лицъ: около Иліады группируется рядъ поэмъ, въ которыхъ подробно изображены различныя событія, происшедшія до троянской войны, во время ея и послѣ нея; эти поэмы сочинены, такъ называемыми, „гомеридами"; цѣль ихъ удовлетворить любознательность народа, заинтересованнаго сюжетомъ и героями крупнаго произведенія. Ветхій Завѣтъ еще у евреевъ былъ окруженъ рядомъ легендъ и сказаній, связанныхъ уже въ циклы около именъ Адама, Ноя, Соломона и другихъ. Такой же потребности—удовлетворить любознательности вѣрующихъ—служили тѣ сказанія, которыя связаны съ Новымъ Завѣтомъ. Они образовали циклы сказаній о Христѣ, о Богородицѣ, объ апостолахъ. И поэмы гомеридовъ, и сказанія еврейскія и христіанскія—всѣ въ одинаковомъ отношеніи къ тѣмъ основнымъ произведеніямъ, которыя ихъ породили. Они всѣ вводили читателя въ интимную жизнь своего героя, сообщали такія подробности изъ его жизни, которыя приближали его къ дѣй-

[1]) Истор. Хрестом., I, 153—158.

ствительности (дѣтство Христа, Богородицы); изъ одного намека они рисовали цѣлыя картины (евангельская фраза: „плачъ и скрежетъ зубовный“ развернулась въ цѣлую панораму мученій); они раскрывали душевныя состоянія своихъ героевъ, вводя читателя въ „святая святыхъ“ ихъ чувствъ и помысловъ—благодаря этому вносился психологическій анализъ въ творчество. Они облекали событія той пеленой сказочной поэзіи, въ которой народъ чувствовалъ творчество, близкое ему и понятное. Они пріучали къ свободному обращенію съ сюжетами и лицами, до тѣхъ поръ стоявшими на недосягаемой высотѣ. Благодаря всему этому, эти религіозныя сказанія оказались той почвой, на которой безъ особаго труда слились элементы христіанства съ элементами язычества; соединеніе ихъ дало „блестящій эпосъ“, захватившій въ свои предѣлы и Творца, и сатану, міръ ангеловъ и демоновъ, міръ праведниковъ, міръ человѣческій, и животный и растительный. Интересы того времени о началѣ и концѣ міра, о жизни въ раю и въ аду, и религіозное чувство, и проблески научной пытливости находили себѣ исходъ въ этой своеобразной литературѣ. На Западѣ и живопись, и скульптура, и поэзія средневѣковыя расцвѣли, орошенныя „живой водой“ этой литературы, въ которой вѣками застывшіе образы, пущенные въ оборотъ народной фантазіи, получили живую человѣческую окраску, движеніе, біеніе сердца...

Отношеніе церкви къ апокрифамъ.

Византійская церковь къ этимъ произведеніямъ отнеслась неопредѣленно: одни она отвергла рѣшительно, признавъ ихъ вредными, ложными, „отреченными“ [1]), въ оцѣнкѣ другихъ колебалась, признавая ихъ безвредными,—то истинными, то „апокрифическими“, „сокровенными“ [2]), т. е. неканоническими, не вошедшими въ списокъ тѣхъ книгъ, которыя установлены церковью. Таково отношеніе было къ этимъ „апокрифамъ“ и у насъ: нѣкоторые изъ нихъ то попадали въ списки отреченныхъ книгъ—„индексы“ [3]), то замѣнялись другими. Во всякомъ случаѣ, ихъ значеніе одинаково велико было и въ исторіи византійской и нашей церкви: ими „обильно пользовались отцы церкви первыхъ вѣковъ христіанства“,—и въ своихъ спорахъ они, на ряду съ книгами

---

[1]) Напримѣръ, всѣ гадательныя и суевѣрныя книги: Громники, Лунники, Колядники, сборники „лживыхъ“ молитвъ, „Остронумія“ (звѣздочетіе), „Сонникъ“, „Волховникъ“, „Землемѣріе“, „Зелейникъ“, „Чаровникъ“ и др.

[2]) ἀπόκρυφος значитъ „тайный“, „скрытый“, трудный для пониманія.

[3]) У насъ первый индексъ былъ переводный въ „Святославовомъ Изборникѣ“ 1073 г. „Богослова отъ словесъ“. Съ XIV в. такіе индексы стали сочиняться въ Россіи.

Священнаго Писанія, цитировали нерѣдко апокрифы, усматривая въ нихъ остатки старыхъ преданій. Но въ то же время они хорошо понимали, что фантазія человѣческая не знаетъ предѣловъ, и что въ глазахъ людей полуобразованныхъ апокрифы могутъ принять нежелательное значеніе. Поэтому они совѣтовали обходиться съ апокрифами осторожно, совѣтовали ихъ читать только такимъ лицамъ, которые могутъ отличить истину отъ лжи (Истринъ).

Апокрифами воспользовалось и народное творчество, которое, исходя изъ нихъ, легко создавало легенды, сказанія, духовные стихи...

Перечень главнѣйшихъ апокрифовъ.

Къ апокрифическимъ сочиненіямъ относятся слѣдующія: „Адамъ", „Енохъ", „Сонъ Исаака и смерть Авраама", „Суды Соломона", „Повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ" и др. Изъ новозавѣтныхъ извѣстны были у насъ — „Евангеліе Іакова", „Дѣтство Христово" („Ѳомино Евангеліе"), „Сказаніе Афродитіана", „Преніе діавола съ Христомъ", „Хожденіе Богородицы по мукамъ", „Никодимово Евангеліе", „Павлово хожденіе по мукамъ", „Дѣяніе ап. Павла и Теклы", „Дѣяніе Іоанна", „Дѣяніе Ѳомы", „Вопросы Іоанна Богослова Господу", „Вопросы Варѳоломея Богородицѣ". Къ апокрифическимъ житіямъ относятся: „Сказаніе объ успеніи Божьей Матери", „Мученія Георгія, Никиты, Ѳедора Тирона", къ апокрифическимъ богословскимъ сочиненіямъ относятся — „Вопросы и отвѣты Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго" и пр.

а) ветхозавѣтные: „Откровеніе Авраама".

Откровеніе Авраама. Отецъ Авраама, Фара, занимался дѣланьемъ боговъ изъ камня для продажи. Авраамъ видѣлъ, какъ эти боги, сдѣланные изъ камня, легко разбивались, падая, — а деревянные легко сгорали въ печкѣ, и онъ усумнился въ ихъ силѣ. Голосъ Бога окончательно заставилъ его отказаться отъ вѣры отца. Едва Авраамъ ушелъ изъ дому, ударъ молніи сжегъ этотъ домъ. Голосъ Бога приказалъ ему принести жертву и поститься 40 дней. Затѣмъ явился къ нему ангелъ, и съ нимъ Авраамъ шелъ 40 дней и 40 ночей до горы Орива. Здѣсь Азазилъ, духъ тьмы, въ видѣ птицы, искушалъ его, но онъ устоялъ. На голубѣ, вмѣстѣ съ ангеломъ, поднялся Авраамъ на небо. Здѣсь они увидали особый свѣтъ и много людей, видъ которыхъ постоянно мѣнялся. Потомъ къ Аврааму приблизился огонь, въ которомъ звучалъ голосъ, подобный шуму водъ. Авраамъ воспѣлъ хвалебную пѣснь, которой научилъ его ангелъ. Затѣмъ они полетѣли еще выше. Здѣсь Авраамъ увидалъ огненный престолъ и около четырехъ животныхъ съ четырьмя лицами — съ львинымъ, человѣческимъ, воловьимъ и орлинымъ. По приказанію Бога разверзлись всѣ небеса, и Авраамъ увидалъ всѣ ихъ тайны, потомъ увидѣлъ онъ преисподнюю съ ея мученіями, увидѣлъ онъ море, рыбъ, рѣки, эдемъ и райскую рѣку, увидалъ людей, стоящихъ по правую и по лѣвую сторону. Авраамъ спросилъ: «почему раздѣлены люди?» Богъ сказалъ, что люди, стоящіе по лѣвой сторонѣ, — тѣ, которые были до Авраама, а стоящіе по правой сторонѣ — тѣ, что̀ будутъ послѣ

него. Первые уготованы на месть и погибель, а вторые—на спасеніе. Въ Едемѣ Авраамъ увидалъ двухъ людей громаднаго роста и между ними змѣя. «Кто это?» вопросилъ Авраамъ. «Это Адамъ и Ева»,—сказалъ Богъ, и змѣй—Азаилъ». «Зачѣмъ же ты далъ ему власть губить родъ человѣческій?» спросилъ Авраамъ. «Онъ имѣетъ власть лишь надъ тѣмъ, кто желаетъ зла!»—сказалъ Богъ. Авраамъ спросилъ, зачѣмъ Богъ допустилъ зло на землѣ. «Это Я сдѣлалъ для тебя и твоего племени, чтобы ты увидѣлъ милость мою къ тебѣ»,—отвѣчалъ Богъ. Затѣмъ Авраамъ увидѣлъ послѣдніе дни человѣчества, увидѣлъ Каина и Авеля, увидѣлъ различныя преступленія человѣческія, потомъ онъ увидѣлъ борьбу людей, стоящихъ по лѣвую сторону, съ людьми, стоящими по правую сторону,—наконецъ антихриста и загробныя муки.

Этотъ апокрифъ (начало) является очень близкимъ пересказомъ одного еврейскаго, преданія объ Авраамѣ.

Соломонъ и Китоврасъ.

Соломонъ и Китоврасъ [1]). Задумавъ строить храмъ, Соломонъ былъ въ затрудненіи: ему при постройкѣ не велѣно было тесать камни желѣзомъ. Одинъ Китоврасъ, оказывается, зналъ тайну такого строительства. Соломонъ хочетъ овладѣть Китоврасомъ. Для этого онъ приказываетъ сковать желѣзную цѣпь и гривну (ожерелье) и на ней пишетъ заклятье. Съ этой цѣпью, виномъ и медомъ посланные царя идутъ къ тѣмъ колодцамъ, изъ которыхъ пилъ Китоврасъ. Воду оттуда они удаляютъ, наливаютъ вина. Китоврасъ выпиваетъ три колодца и засыпаетъ [2]). На уснувшаго Китовраса одѣваютъ цѣпь съ заклятіемъ, и онъ дѣлается покорнымъ. Его ведутъ къ царю. Такъ какъ онъ ходилъ только прямо и не сворачивалъ, то для его прохода въ городѣ ломали дома. Наткнулись они на домъ вдовы. Она слезно просила не ломать ея дома. Китоврасъ прошелъ около угла, сломавъ себѣ ребро. На рынкѣ онъ засмѣялся, услышавъ, какъ одинъ покупалъ себѣ сапоги «на семь лѣтъ», засмѣялся онъ также, услышавъ ворожившаго человѣка. Увидѣвъ свадьбу, заплакалъ. Приведенный къ царю, Китоврасъ, на вопросъ царя, какъ обойтись безъ желѣза при тесаніи камней, отвѣчалъ, что есть такой камень «шамиръ», мѣстопребываніе котораго извѣстно птицѣ Кокоту. По приказанію царя, посланные воспользовались отсутствіемъ птицы и покрыли ея гнѣздо стекломъ. Вернувшаяся птица не могла проникнуть въ гнѣздо, слетала за «шамиромъ», чтобы разрѣзать стекло—и посланные овладѣли чудеснымъ камнемъ. Затѣмъ Соломонъ спросилъ Китовраса, зачѣмъ онъ засмѣялся, услыхавъ, какъ на рынкѣ одинъ покупалъ сапоги на семь лѣтъ. Китоврасъ отвѣчалъ, что смѣялся потому, что покупавшій долженъ былъ умереть черезъ семь дней. Надъ ворожившимъ человѣкомъ онъ посмѣялся потому, что этотъ человѣкъ, претендующій на всевѣдѣніе, не зналъ, что подъ его ногами зарытъ былъ кладъ. Надъ свадьбой онъ поплакалъ, зная, что женихъ не проживетъ 30 дней. Впослѣдствіи Китоврасъ хитростью освободился изъ власти Соломона, и Соломонъ всю жизнь трепеталъ его,

---

[1]) Слово „Китоврасъ“ сопоставляютъ съ испорченнымъ греческимъ κένταυρος. Другіе полагаютъ, что это одно изъ многочисленныхъ именъ дьявола. Истор. Христ., I, 153—154.

[2]) Ср. русскую сказку, гдѣ такъ овладѣваютъ змѣемъ.

опасаясь мести. Этотъ апокрифъ есть близкое повторенiе разсказа, помѣщеннаго въ Талмудѣ о Соломонѣ и демонѣ Асмодеѣ. Этого апокрифа до сихъ поръ не нашли въ Грецiи, ни въ южныхъ славянскихъ земляхъ.

Существуетъ апокрифъ, разсказывающiй о томъ, какъ Китоврасъ овладѣлъ чудеснымъ перстнемъ Соломона и его женой. Китоврасъ—чародѣй, который днемъ царствуетъ надъ людьми, а ночью надъ звѣрями. Соломонъ, послѣ ряда приключенiй и опасностей, убиваетъ Китовраса и наказываетъ жену.

Такимъ образомъ, Китоврасъ является то въ роли мудраго совѣтника Соломона, то чародѣя—врага. Оба образа нашли себѣ отраженiе во всемiрной литературѣ: существуетъ старая нѣмецкая поэма о Соломонѣ и Морольфѣ, гдѣ послѣднiй играетъ роль Китовраса. Представленiе этого существа въ видѣ чародѣя, похищающаго жену героя, повторяется во многихъ сказкахъ западно-европейскихъ и русскихъ, а также въ былинѣ Василiи Окульевичѣ.

Суды Соломона

Суды Соломона. Въ этомъ апокрифѣ приведены образцы Соломоновой мудрости, проявленной имъ во время судопроизводства, въ отгадываньи загадокъ, въ произнесенiи мудрыхъ изреченiй. Изъ многочисленныхъ разсказовъ, составляющихъ этотъ апокрифъ, привожу нѣсколько.

У одного богача не было дѣтей. Онъ усыновилъ раба, который отправился торговать, разбогатѣлъ и сдѣлался приближеннымъ къ царю. Въ это время у богача родился сынъ. Онъ выросъ и отправился отыскивать своего раба. Найдя его, онъ ударилъ его и потребовалъ отъ него денегъ. Тотъ сталъ отрицать свое рабство. Соломонъ приказалъ принести кость богача и пролить на нее кровь раба и сына. Кровь перваго не удержалась въ кости,—кровь второго всосалась. Сомнѣнiя были разрѣшены.

Одинъ человѣкъ оставилъ все свое имущество старшему сыну. Пятеро младшихъ стали требовать своей части. Соломонъ велѣлъ раскопать могилу отца и принести правую руку. Всѣ согласились, кромѣ старшаго, который согласился подѣлить все наслѣдство, только чтобы не трогали праха отца. Соломонъ отдалъ все наслѣдство старшему, усумнившись въ томъ, чтобы младшiе могли быть дѣтьми покойнаго. Этотъ апокрифъ основывается на одной еврейской сказкѣ.

Соломонъ захотѣлъ испытать разумъ мужской и женскiй. Онъ приказалъ своему приближенному убить свою жену, обѣщая выдать замужъ за него свою дочь. Послѣ долгихъ колебанiй тотъ согласился, но убить не рѣшился. Жена же его съ радостью согласилась убить мужа, но ей дали не настоящiй мечъ, и она только разбудила мужа. Соломонъ сказалъ: «Въ тысячѣ я нашелъ мудраго мужа, но въ десяти тысячахъ не нашелъ ни одной мудрой жены». Этотъ же разсказъ входитъ и въ Талмудъ съ незначительными измѣненiями.

Мудрая царица южская (или Савская, иначе Сивилла) прiѣхала со своими мудрецами къ Соломону. Она, желая испытать его мудрость, собрала отроковъ и дѣвочекъ, одинаково ихъ одѣла и спросила Соломона: «кто въ этой толпѣ мальчикъ, кто дѣвочка?» Соломонъ велѣлъ имъ умываться. Мальчики умывались быстро и энергично, дѣвочки — вяло и неувѣренно. Когда передъ этой толпой были разбросаны овощи, мальчики стали ихъ собирать въ полы, а дѣвочки въ рукава. Соломонъ разрѣшилъ загадку.

Потомъ началось испытаніе мудрецовъ Соломоновыхъ. Мудрецы царицы сказали: «Далеко отъ города есть колодецъ,—какъ его привести въ городъ?» Мудрецы Соломона отвѣчали: «Сплетите веревку изъ отрубей, и мы вамъ приведемъ колодецъ въ городъ!» Мудрецы царицы сказали: «Если на нивѣ вырастутъ ножи, чѣмъ ее сжать?» «Рогомъ ослинымъ!» отвѣчали мудрецы царя.—«Развѣ у осла бываютъ рога?»—«А развѣ на нивѣ растутъ ножи?»—отвѣчали тѣ.

У евреевъ не сохранилось этого разсказа въ священныхъ книгахъ, но очень похожій разсказъ есть у мусульманъ. Очевидно, разсказъ еврейскаго происхожденія затерялся у евреевъ, но сохранился у мусульманъ и у христіанъ.

b) новозавѣтные апокрифы. Если ветхозавѣтные апокрифы, главнымъ образомъ, сказочнаго характера, то новозавѣтные, по преимуществу, имѣютъ характеръ біографическій—въ нихъ сообщаются разсказы о дѣтствѣ Христа, о Его родственникахъ, ученикахъ, о житіи и судьбѣ Пилата, Іосифа Аримаѳейскаго,—словомъ, о тѣхъ лицахъ, съ которыми Христосъ встрѣчался въ жизни. Въ эти разсказы вносился сильный психологическій элементъ.

„Никодимово Евангеліе". *Никодимово Евангеліе.* Старѣйшины пришли жаловаться къ Пилату на Іисуса. За Іисусомъ послали сторожа, который пригласилъ Его съ почетомъ, положивъ передъ Его ногами покрывало съ головы своей. Онъ помнилъ входъ Христа на осляти въ Іерусалимъ. Когда Христосъ вошелъ къ Пилату, идолы поклонились Ему. Напрасно іудеи крѣпко держали идоловъ,—тѣ все преклонялись передъ Христомъ. Въ защиту Христа передъ Пилатомъ выступилъ одинъ изъ еврейскихъ старѣйшинъ Никодимъ, потомъ разслабленный, вылеченный Христомъ, и другіе, Имъ облагодѣтельствованные. Далѣе разсказъ идетъ близко къ каноническому вплоть до воскресенія Христа. Затѣмъ свидѣтелей, видѣвшихъ Христа, оказывается больше, чѣмъ въ Евангеліи каноническомъ. Оказывается, между прочимъ, что Іосифъ Аримаѳейскій, посаженный въ тюрьму и обреченный смерти, изведенъ былъ оттуда Самимъ Іисусомъ Христомъ. Слѣдуетъ подробный разсказъ о засѣданіи еврейскихъ старѣйшинъ съ Никодимомъ вмѣстѣ. Они раскаяваются въ содѣянномъ ими. Къ Никодимову Евангелію обыкновенно присоединялось «письмо Пилата къ Тиберію» и «сказаніе о смерти Пилата». Въ этомъ письмѣ разсказаны всѣ событія суда и казни Христа съ точки зрѣнія человѣка недоумѣвающаго и испуганнаго. Онъ самъ видѣлъ видѣнія. При дворѣ Тиберія всѣ ужаснулись беззаконію Пилата. Пилатъ призванъ для отвѣта въ Римъ. Тиберій сталъ упрекать Пилата, и, едва онъ упомянулъ имя Христово, всѣ боги, золотые и серебряные, стоявшіе у него во дворцѣ, упали и разсыпались. Пилату была отсѣчена голова.

„Слово Афродитіана". *Слово Афродитіана* объясняетъ, почему персы (волхвы) раньше всѣхъ узнали о рожденіи Христа и явились съ дарами. Оказывается, въ кумирнѣ языческіе боги ночью ликовали вслѣдствіе рожденія Христа. Узнавъ объ этомъ отъ жреца, самъ царь остался въ храмѣ на ночь и видѣлъ веселіе боговъ и звѣзду. Мудрецы посовѣтовали ему послать волх-

вовъ въ Іерусалимъ съ дарами. Сообщаются подробности о томъ, какъ волхвы посѣтили Христа.

„Сказаніе объ успеніи Богородицы".

Сказаніе объ успеніи Богородицы было очень популярно; оно дало матеріалъ для церковныхъ пѣсней, житій и пр. Содержаніе апокрифа слѣдующее: Богородица ходила молиться на гробъ Господень. Іудейскіе старѣйшины поставили стражу у гроба, но Богородица проходила невидимо. Однажды архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Ей о скорой кончинѣ.

По Ея молитвѣ всѣ апостолы чудеснымъ образомъ принесены были изъ разныхъ концовъ міра въ Іерусалимъ. Когда Она стала отходить, явились ангельскія воинства; потомъ около дома Богородицы явились солнце, луна и весь соборъ святыхъ. Совершались чудеса: слѣпые прозрѣвали, глухіе начинали слышать. Іудейскіе старѣйшины хотѣли взять Богородицу и апостоловъ подъ стражу, но посланные, объятые страхомъ, вернулись обратно. Хотѣли іудеи поджечь домъ, гдѣ была Богородица, но и это не удалось: огонь попалилъ ихъ самихъ. Самъ Господь явился въ храмину, гдѣ была Богородица. Апостолъ Петръ началъ пѣніе, и всѣ силы небесныя воспѣли «аллилуія». «Тогда лице Богоматери просвѣтилось паче свѣта, и Она своею рукою благословила каждаго. Мы (разсказываетъ Іоаннъ Богословъ) воздали хвалу Богу, и Господь принялъ въ свои руки святую и непорочную Ея душу. Воздухъ наполнился благоуханіемъ и былъ неизреченный свѣтъ». Когда несли одръ, одинъ еврей хотѣлъ его отнять, но ангелъ невидимо отсѣкъ ему руки. По молитвѣ Петра руки опять пристали къ тѣлу еврея. Когда выходили изъ Іерусалима—свѣтлое облако восхитило одръ Богородицы. Въ это время явились праведники ветхозавѣтные на встрѣчу Ей».

Этотъ апокрифъ имѣетъ значеніе въ исторіи русской иконописи. Успеніе изображается буквально по апокрифу; даже отсѣченныя руки держатся за одръ.

Хожденіе Богородицы по мукамъ.

Хожденіе Богородицы по мукамъ [1]. Богородица пожелала видѣть муки грѣшниковъ. Архангелъ Михаилъ ведетъ Ее въ загробный міръ. Видятъ они тѣхъ, кто не вѣровалъ въ Отца и Сына и Св. Духа, а вѣровалъ въ солнце, луну, землю, воду, въ звѣрей и гадовъ, въ Трояна, Хорса, Велеса и Перуна, видятъ непризнававшихъ Ея, Богородицы. Въ пылающей огнемъ рѣкѣ страдаютъ клятвопреступники, люди, ѣвшіе человѣческое мясо, и др.—кто по поясъ, кто до головы... Ростовщикъ виситъ повѣшенный за ноги, его ѣдятъ черви. Женщина, разводившая сплетни, виситъ, повѣшенная за зубы; змѣи выходятъ у нея изо рта и ѣдятъ ее. Видѣла Богородица здѣсь и лѣнивцевъ, пропускавшихъ заутреню, видѣла не встававшихъ передъ священниками, клеветниковъ; видѣла священниковъ, ронявшихъ на землю крупицы просфоръ во время проскомидіи, патріарховъ, епископовъ, монахинь и др. Богородица иногда жалѣетъ грѣшниковъ, чаще говоритъ, что муки имъ «подѣломъ». По Ея молитвѣ и просьбѣ ангеловъ и апостоловъ Господь даетъ грѣшникамъ отдыхъ отъ Великаго Четверга до св. Пятидесятницы.

Апокрифъ очень красивъ. Широко нарисована мрачная картина мученій. Тѣмъ эффектнѣе на этомъ фонѣ свѣтлый образъ Богородицы. Она

---

[1] Истор. Хрест., I 154—156.

предстаетъ въ такомъ ореолѣ человѣчности, что предъ Нею блѣднѣетъ образъ Христа.

Апокрифъ этотъ былъ очень популяренъ у насъ; онъ, конечно, способствовалъ развитію въ нашемъ народѣ представленія о Богородицѣ, какъ вѣчной заступницѣ у престола Божія; онъ отразился и въ духовныхъ стихахъ, и въ живописи (изображеніе загробныхъ мукъ).

„Бесѣда трехъ святителей".

Изъ апокрифовъ очень популяренъ былъ у насъ также одинъ, носящій названіе „Бесѣда трехъ святителей". Содержаніе его слѣдующее:

Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ разсуждаютъ о различныхъ священныхъ предметахъ, — задаютъ себѣ вопросы и сами отвѣчаютъ. Вопросы и отвѣты въ родѣ слѣдующихъ. Вопросъ: «Кто первый наречеся на земли?» Отвѣтъ: «Сатанаилъ наречеся первый и причтенъ бысть къ ангеламъ, за гордость же нареченъ Сатана». В.: «Гдѣ Богъ жилъ, когда не было свѣта?» О.: «Суть три каморы на воздусѣхъ; ту бяше Господь, а свѣту тогда не бысть». В.: «Отъ чего ангелы сотворены?» О.: «Отъ духа Господня, отъ свѣта и отъ огня». В.: «Отъ чего солнце сотворено?» О.: «Отъ выспреннія ризы Господни». В.: «Отъ чего луна сотворена?» О.: «Отъ аера и отъ воздуха и отъ престола Господня». В.: «Отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ?» О.: «Отъ осми частей: тѣло взято отъ земли, отъ камени—кости, отъ моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ вѣтра—духъ, отъ огня—теплота, душу Господь вложилъ».

Въ такомъ же духѣ и всѣ прочіе вопросы и отвѣты («Изъ чего созданъ громъ и молнія?», «Сколько времени прожилъ Адамъ въ раю?», «Кто первый узналъ грамоту?» и пр.). Нѣкоторые вопросы сбиваются уже на загадки. Напр. В.: «Кто дважды смерть вкусилъ?» О.: «Лазарь четверодневный». В.: «Кто не рожденъ, кто не умеръ, кто не истлѣлъ?» О.: «Не рожденъ Адамъ, не умеръ Илія-пророкъ, не истлѣла Лотова жена». В.: «Что значитъ: гробъ хождаше, а въ немъ мертвецъ пояше?» О.: «Китъ въ морѣ хождаше, а Іона во чревѣ пѣснь Богу пояше».

Нѣкоторые вопросы касаются судьбы умершихъ на томъ свѣтѣ и послѣ воскресенія.

Не останавливаясь на пересказѣ другихъ апокрифовъ, я укажу на „Дѣянія Павла и Теклы" [1]), какъ на апокрифъ, очень интересный по содержанію. Также необыкновенной картинностью отличаются „Вопросы св. Вареоломея".

„Вопросы св. Вареоломея".

Св. апостолъ Вареоломей пожелалъ увидѣть Сатану. Свое желаніе высказалъ онъ Христу. Христосъ сказалъ ему, что силъ человѣческихъ не хватитъ на это зрѣлище. Но къ просьбѣ Вареоломея присоединились Богородица и апостолы. Христосъ согласился. И вотъ Онъ на горѣ, съ нимъ Его Мать, апостолы. Христосъ приказываетъ архангелу Михаилу дать трубный знакъ. «И въ тотъ часъ изведенъ бысть діаволъ, держимъ 660 ангелъ, огненными веригами связанъ. Бяше же высота того 60 ло-

---

[1]) Истор. Хрестоматія, I, 156.

коть, лице же его, какъ молонья, очи же его, яко искрие, отъ ноздри его исходяще вопль смердяще, уста же его, яко пропасть глубокая».

Вся эта картина потрясаетъ мощью. Богоматерь и ученики въ ужасѣ повергаются ницъ, не имѣя силъ взглянуть въ лицо князю тьмы. Одинъ Христосъ стоитъ и смотритъ на него. Сатана великъ и могучъ, даже близкіе Христу люди падаютъ, смятенные ужасомъ—избранники трепещутъ предъ царемъ мрака!

Даже приведенные немногочисленные случаи позволяютъ утверждать, что апокрифы имѣютъ большую эстетическую цѣнность. Но для русскихъ людей древней Руси многіе изъ нихъ не отличались отъ каноническихъ книгъ. Въ этомъ сказалась своеобразность того синкретическаго міровоззрѣнія, когда знанія, поэзія и религія еще находили себѣ мѣсто въ одномъ и томъ же произведеніи.

Если мы припомнимъ, что Библія появилась у насъ цѣликомъ сравнительно поздно, то окажется, что событія Ветхаго Завѣта наши предки знали не столько изъ книгъ Св. Писанія, сколько изъ апокрифовъ.

Палея Историческая

Палея [1]) *историческая* переведена съ греческаго,—это краткій пересказъ Ветхаго Завѣта съ нѣкоторыми апокрифическими подробностями. Появленіе этой Палеи и подобныхъ же сокращеній Библіи объясняется тѣмъ, что для обиходнаго чтенія Библія по своему объему не для всѣхъ была доступна.

Апокрифы въ Палеѣ.

Изъ апокрифическихъ подробностей можно указать на разсказъ о томъ, какъ Адамъ не зналъ, что̀ дѣлать съ тѣломъ Авеля, и какъ ангелъ явился ему и сказалъ: «Земля еси и въ землю отыдеши». Адамъ понялъ и зарылъ тѣло сына.

О Моисеѣ разсказано, какъ онъ ребенкомъ сорвалъ вѣнецъ съ Фараона. Тотъ увидѣлъ въ этомъ злое предзнаменованіе и приказалъ убить Моисея. Одинъ мудрецъ совѣтовалъ испытать разумъ ребенка. Передъ Моисеемъ стали держать драгоцѣнный камень и горящую свѣчу. Моисей схватилъ свѣчу, что̀ дало поводъ рѣшить, что онъ—неразумное дитя, сорвалъ вѣнецъ неумышленно, и онъ не былъ казненъ [2]).

[1]) Παλαία—обозначало „ветхій завѣтъ“. Самое названіе „Палея Историческая“ позднее,—въ старыхъ рукописяхъ она называется: „Книга бытія небеси и земли“, „Очи палейныя“ и пр.

[2]) *Толковая Палея* принадлежитъ не Кіевской Руси: она составлена позднѣе, въ XIII в., въ сѣверовосточной Россіи (проф. Истринъ). Въ Толковую Палею также очень много введено апокрифовъ. Но это не простая ветхозавѣтная исторія,—это ветхозавѣтная исторія съ толкованіями, направленными противъ евреевъ. Авторъ постоянно старается истолковать событія Ветхаго Завѣта, какъ прообразъ Новаго. Сюда введены многіе разсказы изъ Шестоднева, Физіолога и др. сочиненій. Очевидно, Толковая Палея сложилась въ пылу борьбы съ еврейскими вліяніями. Потомъ, когда жгучій интересъ къ полемикѣ противъ евреевъ прекратился, Толковая Палея потеряла свой боевой характеръ и стала пополняться разсказами, не отвѣчавшими первоначальной идеѣ. Ересь жидовствующихъ въ XV в. вызвала опять интересъ къ этому произведенію.

Выше было отмѣчено, что изъ поэтическихъ богатствъ Византіи очень немногое оказалось по плечу нашимъ предкамъ: такъ имъ оказался недоступенъ греческій идеалистическій романъ, но повѣсти, сортомъ пониже, ихъ заинтересовали. Изъ историческихъ сочиненій ихъ вниманіе привлекли только тѣ, которыя содержаніемъ своимъ соприкоснулись со священной исторіей. Эта подчиненность религіознымъ настроеніямъ сказалась даже въ томъ, что такія сочиненія по естествознанію, которыя могли бы быть „научными“, какъ „Шестодневы“, „Топографія Козьмы Индикоплова“, и „Физіологъ“ служили, прежде всего, для восхваленія Творца, упроченія христіанства, и для моральнаго назиданія христіанъ.

Историческія сочиненія.

§ 15. *Историческія сочиненія* византійскихъ писателей интересовали нашихъ предковъ, и потому были очень у насъ распространены; носили они особое названіе: „хроники“, „хронографы“. Содержаніемъ ихъ была всемірная исторія, начиная отъ сотворенія міра до временъ автора. Особенно у насъ извѣстна была хроника Іоанна Малалы, Георгія Амартола и Константина Манассіи.

Происхожденіе всѣхъ этихъ „хроникъ“ было чисто-компилятивное, опиралось на разсказы Библіи и труды древне-греческихъ историковъ.

Хроника Малалы.

Трудъ Малалы отличается полнымъ отсутствіемъ критическаго отношенія къ источникамъ: составитель не только свободно вноситъ легенды, апокрифы, но онъ даже не отвергаетъ языческихъ миѳовъ, принимая ихъ за факты.

Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что отъ сына Ноева родился гигантъ Кронъ, и далѣе разсказываетъ, согласно греческимъ миѳологамъ, о рожденіи сыновей Крона, о Зевсѣ и др. богахъ. Переводъ этой хроники сдѣланъ былъ въ Болгаріи при Симеонѣ. Славянскій переводчикъ внесъ въ хронику Малалы романъ объ Александрѣ.

Хроника Георгія Амартола.

Больше значенія для русской литературы имѣла хроника Георгія Мниха, по прозвищу Амартола (грѣшника). Это сочиненіе въ четырехъ частяхъ, захватываетъ событія отъ Адама до смерти Ѳеофила (842 г.). Въ первой части разсказъ кончается исторіей Александра Македонскаго. Здѣсь помѣщены разсказы о разныхъ народахъ и объ ихъ обычаяхъ: персахъ, халдеяхъ, брахманахъ и др. Во второй части – исторія до-римскихъ временъ; въ третьей—до Константина Великаго; въ четвертой—дальше, до 842 г. Характеръ сочиненія тоже компилятивный. Авторъ—по убѣжденію аскетъ и притомъ строго-православный, — оттого онъ особенно строго

относится ко всѣмъ отклоненіямъ отъ православія. О монастыряхъ онъ распространяется подробно и при томъ съ особою любовью. Интересуется онъ разными чудесными явленіями: видѣніями, появленіемъ кометъ и пр.

Хроника Константина Манассіи (отъ Адама до 1081 г.) любопытна сильнымъ поэтическимъ колоритомъ. Авторъ охотно прибѣгаетъ къ сравненіямъ и картиннымъ образамъ. Изслѣдователи находятъ слѣды вліянія этой хроники на нѣкоторыхъ поэтическихъ мѣстахъ нашей лѣтописи и „Слова о полку Игоревѣ“ [1]). Хроника Манассіи.

§ 16. *Повѣсти* византійскія тоже перешли къ намъ въ переводѣ южно-славянскомъ. Многія изъ этихъ повѣстей не знаютъ авторовъ, онѣ современемъ настолько укрѣпились на русской почвѣ, что передѣлывались на русскій ладъ. Повѣсти византійскія.

Такова была судьба этихъ повѣстей и на Западѣ. Византія находилась на перепутьи Востока и Запада. Она отдавала Востоку свои богатыя сокровища культуры, полученныя въ наслѣдіе отъ древней Еллады, взамѣнъ чего получала оттуда, съ Востока, поэтическія народныя сказанія; эти сказанія, въ свою очередь, видоизмѣнялись въ Византіи, а затѣмъ переходили дальше, къ другимъ народамъ, вездѣ приспособляясь къ мѣстнымъ вкусамъ и интересамъ, оказывая вліяніе на мѣстное творчество. Такъ какъ къ этимъ произведеніямъ свѣтской литературы не было такого уваженія, какъ къ произведеніямъ литературы церковной, то списки ихъ почти и не дожили до нашего времени: ихъ меньше берегли, чѣмъ рукописи церковнаго содержанія. Оттого повѣсти, извѣстныя еще Кіевской Руси, сохранились до нашихъ дней лишь въ спискахъ сравнительно позднихъ. Напрасно стали бы мы пытаться отыскать въ этихъ повѣстяхъ какое-нибудь опредѣленное міросозерцаніе. Всѣ онѣ исключительно сказочнаго содержанія и принадлежатъ къ тѣмъ поэтическимъ созданіямъ, которымъ ученые дали названіе „странствующихъ“ (wandernde Dichtungen), т. е. переходящихъ отъ народа къ народу.

Александрія [2]), или романъ объ Александрѣ, принадлежитъ къ повѣстямъ, особенно распространеннымъ въ средневѣковой Европѣ. Романъ этотъ сложился подъ вліяніемъ такихъ же народныхъ разсказовъ о разныхъ чудесныхъ странахъ, которые отразились и на созданіи „Одиссеи“; кромѣ того, онъ удовлетворялъ безпокойному любопытству грека, всегда интересовавшагося дале- „Александрія“.

---

[1]) Въ хроникѣ Манассіи есть, между прочимъ, указаніе на Трояна, мудраго царя. Возможно, что о немъ говоритъ и „Слово о полку Игоревѣ“.

[2]) Истор. Хрест. I, 158—165.

кимъ Востокомъ,—этой таинственной страной чудесъ. Самый образъ Александра—завоевателя всего міра, интересовалъ собою, возбуждалъ и фантазію, и творчество: около него стали складываться вымышленныя исторіи,—повторилось то, что было при созданіи апокрифовъ.

„Въ поэзіи, въ преданіяхъ Востока и Запада, образъ македонскаго завоевателя окружился одинаково-поэтическимъ колоритомъ,—своеобразнымъ, смотря по средѣ, къ которой онъ пріурочивался; въ европейскихъ поэмахъ онъ сталъ рыцаремъ, у мусульманъ—народнымъ героемъ“ (А. Веселовскій). Въ христіанской Византіи Александръ принялъ многія черты христіанина. Фантастическій элементъ—характерная черта этого романа.

Содержаніе романа [1]) вкратцѣ слѣдующее:

Египетскій царь Нектанебъ былъ волхвомъ. Онъ своими чарованьями долго боролся съ врагами; когда на Египетъ пошли войною персы, онъ, благодаря дару провидѣнія, узналъ, что съ ними не справится. Онъ бѣжалъ изъ царства, оставивъ на одной колоннѣ надпись, что онъ удаляется изъ Египта, но что черезъ 30 лѣтъ вернется юный и сильный и побѣдитъ персовъ. Нектанебъ прибылъ ко двору царя Филиппа Македонскаго. Отъ союза его съ царицей Олимпіадой рождается Александръ. При рожденіи Александра гремѣлъ громъ и сверкала молнія. Внѣшность его была необычайная,—онъ имѣлъ гриву на-подобіе львиной, одинъ глазъ смотрѣлъ внизъ, другой вбокъ. Царевичу дали хорошее образованіе,—его обучали лучшіе ученые того времени. Разъ Нектанебъ въ вечерній часъ въ пустынномъ мѣстѣ показывалъ Александру звѣзды, толкуя ихъ значеніе. Александръ столкнулъ его въ оврагъ такъ, что Нектанебъ получилъ при паденіи смертельный ушибъ. Царевичъ сталъ издѣваться надъ умирающимъ: «Ты, говорилъ онъ, читаешь будущее по звѣздамъ, а не знаешь, что тебѣ угрожаетъ гибель». Нектанебъ сказалъ, что это онъ предвидѣлъ, такъ какъ ему было предсказано, что онъ будетъ убитъ собственнымъ сыномъ. И онъ передъ смертью сказалъ юношѣ, что онъ—его отецъ.

Изъ юношескихъ подвиговъ Александра самымъ замѣчательнымъ было укрощеніе коня Буцефала, съ которымъ никто не могъ справиться; держали этого коня въ заточеніи и кормили мясомъ осужденныхъ на смерть преступниковъ. Затѣмъ на состязаніи въ конскомъ ристаніи онъ одержалъ побѣду надъ царемъ Акарнанскимъ, покорилъ возставшій противъ Филиппа подвластный ему городъ Меѳону. Александръ отказался платить дань персидскому царю Дарію. Вступивъ на престолъ послѣ смерти Филиппа, онъ отправился въ походъ противъ Дарія. Онъ передъ тѣмъ разорилъ Ѳивы, затѣмъ черезъ Ѳракію и Геллеспонтъ онъ проникъ въ Азію, при Граникѣ разбилъ персовъ, затѣмъ пошелъ во Фригію, Ликію, въ Италію, оттуда въ Африку, Карѳагенъ и Египетъ. Здѣсь онъ сдѣлался общимъ любимцемъ, основалъ городъ Александрію, принесъ жертвы египетскимъ богамъ,

[1]) См. Историч. Хрестоматію, I, 158.

въ Мемфисѣ онъ прочиталъ надпись, сдѣланную Нектанебомъ. Затѣмъ онъ взялъ городъ Тиръ, пошелъ на Іудею. Съ почетомъ встрѣтили іудеи Александра,—первосвященникъ со всѣми священнослужителями, одѣтый въ богатыя ризы, вышелъ къ нему, и Александръ преклонился передъ духовенствомъ іудеевъ и принесъ жертву ихъ Богу. Въ это время онъ подвергся оскорбленію со стороны Дарія, — тотъ прислалъ юношѣ Александру дерзкое письмо и въ даръ плеть, мечъ, ящичекъ съ золотомъ: плеть—въ знакъ того, что ему еще слѣдуетъ учиться, мечъ — для игры съ сверстниками, золото — чтобы Александръ имѣлъ чѣмъ прокормить своихъ воиновъ-разбойниковъ. Александръ и по отношенію къ посламъ и по отношенію къ царю выказалъ сдержанность. Въ происшедшемъ сраженіи Дарій былъ разбитъ, и все его имущество, мать, жена и дочь достались въ руки Александра. На мѣстѣ прежней Трои онъ вспомнилъ павшихъ здѣсь героевъ и позавидовалъ ихъ славѣ: лучше быть конюхомъ и попасть въ пѣсни Гомера, чѣмъ быть царемъ македонянъ и не быть прославленному Гомеромъ. Несмотря на письмо матери, Дарій продолжалъ упорствовать въ своемъ желаніи побѣдить Александра.

Переодѣтый посломъ Александръ проникаетъ во дворецъ Дарія. Въ новыхъ битвахъ Дарій опять оказывается разбитымъ. Онъ умираетъ отъ руки своихъ приближенныхъ, успѣвъ передъ смертью поговорить съ Александромъ, который женится на его дочери Роксанѣ и обо всемъ происшедшемъ сообщаетъ письмомъ матери Олимпіадѣ и учителю своему Аристотелю. Въ этомъ же письмѣ разсказываетъ онъ о чудесахъ Востока. Онъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ великанами-дикарями, которые питались яблоками; онъ видѣлъ людей съ львиными головами; видѣлъ безголовыхъ, питающихся рыбой; видѣлъ чудесныхъ животныхъ шестиглазыхъ, птицъ, испускающихъ огонь, блохъ величиной съ жабу; видѣлъ диковинныя деревья, выростающія въ одинъ день и исчезающія; непонятный страхъ не позволялъ воинамъ рубить эти деревья. Онъ разсказываетъ, какъ, желая добраться до конца земли, онъ попалъ въ пустыню, въ которой не свѣтило солнце. Онъ добрался до земли блаженныхъ, и двѣ птицы съ человѣческими лицами запретили ему вступать въ ея предѣлы.

Покончивъ съ персами, онъ пошелъ походомъ въ Индію на царя Пора. Онъ проникъ во дворецъ Пора, въ качествѣ посла, высмотрѣлъ его силы и затѣмъ, во время сраженія, благодаря хитрости, справился съ его войсками. Во время единоборства Александръ убилъ самого Пора. Затѣмъ онъ посѣтилъ брахмановъ. Это были мудрецы, не имѣвшіе собственности, даже одѣянія. Александръ предлагаетъ имъ рядъ вопросовъ, въ родѣ, напримѣръ, такого: «Какое животное лукавѣе всѣхъ?» Они отвѣтили: «Человѣкъ»—и въ примѣръ лукавства человѣческаго привели самого Александра. «Ты,—сказали они,—звѣрь, а сколько звѣрей за собой водишь, чтобы отнимать жизнь у другихъ». Они отрицаютъ смыслъ всякаго государственнаго устройства, видя въ немъ стѣсненіе свободы. И Александръ обнаружилъ свою мудрость. На вопросъ брахманъ, зачѣмъ онъ такой безпокойный, стремится всѣмъ овладѣть,—все равно ему, смертному, не удержать всего въ рукахъ, Александръ отвѣтилъ, что его дѣятельность и его характеръ—дѣло Промысла; онъ сказалъ, что не въ покоѣ счастье: «не встанетъ бо море, аще не дохнетъ вѣтръ»; относительно своего нрава, онъ сказалъ, что,

если бы всѣ люди имѣли одинъ нравъ, то празденъ былъ бы весь міръ: «по морю не плавалъ бы никто, и землю не обрабатывали бы». Золота и даровъ брахманы отъ Александра не взяли. Отсюда онъ отправился въ одинъ городъ, гдѣ были два дерева, при заходѣ и восходѣ солнца и луны прорицавшіе человѣческимъ голосомъ. Отъ нихъ Александръ узналъ о грядущей своей смерти. Затѣмъ онъ попалъ къ царицѣ Кандакіи, сына которой Кондаула онъ спасъ изъ рукъ враговъ. Потомъ онъ попадаетъ къ амазонкамъ, потомъ къ Черному морю, гдѣ видитъ различныхъ чудовищъ; оттуда онъ пробирается въ «солнечный градъ»; въ роскошной клѣткѣ видитъ онъ голубя, который воспретилъ ему всходить на небесный путь. Александръ вернулся въ Вавилонъ и тамъ скончался отравленный».

Дѣянія Девгенія.

Дѣянія Девгенія [1]). Герой этой повѣсти Девгеній Акритъ есть, собственно, Василій Дигенисъ-Акритъ, византійскій витязь, подвиги котораго воспѣвались въ греческихъ пѣсняхъ; имя его до нашихъ дней сохранилось въ памяти греческаго народа. Главные подвиги его связывались съ охраненіемъ предѣловъ византійской земли отъ сарацынъ. Въ X-омъ вѣкѣ послѣ Р. Х. въ честь его сочинили поэму. Наша повѣсть есть отраженіе этой поэмы. Содержаніе повѣсти слѣдующее:

Аравитскій царь Амиръ похитилъ красавицу-гречанку. Мать ея проситъ сыновей отбить ихъ сестру. Амиръ сначала хочетъ отдѣлаться хитростью, но потомъ заявляетъ о своей готовности креститься и жениться на дѣвушкѣ. Амиръ уѣзжаетъ съ женою въ Византію. Мать его хочетъ вернуть сына на родину, но ея хитрость не удалась, и кончается тѣмъ, что она сама крестится. Отъ Амира родится Дигенисъ (т. е. двоюродный,— сынъ сарацина и гречанки). Онъ уже отрокомъ отличается на охотахъ, разныхъ состязаніяхъ. Узнавъ о существованіи красавицы-Стратиговны, которую отецъ ея Стратигъ держитъ взаперти, Девгеній рѣшается овладѣть дѣвушкой, влюбляетъ ее въ себя и похищаетъ.

Стратигъ принужденъ согласиться на бракъ. «Брачныя пиршества продолжаются три мѣсяца; ихъ ни описать, ни разсказать,—вся природа въ нихъ участвуетъ; земля расцвѣла отъ веселья, горы пляшутъ, скалы сладко поютъ и рѣки замедлили свой бѣгъ» (Веселовскій). Послѣ свадьбы Дигенисъ отправляется нести сторожевую службу къ границамъ (ср. въ русскихъ былинахъ «заставы богатырскія»). Здѣсь онъ сражается съ разными проѣзжими богатырями, убиваетъ дракона, побѣждаетъ разбойниковъ, одерживаетъ верхъ надъ дѣвушкой-поленицей, амазонкой Максиміаной.

Конецъ повѣсти посвященъ разсказу о счастливой жизни Девгенія въ его прекрасномъ дворцѣ.

Въ греческой поэмѣ замѣтно желаніе придать разсказу историческій колоритъ; сообщаются имена, указываются мѣста дѣй-

---

[1]) Истор. Хрест., I, 165—170.

ствія. Въ русской передѣлкѣ повѣсти больше сказочности; напримѣръ, мать Амира, желая его вернуть, даетъ посланнымъ чудныхъ коней: одинъ конь летаетъ по воздуху, другой дѣлаетъ невидимымъ сѣдока. Вводится въ разсказъ „вѣщая книга", изъ которой герой узнаетъ о своей судьбѣ. Любовный элементъ въ нашей повѣсти сокращенъ, зато введенъ элементъ христіанства; греческіе витязи, вступая въ бой, поютъ духовныя пѣсни. „Гдѣ они стоятъ, тамъ словно солнце сіяетъ, гдѣ крутятъ Амира, тамъ, аки тьма, темно" (Веселовскій).

Борьба грековъ и сарацинъ представлена, главнымъ образомъ, какъ борьба христіанъ и мусульманъ.

Языкъ повѣсти порою очень поэтиченъ: сравненія, эпитеты, уподобленія, гиперболы встрѣчаются часто. Многія мѣста, несомнѣнно, повліяли на стиль „Слова о полку Игоревѣ" и на былины.

Сказаніе о премудромъ Акирѣ.

„Сказаніе о премудромъ Акирѣ [1]) носитъ чаще другое названіе: *„Повѣсть о Синагрипѣ, царѣ Адоровѣ и Наливскія страны"*. Въ основѣ этой повѣсти лежитъ древнее сказаніе о какомъ-то царѣ и объ его мудромъ совѣтникѣ. Позднѣе это преданіе вошло въ жизнеописаніе Эзопа и въ сказки „1001 ночи" (о царѣ Санхерибѣ и его министрѣ Гейкарѣ). Содержаніе повѣсти слѣдующее:

Акиръ, совѣтникъ царя Синагрипа, богатъ, но бездѣтенъ. Онъ обращается съ молитвой къ Богу. Голосъ съ неба совѣтуетъ ему усыновить племянника Анадана. Акиръ исполняетъ это приказаніе, воспитываетъ Анадана и учитъ его житейской мудрости, даетъ ему въ назиданіе длинный рядъ совѣтовъ. Анаданъ, сдѣлавшись приближеннымъ царя, клевещетъ на Акира и добивается царскаго приказа казнить Акира. Служитель, которому поручено было это сдѣлать, казнилъ другого, а Акира скрылъ. Египетскій царь Фараонъ, узнавъ, что мудреца Акира больше нѣтъ въ живыхъ, присылаетъ къ Синагрипу посла съ требованіемъ, или отгадать загадки, или сдѣлаться данникомъ. Синагрипъ въ отчаяніи. Тогда служитель, пощадившій Акира, сознается царю, что мудрецъ его живъ. Акиръ отправленъ подъ чужимъ именемъ въ Египетъ. На мудреные вопросы царя онъ отвѣчаетъ такими же мудреными отвѣтами. Такъ, напримѣръ, царь потребовалъ построить домъ между небомъ и землею. Акиръ къ двумъ орлицамъ привязываетъ клѣтку, въ которую посадилъ мальчика; онъ леталъ надъ городомъ и кричалъ, чтобы ему подавали камней и извести, а люди Акира въ это время ходили въ толпѣ и всѣхъ били, требуя, чтобы просьба мальчика скорѣе была выполнена. Царь Фараонъ признался, что ни онъ, ни его египтяне не могутъ доставить

[1]) Истор. Хрест., I, 170—2.

камней для воздушной постройки. Затѣмъ царь предлагаетъ ему еще нѣсколько задачъ въ такомъ же родѣ, наконецъ, загадываетъ загадки: «стоитъ дубово бревно, на немъ двѣнадцать сосенъ, на каждой 30 колесъ» и т. д. Акиръ сказалъ, что это бревно—годъ, 12 сосенъ—12 мѣсяцевъ и т. д.

Царь Фараонъ призналъ себя побѣжденнымъ,—Акира вернулъ съ почетомъ, а Анаданъ былъ наказанъ.

Состязанія въ мудрости, путемъ разгадыванія загадокъ, очень распространены были въ древности, оттого часто встрѣчаются онѣ и въ старыхъ повѣстяхъ, откуда перешли и въ народныя сказки. Подобное разгадываніе загадокъ и исполненіе трудныхъ задачъ мы встрѣчали въ апокрифѣ о царѣ Соломонѣ и въ романѣ объ Александрѣ...

Повѣсть о Басаргѣ.

Къ такимъ повѣстямъ относится, напримѣръ, популярная у насъ повѣсть *о купцѣ Басаргѣ* [1]). Византійская по происхожденію, она обрусѣла, приняла и русскія имена, и географическія названія. Здѣсь малолѣтній сынъ купца разгадываетъ загадки царя, этимъ спасаетъ жизнь отца, а самъ хитростью убиваетъ царя,—и освобождаетъ все православное царство отъ гнета этого иновѣрца.

Сказаніе объ Индіи богатой.

Сказаніе объ Индіи богатой, или Посланіе пресвитера Іоанна интересовало нашихъ предковъ разсказами о чудесахъ далекой Индіи. Люди, всегда недовольные дѣйствительностью, искали и ищутъ счастья или здѣсь, на землѣ, гдѣ-то за моремъ въ невѣдомой странѣ, гдѣ всѣ счастливы,—или тамъ, за гробомъ,—или въ будущемъ, когда жизнь сложится на новыхъ началахъ. Подобно легендамъ о земномъ раѣ, и „Сказаніе объ Индіи богатой" разсказываетъ о такой странѣ. Это — царство пресвитера Іоанна. „Его власть полусвѣтскаго, полу-религіознаго характера, смѣсь императорства и папства; его окружаютъ епископы, архіепископы" (Веселовскій). Онъ—могущественный повелитель земель отъ Вавилона до конца Индіи, сохранившій вмѣстѣ съ подданными въ первоначальной чистотѣ ученіе Христа. Западная Европа вѣрила въ его существованіе, была убѣждена, что онъ явится съ войскомъ къ Іерусалиму и освободитъ его изъ рукъ невѣрныхъ.

Въ своемъ посланіи этотъ таинственный царь-священникъ именуетъ себя владыкой всѣхъ владыкъ; богатствомъ, доблестями и мощью онъ превосходитъ всѣхъ; Царство его полно сокровищъ, изобилуетъ чудесами; и фауна,

---

[1]) Истор. Хрестом., I, 172—176.

и флора тамъ удивительны: водятся слоны и верблюды, гиппопотамы и крокодилы, стрѣльцы-кентавры, рогатые и одноглазые люди, песьеглавцы и пигмеи; въ рѣкахъ много драгоцѣнныхъ каменьевъ, вода имѣетъ чудесную силу сохранять молодость. Нѣтъ здѣсь бѣдныхъ, нѣтъ воровъ. «Никто между нами не лжетъ и лгать не можетъ. Если кто примется лгать, тотчасъ же умираетъ, и его память вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ мы слѣдуемъ по стезямъ правды и любимъ другъ друга».

„Посланіе“ это очень интересовало нашихъ предковъ, главнымъ образомъ, разсказами о чудесахъ богатой Индіи. Въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ есть прямыя заимствованія изъ повѣсти. Во многихъ сказкахъ, описывающихъ богатство чудесныхъ странъ, можно найти слѣды заимствованій изъ указанныхъ повѣстей.

§ 17. *Самостоятельная литература въ Кіевской Руси.* Преимущественно-церковный характеръ нашего просвѣщенія сказался не только на переводной письменности, но и на самостоятельной. И здѣсь огромное число произведеній относится исключительно къ церковной литературѣ. Впрочемъ, можетъ быть, это количественное преобладаніе литературы церковной объясняется тѣмъ, что монастыри, сохранившіе намъ древнія рукописи, съ особой бережливостью относились къ рукописямъ церковнымъ и нисколько не интересовались рукописями содержанія свѣтскаго,—оттого только счастливый случай сохранилъ намъ „Слово о полку Игоревѣ“—въ свое время, конечно, не единственное произведеніе. Самостоятельная литература Кіевской Руси.

Русская литература этого періода довольно разнообразна по составу: къ ней принадлежатъ сочиненія — 1) *историческія* (житія русскихъ святыхъ, патерикъ, лѣтописи), 2) *нравоучительныя* (церковныя слова, или сказанныя въ церкви, или написанныя для чтенія), 3) *богослужебныя*, 4) *догматическія*, 5) *описанія путешествій по святымъ мѣстамъ.* Составъ этой литературы.

§ 18. *Житія святыхъ.* Самыми ранними русскими житіями считаются сочиненныя мнихомъ Іаковомъ: „*Сказаніе страстей и похвала объ убіеніи св. Бориса и Глѣба*“ и „*Память и похвала князю русскому Володимеру*, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю русскую отъ коньца и до коньца, и како крестися баба Володимерова Ольга и жена Володимера“. Житія святыхъ.

Первое произведеніе представляетъ собой не столько «житіе», сколько историческій разсказъ объ убіеніи князей-братьевъ и о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ. Въ литературномъ отношеніи, произведеніе любопытно „Сказаніе страстей.

стремленіемъ автора внести драматизмъ въ разсказъ,—въ уста братьевъ вложены длинныя рѣчи, жалобы и молитвенныя обращенія къ Богу.

„Память и похвала...“ Во второмъ произведеніи разсказывается о томъ, какъ у Владиміра явилось намѣреніе креститься и какъ произошло самое крещеніе. Послѣ разсказа объ этомъ авторъ помѣщаетъ похвалу свв. Владиміру и Ольгѣ. Затѣмъ авторъ возвращается опять къ разсказу о жизни Владиміра, повѣствуетъ о походѣ на Корсунь, о смерти князя.

Въ литературномъ отношеніи, житіе не имѣетъ особыхъ достоинствъ,—самый разсказъ не отличается послѣдовательностью, но, въ историческомъ отношеніи, оно интересно, такъ какъ даетъ нѣсколько цѣнныхъ показаній, опровергающихъ лѣтопись: на Корсунь Владиміръ ходилъ не передъ крещеніемъ, а черезъ три года послѣ крещенія. Разсказъ лѣтописи о стараніяхъ «нѣмцевъ», «евреевъ» и «грековъ» обратить Владиміра въ свою вѣру житіе тоже не подтверждаетъ.

Житіе Бориса и Глѣба. Слѣдующія, по времени, житія составлены преп. Несторомъ. Его перу принадлежитъ—„*Чтеніе о житіи и о погубленіи Бориса и Глѣба*“ [1]). Отъ произведенія Іакова монаха сочиненіе Нестора отличается бо́льшею искусственностью: оно написано по плану греческихъ житій, главная цѣль которыхъ была дать назидательное чтеніе. Оттого интересы историческіе въ этихъ житіяхъ не преслѣдовались; изъ жизни святыхъ брались только тѣ факты, которые должны были служить примѣромъ для благочестиваго читателя и прославить святого. Остальныя части этихъ житій заполнялись „общими“ мѣстами, почти буквально повторяющимися во многихъ подобныхъ произведеніяхъ.

Такими „общими“ мѣстами преп. Несторъ распространилъ сказаніе объ убіеніи свв. братьевъ, внесъ реторизмъ греческихъ житій, внесъ сравненіе обоихъ братьевъ съ тѣми святыми, христіанскія имена которыхъ они носили—св. Романомъ-сладкопѣвцемъ и царемъ Давидомъ.

Житіе Ѳеодосія. Гораздо интереснѣе „*житіе преп. Ѳеодосія*“ [2]), составленное тѣмъ же Несторомъ. Въ его распоряженіи было много фактовъ изъ жизни Ѳеодосія,—оттого образъ святого получился живымъ и яркимъ. Это—полное описаніе жизни преподобнаго, очень подробное, съ самаго рожденія, захватывающее его дѣтство и юность, много разсказывающее объ его монашеской жизни, рисующее его и какъ дѣятеля церкви, и какъ общественнаго. Оно писано съ любовью, съ яснымъ знаніемъ и пониманіемъ души Ѳеодосія. Оттого и риторизма въ житіи почти нѣтъ.

---

[1]) Истор. Хрест., I, 186—190.
[2]) Истор. Христ., I, 179—185.

Θеодосій былъ сынъ богатыхъ родителей; рано лишился онъ отца и остался на попеченіи матери. Съ дѣтства Θеодосій обнаружилъ стремленіе къ уединенной, созерцательной жизни. Старанія матери видѣть сына нарядно одѣтымъ въ обществѣ дѣтей знатныхъ и богатыхъ не встрѣтили сочувствія въ мальчикѣ.

Суровой энергіи властолюбивой матери онъ противопоставилъ упорное смиреніе,—подвергался побоямъ, но продолжалъ увлекаться св. книгами, церковью, ходилъ съ рабами на черную работу. Съ прохожими странниками онъ убѣжалъ изъ дому, былъ пойманъ матерью, избитъ и закованъ въ кандалы. Ласки и угрозы матери не удержали Θеодосія отъ вторичнаго побѣга. За этотъ побѣгъ, ношеніе веригъ и печеніе просфоръ онъ былъ опять наказанъ. Наконецъ, въ третій разъ онъ покинулъ домъ матери, достигъ Кіева, гдѣ и былъ постриженъ Антоніемъ. Мать разыскала его, пыталась вернуть къ себѣ, но не успѣла въ своемъ намѣреніи и кончила тѣмъ, что сама постриглась въ женскомъ монастырѣ, находившемся недалеко отъ пещеры сына.

Послѣ смерти Антонія Θеодосій сдѣланъ былъ игуменомъ Печерскаго монастыря, построилъ церковь, ввелъ въ монастырѣ уставъ Студійскаго Константинопольскаго монастыря. По этому уставу собственности у монаховъ не было; слова: «мое, твое» не употреблялись. Цѣли монастыря были благотворительныя и образовательныя.

Монахи этого перваго русскаго монастыря должны были трудиться. Самъ Θеодосій подавалъ примѣръ: кололъ дрова, носилъ воду, ухаживалъ за больными. Въ монастырѣ, тогда еще очень бѣдномъ, находили столъ и кровъ бѣдняки и убогіе. Но, кромѣ того, здѣсь собирались и переписывались рукописи, здѣсь велись лѣтописи. И монастырь, и игуменъ его пользовались общимъ уваженіемъ и князей, и простыхъ людей. Эта популярность Θеодосія сдѣлала его общественнымъ дѣятелемъ, и на этомъ поприщѣ онъ обнаружилъ большую гражданскую доблесть: онъ смѣло обличалъ князя Святослава въ церковныхъ и частныхъ бесѣдахъ. На угрозы князя онъ отвѣчалъ мужественнымъ заявленіемъ, что не боится его гнѣва.

Онъ неразъ укорялъ князя за нехристіанскій образъ жизни—пристрастіе къ пирамъ и развлеченіямъ. Подвиги подвижничества Θеодосія различны. Между прочимъ, онъ, уподобляясь св. Макарію, отдавалъ свое тѣло на съѣденіе комарамъ.

„Житіе Θеодосія Печерскаго“ любопытно въ литературномъ отношеніи. Если вліяніе греческихъ житій и сказалось на немъ, тѣмъ не менѣе, оно отличается отъ нихъ во многомъ: нѣтъ здѣсь того пристрастія къ видѣніямъ, чудесамъ, нѣтъ крайностей мистицизма и навязчивой тенденціи поучать. Передъ нами бытовая повѣсть изъ жизни далекаго прошлаго—повѣсть правдивая и безхитростная.

Начало и исторія русскихъ монастырей.

Личность Θеодосія связана съ исторіей Кіево-Печерскаго монастыря. Начало его было положено св. Антоніемъ, который, удалясь отъ міра, вырылъ себѣ на горѣ пещеру и поселился отшель-

никомъ. Къ нему пришло нѣсколько благочестивыхъ людей, въ ихъ числѣ и Ѳеодосій. Они поселились около его пещеры и проводили время въ совмѣстныхъ молитвахъ и трудахъ. Для этой братіи Ѳеодосій установилъ правила общежитія, и первый русскій монастырь сдѣлался центромъ не только религіозной жизни нашихъ предковъ, но и свѣточемъ нравственной и умственной жизни. Сюда стекались бѣдные и увѣчные за хлѣбомъ и кровомъ. Сюда шли больные духомъ за утѣшеніемъ. Здѣсь собирались и переписывались старыя книги, отсюда брали игуменовъ въ новые монастыри, епископовъ во всѣ епархіи русской земли. Чѣмъ строже была жизнь того или другого монаха, тѣмъ съ бо́льшимъ уваженіемъ относились къ нему не только свои братья-монахи, но и люди свѣтскіе—князья и „простецы". Инока считали „свѣтомъ" для мірянъ. По примѣру монастырской жизни устраивалась домашняя жизнь частныхъ лицъ. Кіево-Печерскій монастырь послужилъ образцомъ для цѣлаго ряда другихъ монастырей, особенно многочисленныхъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Руси. Значеніе этихъ монастырей въ исторіи русской культуры громадно. Въ дремучіе лѣса и болота они несли бѣдные запасы тогдашняго знанія, къ инородцамъ-дикарямъ они несли св. книги, слово Божіе; около кельи отшельника выростали другія, строилась церковь, вокругъ вырубались лѣса, распахивалась земля, осушались болота, прокладывались дороги. Около монастырей устраивались ярмарки, образовывались поселки, нерѣдко современемъ выроставшіе въ села и города. Такимъ образомъ, древне-русскій монастырь сыгралъ большую роль не только въ исторіи русскаго просвѣщенія, но и въ исторіи русской государственной жизни.

Кіево-Печерскій патерикъ.

Кіево-Печерскій патерикъ [1])—есть сборникъ разсказовъ о чудесныхъ событіяхъ изъ жизни первыхъ подвижниковъ Печерскаго монастыря. Эти разсказы отличаются обиліемъ легендарнаго матеріала и очень любопытны для пониманія наивной вѣры нашихъ предковъ. Начало этого „патерика" положено было перепиской епископа Симона съ монахомъ Поликарпомъ. Симонъ, мужъ „милостивый и учительный", изъ монаховъ Печерскаго монастыря былъ сдѣланъ игуменомъ одного сѣвернаго монастыря. Въ 1216 г. онъ былъ поставленъ епископомъ владимірскимъ и суздальскимъ. Монахъ Поликарпъ жилъ сначала у него, а потомъ отправился въ Печерскій монастырь; отсюда онъ перебрался игуменомъ въ

---

[1]) Истор. Хрест., I, 190—196.

Дмитровъ, а потомъ вернулся обратно въ Печерскій монастырь, гдѣ и остался простымъ монахомъ. Жизнь здѣсь ему казалась тяжелой, и онъ, разочарованный и озлобленный своими неудачами, обратился за совѣтомъ къ Симону. Симонъ отвѣтилъ ему энергичнымъ посланіемъ, въ которомъ упрекалъ его за честолюбіе и эгоизмъ. По словамъ Симона, онъ съ такимъ благоговѣніемъ относится къ Печерскому монастырю, что готовъ все отдать, только бы „хворостинкой торчать за монастырскими воротами, или соромъ валяться въ монастырѣ“.

Въ назиданіе Поликарпу, Симонъ къ посланію присоединилъ 10 разсказовъ о печерскихъ угодникахъ. Къ этимъ десяти разсказамъ Поликарпъ присоединилъ еще двѣнадцать, и получилось произведеніе, носящее названіе „Кіево-Печерскаго патерика“. Оно является, по идеѣ своей, подражаніемъ многочисленнымъ греческимъ патерикамъ (Сирійскій патерикъ, или Лавсаикъ, Синайскій, или Лимонарь). Такъ какъ цѣль патериковъ не заключалась въ описаніи всей жизни того или другого святого, а лишь въ сообщеніи чудесныхъ и назидательныхъ событій изъ жизни духовныхъ лицъ, чаще всего собранныхъ въ одной обители, то элементъ чудеснаго здѣсь является преобладающимъ. Вслѣдъ за этимъ элементомъ всюду неизбѣжно шла легенда.

Построеніе церкви.

Самый разсказъ о построеніи печерской церкви носитъ такой характеръ. Св. Антоній не могъ самъ выбрать мѣста для церкви. Онъ помолился Богу и просилъ, чтобы по всей землѣ была роса, а на томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть выстроена церковь—было бы сухо. На утро такое мѣсто было найдено. Вечеромъ Антоній помолился, чтобы это «святое мѣсто» покрылось росой, а все кругомъ было сухо. И эта молитва была исполнена, и такимъ образомъ мѣсто церкви было окончательно опредѣлено.

Ѳеофилъ.

Интересно сказаніе о св. Ѳеофилѣ, который думалъ угодить Богу «проливаніемъ слезъ». Слезы—признакъ раскаянья, тоски, горя. Подвижникъ думалъ своими слезами доставить радость Богу, проливалъ ихъ обильно въ особый кувшинъ. Но передъ смертью явился къ нему ангелъ и сказалъ ему, что онъ заблуждался. Самъ Господь собралъ всѣ слезы, имъ пролитыя въ минуты истиннаго раскаянья и тоски,—эти слезы имѣютъ цѣну,—слезы же, искусственно вызванныя, никакой цѣны у Бога не имѣютъ.

Мотивъ этого сказанія повторяется, напримѣръ, въ сказкѣ, гдѣ герою дается трудная задача—наплакать кувшинъ слезъ.

Дьяволъ въ сказаніяхъ Патерика.

Въ сказаніяхъ нашего Патерика большое мѣсто отведено разсказамъ о пронырствѣ хитраго дьявола, который старался смутить благочестіе монаховъ. Иногда это ему удавалось,—иногда онъ оказывался посрамленнымъ. Такъ, напримѣръ, по молитвѣ св. Ѳеодора бѣсы въ одну ночь были вынуждены смолоть шесть возовъ зерна и принять дѣятельное участіе въ постройкѣ церкви. Такимъ образомъ, передъ нами не грозный и мудрый

падшій ангелъ-дьяволъ, а шутовской, мелкій бѣсъ народной сказки, попавшій впросакъ вслѣдствіе своей тупости—они слились здѣсь въ одинъ странный и непонятный образъ.

Проповѣди и поученія.

§ 19. *Проповѣди и поученія.* Первое, по времени, русское поученіе принадлежитъ епископу новгородскому Лукѣ Жидятѣ (умеръ въ 1058, или 1059 г.). Ученые считаютъ его произведеніе, или поученіемъ, *написаннымъ* къ паствѣ предъ разлученіемъ съ нею,—или предсмертнымъ завѣщаніемъ. Поученіе состоитъ изъ ряда краткихъ и самыхъ общихъ наставленій въ вѣрѣ.

Поученіе Луки Жидяты.

Лука призываетъ всѣхъ къ вѣрѣ въ Бога, въ воскресенье мертвыхъ и жизнь вѣчную. Затѣмъ онъ призываетъ не лѣниться, ходить въ церковь, не ложиться спать безъ молитвы. Онъ убѣждаетъ стоять въ церкви чинно, любить ближнихъ, не осуждать никого, быть милосерднымъ, не смѣяться ни надъ кѣмъ, воздерживать себя отъ гнѣва. Онъ совѣтуетъ со смиреніемъ и кротостью относиться къ людямъ, особенно старымъ, не божиться и не клясться, почитать князя и духовныхъ. Поученіе оканчивается словами: «Не убій, не укради, не солжи, лжи послухъ (лжесвидѣтель) не буди, не ненавиди, не завиди, не клевечи, не пій безъ года (безъ времени), но здоволь (въ мѣру), а не до піанства; не буди гнѣвливъ, ни напрасливъ буди, съ радующимися радуйся, съ печальными печаленъ; не ядите скверна, святая дни чтите. Богъ же мира со всѣми вами. Аминь».

Слово митр. Иларіона.

Совершенно въ другомъ духѣ произведеніе митр. Иларіона: „*О Законѣ Моисеемъ даннѣмъ, и благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ*“ [1]). Насколько безхитростно по содержанію и просто по изложенію слово Луки Жидяты,—настолько сложно и искусственно произведеніе митр. Иларіона. Жидята говорилъ свое назиданіе людямъ простымъ. Иларіонъ сказалъ свое краснорѣчивое слово передъ людьми избранными, „преизлиха насыщшимися сладости книжныя“. И, дѣйствительно, его произведеніе обличаетъ въ немъ образованнаго оратора, знакомаго съ лучшими образцами греческаго краснорѣчія,—оно недоступно было пониманію простыхъ людей и могло быть оцѣнено только людьми образованными. Но въ то же время „Иларіонъ обнаруживаетъ полное чувство мѣры,—постоянно одинаково-краснорѣчивый и образованно-изящный, онъ нигдѣ не доводитъ своего краснорѣчія до излишества“ (Голубинскій). Онъ сумѣлъ воздержаться отъ недостатковъ тогдашняго греческаго краснорѣчія. „Силою своего природнаго ораторскаго таланта, силою своего внутренняго ораторскаго инстинкта и чувства, онъ возвысился надъ этими недостатками

---

1) Истор. Хрест., I, 196—198.

и представляетъ изъ себя не оратора худшихъ временъ греческаго ораторства, а настоящаго оратора временъ его процвѣтанія“ (тамъ же). Иларіонъ былъ поэтомъ въ душѣ и своимъ произведеніемъ доказалъ, что всѣ поэтическія красоты св. Писанія были ему понятны и его увлекали. Проф. Голубинскій полагаетъ, что слово Иларіона было не церковною проповѣдью, а торжественнымъ словомъ, произнесеннымъ по поводу какого-нибудь церковнаго событія, или праздника. Онъ видитъ въ митр. Иларіонѣ человѣка, не только необыкновенно-даровитаго, надѣленнаго высокими ораторскими способностями, начитаннаго, но и „по настоящему образованнаго“, не только основательно прошедшаго школу современнаго византійскаго ораторства, но и, въ значительной степени, превзошедшаго своихъ современныхъ византійскихъ учителей,—„не ритора худшихъ временъ греческаго ораторства, а настоящаго оратора временъ его процвѣтанія“...

Цѣль его «слова» восхвалить заботу Бога о спасеніи людей вообще и русскихъ въ частности. Послѣ паденія Адама родъ человѣческій уклонился отъ истиннаго Бога. Спастись онъ могъ только чрезъ Іисуса Христа. Но для принятія Спасителя нужно было подготовить людей. Ветхій Завѣтъ былъ приготовленіемъ, Новый — завершеніемъ этого спасенія. Взаимоотношеніе *закона* Ветхаго и *благодати* Новаго Завѣта ораторъ выясняетъ путемъ сравненій: законъ—это Агарь съ сыномъ Измаиломъ; благодать—Сарра съ Исаакомъ: прежде рабыня Агарь—послѣ свободная Сарра; законъ—луна, свѣтящаяся ночью, благодать—солнце, озаряющее день. Іудеи спасали только себя—христіане призываютъ всѣхъ къ спасенію.

Далѣе Иларіонъ говорилъ о двухъ «природахъ» въ Іисусѣ Христѣ: человѣческой и божественной: какъ человѣкъ, Христосъ лежалъ въ ясляхъ,—какъ Богу, Ему поклонялись волхвы; какъ человѣкъ, Онъ питался молокомъ матери, какъ Богу—воспѣвали Ему ангелы и пастухи... Сопоставленіе идетъ дальше... Какъ человѣкъ, Онъ умеръ,—какъ Богъ, сошелъ въ адъ и освободилъ души праведниковъ. Какъ человѣкъ, былъ запечатанъ въ гробѣ—и, какъ Богъ, воскресъ; какъ о человѣкѣ, о Немъ говорили фарисеи, что Онъ не возставалъ изъ мертвыхъ, какъ о Богѣ, о Немъ весь міръ узналъ послѣ Его воскресенія.

Затѣмъ Иларіонъ говоритъ о народахъ, принявшихъ христіанство: для этого новаго ученія потребовались новые народы: «не вливаютъ вина новаго въ мѣхи ветхіе»,—говоритъ ораторъ. Такимъ молодымъ народомъ, на которомъ почила милость Бога, была для Иларіона и Русь: «и мы, со всѣми христіанами—говоритъ онъ,—славимъ святую Троицу, а Іудея молчитъ; уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ, но вкушаемъ пречистую кровь Христову».

Это заявленіе было поводомъ къ похвалѣ кагану (князю) Владиміру. Этой похвалой заключается слово. Онъ указываетъ, что въ каждой странѣ есть свой просвѣтитель, котораго чтутъ христіане,—такимъ учи-

теленъ на Руси и былъ «внукъ стараго Игоря, сынъ славнаго Святослава»... И вотъ ораторъ обращается къ св. Владиміру съ патетическимъ воззваніемъ: «Встань, честная глава! встань! Ты не умеръ, а спишь до общаго всѣмъ востанія; посмотри на распространеніе христіанства въ твоемъ народѣ, посмотри на сына твоего, украшающаго столъ земли твоей, и на семью его!»

Такимъ торжествующимъ возгласомъ заключается красивое «слово» Иларіона. Гордымъ сознаніемъ мощи молодого народа, просвѣщеннаго и довольнаго своимъ просвѣщеніемъ, проникнуто это произведеніе.

Проповѣди Кирилла Туровскаго.

Проповѣди св. Кирилла Туровскаго [1]) (во второй половинѣ XII в.) принадлежатъ, по типу своему, къ тому же разряду, что и „слово“ Иларіона, — онѣ тоже разсчитаны на избранную публику. Повидимому, Кириллъ не интересовался русской дѣйствительностью, не заботился о доступности своихъ проповѣдей, — его больше всего занимали отвлеченные вопросы и художественность стиля. Онъ охотно прибѣгаетъ къ противопоставленіямъ, иносказаніямъ, діалогической формѣ [2]). Иногда, ради живости разсказа, проповѣдникъ прошедшее представляетъ настоящимъ [3]). Слѣдуя примѣру греческихъ ораторовъ, Кириллъ (какъ и Иларіонъ) охотно прибѣгалъ къ помощи символизма. Для такого символическаго изображенія мыслей пользовался онъ образами изъ Библіи [4]), изъ міра природы [5]), даже изъ обрядовъ церковныхъ. Прибѣгалъ Кириллъ и къ притчамъ [6]).

Если простой народъ мало понималъ проповѣди Кирилла, то люди книжные ихъ очень цѣнили; это видно, хотя бы изъ множества до насъ дошедшихъ списковъ его сочиненій; поклонники его краснорѣчія называли его „вторымъ златословеснымъ витіею“, „вторымъ Златоустомъ“. Митр. Макарій приписываетъ Кириллу

---

[1]) Ист. Хрест. I, 198—202.

[2]) Разговоръ Христа съ разслабленнымъ, мѵроносицъ съ ангеломъ.

[3]) Напр.: „на гору Самъ Христосъ Богъ нашъ днесь пришелъ есть!“

[4]) Событія Ветхаго Завѣта представлялись прообразомъ Новаго; мѣдный змѣй — прообразъ Спасителя, Агарь и Сарра — прообразъ Ветхаго Завѣта и Новаго. Жеребенокъ, на которомъ въѣхалъ Христосъ, — увѣровавшіе язычники, ризы, положенныя на Его пути, — христіанскія добродѣтели и пр.

[5]) Весна является символомъ очищенія отъ гнета нечестія. „Днесь весна красуется, оживляющи земное естество; бурніе вѣтра, тихо повѣвающе, плоды гобзуютъ, и земля, сѣмене питающе, земную траву питаетъ. Нынѣ зима грѣховная покаяніемъ престала есть, и ледъ невѣрія благоразуміемъ растаяся“.

[6]) Такихъ притчъ у него двѣ: a) о хромцѣ и слѣпцѣ и — b) о человѣкѣ бѣлоризцѣ. Въ первой сюжетомъ послужилъ распространенный разсказъ о томъ, какъ хозяинъ, желая спасти садъ отъ воровства своихъ же сторожей, выбралъ сторожами хромого и слѣпого. Но хромой сѣлъ на слѣпого и, обокравъ хозяина, вынесъ краденое. Хромой и слѣпой — душа и тѣло, которыя совершаютъ зло, взаимно поддерживая другъ друга.

слѣдующія семь поученій: 1) на Вербное Воскресенье, 2) на Пасху, 3) на Ѳомину недѣлю, 4) на недѣлю Мѵроносицъ, 5) на недѣлю о разслабленномъ, 6) на недѣлю о слѣпомъ, 7) на Вознесенье.

Слово въ недѣлю новую по Пасцѣ. Здѣсь весна, обновляющая природу, представлена символомъ обновленія рода человѣческаго вѣрою Христовой. Солнце это—Христосъ; луна, исчезающая при солнцѣ—ветхій законъ; зима—время грѣха;—весна, ее смѣнившая—вѣра христіанская; бурные вѣтры—грѣховные помыслы и пр. Слово въ недѣлю новую.

Поученіе въ недѣлю о разслабленномъ любопытно тѣмъ драматизмомъ, который внесенъ сюда ради живости разсказа. Христосъ спрашиваетъ разслабленнаго, почему онъ не спускается въ купель. Тотъ отвѣчаетъ, что нѣтъ у него человѣка, который помогъ бы ему это сдѣлать. Христосъ отвѣчаетъ: «Чтó говоришь ты—не имѣю человѣка! Ради тебя Я сталъ человѣкомъ; ради тебя Я оставилъ скипетръ горняго царства и служу низшимъ, ибо Я пришелъ не для того, чтобы Мнѣ служили, но чтобы послужить людямъ» и пр. Поученіе въ недѣлю о разслабленномъ.

Слово на Вознесенье очень красиво своей картинностью. Проповѣдникъ нарисовалъ намъ торжественные проводы Христа, возносящагося на небо. На Елеонскую гору собрались патріархи, пророки, ангелы, апостолы. Всѣ они поютъ: «Се Богъ нашъ возносится». Здѣсь же на горѣ скорбитъ «уневѣстившаяся» церковь, оставляемая Христомъ. Христосъ возсѣлъ на херувимовъ и полетѣлъ на крыльяхъ вѣтряныхъ; впереди Его текли ангельскія силы со страхомъ и радостью, желая отверзти врата небесныя; но вышніе вратники возбраняли имъ, говоря: «Это врата Господни, никто изъ земныхъ не приходитъ сюда; мы дивимся нынѣ, видя человѣка, сѣдящаго на херувимскомъ престолѣ и хотящаго пройти врата сіи прежде серафимовъ». Ангелы повѣдали, Кто стоитъ передъ вратами, и самъ Христосъ возгласилъ: «Отверзите мнѣ врата правды». Познавши гласъ Господень, всѣ силы небесныя поклонились Ему, и Духъ Святый исшелъ на срѣтенье Ему. Далѣе разсказываетъ проповѣдникъ, какъ Богъ Отецъ встрѣтилъ Сына, какъ вѣнчалъ Его, посадивъ одесную Себя. Слово на Вознесенье.

Всѣ приведенныя мѣста изъ его проповѣдей позволяютъ утверждать, что Кириллъ не только зналъ правила греческой риторики, любилъ краснорѣчіе, былъ начитанъ въ этой области, но что онъ былъ дѣйствительнымъ художникомъ-поэтомъ, у котораго было богатое воображеніе и природный даръ слова. Вотъ почему его проповѣди, какъ и слово Иларіона, скорѣе относятся къ изящной литературѣ, чѣмъ къ церковной. Это—„стихотворенія въ прозѣ“ на религіозные мотивы.

§ 20. *Церковная поэзія* нашла себѣ выраженіе не только въ такихъ художественныхъ произведеніяхъ, какъ выше разобранныя проповѣди, но и въ сочиненіи молитвъ и каноновъ въ честь русскихъ святыхъ. Творцомъ многихъ такихъ пѣснопѣній Патерикъ называетъ монаха Григорія; Іоаннъ еп. ростовскій написалъ Церковная поэзія.

канонъ св. Леонтію ростовскому. Молитвы и каноны остались также послѣ преп. Ѳеодосія и св. Кирилла Туровскаго. Между прочимъ, Ѳеодосію приписываютъ сочиненіе той молитвы, которую донынѣ вкладываютъ въ руку покойнику во время отпѣванія.

Молитвы св. Кирилла.

Послѣ св. Кирилла осталось 27 молитвъ: „по содержанію своему онѣ суть горячія моленія тяжкаго грѣшника, сознающаго свою крайнюю грѣховность и взывающаго къ Богу о непреданіи врагу, объ избавленіи отъ геенны и о сподобленіи рая“ (Голубинскій). Что касается до литературнаго достинства молитвъ Кирилла Туровскаго, то „онѣ представляютъ собою замѣчательно-хорошія ораторскія произведенія, которымъ, по всей справедливости, должно быть дано мѣсто на ряду съ лучшими молитвами греческими“. Кириллу приписываютъ также сочиненіе нѣсколькихъ молебныхъ каноновъ. Характеръ ихъ такой же покаянный, какъ и молитвъ.

Хожденіе игумена Даніила.

§ 21. *„Хожденіе игумена Даніила“* [1]). Даніилъ Паломникъ [2]) былъ игуменомъ одного изъ черниговскихъ монастырей. Въ путь отправился онъ въ 1112—1113 г. въ княженіе великаго князя Святополка Изяславича; въ Святой Землѣ онъ жилъ во время царствованія Балдуина (1115 г.). Свое путешествіе онъ описалъ „не хитро, но просто“,—чтобы всякій русскій человѣкъ изъ его разсказа вынесъ правдивое и ясное представленіе о Святой Землѣ. Такое описаніе было необходимо, такъ какъ—1) о Палестинѣ ходили въ народѣ самые невѣроятные баснословные разсказы, а—2) интересъ къ Святой Землѣ былъ до такой степени на Руси великъ, что въ это время русскіе люди массами уходили туда паломниками. Сама церковь сочла нужнымъ удерживать паству отъ этого увлеченія, вреднаго для Руси. „Паломникъ“ Даніила долженъ былъ своимъ правдивымъ разсказомъ удовлетворить, хотя бы до нѣкоторой степени, этотъ разросшійся интересъ и многихъ удержать на родинѣ.

Личность Даніила, какъ писателя и человѣка.

Шестнадцать мѣсяцевъ прожилъ Даніилъ въ Іерусалимѣ, осматривая его святыни, объѣзжая окрестности. По словамъ Голубинскаго, „не мудрствуя лукаво, не уснащая рѣчи своей цвѣтами ораторства, онъ описываетъ предметъ за предметомъ — то, что̀ видѣлъ, и болѣе ничего; отъ этого „Паломникъ“ Даніила

---

[1]) Истор. Хрест., I, 202—209.

[2]) Слово „паломникъ“ происходятъ отъ слова „пальма“. Былъ обычай изъ Св. Земли приносить пальмовыя вѣтки (Ср. „Вѣтка Палестины“ Лермонтова). Другое названіе для странниковъ по св. мѣстамъ было „калика“—отъ лат. слова caliga (родъ обуви).

выходитъ, если угодно, нѣсколько сухъ, но зато онъ имѣетъ величайшее достоинство описанія, ничѣмъ лишнимъ не загроможденнаго и не запутаннаго". Даже въ Западной Европѣ признали, что это русское описаніе Палестины — одно изъ лучшихъ, написанныхъ въ то время [1]) европейскими путешественниками. Даніилъ вырисовывается въ своемъ разсказѣ съ самой симпатичной стороны. Онъ весь проникнутъ теплой, искренней вѣрой и съ чувствомъ умиленія разсказываетъ о своихъ чувствахъ при видѣ святого города; его вѣра отличалась наивностью, — довѣрчиво передаетъ онъ легендарные, апокрифическіе разсказы, связанные съ разными святынями Іерусалима. Любознательность его сказалась въ неутомимомъ изученіи всѣхъ достопримѣчательностей и особенностей Палестины. Для этого изученія онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни средствъ. Особенно трогательно выразился патріотизмъ Даніила. Въ ночь наканунѣ Великой субботы Даніилъ поставилъ на гробѣ Господнемъ рядомъ съ кадилами греческимъ и монастыря св. Саввы „кадило за всю землю русскую". Съ радостью и гордостью сообщаетъ онъ далѣе, что небесный огонь сошелъ на эти три кадила, миновавъ всѣ кадила фряжскія (католическія). Живя вдали отъ родины, онъ постоянно думалъ о ней: 90 литургій совершилъ онъ въ Святой Землѣ—40 за мертвыхъ, 50 — за живыхъ, молясь за князей, бояръ, духовныхъ лицъ и всѣхъ христіанъ.

Апокрифическій элементъ въ „Паломникѣ".

Онъ охотно собиралъ всѣ мѣстныя преданія и легенды,— оттого много апокрифическихъ сказаній вошло въ его произведеніе. Такъ, напримѣръ, при описаніи Голгоѳы, онъ живо представляетъ себѣ плачъ Богородицы, извѣстный только по апокрифамъ. Вѣритъ онъ и апокрифу о черепѣ Адама, оказавшемся, будто бы, подъ тѣмъ крестомъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ [2]). Онъ съ вѣрой разсказываетъ о св. Мельхиседекѣ, который, будто бы, жилъ на горѣ Ѳаворской и первый совершилъ литургію „хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣснокомъ"; онъ вѣритъ, что св. Мельхиседекъ посѣщаетъ свою пещеру для совершенія литургіи. Онъ разсказываетъ, что въ озерѣ Тиверіадскомъ водится рыба, которую любилъ вкушать Христосъ: она похожа на карпа, но вкуснѣе всѣхъ рыбъ.

---

[1]) Какъ имѣющее большую археологическую и вполнѣ научную цѣнность, оно переведено на иностранные языки.

[2]) Вѣра въ этотъ апокрифъ сохранилась и донынѣ — и теперь всегда подъ распятіемъ изображаютъ мертвую голову и кости Адама.

Исключительность религіознаго міровоззрѣнія Даніила.

Поглощенный религіозными интересами, онъ въ своемъ произведеніи не даетъ мѣста ничему другому: ни исторія, ни природа его не занимаютъ: оттого интересная эпоха крестовыхъ походовъ ничѣмъ не отразилась на его произведеніи. Изъ міра природы его интересовало только то, что имѣло отношеніе къ церкви и религіи: оттого онъ подробно описываетъ рѣку Іорданъ, сообщаетъ, что на островѣ Кипрѣ ладанъ-темьянъ ночью падаетъ съ неба въ видѣ росы на вѣтви одного дерева, и т. д.

Содержаніе „Паломника“. Іерусалимъ

Начинается произведеніе Даніила съ краткаго разсказа о пути отъ Царяграда до Іерусалима. Затѣмъ онъ подробно повѣствуетъ о святыняхъ Іерусалима, о своемъ путешествіи къ Іордану, Іерихону, въ Виѳлеемъ, къ горѣ Ѳаворской. О самомъ Іерусалимѣ говорится всего обстоятельнѣе. «Святый градъ Іерусалимъ, разсказываетъ онъ, лежитъ въ долинѣ; около него высокія каменныя горы, такъ что надобно близко подойти къ городу, чтобы видѣть его. Сначала виденъ домъ Давидовъ, а потомъ вскорѣ можно видѣть Елеонскую гору, Святая Святыхъ и, наконецъ, весь городъ. Въ верстѣ отъ Іерусалима есть ровная гора; на той горѣ люди (паломники) слѣзаютъ съ коней, и всѣ христіане пѣшіе идутъ и поклоняются св. Воскресенію (храмъ). Великая радость бываетъ тогда всякому христіанину, увидѣвшему Святый градъ Іерусалимъ, и никто не можетъ не прослезиться, увидѣвши землю желанную и мѣста святыя, гдѣ Христосъ Богъ походилъ ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе съ великою радостію ко святому граду Іерусалиму». Такъ же любовно опи-

Іорданъ.

сываетъ онъ рѣку Іорданъ: «Іорданъ рѣка течетъ быстро... вода его мутна, но весьма сладка, такъ что нельзя насытиться пьющему ту святую воду». Подробно разсказываетъ онъ о праздникѣ водокрещенія, совершаемомъ въ полночь на р. Іорданѣ. «Тогда, разсказываетъ онъ, Духъ Святый сходитъ на воды Іорданскія. Достойные люди хорошо видятъ, какъ сходитъ Духъ Святый, а весь народъ не видитъ, но только радость и веселіе бываетъ въ сердцѣ каждаго человѣка, когда погрузятъ честный крестъ и запоютъ: «Въ Іорданѣ крещающуся ти, Господи!»; тогда всѣ люди бросаются въ воду Іордана». Подробно повѣствуетъ онъ о гробѣ Господнемъ, о пасхальной заутрени, при чемъ особенно интересуется онъ

„О свѣтѣ святѣмъ“.

тѣмъ, какъ сходилъ свѣтъ къ гробу Господню. «Видѣлъ я, разсказываетъ онъ, своими грѣшными очами, по-истинѣ, какъ сходитъ свѣтъ святый къ животворящему гробу Господа нашего Іисуса Христа. Многіе странники несправедливо разсказываютъ о схожденіи святого свѣта. Одни говорятъ, что Духъ Св., въ видѣ голубя, сходитъ ко гробу Господню, а другіе говорятъ, что молнія сходитъ съ небеси, и отъ нея зажигаются лампады надъ гробомъ Господнимъ. Это несправедливо,—ничего тогда не видно—ни голубя, ни молніи, но невидимо сходитъ съ неба благодать Божія и зажигаются лампады надъ гробомъ Господнимъ».

Кромѣ „хожденія“ игумена Даніила было у насъ еще извѣстно „Путешествіе на Царьградъ новгородскаго архіепископа

Антонія". Здѣсь встрѣчаемъ мы простодушный разсказъ о святыняхъ одного Царяграда.

§ 22. *Лѣтопись*, какъ показываетъ самое слово, есть „писаніе по лѣтамъ", или годамъ, т. е. погодныя замѣтки современника о тѣхъ историческихъ событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ самъ, или о которыхъ онъ слышалъ отъ другихъ. Лѣтопись, ея происхожденіе.

Такія замѣтки входили, какъ матеріалъ, въ болѣе поздніе лѣтописные памятники. „Сводомъ лѣтописнымъ" называется компиляція изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, историческихъ сочиненій, житій и другихъ письменныхъ и устныхъ источниковъ. Такимъ образомъ, писатель, составляющій „сводъ", можетъ уже не быть современникомъ тѣхъ событій, о которыхъ говоритъ. „Лѣтописнымъ сборникомъ" называется соединеніе въ одномъ произведеніи нѣсколькихъ „сводовъ". „Сводъ лѣтописный". Сборникъ лѣтописный.

„Лѣтописи" стали вестись у насъ очень рано, но онѣ до насъ не дошли. Такъ называемая „Несторова лѣтопись", или „Первоначальная" („Повѣсть временныхъ лѣтъ") есть одинъ изъ самыхъ древнихъ „лѣтописныхъ сводовъ". Этотъ лѣтописный сводъ, кончающійся 1110-ымъ годомъ, дошелъ до насъ въ трехъ „сборникахъ": 1) Лаврентьевскомъ (лѣтопись Нестора и послѣ 1110 г. Суздальская лѣтопись); 2) Ипатьевскомъ (лѣтопись Нестора до 1110 г., Кіевская до 1201 г. и Галицко-Волынская лѣтопись до 1292 г.); 3) Никоновской лѣтописи (Несторова лѣтопись, сѣверный сводъ и Московскій сводъ).

Начинается Несторова лѣтопись [1]) съ разсказа о происхожденіи народовъ отъ сыновей Ноя, о разселеніи народовъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія и объ образованіи «языка (т. е. народа) словѣнска». Послѣ краткаго очерка исторіи сирійцевъ и вавилонянъ, лѣтописецъ переходитъ къ греческой исторіи, сообщаетъ на ряду съ историческими фактами и баснословные (объ амазонкахъ, о заключеніи Александромъ «нечистыхъ народовъ» въ горы и пр.). Затѣмъ онъ обращается къ славянамъ, особенно останавливается на разсказѣ о населеніи и бытѣ славянъ русскихъ, попутно говоритъ объ ихъ врагахъ — уграхъ, болгарахъ и печенѣгахъ; говоритъ объ основаніи Кіева. Съ 852 г. идетъ погодное повѣствованіе, такъ какъ съ этимъ годомъ связано самое раннее упоминаніе о русскихъ славянахъ на страницахъ всемірной исторіи. Затѣмъ разсказъ идетъ о византійскихъ императорахъ, болгарскихъ царяхъ, о крещеніи славянъ и появленіи грамоты. Подъ 862 годомъ говорится о призваніи Рюрика съ братьями. Особенно подробно останавливается лѣтописецъ на эпохѣ св. Владиміра. Крещеніе русскихъ славянъ—центральный пунктъ всей «Первоначальной лѣтописи». Содержаніе „Первоначальной лѣтописи".

---

[1]) Отрывки см. Истор. Хрест., I, 219—226.

Личность составителя. Относительно личности составителя этой „Первоначальной лѣтописи“ мнѣнія ученыхъ раздѣлились. Одни приписывали ее Нестору, монаху Кіево-Печерскаго монастыря, другіе—Сильвестру, игумену Выдубецкаго монастыря. За авторство Нестора говоритъ упоминаніе въ посланіи Поликарпа о Несторѣ-лѣтописцѣ и существованіе нѣкоторыхъ списковъ съ прямымъ указаніемъ на Нестора, какъ автора лѣтописи.

Противъ авторства Нестора указано было, что сочиненія, несомнѣнно принадлежащія Нестору („Житіе Өеодосія“, „Житіе Бориса и Глѣба“), не совпадаютъ съ показаніями лѣтописи; свѣдѣнія, касающіяся Кіево-Печерскаго монастыря, не отличаются той точностью и полнотою, которой мы были бы въ правѣ ожидать отъ игумена этого монастыря. За Сильвестра свидѣтельствуетъ приписка въ Хлѣбниковскомъ спискѣ Лаврентьевскаго сборника подъ 1116 г.: „игуменъ Сильвестръ святого Михаила написахъ книгы си“. Но это „написахъ“ могло тогда обозначать просто: „переписалъ“, да, кромѣ того, въ случаѣ авторства Сильвестра, о Выдубецкомъ монастырѣ было бы сказано больше. Такимъ образомъ, вопросъ о составителѣ „Первоначальной лѣтописи“ остается открытымъ.

Литературный составъ „Первоначальной лѣтописи“. Кромѣ произведеній литературы византійской (хроники, Палея историческая, житія Кирилла и Меөодія и пр.), нашъ первый составитель пользовался ранними русскими лѣтописными записями, устными разсказами современниковъ, офиціальными документами (договоры русскихъ князей съ греками), народными преданіями, поэтическими произведеніями устнаго дружиннаго эпоса и церковнаго (житія и апокрифы).

Апокрифическій элементъ въ лѣтописи. Къ апокрифамъ, вошедшимъ въ лѣтопись, относится разсказъ о посѣщеніи апостоломъ Андреемъ Кіевскихъ горъ. Это преданіе основывается на апокрифическомъ сочиненіи: «Апостольскіе обходы», въ которомъ разсказано о путешествіи ап. Андрея въ Скиөію. Самое удивленіе апостола при видѣ того, какъ славяне въ банѣ парятся и стегаютъ себя вѣниками, «никѣмъ не мучимы», принадлежитъ къ области ходячихъ разсказовъ. Существуетъ даже преданіе о томъ, какъ легаты папы были удивлены, видя, что монахи одного изъ монастырей около Дерпта парятся въ банѣ; легатъ усмотрѣлъ въ этомъ «истязаніи» умерщвленіе плоти. Сказаніе о призваніи варяговъ—тоже относится къ области поэтическаго творчества; подобный же фактъ разсказывается, напримѣръ, въ исторіи ирландцевъ—и этотъ народъ призвалъ къ себѣ князьями трехъ братьевъ. Самое обращеніе ихъ къ братьямъ звучитъ сходно съ тѣмъ, которое услышалъ отъ славянъ Рюрикъ: «земля наша велика и обильна» (terra lata et spatiosa et omnium rerum copia referta). Преданія о смерти Олега, о

мести Ольги — тоже принадлежатъ къ числу «ходячихъ» разсказовъ, извѣстныхъ и другимъ народамъ.

Патріотизмъ въ лѣтописи.

„Первоначальная лѣтопись“ отличается широкимъ патріотическимъ и религіознымъ настроеніемъ. Въ этотъ періодъ Кіевской Руси интересы Кіева были дороги для всей Руси, такъ какъ къ Кіеву, — этой „колыбели городовъ русскихъ“, относились всѣ съ благоговѣніемъ; радости и печали Кіева были обязательны для „всей Руси“. Поэтому составитель „Первоначальной лѣтописи“ своей особою симпатіею къ Кіеву и славянамъ-полянамъ не вносилъ въ свое сочиненіе того узкаго мѣстнаго патріотизма [1]), который позднѣе смѣнился патріотизмомъ „областнымъ“, мѣстнымъ...

Религіозное настроеніе въ лѣтописи.

Религіозное настроеніе насквозь пронизываетъ весь разсказъ лѣтописи: всѣ событія, не только церковныя, но и историческія, такія, какъ нашествіе враговъ, моръ, пожаръ, смерть и рожденіе князей, объясняются, какъ проявленія гнѣва, или милости Бога. Даже такія явленія, какъ затменіе солнца, появленіе кометы, землетрясенія, рожденіе уродца и пр. разсматриваются, какъ знаменія, посылаемыя Богомъ для предупрежденія людей.

И религіозное, и патріотическое настроеніе выражались иногда въ благочестивыхъ размышленіяхъ, восклицаніяхъ, которыя, прерывая спокойный эпическій складъ разсказа, вносятъ въ повѣствованіе элементъ лиризма.

Богъ и дьяволъ въ лѣтописи.

Взглядъ лѣтописца на то, какъ управляется міръ, не отличается глубиною и сложностью. Съ его точки зрѣнія, господствуетъ надъ жизнью всего міра воля Господа, — ей безпрерывно противоборствуетъ слабѣйшая, но все же могучая воля дьявола. Временно послѣдній одерживаетъ побѣды. Человѣкъ въ этой борьбѣ совершенно безличенъ: онъ то подъ властью Бога, то подъ властью дьявола. „Вложи Богъ мысль добру“, — начинаетъ свой разсказъ лѣтописецъ о какомъ-нибудь дѣятелѣ, сдѣлавшемъ хорошее.

---

[1]) Всего важнѣе — замѣчаетъ академикъ Ключевскій, характеризуя нашъ древнѣйшій лѣтописный сводъ — это идея, которою освѣщено начало нашей исторіи: это — *идея славянскаго единства.* Составитель лѣтописи потому такъ и занятъ этнографіей, что хочетъ собрать всѣ части славянства... Діалектической цѣпью умозаключеній русскій книжникъ начала XII в. прицѣпляетъ свое темное отечество не только къ семьѣ славянскихъ народовъ, но и къ апостольскимъ представленіямъ христіанства. Замѣчательно, что въ обществѣ, гдѣ сто лѣтъ съ чѣмъ-нибудь назадъ еще приносили идоламъ человѣческія жертвы, — мысль уже училась подниматься до сознанія связи міровыхъ явленій“. Идея славянскаго единства въ началѣ XII в., прибавляетъ историкъ, „требовала тѣмъ большаго напряженія мысли, что совсѣмъ не поддерживалась современной дѣйствительностью.

„Вложи діаволъ мысль злу“,—говоритъ онъ, начиная разсказъ о чемъ-нибудь зломъ. Изъ этого видно, что психологія дѣйствующихъ въ лѣтописи лицъ проста и несложна.

Новгородская первая лѣтопись.

Другія лѣтописи мало чѣмъ отличаются отъ „Первоначальной“. Къ древнѣйшимъ, относящимся еще къ до-монгольской порѣ, принадлежитъ Новгородская (первая). Въ настоящее время ученые нашли возможнымъ въ ея краткихъ и сухихъ замѣткахъ видѣть типичныя лѣтописныя записи, которыя легли въ основу „Первоначальной лѣтописи“ — такимъ образомъ, можно думать, что 1-ая Новгородская лѣтопись лучше сохранила древнѣйшій типъ лѣтописанія, чѣмъ такъ называемая „Первоначальная“.

Русская жизнь въ лѣтописи.

Заимствуя изъ греческихъ хроникъ немало фактическихъ данныхъ, даже составленная по образцу и плану этихъ хроникъ, наша лѣтопись значительно отошла отъ нихъ въ своемъ содержаніи,—она воспроизвела русскую жизнь: отпали всѣ обильные разсказы греческихъ хроникъ объ ересяхъ и церковныхъ раздорахъ— взамѣнъ ихъ, въ нашей лѣтописи говорится о борьбѣ русской церкви съ язычествомъ и кудесниками, — его представителями. Любопытно, что лѣтописецъ въ уста одного кудесника вкладываетъ чисто-богомильскія представленія о созданіи человѣка: „мывся Богъ въ мовницѣ (банѣ) и вспотився, отерся вѣхьтемъ и сверже съ небеси на землю, и роспяся (поспорилъ) сотона съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человѣка; и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ онь вложи. Тѣмъ же аще умретъ человѣкъ—въ землю идетъ, а душа къ Богу“ [1]).

Эстетическая цѣнность лѣтописи.

Мѣстами „Первоначальная лѣтопись“ отличается картинностью; обычная сжатость стиля смѣняется полнотой разсказа, даже драматизмомъ изложенія и яркостью описанія. Напримѣръ:

Смерть Олега: «И повелѣ осѣдлати конь: «да вижю кости его». И приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ; и сълѣзъ съ коня, посмѣяся реки: «Отъ сего ли лъба смерть мнѣ възяти?» И въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклюну и въ ногу, и съ того разболѣвъся умьре. И плакашася по немь вьси людіе плачемь великомь и несоша и, погребоша и на горѣ, яже глаголеться Щековица».

Описаніе битвы: «И бывши нощи бысть тьма, и громове, молньнья, и дождь; и рече Мстиславъ дружинѣ своей: «пойдемъ на нѣ». И поиде Мстиславъ и Ярославъ противу и съступишася въ чело Варязѣ съ Сѣверомъ (сѣверяне—племя). И трудишася Варязи, сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мстиславъ съ дружиной своей: и нача сѣчи Варягы, и бысть

---

1) См. выше стр. 20—21.

сѣча сильна, яко посвѣтяше молънія и блисташася оружія, и бѣ гроза велика, и сѣча сильна и страшна».

Описаніе измученныхъ воиновъ: «Мучими зимою и оцѣпляемѣ у алъчбѣ и въ жажѣ, и въ бѣдѣ поблѣднѣвше лици, и почернивше тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленомъ, нази ходяще и босѣ, ногы имуще избодены терніемъ. Съ слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: «азъ бѣхъ сего города!», а другіи: «азъ сего села». И тако совосопрошахуся со слезами, родъ свой повѣдающе, очи возводяще на небеса».

Съ большой силой описывается ослѣпленіе Василька въ „сказаніи Василія", картина смерти Ростислава, утонувшаго въ рѣкѣ и др.

„Мѣстныя лѣтописи".

Продолженія „Первоначальной лѣтописи" значительно отличаются отъ нея; прежде всего они—лѣтописи „мѣстныя", выражающія интересы отдѣльныхъ областей, даже отдѣльныхъ городовъ русскихъ— таковы лѣтописи: галицко-волынская, суздальская, новгородскія, псковскія и московскія. Отличіе простирается и на самый характеръ изложенія — однѣ суше, сжатѣе, дѣловитѣе,— другія ярче, картиннѣе.

„Кіевская лѣтопись".

„Кіевская" лѣтопись, продолжающая въ Ипатьевскомъ спискѣ „Первоначальную лѣтопись", тоже должна быть названа „мѣстной", такъ какъ въ ту эпоху, когда она писалась, распаденіе русской земли началось, и сознаніе общности русскихъ интересовъ смѣнилось раздорами и междуусобицами. Лѣтопись Кіевская явилась отраженіемъ интересовъ спеціально-кіевскихъ. Изложеніе въ ней живое и яркое. „Описанія битвъ отличаются живостью: опустошенія городовъ, селъ вводятъ въ жизнь народную и въ матеріальный бытъ... Слогъ разсказа украшенъ народными и дружинными пословицами" (Владиміровъ). Интересы лѣтописца, по преимуществу, военные; битвы съ половцами и княжескія междуусобицы —главное содержаніе Кіевской лѣтописи; вопросами просвѣщенія онъ интересуется мало. Особенно любопытенъ разсказъ въ этой лѣтописи о походѣ Игоря на половцевъ. Разсказъ отличается полнотой, яркостью, даже драматизмомъ. Такъ, въ уста Игоря вложенъ монологъ: „гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ чадо роженія моего? гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣнныя? не отъ всего ли того обнажихся?"

„Галицко-волынская лѣтопись"

„Галицко-волынская" лѣтопись представляетъ собой дальнѣйшую степень развитія лѣтописи: составитель ея пытается представить событія уже не по годамъ, а въ прагматическомъ изложеніи; съ его точки зрѣнія, нѣтъ надобности во временной послѣдовательности: „хронографу же нужа есть писати все и вся

бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя; чьтый мудрый розумѣетъ". Такимъ образомъ, изъ всѣхъ лѣтописей въ этой всего сильнѣе сказалась литературная обработка. Составителемъ ея былъ, несомнѣнно, человѣкъ свѣтскій, начитанный и съ поэтическимъ чутьемъ: „онъ старается округлить свои разсказы, припомнить связь событій", всегда старается показать читателю свою начитанность: ссылается на византійскихъ историковъ, хронографы, даже на Гомера. Въ этой лѣтописи „мы видимъ особенное развитіе литературныхъ пріемовъ, украшенный стиль, намеки на народную поэзію и дружинный эпосъ. И во всемъ этомъ трудѣ проходитъ прославленіе кн. Романа, „его дѣтей и внуковъ" (Владиміровъ). Составитель пользовался не только народными преданіями, но и поэмами въ родѣ „Слова о Полку Игоревѣ". Отрывками такихъ поэмъ, до насъ не дошедшихъ, представляются ученымъ, напр., слѣдующія мѣста:

«...устремилбося бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь... и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ; ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измаилтяны, рекомыя Половцы, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчакови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю, тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ...» и пр.

«...наутрѣя же пригнавъшимъ къ нимъ прусомъ и бортомъ, и воемъ же всимъ съсѣдшимъ и вооружьшимся пѣшьцемъ изъ стана; щитѣ же ихъ, яко солнцю восходящу, копіемъ же ихъ дрьжащимъ въ рукахъ, яко трьсти мнози, стрѣлцемъ же обаполъ идущимъ и держащимъ въ рукахъ рожанци своѣ...» и пр.

Литературный составъ „мѣстныхъ" лѣтописей.

Составъ лѣтописей такъ же сложенъ, какъ и „Первоначальной", составители ихъ пользовались не только русскими историческими произведеніями, но и иностранными, привлекали къ своему труду произведенія народнаго творчества. Но, кромѣ этихъ источниковъ историческаго характера, они вносили въ свои работы поученія и слова, грамоты, молитвы, уставы, повѣсти и житія. Вслѣдствіе этого лѣтопись представляетъ собой „энциклопедію" древней нашей письменности.

Изученіе лѣтописей въ Россіи.

Ученые съ особымъ интересомъ занимались изученіемъ содержанія, характера и состава нашихъ лѣтописей. Начиная съ Татищева, почти всѣ наши историки занимались ею: Миллеръ, Шлецеръ, Карамзинъ въ XVIII-омъ и началѣ XIX вѣка, Погодинъ, Срезневскій, Соловьевъ, Сухомлиновъ („О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ"), Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ („О составѣ русскихъ лѣтописей"), а въ наши

дни акад. Шахматовъ,—вотъ, наиболѣе крупныя имена, связанныя съ изученіемъ русскихъ лѣтописей.

Поученіе Владиміра Мономаха.

§ 23. *Поученіе Владиміра Мономаха* [1]). Поученіе это представляетъ собою большую цѣну для историка русской культуры: авторами разобранныхъ выше русскихъ произведеній кіевскаго періода были лица духовные, „книжные" по своей спеціальности. Въ лицѣ Мономаха мы встрѣчаемъ писателя свѣтскаго,—князя, любимаго народомъ правителя, удачливаго полководца и крупнаго историческаго дѣятеля. По всей справедливости, всѣ историки причислили его къ „лучшимъ людямъ" русской старины. Понятно поэтому, что произведеніе его, вводящее насъ въ міросозерцаніе этихъ „лучшихъ" людей, имѣетъ огромное значеніе.

„Поученіе" помѣщено въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1096-ымъ годомъ. Въ середину его вставленъ отрывокъ изъ „посланія" Мономаха къ Олегу Святославичу,—очевидно, съ точки зрѣнія автора, или составителя, необходимый для иллюстраціи поученія.

Время написанія.

„Поученіе" Владиміра было написано послѣ съѣзда князей въ Любечѣ [2]), когда они, опять отдавшись междуусобицамъ, нарушили только что данную клятву [3]) и обратились къ Мономаху съ просьбой о помощи въ походѣ на Ростиславичей. Мономахъ отказался нарушить крестное цѣлованіе и, въ горести, „въземъ Псалтырю, въ печали, разгнухъ ю" и прочелъ: „въскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя?" Онъ задумался о положеніи

---

[1]) Истор. Хрест. I, 209—213.

[2]) По опредѣленію нѣкоторыхъ ученыхъ точная дата „Поученія"—1099 годъ.

[3]) „Что такое князь до-монгольской эпохи? Предводитель дружины, защищавшій населеніе противъ внѣшнихъ враговъ, и посредникъ, судившій народъ. Въ этомъ отношеніи, князь былъ полезенъ для населенія. Но, съ другой стороны, князь былъ склоненъ пользоваться своимъ положеніемъ, какъ средствомъ нажиться насчетъ населенія. Недаромъ такъ часто повторялось: „сребромъ и золотомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу (найду) сребро и злато". Заботясь о своихъ доходахъ, князь заботился и о доходахъ дружины, обезпечивающей ему силу. Отсюда стремленіе князей—всѣми средствами обогатить себя и дружину. Такія отношенія князей къ землѣ обусловливались тѣмъ, что прочныхъ связей между ними и землею не было: населеніе иногда изгоняло своего князя и призывало другого,—а, главнымъ образомъ, потому, что князья, заботясь прежде всего о своихъ доходахъ, всѣми силами старались заполучить княженіе побогаче... (Между князьями) явилось соперничество, явились междуусобицы, тяжело отзывавшіяся на благосостояніи населенія. Подъ вліяніемъ такихъ условій выработались два типа князей. Одинъ, какъ мы сказали, типъ *князя-удальца*. Однимъ изъ князей такого типа является Мстиславъ Удалой. Наиболѣе же яркимъ представителемъ былъ Олегъ Святославичъ, прозванный Гориславичемъ. Ему не хватало простору для его дѣйствій, онъ думалъ только о наживѣ и прибѣгалъ къ помощи половцевъ въ своихъ ссорахъ съ другими князьями. Князья, не имѣвшіе личной храбрости, при такихъ же политическихъ стремленіяхъ, дѣйствовали иначе. Напр., Святополкъ Изяславичъ, и не предпринимая пагубныхъ походовъ, пріобрѣлъ общее нерасположеніе своими корыстолюбивыми дѣйствіями (захватилъ торговлю солью и пр.). Въ этомъ князѣ мы видимъ другой типъ—типъ *князя-скопидома*" (Ждановъ).

дѣлъ на Руси, объ отношеніяхъ князей другъ другу и къ родной землѣ, о недостаточномъ пониманіи на Руси христіанскихъ идеаловъ, объ отсутствіи яснаго сознанія отношеній къ Богу и ближнимъ. Начитанный и много испытавшій, обо многомъ передумавшій, князь написалъ свое „поученіе къ дѣтямъ", имѣя въ виду, впрочемъ, не только дѣтей, но и всѣхъ русскихъ людей.

Поученіе написано „на далечѣ пути, на санехъ сѣдя", т. е. во время путешествія Мономаха [1]) въ далекій Ростовъ, послѣ встрѣчи на берегахъ Волги съ послами, явившимися отъ братьевъ съ извѣстнымъ предложеніемъ объ изгнаніи Ростиславичей.

Отношеніе автора къ своему произведенію.

Зная несогласія князей, на дѣйствительную пользу отъ своего къ нимъ обращенія Мономахъ, видно, смотрѣлъ безъ вѣры, оттого и не рисовалъ „идеаловъ" жизни,—онъ далъ лишь рядъ краткихъ совѣтовъ, какъ устроить свою жизнь. Онъ сознательно ограничивалъ свои желанія указаніемъ, что проситъ малаго,— лишь самаго необходимаго... Но даже и эти „нетяжкія" требованія онъ готовъ ограничить: „послушайте меня, говоритъ онъ, аще не вьсего пріимете, то половину".

Историческая цѣнность „Поученія".

Поученіе Мономаха цѣнно для насъ особенно потому, что мы знаемъ личность автора. Это обстоятельство позволяетъ намъ утверждать, что „самымъ главнымъ и важнымъ источникомъ для „Поученія" служилъ Мономаху его собственный истинно-христіанскій взглядъ на жизнь и житейскія отношенія и вообще весь его умственный складъ, такъ счастливо сложившійся подъ вліяніемъ симпатичнаго характера этого великаго человѣка" (Протопоповъ). Онъ выдавался изъ ряда тогдашнихъ русскихъ князей своимъ высокимъ пониманіемъ христіанства и сознаніемъ своего долга передъ родиной и братьями-князьями. Онъ свято держалъ крестное цѣлованіе, что тогда было въ диковину, уступалъ тогда, когда считалъ, что право не за нимъ. Съ неподдѣльной любовью относится къ Мономаху и лѣтописецъ, и одинъ изъ современныхъ ему писателей, Никифоръ, посвятившій ему посланіе,—„братолюбецъ", „нищелюбецъ", „добрый страдалецъ за русскую землю"—вотъ, какъ называли его современники. Они отмѣтили его почтительность къ родителямъ (даже мачихѣ), къ духовнымъ лицамъ; они указали на кротость и мягкость его

[1]) Нѣкоторые ученые полагали, что „на санехъ сѣдя"—надо понимать: „передъ смертью", такъ какъ въ старину былъ обычай носить покойниковъ на саняхъ. Но тотъ фактъ, что въ одномъ мѣстѣ Мономахъ упоминаетъ о рожденіи своего сына Мстислава, какъ событіи, современномъ написанію „Поученія", опредѣляетъ дату „Поученія" задолго до 1125 г., года смерти Мономаха.

души, удивительнымъ образомъ сочетавшуюся съ несокрушимой энергіей и мужествомъ. Изъ современныхъ ему отзывовъ о жизни и личности его мы знаемъ, что не всѣ его совѣты были книжнаго происхожденія, многіе шли изъ самой его жизни.

Построеніе „Поученія“.

Все „Поученіе“ его построено очень правильно и распадается на три части: въ первой онъ говоритъ объ отношеніи человѣка къ Богу, во второй—объ отношеніи между властью и подданными; въ третьей—объ отношеніи человѣка къ самому себѣ и другимъ людямъ. Въ заключеніе, Мономахъ разсказываетъ о своей собственной многотрудной жизни.

а) Обязанности человѣка къ Богу.

Мыслямъ Мономаха относительно обязанностей человѣка къ Богу принято придавать большое значеніе. «Въ русскомъ язычествѣ совершенно отсутствовала нравственная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій [1]). Одни люди являлись любимцами боговъ—«богатыми», другіе—«убогими»—слово, означающее «отверженца боговъ». Чтобы восполнить бездну, оставленную отсутствіемъ нравственнаго содержанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, язычество и создало «идею судьбы» (рока), которая должна опредѣлять ходъ человѣческой жизни» (Протопоповъ). Съ принятіемъ христіанства пришлось русскимъ людямъ внѣдрять въ свое сознаніе понятіе о Богѣ, какъ «живомъ, дѣятельномъ, полномъ безконечной любви къ міру, существѣ» (тамъ же). На выясненіе Бога съ этой стороны мало вниманія обращала русская проповѣдь, которая выступала или съ обличеніями, или съ призывомъ къ выполненію внѣшнихъ обрядовъ благочестія. Мономахъ былъ, очевидно, одинъ «изъ тѣхъ немногихъ русскихъ людей своего времени, которые правильнѣе и чище остального общества поняли сущность христіанской религіи» (тамъ же). Поэтому его попытка объяснить русскимъ людямъ, что̀ такое Богъ христіанскій, заслуживаетъ большого вниманія.

Пониманіе Бога русскими христіанами.

Пониманіе Бога Мономахомъ

Изъ самаго начала «Поученія» видно, что, призывая не терять надежды, а вѣрить въ Бога, уповать на Его милость, Мономахъ признавалъ въ Богѣ повелителя, отъ воли котораго зависитъ счастье и несчастье человѣческія. Его воля милостива и справедлива: люди, «терпящіе Господа», т. е. терпѣливо переносящіе земныя страданія, «возобладаютъ землей». Въ грубыя, тяжелыя времена Мономаха, когда возможны были факты ослѣпленія одного князя другимъ, его братомъ, когда народъ стоналъ отъ междуусобицъ—взглядъ Мономаха пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Величіе Бога авторъ «Поученія» особенно усматриваетъ въ красотѣ и богатствѣ природы. Подъ вліяніемъ «Шестоднева» Василія Великаго, онъ восклицаетъ: «Чюдьна дѣла твоя, Господи!» и никакой разумъ не въ состояніи прославить чудесъ Твоихъ! И «кто не похвалить», продолжаетъ онъ, «ни прославляеть силы твоея и твоихъ великыхъ чюдесъ и добротъ, устроеныхъ на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солньце, како ли луна, како ли звѣзды и тьма, и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, Твоимь промысломь! Звѣрье разноличьнии и пътица, и рыбы украшено Твоимь промысломь, Господи!» Его восторгаетъ пѣніе птицъ: «И ты же пътица не-

[1]) Это утвержденіе, конечно, недоказуемо. (Прим. составителя).

бесьныя умудрены Тобою, Господи: егда повелиши, то воспоють—и человѣкы веселять Тебѣ; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣющѣ онѣмѣють». Господь—во всей природѣ, и природа эта прекрасна,—вотъ возвышенная мысль Мономаха, узрѣвшаго Бога въ мірозданьи и постигшаго красоту этого мірозданья.

Пониманіе Мономахомъ христіанства.

Отдавая дань аскетическимъ[1]) идеаламъ времени, и Мономахъ рекомендовалъ изнуреніе плоти: онъ совѣтовалъ каждую ночь бить поклоны и молиться, такъ какъ ночная молитва — упражненіе плоти, но онъ не остановился на аскетизмѣ, какъ это сдѣлали многіе русскіе люди, — онъ призналъ, что выше этого аскетизма «христіанство дѣятельное». Въ сознаніе большинства тогдашнихъ русскихъ людей вошло убѣжденіе, что спастись можно только въ монашествѣ; многіе уходили въ монастыри и погибали для общественной дѣятельности, другіе, въ надеждѣ на монастырь подъ старость, грѣшили, желая взять все отъ жизни. Мономахъ предлагаетъ спасаться, оставаясь въ міру. «Чтобы люди не думали, что только въ одномъ монастырѣ и исключительно одними тяжелыми иноческими подвигами можно угодить Богу и спастись, Мономахъ прежде всего указываетъ на «долготерпѣніе Божіе» (Протопоповъ). Далѣе онъ говоритъ, что тремя добрыми дѣлами можно получить спасеніе: покаяніемъ, слезами и милостыней. «Да... дѣти моѣ»,—восклицаетъ онъ, «не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы треми избыти грѣховъ своихъ и царьствія (небеснаго) не лишитися... Ни одиночьство (отшельничество), ни чернечьство, ни голодъ (постъ), яко иніи добріи терпять, но малымь дѣломь улучити милость Божью».

b) Обязанности князя къ людямъ.

Относительно обязанностей князя къ простымъ людямъ Мономахъ тоже высказываетъ немало интереснаго. Онъ разбираетъ обѣ обязанности тогдашняго князя: судопроизводство и предводительство на войнѣ. Въ этой части своего «Поученія» онъ сходитъ на практическую почву. Онъ рекомендуетъ, прежде всего, полную самостоятельность князю: не полагаться ни въ мирное время, ни въ военное на другихъ, дѣлать все самому—вотъ его правило. Только тогда будетъ правда въ судѣ, меньше обиды народу отъ «тіуновъ» и «отроковъ» княжескихъ, и больше удачи на войнѣ. Особенную осторожность на судѣ онъ совѣтовалъ тогда, когда заинтересованными являлись люди, «униженные и оскорбленные» судьбой: вдовы, сироты, неимущіе, — ихъ обидѣть было легче всего: «вдовицю оправьдите (судите) сами, а не вьдавайте сильнымъ погубити человѣка». Онъ высказывается противъ наказанія смертью: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повиненъ съмерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны».

Онъ рекомендуетъ князьямъ энергію: «На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и... около вой тоже лязѣте, а рано встанѣте; а оружья не снимайте съ себе вборзѣ; не розглядавъше лѣнощами, вънезапу бо человѣкъ погыбаеть» «Да не застанетъ васъ солнцѣ на постели»,—

---

[1]) Аскетизмъ, какъ извѣстно, цѣнилъ не столько чистоту побужденій, сколько усилія воли, какія требовались для совершенія различныхъ благочестивыхъ подвиговъ (ἄσκησις—упражненіе) (Ждановъ).

говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Отношенія князей къ братьямъ опредѣлялись также цѣлымъ рядомъ совѣтовъ: любить другъ друга, признавать права и соблюдать крестное цѣлованіе: «Аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивъше сердьце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавъше блюдитѣ, да не преступьни погубите душѣ своеѣ». Совѣтовалъ Мономахъ съ почтеніемъ относиться къ лицамъ духовнымъ. Въ то далекое грубое время многія лица духовныя имѣли большой нравственный авторитетъ: обычай «печалованья», состоявшій въ томъ, что духовныя лица выступали на защиту людей обиженныхъ — въ это время только началъ складываться. И Владиміръ старался этотъ обычай упрочить, приглашая слушаться лицъ духовныхъ.

Къ простымъ людямъ онъ совѣтовалъ относиться со вниманіемъ и благожелательно, особенно къ людямъ бѣднымъ: «Вьсего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ». Особенно любопытны его совѣты относительно обращенія съ чужеземцами, не различая его званія и сословія: «Болѣе же чьстите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ; аще не можете даромь,—брашномь и питьемь; ти бо, мимоходячи, прославять человѣка по вьсѣмъ землямъ, любо—добрымь, любо—злымь».

Говоря объ отношеніяхъ человѣка къ себѣ и другимъ, Мономахъ даетъ рядъ нравственныхъ правилъ поведенія человѣка въ его обыкновенномъ быту. Онъ требуетъ, чтобы никто не имѣлъ гордости ни въ своемъ сердцѣ, ни въ умѣ;—гордиться человѣку нечего: всѣхъ одинаково ждетъ смерть: «Съмертьни есмы, днесь живи, а заутра въ гробѣ». Энергію рекомендуетъ Мономахъ и въ частной жизни: «Въ дому своемь не лѣнитеся, но вьсе видите; не розглядавъше, лѣнощами вънезапу бо человѣкъ погибаеть»; «лѣность бо вьсему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить: добрѣ же творяще, не мозѣте ся лѣнити ни на что же доброе». «Да не застанеть васъ солньце на постели». Всякій человѣкъ долженъ начать наступающій день посѣщеніемъ церкви или, просто, съ молитвы. Затѣмъ начинался трудовой день: послѣ молитвы надо «сѣдъше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити»... Предостерегаетъ Мономахъ своихъ читателей отъ лжи, пьянства и разврата—«въ томь бо душа погыбаетъ и тѣло». Совѣтуетъ онъ любить свою жену, но воли ей надъ собой не давать. Совѣты Мономаха касательно отношенія къ другимъ людямъ тоже проникнуты гуманнымъ евангельскимъ духомъ: «Больнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы... Убогыхъ не забывайте, но, елико могуще, по силѣ кормите и придавайте сиротѣ». Мономахъ заботился, чтобы гуманность находила себѣ выраженіе не только въ дѣлахъ благотворительности, но и въ простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ: удивительной мягкостью и изяществомъ звучитъ его совѣтъ: «человѣка не минѣте не привѣчавъше, добро слово ему дадите».

с) Отношенія человѣка къ людямъ.

Въ совѣтѣ все дѣлать самому, не обременяя слугъ и рабовъ излишней работой, просвѣчиваетъ уваженіе къ личности раба, благородное отношеніе къ чужому труду.

«Въ самомъ концѣ поученія Мономахъ проводитъ мысль о Промыслѣ Божіемъ, простирающемся на каждый случай жизни человѣческой. Еще

Взглядъ Мономаха на

Промыслъ Божій. въ срединѣ «Поученія» онъ говоритъ, что въ основѣ всего, всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, долженъ лежать «страхъ Божій», то есть постоянная мысль о Богѣ и о томъ, что Онъ видитъ всѣ дѣла и помышленія человѣка и что потому нужно всегда страшиться оскорбить Его дурными поступками: «Се же вы конець вьсему: страхъ Божій имѣйте выше вьсего». Затѣмъ, какъ бы дополняя прежде сказанное, онъ говоритъ, что въ жизни съ человѣкомъ даже ничего не можетъ случиться безъ воли Божіей. Вотъ—подлинныя слова этой заключительной мысли Мономаха: «Никтоже васъ не можеть вредити ся и убити, понеже не будеть отъ Бога повелѣно; а еже отъ Бога будеть съмерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отяти... Божіе блюденье лѣпле есть человѣчьскаго» (Протопоповъ).

Автобіографія Мономаха. Въ заключеніи своего «Поученія» Мономахъ приводитъ краткій разсказъ о своихъ трудахъ на пользу родины: безчисленные походы, большіе и малые, трудные переѣзды изъ конца въ конецъ тогдашней Руси, охоты, полныя опасностей,—вотъ, о чемъ просто и безъ рисовки разсказываетъ Мономахъ въ оправданіе всего того, что онъ говорилъ въ Поученіи, очевидно, желая показать, что его житейская опытность почерпнута изъ жизни.

Личность Мономаха. Всегда энергичный и самостоятельный, спокойно-благожелательный, увѣренный въ себѣ и въ то же время скромный, Мономахъ рисуется во весь ростъ въ своемъ заключительномъ разсказѣ. Теплой вѣрой въ Бога, любовью къ людямъ и спокойнымъ оптимизмомъ проникнуто все его произведеніе: онъ много прожилъ, много испыталъ, но за жизнь свою благодаритъ Бога и готовъ жить еще дольше.

Всѣ совѣты Мономаха тѣсно связаны съ жизнью. Это доказывается многочисленными поученіями, въ которыхъ встрѣчаются тѣ же мысли, что у Мономаха, обличаются тѣ же пороки русскаго общества, что̀ и въ произведеніи Мономаха. Въ лѣтописи, въ житіяхъ часто встрѣчаются такіе факты, которые бросились въ свое время въ глаза Мономаху [1]).

---

[1]) Совершенно справедливо замѣчаетъ по поводу „Поученія" проф. Архангельскій слѣдующее: Всецѣло поставленная на почву византійско-аскетической теоріи, отрицая теоретически и „міръ" и „яже въ мірѣ",—наша молодая литература, тѣмъ не менѣе, все же, уже съ первыхъ шаговъ своихъ, пытается посильно служить этому „міру", становитъ себя въ близкія связи съ окружающей дѣйствительностью, выказываетъ въ себѣ на первыхъ же порахъ замѣчательную высоту общественнаго самосознанія. *„Поученіе къ дѣтямъ"* Владиміра Мономаха доказываетъ, какъ быстро выростало и формулировалось въ странѣ это общественное самосознаніе въ лучшихъ представителяхъ народа, какой значительный шагъ впередъ дѣлаетъ наша общественная мысль уже къ началу XII вѣка. Въ лицѣ автора-князя передъ нами уже—не князь-дружинникъ, а „князь-гражданинъ", правитель народа, сознающій свои обязанности передъ нимъ, его представитель и защитникъ! Мысль Мономаха уже поднимается надъ мыслью о личной пользѣ, — возвышается до сознанія пользы общей, земской, до мысли о благѣ всей Русской земли,—требуетъ отъ князя-правителя не однихъ монашескихъ подвиговъ, но и „дѣятельности гражданской"... „Добра хочу братіи и Русской землѣ", такія слова влагаетъ въ уста Мономаха лѣтописецъ, — и именно съ точки зрѣнія этого блага, „добра" для всей Русской земли Мономахъ и рисуетъ въ своемъ „Поученіи" идеалъ „князя",—„правителя"...

Литературныя вліянія сказались очень сильно на „Поученіи". Самая идея и форма „Поученія" заимствована: въ „Изборникѣ Святослава" есть аналогичныя назиданія Ксенофонта и Θеодоры къ дѣтямъ [1]). Къ разряду такихъ же произведеній относятся слова и поученія св. отцовъ на тему: „како жити крестьяномъ". Кромѣ того, одной изъ любимыхъ книгъ Мономаха была Псалтырь; ее онъ хорошо знаетъ и цитируетъ не разъ [2]),—она, быть можетъ, подняла настроеніе „Поученія" до лиризма. „Притчи Соломона" тоже оставили слѣды вліянія на его твореніи. Изъ отцовъ Церкви особое пристрастіе обнаруживаетъ Мономахъ къ твореніямъ Василія Великаго: его влекло къ этому писателю поэтически-религіозное пониманіе природы („Шестодневъ") и аскетическіе идеалы его („Слово, како лѣпо есть чернцу быти"). Литературныя вліянія на „Поученіе".

§ 24. *Слово о полку Игоревѣ* [3]) принадлежитъ къ драгоцѣннѣйшимъ остаткамъ нашей книжной старины. Произведеніе это найдено было въ концѣ XVIII в. гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, собирателемъ старинныхъ рукописей. Тогда же съ этой рукописи былъ сдѣланъ списокъ для императрицы Екатерины; самый памятникъ былъ напечатанъ въ 1800 году, а оригиналъ рукописи сгорѣлъ въ 1812 г. во время большого московскаго пожара. Такимъ образомъ, это цѣнное произведеніе дошло до насъ въ несовершенномъ спискѣ XVIII в. и въ несовершенномъ изданіи 1800 г. Отчасти этимъ обстоятельствомъ объясняется обиліе непонятныхъ, или испорченныхъ мѣстъ въ его текстѣ. Исправить ихъ теперь нѣтъ возможности, пока не найдено будетъ второго списка. Интересно „Слово" не только со стороны содержанія, но и со стороны языка; ни одно изъ разобранныхъ выше произведеній до-монгольскаго періода русской литературы не отличается такими характерными особенностями древне-русскаго языка и такимъ богатствомъ древне-русскихъ словъ; смыслъ нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ остается неяснымъ. „Слово о полку Игоревѣ".

Первая часть «Слова» есть что-то въ родѣ «вступленія». Здѣсь авторъ сообщаетъ о формѣ и содержаніи своего произведенія. Онъ будетъ разсказывать на «старинный ладъ» («старыми словесы») печальную повѣсть о походѣ князя Игоря. Онъ будетъ пѣть, не давая воли своимъ поэтическимъ вдохновеніямъ, какъ это позволялъ себѣ Боянъ, «соловей стараго времени». Попутно разсказываетъ авторъ о томъ, какъ и когда Содержаніе „Слова". а) Вступленіе.

[1]) См. Истор. Хрестоматію, ч. I, 143.

[2]) Псаломъ XLI (12 ст.) XXXVI (ст. 1, 9—17, 19, 21—7), LV (1—2), LVII (11—12), LVIII (1—4), LXIII (3), XXII (4—5), XXIII (2).

[3]) Истор. Хрест. I, 213—219.

творилъ Боянъ. Это былъ пѣвецъ широкихъ полетовъ фантазіи; онъ воспѣвалъ князей, ихъ дѣянія и подвиги; для автора «Слова» онъ былъ существомъ почти сверхъестественнымъ—«вѣщимъ». Авторъ «Слова» будетъ пѣть «по былинамъ сего времени», т. е. сдерживая свое творчество въ предѣлахъ дѣйствительности. Повѣствованіе свое онъ обѣщаетъ начать «отъ стараго Владимера до нынѣшьняго Игоря». О Владимірѣ больше авторъ не говоритъ ни слова,—и это обстоятельство заставляетъ думать, что здѣсь въ оригиналѣ былъ пропускъ.

Походъ Игоря. Вторая часть посвящена разсказу о походѣ Игоря. Авторъ не сообщаетъ тѣхъ подробностей этого похода, которыя мы имѣемъ изъ лѣтописи (совѣщаніе князей и сборы). Повѣствованіе начинается картиной затменья. Это—мрачная прелюдія, злое знаменье, сразу опредѣляетъ настроеніе «Слова». О событіяхъ, предшествовавшихъ походу, авторъ, не говоря подробно, намекаетъ въ тѣхъ «запѣвахъ,» въ которыхъ онъ пародируетъ Бояна... Какъ бы началъ пѣснь Боянъ? Или такъ: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому»... или такъ: «Комони ржють за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ» и т. д. Въ первомъ напѣвѣ изображено движеніе войскъ къ Дону,—во

Первая битва. второмъ сборъ войскъ. Въ первый день битвы побѣда была на сторонѣ Игоря. Утомленные боемъ, побѣдители-русскіе остались отдыхать и дали возмож-

Вторая битва. ность разбитымъ половцамъ собраться съ силами. Второй день битвы начинается злыми предзнаменованіями,—кровавыя зори горятъ на небѣ, темныя тучи идутъ съ моря, «хотять прикрыти четыре солньца» (4 князей),—въ

Настроеніе разсказа. тучахъ «трепещють синіи молньіи...». И опять настроеніе разсказа дѣлается приподнятымъ и тревожнымъ. Вторая битва была неудачна, часть войскъ обратилась въ бѣгство, Игорь хотѣлъ ее вернуть, но попалъ въ плѣнъ; остальное войско его разбито... «Черьна земля подъ копыты костьми посѣяна, а кровію польяна—тугою взъидоша по руськой земли»; «ту пиръ доконьчаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю руськую». Это горе захватываетъ и автора этой «трудной повѣсти», оно выражаясь въ печальныхъ восклицаніяхъ; оно захватываетъ и природу, которая сочувствуетъ русскимъ: «ничетъ трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонися». Это горе пронизываетъ и историческія воспоминанія автора о печальномъ прошломъ русской земли. Княжескія междоусобія терзали русскую землю, особенно при Олегѣ Святославичѣ («Гориславичѣ», какъ называетъ его авторъ),—эта же княжеская рознь отчасти является причиной пораженія Игоря. Картина тяжелаго положенія Руси набросана яркими красками: «Тогда по руськой земли рѣдько ратаеве кыкахуть (кричали), но часто врани граяхуть, хотя полетѣти на уѣдіе».

Отношеніе русской земли къ извѣстію о пораженіи. Въ третьей части переданы тѣ тягостныя чувства, съ которыми приняла русская земля извѣстіе о пораженіи Игоря. Эти чувства переданы въ «Словѣ» туманно: Святославъ видитъ «смутный», зловѣщій сонъ: его, лежащаго на кровати, покрывали чернымъ покрываломъ, лили на него синее вино, смѣшанное съ желчью. Святославъ разсказываетъ сонъ боярамъ и произноситъ «златое» слово; онъ упрекаетъ князей-неудачниковъ за ихъ необдуманный походъ, навлекающій за собой набѣгъ половцевъ на всю Русь. Затѣмъ онъ взываетъ къ тогдашнимъ князьямъ, съ мольбой

забыть рознь и сплотиться для похода на враговъ, отомстить «за раны Игоря». Легкимъ, полупрозрачнымъ намекомъ на месть половцевъ заключаетъ авторъ эту третью часть.

Бѣгство Игоря.

Въ четвертой части разсказано бѣгство Игоря. Начинается повѣствованіе опять съ «прелюдіи»: жена Игоря, какъ зегзица (кукушка), плачетъ, стоя на крѣпостной стѣнѣ Путивля, обращаясь къ стихіямъ, съ просьбой спасти ея мужа. Какъ «плачъ» (причитаніе, вопль), это высокохудожественное обращеніе Ярославны къ солнцу, вѣтрамъ, Днѣпру, не имѣетъ смысла,—вѣрнѣе, это «заговоръ», «заклинаніе», послѣ котораго вполнѣ естественно слѣдуетъ разсказъ объ удачномъ побѣгѣ.

Описаніе бѣгства Игоря отличается необыкновенною сжатостью изложенія: «Прысну море полунощи; идутъ сморчи (смерчи) мьглами; Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецькой... Погасоша вечеру зари... Игорь съпитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца... Стукну земля, въшумѣ трава»... Только текстъ лѣтописи помогаетъ намъ понять смыслъ этого разсказа. Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе Игоря къ р. Донцу, съ просьбой помочь ему въ бѣгствѣ. Это—тоже своего рода «заклинаніе». Наконецъ, Игорь вернулся на родину,—его появленіе тамъ вызвало общую радость.

Заключеніе.

Въ заключеніе, авторъ славитъ князей и дружину русскую, «поборающую» за христіанство на «поганыя (языческіе) пълкы».

Время написанія.

По мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, „Слово“ написано было спустя года два послѣ похода, т. е. въ 1187 г. [1]). Относительно личности автора „Слова“ были высказаны различныя мнѣнія: одни предполагали, что онъ—кіевлянинъ [2]), другіе видѣли въ немъ черниговца [3]); одни желали видѣть въ немъ дружинника и участника похода, другіе видѣли образованнаго книжника, хорошо начитаннаго и въ то же время знающаго народную поэзію; въ походѣ Игоря онъ могъ и не принимать участія. Одно несомнѣнно: духовнымъ лицомъ авторъ быть не могъ—онъ, судя по всѣмъ его интересамъ и вкусамъ, человѣкъ свѣтскій.

„Слово“ съ литературной стороны.

Съ *литературной* стороны „Слово“ представляетъ большую цѣнность. Авторъ называетъ свое произведеніе то „повѣстью“, то „пѣсней“. Вѣрнѣе, оно должно быть названо соединеніемъ повѣсти и пѣсни, такъ какъ прозаическое изложеніе его мѣстами переходитъ почти въ стихотворное. Это—не старая пѣсня, обратившаяся въ „побывальщину“ (т. е. прозаическое изложеніе былины

---

[1]) Въ „Словѣ“ есть обращеніе къ князьямъ Ярославу Осмомыслу и Владиміру Глѣбовичу, которые умерли въ 1187 г. Ранѣе 1187 года „Слово“ не могло быть написано, такъ какъ въ немъ есть намекъ (бесѣда двухъ хановъ) на бѣгство изъ плѣна сына Игоря, а это бѣгство произошло въ 1187 г.

[2]) Возвеличеніе Святослава и Кіева, порицаніе Игоря.

[3]) Ничтожный походъ маленькаго Новгородъ-Сѣверска сдѣлался сюжетомъ цѣлой поэмы.

съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ особенностей ея) и записанная позднѣе,—такъ какъ въ этомъ случаѣ забыты были бы и перепутаны историческія имена и событія. Слѣдовательно, „Слово" было *написано* съ самаго начала, будучи составлено въ прозаической формѣ, а не *спѣто* въ видѣ былины... Художественность его заключается въ органическомъ соединеніи всѣхъ особенностей *народной* поэтики съ особенностями поэтики *книжной.*

Вліяніе народной поэзіи.

Вліяніе народной поэзіи сказалось въ употребленіи — 1) народныхъ *эпитетовъ:* «трава зеленая», «сизый орелъ», «острая сабля» и пр.; 2) *тавтологическихъ* оборотовъ рѣчи: «трубы трубятъ», «свѣтъ свѣтлый»; 3) *сравненій*—а) простыхъ—Игорь «соколомъ полетѣ», «поскачи горностаемъ»,—b) отрицательныхъ: «не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщіе персты на живыя струны вскладаше», «не сороки встрокоташа»; 4) *метафоръ:* «тоска разлiясь по руськой земли»; 5) *синекдохъ*—«испити шеломомъ Дону»; 6) *гиперболъ:* «ты бо можеши Волгу веслы раскропити»; 7) *олицетвореній:* «Донецъ рече», «возстане Кыевъ»; 8) *аллегорій*, напр. когда пиръ, или посѣвъ, изображаетъ битву: «ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаше храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю руськую»; «на Немизѣ снопы стелють головами, молотять цѣпы харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душю отъ тѣла»; 9) *параллелизмовъ:* «солньце свѣтиться на небеси,—Игорь князь въ руськой земли»; 10) *народной символики,* напр. Ярославна представлена кукушкой; эта птица въ народныхъ пѣсняхъ символъ печали. Можно въ «Словѣ» найти всѣ виды «фигуръ»: и *воззваніе*, и *умолчаніе*, и *градаціи*, и *эллипсисъ* и пр.

Много оборотовъ рѣчи и пріемовъ взято изъ народной пѣсни: разговоры съ рѣками, оборотничество героя (въ волка, гоголя и пр.), разстановка словъ, повторенія и пр. Мѣстами прозаическій разсказъ «Слова» вдругъ поддается не только раздѣленію на стихи, но даже въ немъ проясняется риѳма.

«Которыя дотечаше—	«Коли соколъ въ мытехъ бываеть,
Та преди пѣснь пояше».	Высоко пътиць възбиваеть!
«Что ми шумить,	«Людямъ судяше,
Что ми звенить?»	Княземъ грады рядяше,
	А самъ въ ночь вълкомь рыскаше».

Близость „Слова" съ французской поэмой о Роландѣ.

Любопытно, что многія характерныя народно-поэтическія особенности «Слова» совпадаютъ съ особенностями французской поэмы о Роландѣ и нѣмецкой о Нибелунгахъ. Съ первымъ произведеніемъ наше связано отчасти сходствомъ содержанія: въ обоихъ случаяхъ изображается борьба христіанъ съ «погаными» (paganus—язычникъ), въ обоихъ случаяхъ христіане гибнутъ вслѣдствіе безразсудной удали вождей. Трудно говорить о возможности вліянія французскаго и нѣмецкаго эпоса на русскій,—сходство между ними надо объяснить общностью поэтическихъ пріемовъ у всѣхъ народовъ,—но нельзя замалчивать того факта, что и нашъ эпосъ былъ

извѣстенъ пѣвцамъ Запада [1]), а, съ другой стороны, и эпосъ западноевропейскій проникалъ къ нимъ: лѣтописецъ нашъ знаетъ, напримѣръ, поэмы о Дитрихѣ [2]).

Книжныя вліянія.

На ряду съ вліяніями народной поэзіи сильно отразилось на «Словѣ» и вліяніе *книги*. Въ длинномъ рядѣ выраженій сказалась начитанность автора—онъ охотно беретъ изъ книгъ красивые образы и обороты рѣчи: Св. Писаніе, Псалтырь, апокрифы, церковныя пѣснопѣнія, творенія отцовъ церкви, повѣсти о Девгеніи, объ Акирѣ, о взятіи Іерусалима, о взятіи Трои и много другихъ подобныхъ произведеній оставили литературные слѣды въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ «Слова» — выраженіяхъ, которыхъ не найти въ народномъ творчествѣ. Привожу примѣры: «истягну умъ крѣпостью, и поостри сердце мужествомъ»—подражаніе библейскимъ выраженіямъ; «наполниться ратнаго духа» встрѣчается у Іосифа Флавія («О взятіи Іерусалима»); «воскладать персты на струны» говорится въ одномъ апокрифѣ о Давидѣ; сравненіе половцевъ съ леопардами («пардуже гнѣздо») обычно было въ византійской литературѣ и странно въ устахъ человѣка русскаго, не видавшаго на родинѣ леопардовъ. Въ хроникѣ Манассіи встрѣчаются выраженія: «поить коней ефратскими струями», «пріимъ умъ своею крѣпостію»; въ апокрифѣ о Соломонѣ: «полетѣ по поднебесью яснымъ соколомъ и поиде по землѣ лютымъ звѣремъ».

Примѣровъ вліянія какъ народной поэзіи, такъ и книжной можно привести гораздо больше, но и указанныхъ достаточно, чтобы признать въ лицѣ автора великаго поэта, сумѣвшаго органически слить въ одно гармоническое цѣлое два противоположныхъ элемента: народный и книжный.

Самостоятельность автора „Слова".

Кромѣ этихъ заимствованныхъ элементовъ, авторъ „Слова" показалъ себя и самостоятельнымъ художникомъ, хотя бы, въ описаніяхъ природы: здѣсь авторъ выходитъ изъ предѣловъ „общихъ картинъ" народной поэзіи. Живо и ярко рисуетъ онъ южную степную природу: надъ степями носятся орлы, стрекочутъ сороки, каркаютъ вороны, лисицы „брешутъ"; слышится скрипъ телѣгъ, наполняющихъ ночную тишину степи „крикомъ" своихъ колесъ. Кромѣ такихъ слуховыхъ эффектовъ, авторъ рисуетъ свободно и легко картину возмущенныхъ небесъ: на востокѣ утренняя заря горитъ кровавымъ полымемъ, а съ запада, съ моря, подымаются темныя тучи, въ которыхъ сверкаютъ „синія молніи". Серебристая рѣка, нѣжно несущая свои говорливыя струи по шелковой муравѣ своихъ береговъ—это картина другого тона. Любопытно, что нигдѣ нѣтъ описанія природы, вполнѣ свободной, внѣ отно-

---

[1]) См. мою книгу „Народная Словесность", стр. 7.

[2]) Несомнѣнно, было вліяніе и восточной поэзіи: русскіе люди очень тѣсно были связаны со степными народами. Близость эта сказалась въ тѣсномъ культурномъ общеніи, обмѣнѣ вліяніями. Въ „Словѣ" очень много словъ половецкихъ.

шеній къ драмѣ человѣческой; природа, очевидно, нужна автору только для того, чтобы придать „настроеніе“ разсказу, оттѣнить событія человѣческой драмы.

Авторъ „Слова“, какъ политикъ.

Авторъ „Слова“ рисуется передъ нами и какъ „политикъ“, умѣющій разобраться въ печальныхъ дѣлахъ тогдашней Руси. Быть можетъ, не столько пораженіе Игоря, сколько междоусобія князей терзаютъ его сердце: неудача Игоря—это одинъ изъ малозначительныхъ эпизодовъ, которые были возможны только тогда, когда рознь и эгоизмъ раздѣляли русскихъ князей. Въ этомъ отношеніи, „Слово“ дополняетъ „Поученіе Владиміра Мономаха“: тамъ горюетъ общественный дѣятель, который однако не потерялъ еще надежды на лучшее будущее (иначе зачѣмъ было писать „Поученіе“?),—здѣсь простой гражданинъ, хотя и близкій къ какому-то князю, рисуетъ намъ въ мрачныхъ краскахъ эпоху прошедшую, эпоху Мономаха,—времена Олега „Гориславича“; теперь при немъ немного лучше, но все-таки утѣшительнаго мало. Удивительно сжатая, но яркая характеристика князей, современныхъ Игорю, обличаетъ въ авторѣ человѣка, близко знающаго тогдашнихъ князей и ихъ отношенія. Но и печальное „Слово“ оканчивается радостными аккордами: хотя и меньше оставалось надежды на свѣтлое будущее у людей этого времени, но всетаки она еще была сильна и бодрила людей.

Неясныя мѣста въ „Словѣ“.

Нельзя не указать, что не только отдѣльныя слова, но и нѣкоторыя мѣста „Слова“ до сихъ поръ остались неразгаданными. Такъ, напримѣръ, въ „Словѣ“ упоминается „старый Владиміръ“. До сихъ поръ не рѣшено, кого надо разумѣть подъ этимъ именемъ,—св. Владиміра, или Владиміра Мономаха. Еще труднѣе рѣшить, кого разумѣлъ авторъ подъ именемъ Трояна. Это имя употребляется въ слѣдующихъ случаяхъ: „тропа Трояня“, „вѣчи (или вѣци, т. е. вѣка) Трояни“, „земля Трояня“. Одни предполагали, что это—имя римскаго императора Трояна,—имя, повидимому, сохранившееся въ географическихъ названіяхъ мѣстностей въ Болгаріи; другіе видятъ въ немъ языческое божество, о которомъ упоминаютъ апокрифы (напр. „хожденіе Богородицы по мукамъ“). Акад. Тихонравовъ предлагалъ вездѣ имя Троянъ замѣнить именемъ Боянъ,—предполагая, что переписчикъ могъ легко смѣшать „т“ и „б“. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о Троянѣ остается нерѣшеннымъ. Самое имя „Боянъ“ вызывало немало предположеній; нѣкоторые думали даже, что это имя нарицательное, отъ стараго „баяти“ и обозначаетъ просто „пѣвецъ“. Другіе предла

гали читать раздѣльно: „бо Янъ“, видя въ этомъ Янѣ того старца, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, какъ источникѣ многихъ разсказовъ о старинѣ. Немало разсужденій вызвало и странное сочетаніе именъ языческихъ славянскихъ боговъ съ яснымъ христіанствомъ автора и даже съ упоминаніемъ о тогдашнихъ святыняхъ кіевскихъ (церковь Богородицы Пирогощей). Всего вѣрнѣе предположеніе, что авторъ, уже утратившій вѣру въ старыхъ дѣдовскихъ боговъ, приводилъ ихъ ради украшенія, поддѣлываясь подъ старыя пѣсни, „старыя словеса“, еще сохранившіяся въ народѣ. Такъ, Виргилій, не вѣря въ боговъ, въ своей „Энеидѣ“, часто поминаетъ ихъ, смотря на это, какъ на чисто стилистическій пріемъ.

Изученіе „Слова“.

Ни одно произведеніе древней русской письменности не вызывало къ себѣ столько интереса, какъ «Слово»: множество статей и цѣлыхъ изслѣдованій посвящено его объясненію. Въ началѣ XIX ст. скептики оспаривали его древность (Митр. Евгеній), даже его подлинность: (Строевъ, Каченовскій, Сенковскій и др.); въ XVIII в. было у разныхъ народовъ нѣсколько, болѣе или менѣе, удачныхъ поддѣлокъ подъ народныя поэмы («Пѣсни Оссіана», «Краледворская рукопись»). Это и внушило русскимъ скептикамъ особую осторожность въ «Слову», произведенію совершенно одинокому и столь необыкновенному. Дальнѣйшія работы указали въ лѣтописи слѣды такого же дружиннаго эпоса, позволяющіе утверждать подлинность «Слова» (Ѳ. Полевой); указана была связь съ народной поэзіей, главнымъ образомъ, малороссійской (Максимовичъ). Буслаевъ старался доказать связь имени «Троянъ» съ миѳическимъ героемъ болгарской поэзіи. Вяземскій предложилъ связать «Слово» съ «Повѣстью о троянскихъ дѣяніяхъ» и въ Боянѣ видѣть Гомера (боянъ—имя нарицательное: пѣвецъ; тропа Трояна—τροπή—возвратъ Трои; Дѣва-обида—Елена). Учеными оріенталистами усмотрѣны въ «Словѣ» обильные слѣды восточнаго вліянія [1]). Полевой сблизилъ «Слово» съ германскими и чешскими народными произведеніями. Въ 1866 и 1868 г. акад. Тихонравовъ издалъ текстъ, исправленный по его собственнымъ догадкамъ (вездѣ Боянъ вмѣсто Троянъ и др.). Въ 1877 г. появилось изслѣдованіе Вс. Миллера. Онъ указалъ на исключительно-книжный характеръ этого произведенія: всѣ упоминанія о богахъ, Боянѣ, всѣ «остатки» миѳологіи отнесъ онъ къ чисто-стилистическимъ пріемамъ. Акад. Веселовскій въ Троянѣ согласился видѣть отзвукъ повѣсти о Троѣ, но въ Дѣвѣ-обидѣ видѣлъ только олицетвореніе горя (какъ, напр., Горе-Злосчастье и др.). Потебня ограничилъ вѣрное, но слишкомъ широкое, заключеніе г. Миллера, выяснивъ обстоятельно органическую связь «Слова» съ народной поэзіей. Самымъ большимъ трудомъ, посвященнымъ «Слову», до сихъ поръ остается трехтомное изслѣдованіе Барсова. «Слово» драгоцѣнно намъ тѣми выводами, которые легко могли сдѣлать при его изученіи:

---

1) Въ наши дни г. Меліоранскимъ (статьи въ „Изв. 2-го Отд. И. Ак. Н.“).

Выводы

1) Несомнѣнно, это произведеніе не можетъ быть одинокимъ: оно лишь случайно сохранилось среди церковныхъ книгъ,—другія же подобныя «свѣтскія» произведенія не дошли до насъ, такъ какъ ими монастыри не дорожили, быть можетъ, даже ихъ уничтожали. Что такихъ произведеній въ свое время было немало, видно изъ того, что «Слово» обличаетъ въ авторѣ не «самоучку» народнаго пѣвца, случайно записавшаго произведеніе своей фантазіи,—а ученаго знатока, знакомаго со «школой», съ традиціями и пріемами своихъ предшественниковъ-пѣвцовъ, въ родѣ Бояна.

2) Такимъ образомъ, «это было произведеніе личнаго автора, несомнѣннаго поэта, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ произведеніи соединились различные элементы господствовавшихъ въ его время народно-поэтическихъ мотивовъ и *литературныхъ* пріемовъ. Эти народно-поэтическіе мотивы *находятъ свою параллель* и въ старой *былинѣ*, и въ современной *пѣснѣ*, великорусской и малорусской; переходъ этихъ мотивовъ въ книгу не былъ въ «Словѣ» единичнымъ и исключительнымъ,—напротивъ, въ старой *лѣтописи*, особенно галицко-волынской, могутъ быть подобраны любопытныя параллели и поэтическаго выраженія, и настроенія, и одинъ смѣлый изслѣдователь думалъ даже, что разсказъ лѣтописи можно предпочесть «Слову» по цѣльности и поэтичности. Подобнымъ образомъ *поэтическая миѳологія* «Слова», хотя все еще нерѣдко загадочная, *не остается одинокой... находитъ аналогіи*» (Пыпинъ).

3) «Слово» отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, ту эпоху, которая его создала. Общественное настроеніе поэта, его скорбь о внутреннихъ раздорахъ..., его воспоминанія о славныхъ временахъ, его увѣщанія жить въ согласіи и единствѣ, его горячая любовь къ родинѣ—составляютъ *общее чувство лучшихъ людей той эпохи*, которое опять не однажды находитъ свое выраженіе въ *лѣтописи*, въ «*Поученіи* Мономаха», въ *церковномъ увѣщаніи*, въ *легендѣ*... Въ изображеніяхъ похода и битвы сказалась *воинственная поэзія дружины*, какъ въ плачѣ Ярославны глубокая и изящная лирика непосредственно примыкала къ традиціонному *плачу* народному... Многочисленныя изысканія — продолжаетъ *Пыпинъ*—успѣли раскрыть въ «Словѣ» его *органическую связь* съ его вѣкомъ и различными элементами народно-поэтическаго и книжнаго развитія... «Слово» не остается одинокимъ по своему содержанію и формѣ. Какъ дѣло личнаго автора, оно является *замѣчательнымъ свидѣтелемъ той ступени литературнаго развитія, какой достигалъ двѣнадцатый вѣкъ*... «Слово» сохранило поразительныя и чрезвычайно любопытныя историческія черты свѣжей бытовой и поэтической непосредственности».

4) Отсюда можно заключить, что Кіевская Русь не была сплошь поглощена церковностью: въ ней богато цвѣло народное творчество, облагороженное вліяніями чужой поэзіи. Слѣдовательно, нельзя говорить объ исключительности аскетическаго міросозерцанія въ жизни древней Руси: она жила не одними житіями и проповѣдями.

5) «Слово» не осталось незамѣченнымъ явленіемъ въ послѣдующей русской литературѣ; оно отразилось на позднѣйшихъ повѣстяхъ, въ родѣ «Задонщины» [1]), «Повѣданія о Мамаевомъ побоищѣ» и позднѣе—на «Исторіи

---

[1]) Истор. Хрестоматія I, 242.

объ азовскомъ осадномъ сидѣніи донскихъ казаковъ» [1]). Слѣдовательно, съ XII в. до XVII не умирала въ русской литературѣ та литературная традиція, которая нашла въ «Словѣ» такое блестящее выраженіе.

„Моленіе Даніила Заточника“.

§ 25. *„Моленіе Даніила Заточника“* [2])—одинъ изъ интереснѣйшихъ литературныхъ памятниковъ русской старины. Какъ и „Слово о полку Игоревѣ“, онъ сдѣлался предметомъ многихъ изученій, вызвалъ немало историко-литературныхъ изслѣдованій.

Къ кому адресовано „Моленіе“?

Прежде всего, возникъ вопросъ, къ какому князю адресовано „Моленіе“ Даніила. Въ послѣднее время вопросъ этотъ рѣшенъ въ пользу Ярослава Всеволодовича, князя Новгородскаго и Переяславскаго. Такое рѣшеніе вопроса опредѣлило и время написанія „Моленія“,—раньше его относили къ XII вѣку, теперь опредѣляютъ годами 1223—1236 гг. Самая личность автора долго вызывала недоумѣнія.

Личность автора.

Сначала въ немъ видѣли дружинника, попавшаго въ немилость, или за трусость, проявленную на полѣ битвы,—или по навѣтамъ княжескихъ приближенныхъ, быть можетъ, даже самой княгини; заточенный, будто-бы, за это на озеро Лачъ, онъ сочинилъ свое хитроумное посланіе, съ цѣлью разжалобить Ярослава и вернуть себѣ его благоволеніе. Теперь высказаны такія предположенія: никакого Даніила не существовало,—передъ нами лицо совершенно вымышленное, введенное авторомъ только ради литературныхъ цѣлей. Найденный позднѣе новый списокъ „Моленія“ позволилъ сдѣлать еще одно, болѣе вѣроятное, предположеніе: Даніилъ „заточникомъ“ не былъ; это—талантливый, умный неудачникъ, ищущій благоволенія князя, желающій блеснуть передъ нимъ своимъ умомъ, краснорѣчіемъ и начитанностью, чтобы князь помогъ ему деньгами и приблизилъ къ себѣ. Лишь въ позднѣйшей редакціи прибавлены къ „Моленію“ тѣ подробности, которыя дали возможность историкамъ считать Даніила „заточникомъ“. Очевидно, для позднѣйшаго переписчика личность Даніила была неясна, непонятны были тѣ лишенія, о которыхъ такъ глухо говорится въ посланіи. Возможно, къ тому же, и существованіе двухъ Даніиловъ: одного—не бывшаго въ заточеніи и написавшаго свое посланіе, а другого—заточеннаго на озерѣ Лачѣ. Въ такомъ случаѣ народное преданіе могло слить обоихъ въ одинъ образъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, народная фантазія работала около „Моленія“: это видно изъ того, что съ нимъ связано преданіе, будто Даніилъ свое „Моленіе“ залѣпилъ

---

[1]) Истор. Хрестоматія I, 325.
[2]) Истор. Хрест. I, 228.

въ восковой шарикъ и бросилъ въ воду: рыба проглотила его, попала въ сѣти, затѣмъ на княжескую кухню; поваръ нашелъ шарикъ, снесъ князю, и онъ узналъ о несчастіяхъ Даніила. Анекдотъ этотъ принадлежитъ къ „ходячимъ“ разсказамъ, извѣстнымъ на Западѣ и у насъ.

Содержаніе „Моленія“. Начинается «Моленіе» съ высокопарнаго призыва автора: «вострубимъ, братіе, аки въ златокованную трубу, въ разумъ ума своего!» и т. д. Подобныя патетическія фразы въ библейскомъ стилѣ онъ пересыпаетъ цитатами и ссылками. Затѣмъ онъ обращается къ князю съ просьбой, чтобы тотъ обратилъ на него, насчастнаго, свое благосклонное вниманіе. Онъ говоритъ про себя, что «юнъ возрастъ имѣетъ, но старъ смыслъ». Онъ самъ хвалитъ свой даръ краснорѣчія.

«Княже, мой господине! Аще ти есмь на рати не хоробръ, но на словѣхъ ти есмь крѣпокъ, да тѣмъ избираю сладость словесную, совокупляя, аки въ мѣхъ водѣ морскія, и извитія словесъ, и рѣшенія притчами хитрыми, а глаголивъ языкъ и... увѣтливы уста, яко струя рѣчныя быстрины».

Между остротами и льстивыми восхваленіями князя онъ старается убѣдить князя быть щедрымъ, чтобы своимъ богатствомъ поддерживать людей, ему нужныхъ. Затѣмъ Даніилъ говоритъ о томъ, какъ сильно ему хотѣлось бы служить князю: онъ ругаетъ холопскую службу на боярскомъ дворѣ и превозноситъ службу князю. Онъ много вынесъ горя, но не пойдетъ въ холопы къ боярину.

«Княже, мой господине! Се былъ есмь въ велицѣй нужи, подъ работнымъ ярмомъ пострадахъ; все тое искусихъ, яко зло есть. Луче бы ми видѣти нога своя въ лычницы въ дому твоемъ, нежели въ черленѣ сапозѣ въ боярстѣмъ дворѣ; луче бы ми тобѣ въ дерюзѣ служити, нежели въ багряницѣ въ боярстѣмъ дворѣ!»

Послѣ этихъ словъ, подкрѣпленныхъ цитатами, онъ намекаетъ, какая служба ему будетъ по душѣ,—ему хочется попасть въ совѣтъ князя, онъ считаетъ, что можетъ принести тамъ пользу, такъ какъ, хотя юнъ возрастомъ, но старъ опытомъ и силенъ въ книгахъ.

«Княже мой, господине! Азъ бо аще не во Аѳинѣхъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая по книгамъ, аки пчела по различнымъ цвѣтомъ: оттуду избираю сладость словесную, совокупляя мудрость, яко въ мѣхъ воду морскую».

Затѣмъ онъ опять переходитъ къ разсказу о своей участи: онъ—сынъ зажиточныхъ родителей, съ ними разошелся; онъ оставленъ друзьями, такъ какъ не можетъ ихъ больше угощать. «Одержимый нищетой», онъ и обращается за помощью къ князю; опять начинаются льстивыя восхваленія князя, обильныя цитаты, остроты и прибаутки.

«Птенцы радуются подъ крилома матери своея, а мы веселимся подъ державою твоею. Избави мя, господине, отъ нищеты моея, аки серну отъ тенета, яко птицу—отъ кляпцы! исторгни мя отъ скудости моея, яко утя отъ ногтей ястребу, яко овча—отъ волка; иже бо въ печали кто мужа призритъ, яко водою студеною напоитъ въ день знойный».

Онъ обращается къ доброму сердцу князя.

«И, насыщаяся много-различныхъ брашенъ, помяни мене, сухъ хлѣбъ ядущаго; веселяся сладкимъ питіемъ, помяни мене, теплу воду піющаго; облачася въ красоту ризъ своихъ, помяни мене въ неиспранѣмъ вретищи; лежа, господине, на мягцѣ постели, помяни мене, подъ единѣмъ рубомъ лежащаго, зимою умирающа, и каплями дождевными, яко стрѣлами, пронизаема!»

Затѣмъ онъ предполагаетъ, что князь, вмѣсто помощи, дастъ ему совѣтъ жениться на богатой, или пойти въ монастырь.

«Или речеши ми, княже: «у богата тестя женися; ту пей, ту и яждь!»—то луче бы ми трясцею болѣти, ни со злою, съ нелюбою женою быти. Трясца бо трясъ пуститъ, а злая жена и до смерти сушитъ. Глаголетъ бо ся въ мірскихъ притчахъ: не потка въ поткахъ — нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ—ежъ, не рыба въ рыбахъ—ракъ, не скотъ въ скотѣхъ—коза, не холопъ въ холопѣхъ, кто у холопа работаетъ, не мужъ въ мужѣхъ, который жены слушаетъ... Кто пойметъ злообразну жену придатка дѣля, или тестя дѣля богата,—то луче бы ми буръ волъ видѣти въ дому своемъ, нежели жена злообразна... Жена бо злообразна подобно перечесу: сюдѣ свербитъ, а сюдѣ болитъ. Паки видѣхъ стару жену, злообразну, криву, зооркоу, а подобно чорту, ртасту, челюстасту, злоязычну, приничущу въ зерцало,—и ркохъ ей: «не позоруй въ зерцало, но зри въ керсту»; женѣ бо злообразнѣ не достоитъ приникати въ зерцало, да не въ бо̀льшую печаль впадетъ, прозрѣвши на нелѣпотство образа своего!».

«Или речеше, княже: «пострижися въ чернцы!» Не видалъ есми мертвеца, на свеніяхъ ѣздячи, ни чорта на бабѣ; не ѣдалъ есмь отъ ивія смокви, но отъ липія стафиди. Луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели, восприимши ангельскій образъ, Богу солгати. Лжи бо, рече, мірови, а не Богу: Богу не льзѣ лгати, ни вышнимъ играти. Мнози бо, отшедше міра сего, паки возвращаются, аки пси на своя блевотины, на мірское гоненіе, обходятъ села и домы славныхъ міра сего, яко пси ласкосердіи...»

„Моленіе“ любопытно во всѣхъ отношеніяхъ; прежде всего, произведеніе это даетъ яркое понятіе о характерѣ древне-русскаго образованія: знаніе св. Писанія почти наизусть, умѣніе всегда извлечь оттуда подходящій примѣръ, или цитату, проникновенность въ библейскій стиль до такой степени, что усваивалась способность легко имъ владѣть,—все это видно въ „Моленіи“. Любопытно „Моленіе“ и какъ первое русское сатирическое произведеніе, въ которомъ смѣло и остроумно разоблачались многія отрицательныя стороны тогдашней русской жизни: особенно отношенія князя къ народу. „Не море топитъ корабли, говоритъ онъ, но вѣтры; такъ и князь—не самъ впадаетъ во многія заблужденія, но злые думцы вводятъ“. „Тіуна“ княжескаго Даніилъ сравниваетъ съ огнемъ, наложеннымъ на тряпицу, а подчиненныхъ его—съ искрами. Считаетъ „великимъ зломъ“ „пола- Историко-культурное значеніе „Моленія“.

гаться на тіуновъ" и Мономахъ. Много злого юмора вызываютъ у Даніила мысли о женщинѣ,—вѣроятно, для этой злости были основанія въ русской жизни. Наконецъ, „Моленіе" любопытно и для пониманія „личности" Даніила. Очевидно, это — личность крупная, не умѣстившаяся въ тѣсныхъ рамкахъ тогдашней жизни,— онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ мѣста, вѣроятно, потому, что въ немъ черезчуръ сильно развито критическое отношеніе ко всему окружающему. Въ древне-русской литературѣ, „безличной" по преимуществу, особенно рѣзко выдѣляются такія произведенія, съ ярко-окрашенной личностью авторовъ: въ этомъ отношеніи, Владиміръ Мономахъ, авторъ „Слова о полку Игоревѣ" и Даніилъ стоятъ рядомъ.

Личность автора.

Характеристика культуры Кіевской Руси.

а) областной ея характеръ.

§ 26. *Характеристика культуры и литературы Кіевской Руси.* Для опредѣленія культуры этого періода русской исторіи мы, кромѣ разобранныхъ произведеній, имѣемъ еще нѣсколько любопытныхъ указаній. Сохранилось, напримѣръ, посланіе митр. Климента Смолятича, въ которомъ авторъ оправдывается отъ обвиненія въ тщеславіи: Климентъ въ одномъ посланіи (не дошедшемъ до насъ) «писалъ отъ Гомера, Аристотеля и Платона» [1]). Изъ этихъ ссылокъ какой-то Θома сдѣлалъ заключеніе, что Климентъ величается своими знаніями и корчитъ изъ себя «философа». Во всякомъ случаѣ увлеченіе русскаго человѣка XII в., живущаго въ г. Смоленскѣ, сочиненіями греческихъ писателей,—фактъ любопытный. Изъ другого произведенія житія Авраама Смоленскаго мы узнаемъ, что святой, живя въ Смоленскѣ, увлекался «глубинными книгами» и, устроивъ школу, сталъ учить «не токмо почитати, но и протолковати» св. книги [2]). Можно пред-

[1]) „Прочитавъ посланіе твоей любви—пишетъ Климентъ Θомѣ,—хотя и длинно оно было, я удивился, а припомнивши, и очень подивился твоему благоразумію. Ты говоришь мнѣ: „тщеславишься, точно дѣлая изъ себя философа", а прежде всего самъ себя изобличаешь. Развѣ я къ тебѣ что-нибудь писалъ? Не писалъ и писать не имѣю". Говоришь мнѣ: „философски пишешь", а это весьма несправедливо пишешь. А что, пренебрегши другія обычныя для чтенія сочиненія, писалъ я отъ Гомера, Аристотеля и Платона, которые были славны въ греческихъ странахъ, то, если и писалъ такъ, то не къ тебѣ, а къ князю" и т. д. Какого рода философіей занимался Климентъ? Изъ самаго начала (письма) мы узнаемъ, что толковать священное писаніе иносказательно и значило тогда испытывать его „по тонку", а въ этомъ, повидимому, и заключается „философія" Климента. Дѣйствительно, все дальнѣйшее содержаніе Посланія и заключается въ рядѣ примѣровъ такого истолкованія. Въ византійской литературѣ было два способа толкованія Св. Писанія—буквальный и аллегорическій; послѣдній и былъ, очевидно, усвоенъ Климентомъ.

[2]) Изъ житія св. Авраамія Смоленскаго мы узнаемъ, что, по наущенію дьявола, современники обвиняли его въ еретичествѣ за то, что онъ читаетъ „глубинныя книги". Духовенство жаловалось, что онъ отбилъ у нихъ учащихся и сталъ ихъ учить посвоему. „Авраамій, говоритъ авторъ житія, какъ пчела собиралъ отовсюду, то самъ списывая, то давая другимъ списывать. Вслѣдствіе этого многіе стали приходить къ нему и слушать „почитанія" божественныхъ книгъ; „бѣ бо блаженный хитръ почитати; дасть бо ся ему благодать Божія не токмо почитати, но и *протолковати*". За это-то знакомство съ истолковательной литературой Авраамій и подвергся обвиненію". (Истринъ). Итакъ, въ Смоленскѣ въ XII вѣкѣ была особая школа толкователей Св. Писанія, которые старались находить въ немъ иносказательный, символическій смыслъ.

полагать, что въ этой школѣ училъ Авраамій находить въ Св. Писанія иносказательный, символическій смыслъ (ср. Кирилла Туровскаго и Иларіона). Такихъ толкователей ихъ современники называли «философами». Если въ Смоленскѣ въ XII в. образованіе нѣкоторыхъ передовыхъ дѣятелей стояло такъ высоко, то нѣтъ основанія не допускать, что такіе же передовые люди были и въ Новгородѣ, и въ Черниговѣ,—словомъ, *не одинъ Кіевъ, а и другіе города тогдашней Руси принимали живое участіе въ развитіи молодой русской культуры. Періодъ этотъ называется „кіевскимъ" только потому, что Кіевъ былъ центромъ государственной жизни.*

Характерной особенностью этой древнерусской культуры былъ ея «областной характеръ». Проф. Архангельскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: Проф. Архангельскій объ областномъ характерѣ кіевскаго періода.

«Кіевскій» центръ былъ важнѣйшимъ центромъ нашей начальной, до-монгольской литературы, но далеко не исключительнымъ и единственнымъ. Неразрывно связанная съ христіанствомъ и пришедшей византійской книжностью, возникающая русская литература идетъ по слѣдамъ христіанства—и одновременно, разомъ появляется въ самыхъ различныхъ пунктахъ начальной Руси. Первые, наиболѣе ранніе центры возникающей въ странѣ письменности—важнѣйшіе административные и церковные центры Удѣльной Руси. Раньше всего и болѣе широкимъ образомъ туземная литература возникаетъ въ предѣлахъ *южной Руси*, прежде всего—въ *Кіевѣ*, Великомъ Княжествѣ Кіевскомъ, наиболѣе культурномъ центрѣ русскаго славянства, путемъ своихъ торговыхъ связей ранѣе другихъ познакомившемся съ христіанствомъ. По введеніи христіанства, уже вскорѣ здѣсь возникаетъ знаменитый Кіево-Печерскій монастырь—главный центръ просвѣщенія и литературы до-монгольской Руси... Рядомъ съ Кіевомъ уже рано выдается своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ и книжностью *Княжество Туровское*, сосѣднее съ Кіевскимъ: во второй половинѣ XII вѣка здѣсь появляется одинъ изъ самыхъ даровитыхъ проповѣдниковъ-поэтовъ древней Руси, знаменитый *Кириллъ Туровскій*... Довольно значительные признаки литературнаго развитія скоро обнаруживаются въ землѣ *Смоленской*. Географическое положеніе княжества, сравнительная близость къ Западной Европѣ рано способствуютъ культурному развитію области. «*Житіе Авраамія Смоленскаго*», связанное съ самыми ранними временами Смоленской области, ярко рисуетъ значительный уровень мѣстнаго просвѣщенія уже въ XII—XIII вв. Чрезвычайно любопытно также въ этомъ отношеніи недавно открытое «*посланіе*» одного изъ смоленскихъ епископовъ XII в., Климента († 1147), обращенное къ одному изъ смоленскихъ священниковъ: посланіе указываетъ, что въ Смоленской области XII вѣка были извѣстны Гомеръ, Аристотель, Платонъ... Рано обнаруживаются ростки культурнаго развитія въ землѣ *Галицко-Волынской*, западной «украйнѣ» древней Руси, лежавшей на западъ отъ Кіевскаго княжества. Во второй половинѣ XII в. въ обособившейся землѣ Галицкой княжитъ знаменитый, упоминаемый въ «*Словѣ о полку*

Кіевъ. Туровъ. Смоленскъ. Галичъ-Волынскій.

Конечно, для этого нужно было имѣть большое по тогдашнему образованіе и вполнѣ понятно, что такіе люди однимъ изъ современниковъ казались „философами", другимъ—чуть не еретиками". (Истринъ).

Игоревѣ», Ярославъ Осмомыслъ († 1187). Одинъ изъ городовъ области, Владиміръ-Волынскій, своей красотой въ началѣ XIII в. приводитъ въ восторгъ современника: «така града, замѣчаетъ лѣтописецъ, не изобрѣтохомъ ни въ нѣмецкихъ странахъ»... По притокамъ Днѣпра, преимущественно Деснѣ и Сейму, расположена была земля *Черниговско-Сѣверская*, гдѣ рано обособляются княжества: *Черниговское*, *Сѣверское* и *Муромско-Рязанское*. Уже съ XI в. въ Черниговской области возникаютъ монастыри; въ Черниговѣ, передъ переселеніемъ въ Кіевъ, подвизается будущій кіево-печерскій игуменъ пр. Антоній. Изъ Чернигова, или вообще изъ земли Черниговско-Сѣверской, по нѣкоторымъ соображеніямъ, былъ родомъ игуменъ Даніилъ, авторъ *«Паломника»*. Съ именемъ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря († 1202) связано величайшее произведеніе нашей древней литературы, знаменитое *«Слово о полку Игоревѣ»*... Уже рано письменность начинаетъ прививаться и въ предѣлахъ *сѣверной Руси*, особенно въ наиболѣе культурномъ ея центрѣ—въ *Новгородѣ*. Съ Новгородомъ связанъ наиболѣе ранній памятникъ русской переводной письменности, знаменитое *Остромирово Евангеліе*... Верхнюю часть Волги и Оки занимала земля *Ростовско-Суздальская*, отдѣленная отъ Кіевской Руси непроходимыми лѣсами. Здѣсь быстро создается могущественный центръ политической жизни. Древнѣйшими городами были Ростовъ, Суздаль, Владиміръ. Область представляла наиболѣе глухую часть начальной Руси; славянское язычество сливалось съ финскимъ, и христіанство встрѣтило здѣсь наиболѣе упорное сопротивленіе: два первые христіанскіе миссіонера вынуждены были покинуть область,—третій, св. Леонтій, погибаетъ мученической смертью († 1077). Признаки литературной дѣятельности начинаютъ обнаруживаться однако и въ этой далекой области уже рано. Уже въ XII вѣкѣ возникаетъ здѣсь *особый циклъ житій святыхъ;* очень рано возникаютъ *мѣстныя лѣтописи:* о *Лѣтописцѣ Ростовскомъ*, до насъ не дошедшемъ, какъ о «старомъ», упоминаетъ уже епископъ Симонъ († 1231). Въ XII—XIII вв. Суздаль и Ростовъ—уже весьма замѣтные центры древнерусской книжности: лѣтописи упоминаютъ о цѣломъ рядѣ мѣстныхъ просвѣщенныхъ епископовъ и князей. По желанію мѣстнаго епископа, въ Ростовѣ, въ 1219 г., пишется замѣчательное лицевое (иллюстрированнное) *«Житіе Нифонта»*, сохранившееся до насъ, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ нашей начальной литературы... Къ Ростовско-Суздальской же области позднѣйшими изслѣдователями пріурочивается и извѣстное *«Моленіе Даніила Заточника»*... За весь періодъ первыхъ вѣковъ нашей письменности совершенно въ сторонѣ остается княжество *Полоцкое*, лежавшее по Западной Двинѣ. Письменность прививалась здѣсь, повидимому, особенно туго,—до насъ не сохранилось ни малѣйшихъ ея слѣдовъ. Край, кажется, особенно долго оставался первобытно дикимъ... Тѣмъ сильнѣе процвѣтали здѣсь, повидимому, многочисленныя *народныя сказанія*,—отзвуки которыхъ заходятъ и въ письменность. Сказанія, повидимому, сосредоточивались, главнымъ образомъ, вокругъ личности одного изъ мѣстныхъ князей *Всеслава* († 1098): это имя окружено самыми разнообразными разсказами, подъ вліяніемъ которыхъ замѣтно находятся и древнѣйшій кіевскій лѣтописецъ, и авторъ *«Слова о полку Игоревѣ»*.

Черниговъ.

Новгородъ.

Ростовъ и Суздаль.

Полоцкъ.

Другой характерной чертой этой молодой русской культуры было отсутствіе единообразія въ интересахъ и идеалахъ разныхъ слоевъ русскаго общества.

b) Расколъ русскаго общества.

Владиміръ своимъ обращеніемъ къ грекамъ довершилъ давно начавшееся сближеніе Руси съ Византіей; этого сближенія съ болѣе высокой культурой искалъ онъ, быть можетъ, не менѣе сознательно, чѣмъ впослѣдствіи Петръ Великій. Быть можетъ, самое крещеніе было для него непремѣннымъ условіемъ пріобщенія къ культурѣ Византіи. Навстрѣчу этимъ исканіямъ русскаго князя шли желанія самой Византіи, въ политику которой входило крестомъ укрощать безпокойныхъ сосѣдей-дикарей. И вотъ молодому народу, не искушенному культурной жизнью, Византія принесла свои, еще непонятные ему, вѣковые интересы, свою борьбу съ Западомъ, страхъ язычества, тревогу ересей, свои сомнѣнія и разочарованія. Въ результатѣ—одними все это было принято на вѣру, хотя и безъ достаточнаго сознанія, другими совсѣмъ было не понято и не принято. Къ тому же надо помнить, что различныя племена русскихъ славянъ стояли на различной степени развитія. Самыми культурными были поляне. Вотъ почему уже со Владиміра Св. начинается *расколъ* русскаго общества. Масса осталась на много вѣковъ при своей поэзіи и обрядахъ,—книжные люди откололись отъ простого народа и выступили съ обличительнымъ словомъ противъ «царства плоти».

Нравственная сторона христіанства оставалась долго недоступной большинству нашихъ предковъ, такъ какъ мысль и духъ массы не были затронуты новой религіей. На первыхъ же порахъ она лишь оторвала отъ народа группу людей, постигшихъ красоты и глубину христіанской поэзіи—таковыми были, хотя бы, Иларіонъ, Кириллъ Туровскій, Климентъ Смолятичъ и нѣкоторые другіе; благодаря этому, создалось у насъ передовое «образованное» общество,—въ Смоленскѣ оказываются «доморощенные» философы, даже цѣлыя «философскія» школы, занимающіяся толкованіемъ Св. Писанія, исканіемъ въ немъ иносказательнаго, символическаго смысла. Имена Аристотеля, Платона, Гомера извѣстны этимъ первымъ русскимъ философамъ. Что касается до народа, то онъ остался вдали отъ всѣхъ этихъ хитростей,—онъ только-что сталъ развертывать свой эпосъ, испытывая свои юныя «замышленія» на «золотыхъ струнахъ» Бояна—и неожиданно встрѣтился враждебно съ церковной властью. Мѣстами это столкновеніе было борьбою силъ почти равныхъ. «Слово о полку Игоревѣ» даетъ возможность предполагать за собою богатую поэзію, и, быть можетъ, развитую языческую миѳологію.

Высота культурнаго развитія отдѣльныхъ личностей.

Насколько упорны въ борьбѣ съ византійскими вліяніями (христіанство и культура) оказались на первыхъ порахъ низшіе слои русскаго народа, настолько податливы высшіе. Самая возможность появленія такихъ личностей, какъ Иларіонъ, Кириллъ Туровскій, Ѳеодосій Печерскій, говоритъ намъ о высокой степени нравственнаго и эстетическаго развитія русской интеллигенціи. Личность Владиміра Мономаха даетъ намъ яркое доказательство того, что и «мірскіе люди» Кіевской Руси поднимались въ своемъ развитіи поразительно быстро: едва ли только христіанству можно приписывать такой ростъ самосознанія, который привелъ русскаго человѣка отъ «кровной чести» къ отрицанію казни, отъ разбойничества и

насилій — къ проповѣди уваженія личности раба, проповѣди рыцарскаго отношенія къ чужому труду. Пробужденіе личности сказалось ярко и сильно не только въ «Поученіи Мономаха», но и въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Передъ ними въ лицѣ обоихъ авторовъ—«государственные люди»-націоналисты, съ болѣзненно-тонкимъ сознаніемъ единства Русской земли, съ глубокимъ чувствомъ оскорбленнаго патріотизма—все это признаки высокой культуры мысли и чувства. И, въ то же время, у обоихъ тоска, грусть не убиваютъ жизнерадостности, бодрости духа, вѣры въ жизнь и будущее Руси. Мономахъ, который дважды говорилъ въ Поученіи о своемъ желаніи жить еще много лѣтъ, авторъ Слова, кончающій свою «трудную» повѣсть славословіемъ русской землѣ и ея князьямъ,—все это признаки мощи духа, не отравленнаг пессимизмомъ,— духа, уже отдѣлившагося отъ массы, но органически связаннаго съ ея судьбами.

Между тѣмъ, для пессимизма было слишкомъ много основанія: Кіевъ безвозвратно падалъ, начиная съ Владиміра Мономаха, авторъ же Слова—уже современникъ ничтожнаго Святослава Кіевскаго и могущественнаго Всеволода «Большое Гнѣздо», который «Волгу могъ веслами раскропить», «Донъ вычерпать шлемами». Когда слагалось «Слово о полку Игоревѣ»—исторія Кіева кончалась,—величественно-грустное созданіе это было послѣднимъ и, къ сожалѣнію, пока единственнымъ аккордомъ поэтическихъ настроеній южной Руси.

Такимъ образомъ, передовые люди Кіевской Руси выразили сильно и ярко свою самодѣятельность,—но дѣйствовали обособленно отъ массы, были чужды ей и не всегда понятны. *Христіанство и общеніе съ Византіей произвело первый расколъ русскаго общества.*

Выводы.

Произведенный обзоръ главнѣйшихъ произведеній древне-русской письменности этого періода приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) переводная литература была неизмѣримо богаче количественно и качественно, чѣмъ та, которая возникла въ Кіевской Руси. 2) Эта русская письменность, въ значительной степени, была подражательной. 3) Разнообразіе и литературныя достоинства этой «подражательной» литературы всетаки очень значительны—это можно заключить изъ того, что отдѣльные дѣятели той поры стояли на очень высокой степени развитія. 4) Всѣ русскія произведенія этой эпохи какъ-то разрознены, случайны, одиноки, мало сходны по своимъ настроеніямъ. Это обстоятельство позволило проф. Истрину назвать всю литературу этого періода «безидейной», въ противоположность литературѣ московской, когда произведенія, тѣсно связанныя съ общественной и политической жизнью, отвѣчали запросамъ времени. Отсутствіе этой «общественности» въ литературѣ кіевской объясняется, тѣмъ, что она была созданіемъ не общества, а небольшого числа передовыхъ людей. Но нельзя въ «Поученіи Мономаха» и въ «Словѣ о п. Игоревѣ» отрицать наличность идеи и даже широкаго политическаго самосознанія.

Второй періодъ въ исторіи русской литературы.

§ 27. *II. Періодъ сѣверовосточной Руси* (переходный отъ Кіева къ Москвѣ XIII — XV вв.). Отливъ населенія изъ приднѣпровской Руси начался издавна и шелъ въ двухъ прямо-

Расколъ древней Кіевской Руси.

противоположныхъ направленіяхъ: на юго-западъ, къ Карпатамъ, и къ сѣверо-востоку, къ Волгѣ. Кіевская Русь понемногу распадалась на два новыхъ культурныхъ центра—Галицкое княжество и Ростово-Суздальское. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ", преклонявшійся передъ величіемъ Всеволода, который „веслами могъ раскропить Волгу", восторженно воспѣлъ и величіе Ярослава Галицкаго, который „высоко сидѣлъ на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы Угорьскыя своими желѣзными полкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота". Кіевская Русь стала терять свое значеніе еще до татарскаго нашествія погромъ 1246 года [1]) лишь довершилъ это паденіе: богатая область обратилась въ пустыню, почти лишенную населенія вплоть до XV в. [2]).

Русскіе колонисты на сѣверѣ. Встрѣча съ финнами.

На сѣверѣ русскіе колонисты столкнулись съ инородцами-финнами и сѣверной природой. Финны были народъ мирный и легко ассимилировались съ новыми пришельцами. Въ результатѣ этого скрещенія образовалось великорусское племя.

Результатъ этого скрещенія.

Черты этого новаго племени довольно своеобразны сравнительно съ древне-русскимъ, чисто-славянскимъ. Замѣтное измѣненіе внѣшности, говора, формъ быта—было лишь внѣшнимъ результатомъ происшедшаго сліянія; за этимъ измѣненіемъ надо искать болѣе глубокой перемѣны—въ міросозерцаніи, въ чертахъ племенного характера.

---

[1]) Только въ XV вѣкѣ сюда начался обратный приливъ русскаго населенія съ юго-запада. Тогда здѣсь сложилось малорусское племя, потерявшее всякія связи съ древней кіевской культурой, поэзіей и жизнью. Справедливость этого мнѣнія доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что только на сѣверѣ сохранились въ памяти народа былины кіевскаго цикла (со всѣми особенностями южной природы, чуждыми сѣвера), забытыя на югѣ и замѣненныя казацкими думами—поздними созданіями XV—XVI вв.

[2]) „Кіевъ былъ разрушенъ до основанія, и подъ его развалинами на цѣлый рядъ вѣковъ погребенъ былъ наиболѣе могущественный центръ возникавшаго образованія и литературы. Папскій миссіонеръ, *Плано Карпини,* проѣзжавшій вскорѣ послѣ погрома, въ 1246 году, изъ Польши черезъ Кіевъ на Волгу къ татарамъ, въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что по пути изъ Владиміра-Волынскаго къ Кіеву онъ ѣхалъ „въ постоянномъ страхѣ" лишь отъ Литвы,—„отъ Руси" былъ вполнѣ безопасенъ: „Руси" осталось очень мало! Бо̀льшая часть ея была либо перебита, либо уведена въ плѣнъ татарами. На всемъ пройденномъ пространствѣ южной Руси, въ кіевской и переяславльской земляхъ Плано Карпини встрѣчалъ по пути лишь безчисленное множество человѣческихъ костей и череповъ, разбросанныхъ по полямъ"... Въ самомъ Кіевѣ, прежде столь обширномъ и многолюдномъ, теперь насчитывалось „едва 200 домовъ"... (Архангельскій). Нѣкоторые историки, особенно малоруссы, держатся совершенно обратнаго мнѣнія: никогда Кіевская область не теряла своего населенія; малорусское племя сложилось здѣсь изъ коренного населенія; великоруссы образовались изъ тѣхъ славянъ, которые издавна поселились на сѣверо-востокѣ. Отливъ населенія въ сѣверо-восточную Русь шелъ не столько съ юго-запада, изъ Кіева, сколько съ юга, съ южныхъ степей, отъ постояннаго давленія кочевниковъ; справедливость этого мнѣнія видятъ, между прочимъ, въ томъ, что южнорусскія думы сохраняютъ черты, очень близкія къ особенностямъ „Слова о полку Игоревѣ".

Вліяніе сѣверной природы. Если мы не имѣемъ много данныхъ судить о миѳологіи южноруссовъ, то всетаки въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ сохранились такіе прекрасные обломки несомнѣнно-языческихъ представленій, которые говорятъ о широтѣ поэтическаго захвата этой миѳологіи („поэтъ“—„внукъ Велеса“, „славяне“—„внуки Солнца“ и пр.). Этой широты не сохранилось па сѣверѣ. Если въ Кіевѣ христіанство не могло стереть въ памяти народа впечатлѣнія миѳической старины и помѣстилось рядомъ съ нимъ, какъ напримѣръ, въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, то на сѣверѣ произошло нѣчто иное. Въ дикихъ лѣсныхъ трущобахъ, среди болотъ, подъ сѣрымъ небомъ сѣвера слабыя воспоминанія о той вѣрѣ, что сложилась подъ солнцемъ юга, поблекли, а потому легко забылись—въ народномъ эпосѣ нѣтъ упоминанія о Перунѣ, Дажьбогѣ и пр. Здѣсь, въ печальной обстановкѣ сѣвера, славянамъ-колонистамъ болѣе по плечу оказалась несложная миѳологія ихъ сосѣдей-финновъ; эта миѳологія еще едва знакома была съ антропоморфизмомъ и сводилась къ простому поклоненію силамъ и предметамъ природы, деревьямъ и камнямъ. Культъ воды и лѣса—центръ ихъ религіознаго міросозерцанія. Лѣшій и водяной—главныя божества; по понятіямъ финновъ, лѣшій стережетъ лѣсъ, коренья и травы, хохочетъ въ лѣсу, заводитъ путниковъ въ лѣсную чащу. Водяной живетъ въ озерахъ и рѣчныхъ омутахъ и безъ жалости топитъ неосторожныхъ; оба эти существа—мрачныя созданія фантазіи сѣверянина, со всѣми своими особенностями, вошли въ миѳологію великоруссовъ. Въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ житіяхъ есть указаніе на слѣды поклоненія камнямъ и деревьямъ; въ лѣтописяхъ сѣверныхъ мы часто найдемъ слѣды вѣры въ силу финскихъ волхвовъ.—Баба-Яга, столь популярная въ нашихъ сказкахъ,—финскаго происхожденія—обозначаетъ на языкѣ финновъ „лѣсную женщину“.

Христіанство на югѣ въ Кіевѣ и на сѣверѣ. Христіанство, принесенное славянами-колонистами, легко справилось съ этими dii minores—оно обратило ихъ въ бѣсовъ, въ „нечистую силу“, чего въ свое время не смогло сдѣлать ни съ Перуномъ, ни съ Дажьбогомъ.

Такимъ, образомъ, если въ Кіевской Руси была борьба высшей культуры, взятой изъ Византіи,—съ мѣстной низшей языческой, то здѣсь, на сѣверѣ, эта „высшая“ культура, уже обезсиленная вѣковой борьбой на югѣ, стала примиряться, сливаться съ культурой еще болѣе низкаго сорта, чѣмъ та, которая была въ приднѣпровской Руси. Результаты такого примиренія должны

были сказаться общимъ пониженіемъ тѣхъ племенныхъ особенностей славянства, которыя успѣли сложиться въ кіевской Руси. Это „пониженіе“ испытали на себѣ первые колонисты съ юга, ему подчинились и позднѣйшіе, явившіеся сюда послѣ окончательнаго паденія Кіева. Особенно этому способствовало татарское иго.

Вліяніе монгольскаго ига.

На такое значеніе татарскаго ига въ русской исторической наукѣ установились вполнѣ опредѣленные взгляды. «Едва ли подлежитъ сомнѣнію,— говоритъ акад. *Пыпинъ*,—что вѣка рабства не прошли безъ тяжелаго осадка, который самымъ зловреднымъ образомъ сказался упадкомъ просвѣщенія и загрубѣніемъ нравовъ»...—«Около двухъ столѣтій съ половиною—говоритъ другой историкъ—тяготѣло надъ Россіей варварское иго, и не могло не оставить глубокихъ слѣдовъ въ нравахъ, государственномъ складѣ и вообще въ гражданственности русской земли, особенно въ ея восточной, или московской половинѣ... Это не были испанскіе мавры, оставившіе въ наслѣдіе своимъ бывшимъ христіанскимъ подданнымъ довольно высоко-развитую арабскую цивилизацію,—это были азіатскіе кочевники, во всей неприкосновенности сохранившіе свое полудикое состояніе. Жестокія пытки и кнутъ, затворничество женщинъ, грубое отношеніе высшихъ къ низшимъ, и тому подобныя черты, усилившіяся у насъ съ того времени, суть несомнѣнныя черты татарскаго вліянія; многіе слѣды этого вліянія остались въ народномъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденіяхъ»... «Татарское иго не только потрясаетъ политическій строй древней Руси, способствуетъ политической замкнутости начинавшаго складываться молодого государства, его совершенной вскорѣ изолированности отъ запада,—но необычайно-удручающе сказывается на всемъ духовномъ строѣ общества,—на всемъ ходѣ его послѣдующаго культурнаго образованія и роста, страшнымъ гнетомъ падаетъ на всю народную массу, вызываетъ общую нравственную подавленность народа, продолжающуюся цѣлые вѣка, въ значительной степени подготовляющую позднѣйшее настроеніе московскаго общества,—этихъ «людишекъ», «сиротъ», «холоповъ»... Какъ тяжелъ былъ этотъ гнетъ, мы видимъ по тому густому слою, который наложенъ двухсотлѣтнимъ татарскимъ игомъ на самомъ народномъ эпосѣ. Съ наступленіемъ монгольскаго періода, общее образованіе страны замѣтно падаетъ: его горизонтъ значительно суживается, происходитъ остановка, общее пониженіе духовной жизни и литературы: за періодъ новыхъ двухъ вѣковъ общая литературная жизнь сѣверо-восточной Руси не только не обнаруживаетъ какихъ-либо замѣтныхъ успѣховъ,—но дѣлаетъ шагъ назадъ, обнаруживаетъ видимый регрессъ сравнительно съ прежнимъ» (Архангельскій).

Возникновеніе новой культурной жизни.

Однако это пониженіе не помѣшало тому, чтобы здѣсь, на сѣверѣ, началась культурная жизнь, питавшаяся соками южно-русской цивилизаціи, за счетъ Кіева и южныхъ городовъ: здѣсь основывались и разростались новые города,—центры этой новой, хотя и пониженной, культуры: Муромъ, Владиміръ, Ярославъ, Ростовъ, Суздаль, Тверь и др. Сюда изъ кіевской Руси давно уже приливали книги, сюда шли люди церковные и разные искусники-мастера—

строители, иконописцы и пр. Изысканія ученыхъ доказываютъ даже, что Суздальская Русь еще до половины XIII вѣка непосредственно соприкасалась съ вліяніями запада; это вліяніе сказалось и на архитектурѣ церквей, и на иллюстраціяхъ рукописей, и отчасти на литературѣ. Но даже эти культурныя вліянія не могли спасти на сѣверѣ обликъ славянина въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился на югѣ. Отдаленность отъ торговыхъ центровъ и великаго воднаго пути „изъ варягъ въ греки“—пути, по которому шли оживленныя сношенія племенъ и народовъ,—приковали сѣверянина исключительно къ земледѣлію и лѣснымъ промысламъ, ослабили въ немъ воинственный, отважный духъ южной Руси, убили молодечество, южную быстроту фантазіи, тревожный духъ пытливости и предпріимчивости... Зато борьба съ суровой природой пріучила къ выносливости, терпѣнію, хотя привела къ огрубѣнію, къ затемнѣнію духа. Такъ складывался на сѣверѣ новый типъ богатыря—мужика-ратая, Микулы Селяниновича, который легко подымаетъ одною рукою ту „тягу земную“, которой не смогъ поднять Святогоръ. „Вмѣсто широкихъ степныхъ горизонтовъ, приводившихъ душу къ высокимъ мечтательнымъ настроеніямъ, передъ нимъ стѣною стоялъ угрюмый лѣсъ, полный таинственныхъ страховъ и опасностей. Вмѣсто ровнаго южнаго климата—своенравный климатъ сѣвера, съ длинными зимами и короткими лѣтами... Великоруссъ пріучался къ изворотливости, къ находчивости въ мелкихъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, притомъ долженъ былъ зорко смотрѣть за природой. Каждый шагъ былъ тщательнымъ вычисленіемъ вѣроятностей климата и почвы. Отсюда та изумительная наблюдательность, какая вскрывается въ народныхъ русскихъ примѣтахъ“ (Ключевскій). Практичность, мелочность, нѣкоторая сухость мысли и чувства, отсутствіе широкихъ горизонтовъ,—вотъ, главныя черты этого древняго великорусса. Стоитъ припомнить исторію сѣверныхъ княжествъ, ихъ интересы и стремленія, припомнить исторію Москвы, этого типичнаго города великоруссовъ,—и легко увидѣть, какъ воплотились эти черты въ жизни.

Измѣненія культурнаго типа на сѣверѣ и причины этого.

Черты великорусса".

Конечно, измѣненіе душевнаго склада должно было отразиться не только на бытѣ, но и на характерѣ образованности, на письменности и народномъ творчествѣ.

Христіанство на сѣверѣ.

Правда, теперь христіанство захватывало все болѣе широкіе круги населенія, но уже по этой причинѣ такое христіанство было болѣе низкой пробы: сѣверная Русь не выдвинула ни одного князя,

съ такимъ глубокимъ пониманіемъ христіанства, какое было у Мономаха; въ сѣверныхъ лѣтописяхъ нѣтъ христіанскихъ настроеній лѣтописи „первоначальной“ [1]). Христіанство, еще недавно бывшее достояніемъ *избранниковъ*, теперь сдѣлалось принадлежностью *многихъ*,— но зато усвоено было, главнымъ образомъ, съ внѣшней, обрядовой стороны. Теперь распространялась грамотность, но сѣверная Русь не выдвинула такихъ образованныхъ людей, какъ Иларіонъ, Кириллъ Туровскій, Климентъ Смолятичъ и др. Здѣсь, на сѣверѣ, начинаетъ складываться типъ „книжника“-„начетчика“, который ничего общаго не имѣетъ съ богословомъ-„философомъ“ южной Руси. Зато знакомство съ переводной письменностью дѣлается шире: хотя новыхъ переводовъ не дѣлалось, но усердно переписывались, иногда видоизмѣнялись старые, принесенные изъ Кіева. Теперь мы не встрѣтимъ попытокъ не только превзойти высоко-художественную и глубокую по мысли переводную письменность (творенія отцовъ церкви и пр.), но даже и попытокъ съ ней сравняться (какъ это было, хотя бы, у Кирилла Туровскаго и др.). Да и не до образованія было теперь русскимъ людямъ: тяжелыя историческія условія жизни, княжескія междуусобицы, татарское иго — приводили однихъ къ аскетизму, квіетизму, другихъ—или къ лукавой политикѣ приспособленія,— или къ неразборчивой борьбѣ за существованіе.

Образованность.

Особенно мрачными были полтора вѣка—со второй половины XIII до конца XIV вѣка. Съ XIV вѣка начинается возвышеніе Москвы и централизація Руси — это вноситъ въ общее сознаніе *идею единства Руси*. Начинается новая политическая, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новая литературная жизнь.

Возвышеніе Москвы—новая эпоха.

Конечно, ни въ жизни, ни въ природѣ, ни въ новомъ міросозерцаніи народа теперь уже не было основаній для сочувствія не только къ старой языческой поэзіи Кіева, но и къ дружинному эпосу, слѣды котораго еще такъ ярки въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“— зато здѣсь создается своеобразный „полу-христіанскій“ двоевѣрный эпосъ и лирика (духовные стихи, легенды), которыхъ не знала

[1]) У *отдѣльныхъ лицъ*, конечно, интересы къ религіи могли быть по прежнему глубокими. Это видно хотя бы изъ того, что что въ XIII в. появляется нѣсколько русскихъ богословскихъ произведеній, обличающихъ заблужденія еврейской религіи, а въ XIV вѣкѣ появилась у насъ въ новгородской землѣ ересь „стригольниковъ“. Возникшее подъ вліяніемъ Запада, это еретическое ученіе обличало наличность тревоги религіозной мысли и у насъ. Интересъ къ еврейству объясняется приливомъ евреевъ съ юга на сѣверъ послѣ паденія Кіева. Въ XIII в. среди польскихъ евреевъ проявилось особое движеніе, вслѣдствіе появленія среди нихъ лже-мессіи; столкновеніе русскихъ книжниковъ съ такими идеями, естественно, привело къ полемикѣ.

кіевская Русь. Кромѣ того, складываются въ большомъ числѣ историческія пѣсни и повѣсти, отражающія интересы эпохи.

Характеръ сѣверно-русскаго творчества.

Общій характеръ этой сѣверно-русской письменности унылъ, однообразенъ, какъ угрюма и печальна была та лѣсная природа, въ которой спасались сѣверные святые: утеряна была живость красокъ, померкло, потускнѣло то яркое, разнообразное творчество, которое такъ характерно для произведеній кіевской Руси.

Историческій интересъ этого творчества.

Но если эстетическая цѣнность этой письменности понизилась, то въ ней очень сильно сказалось отраженіе зарождающейся политической жизни. Письменность кіевской эпохи была, за малыми исключеніями, чужда интересовъ общественныхъ: лучшія проповѣди были написаны „для немногихъ". Между тѣмъ, литература сѣверно-русская полна отраженій дѣйствительной жизни: здѣсь все—и въ жизни, и въ литературѣ подчинено интересамъ государственнымъ—проповѣди, житія, монастыри, миссіонерство, роль церкви... Оттого письменность этой эпохи, лишенная оригинальности и красоты въ *литературномъ* отношеніи, очень любопытна въ *историческомъ*.

Самостоятельный характеръ его.

Когда въ XIII вѣкѣ татары разорили приднѣпровскую Русь и заняли южныя степи, они очень затруднили притокъ на сѣверъ вліяніямъ южно-славянскимъ и византійскимъ. Въ XIV в. нашествіе турокъ добило Византію, сломило южно-славянскую культуру—и великорусское племя, отрѣзанное отъ запада и юга, должно было самостоятельно, подъ гнетомъ татарщины, развивать свою государственную и культурную жизнь.

Особенности его: а) мѣстный областной характеръ.

Характерной особенностью жизни этого періода былъ, между прочимъ, а) ея *мѣстный, областной характеръ*,—черта русской культуры, отчасти опредѣлившаяся еще въ предыдущій періодъ и—b) *усиленіе аскетизма и мистицизма*, выразившееся въ стремленіи къ монастырской жизни, въ повышеніи интересовъ къ загробной жизни, къ вопросамъ о концѣ міра, о пришествіи антихриста.

Проф. Архангельскій объ областномъ характерѣ этого періода. Ростовъ—Суздаль.

Первые признаки литературной жизни сказываются въ *Ростово-Суздальской* области. Такъ, въ городѣ Владимирѣ дѣйствовалъ кіево-владимирскій митр. Кириллъ († 1281), сочинившій любопытное произведеніе: «Правила попамъ», епископъ владимирскій Серапіонъ († 1275), сочинитель поученій, очень цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи. Владимирецъ же сочинилъ «Житіе великаго князя Александра Невскаго». Къ памятникамъ областной ростовской литературы принадлежитъ также любопытное *Житіе Петра Царевича Ордынскаго*. Вообще въ Ростове-

Суздальской области этого времени видимъ довольно устойчивые признаки литературной дѣятельности: книжные интересы поддерживаются и мѣстными князьями, и высшими іерархами... Для суздальскаго князя Дмитрія Константиновича монахомъ Лаврентіемъ, между прочимъ, въ 1377 году пишется знаменитый «Лаврентьевскій списокъ» лѣтописи.

Съ предѣлами Ростово-Суздальской области, въ которую входило и княжество *Муромско-Рязанское*, связываются также наши первыя *историческія повѣсти* и *сказанія о татарскомъ нашествіи*, — самый обширный отдѣлъ литературы монгольскаго періода. Недавно найденное *Слово о погибели русской земли* — наиболѣе ранній поэтическій памятникъ этого рода. Такова же *Повѣсть о Калкской битвѣ*, въ ближайшую связь съ которой позднѣйшіе изслѣдователи ставятъ извѣстную былину *о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри*. Таково же связанное съ Рязанскимъ княжествомъ *Сказаніе о Батыевомъ нашествіи*,—повидимому, также одно изъ первыхъ историческихъ сказаній временъ татарщины, дошедшее и съ другими, болѣе поздними, областными пріурочепіями. Муромскаго происхожденія — «Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и Февроніи». Муромъ — Рязань.

«Въ *Смоленскѣ* тоже возникаетъ творчество: здѣсь, между прочимъ, складывается любопытная «легенда о Меркуріѣ». Смоленскъ.

«Признаки литературной дѣятельности обнаруживаются и въ *княжествѣ Тверскомъ*,—которое уже скоро выдѣляется изъ Ростовско-Суздальской области и, благодаря торговому богатству и энергіи своихъ князей, рано занимаетъ видное мѣсто среди другихъ княжествъ, соперничая въ теченіе XIV вѣка изъ-за первенства даже съ самой Москвой. Весьма замѣчательнымъ человѣкомъ для своего времени былъ первый епископъ тверской *Симеонъ* († 1289), современникъ архіепископа Серапіона, по свидѣтельству лѣтописи, человѣкъ «учительный» и «сильный въ книгахъ». Въ «Мѣрилѣ Праведномъ», юридическомъ сборникѣ XIII в., Симеону приписывается любопытное „*Наказаніе о бесѣдѣ съ княземъ Константиномъ* (полоцкимъ), *гдѣ быти тивуну на ономъ свѣтѣ*“,—ярко рисующее княжескаго «тіуна» XIII—XIV в., а равно и отношенія къ такимъ тіунамъ большинства тогдашнихъ областныхъ князей. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ Твери возникаютъ мѣстныя лѣтописи, мѣстныя историческія повѣсти; въ ряду послѣднихъ особенно любопытна „*Повѣсть объ убіеніи князя Михаила въ Ордѣ*“. Въ Твери же, въ половинѣ XIV вѣка, возникаютъ «сумнительные толки» о «земномъ раѣ». Тверь.

Литературная жизнь складывается и въ *Псковской* области. Здѣсь общественная жизнь стала развиваться рано: «въ XIV—XV вв. въ Псковѣ вырабатывается замѣчательный юридическій памятникъ «Судная грамота», или «Правда», свидѣтельствующій о значительной умственной широтѣ автора. Здѣсь же возникаютъ первыя волненія въ области церковной мысли: возникаетъ вопросъ о томъ, сколько разъ нужно пѣть во время богослуженія «аллилуіа»,—два раза, или три раза («сугубить», или «троить»). Въ Псковѣ же зарождается первая русская ересь «стригольниковъ» [1]). Псковъ.

---

[1]) Позднѣе, въ XV—XVI вв., здѣсь, въ Псковѣ, складывается интересная „Повѣсть объ Евфросинѣ“; къ XV в. относится: „Повѣсть о паденіи Пскова“.

Новгородъ. *Новгородъ* изъ всѣхъ городовъ русскихъ находился въ самомъ благопріятномъ положеніи: онъ былъ далекъ отъ вліянія татаръ; здѣсь слабѣе всего чувствовались послѣдствія татарскаго ига. Съ другой стороны, близость запада и постоянныя съ нимъ сношенія благотворно дѣйствовали на культуру этого города. Изъ произведеній, здѣсь написанныхъ, особенно любопытно, сочиненное въ половинѣ XIV в., «Посланіе о земномъ раѣ». Произведеніе это и рядъ другихъ аналогичныхъ (см. ниже, стр. 103—104) лучше всего характеризуютъ другую черту этого новаго періода русской литературной жизни—усиленіе мистицизма и аскетизма.

Причины этихъ настроеній: α) нашествіе татаръ. „Разливающаяся по сѣверо-восточной литературѣ волна аскетизма значительно усиливается уже съ самаго начала періода. Въ нашествіи татаръ современники видятъ наказаніе Божіе за грѣхи; лучшіе писатели взываютъ къ покаянію... Настроеніе это поддерживается и дальше,—не только бѣдствіями тяжелаго ига, но и цѣлымъ рядомъ бѣдствій физическихъ, которыя никогда, кажется, не поражали русское населеніе въ такой степени, какъ

β) чума. въ XIV вѣкѣ. „Черная смерть“, уничтожившая въ западной Европѣ цѣлыя области, не меньшіе ужасы производитъ и въ восточной половинѣ, быстро опустошая Псковъ, Новгородъ, Смоленскъ, Рязань, Коломну, Переяславль, Москву и множество другихъ городовъ. Въ Глуховѣ и Бѣлоозерѣ вымерли всѣ жители,—въ Смоленскѣ во всемъ городѣ въ живыхъ осталось всего 10 человѣкъ“ [1]) (Архангельскій).

γ) мысль о кончинѣ міра. Къ этому присоединилась въ слѣдующемъ столѣтіи гнетущая мысль о близкой кончинѣ міра: приближался страшный 1492-й годъ,—годъ, когда должно было, по общему мнѣнію, совершиться второе пришествіе Христово [2])... Это было общее, господствовавшее убѣжденіе въ теченіе всего XV вѣка, издавна, начиная съ древнѣйшей нашей византійской литературы, развивавшееся въ нашей письменности. На основаніи такихъ, хорошо извѣстныхъ тогдашнимъ нашимъ книжникамъ, произведеній, какъ „*Слово Меѳодія Патарскаго*“, „*Слово о небесныхъ силахъ, чесо ради созданъ бысть человѣкъ*“, „*Житіе Андрея Юродиваго*“ (см. выше, стр. 28—30) и др.—составляется теперь даже подробное, по годамъ, изложеніе прибли-

---

[1]) Впечатлѣніе отъ чумы было ужасно. Какъ на западѣ, такъ и у насъ оно выразилось въ двухъ видахъ—въ полномъ отчаяніи, ведущемъ къ квіетизму, который направлялъ человѣка въ монастырь—или къ попыткѣ бороться съ „Божіимъ наказаніемъ“ путемъ коренного исправленія своей жизни и религіи. Изъ второго побужденія возникла фанатическая ересь „крестовыхъ братьевъ“, проповѣдь которыхъ занесена была и къ намъ въ Новгородъ и создала мѣстную ересь стригольниковъ.

[2]) Кончалась седьмая тысяча лѣтъ со дня сотворенія міра: 5508+1492=7000. Пасхальныя таблицы были составлены только до 7000 года, и многіе думали, что, съ ихъ окончаніемъ, кончится міръ.

жающихся страшныхъ событій, которыя должны ознаменовать наступившій конецъ міра: рожденіе какого-то „царя Михаила“, появленіе антихриста, „пришествіе пророковъ“ и т. д. Подъ вліяніемъ этихъ апокалипсическихъ ожиданій, на почвѣ непрерывныхъ физическихъ бѣдствій—аскетизмъ безъ труда овладѣваетъ литературой: теперь мы видимъ особенно сильное развитіе легендъ мрачнаго, суроваго характера, сказаній о грозныхъ „видѣніяхъ“ и „пророчествахъ“, о загробныхъ мытарствахъ, карахъ за грѣхи,—особенную популярность получаютъ старыя византійскія произведенія эсхатологическаго [1]) характера, многочисленныя произведенія апокрифической литературы, разсказывающія о хожденіяхъ по аду и раю, и т. п. Въ связи со всѣмъ этимъ возникаютъ и самостоятельныя русскія легенды о тѣхъ, кто былъ въ раю, видѣлъ адъ и т. д. На почвѣ именно этихъ сказаній стоитъ вышеназванное *„Посланіе о земномъ раѣ“* архіепископа Василія, болѣе позднія *„Повѣсти Пафнутія Боровскаго“* и др. подобныя произведенія нашей литературы этого времени. Изъ житій особенно охотно читались „Житіе Андрея Юродиваго“ „Житіе Нифонта“, „Житіе Василія Новаго“ [2]).

Отраженіе этихъ интересовъ на творчествѣ.

Произведенія эти, извѣстныя еще въ древней Руси [3]), особенно популярны сдѣлались теперь, когда народная масса доросла до интересовъ къ нимъ, когда тревожныя настроенія подняли къ нимъ интересъ. Они оказали громадное вліяніе на народное творчество: и въ народной поэзіи, и въ иконописи (изображеніе смерти), и въ лубочныхъ картинахъ (страшный судъ, мученія грѣшниковъ) находимъ мы ясные слѣды ихъ воздѣйствія.

„Земной рай“.

„Житія Макарія и Агапія“ представляютъ собою разсказы о хожденіи этихъ святыхъ въ „земной рай“... Не только у насъ, въ древней Руси, но и на западѣ вѣрили, что рай существуетъ на востокѣ. Въ XVII в. португальцы даже снаряжали цѣлую экспедицію для его отысканія. Такая вѣра въ существованіе гдѣ-то страны безоблачнаго счастья была еще у древняго грека,—онъ тоже, съ безотчетной надеждой, смотрѣлъ на таинственный востокъ. Такъ, въ романѣ объ Александрѣ говорится о какой-то странѣ блаженныхъ, къ которымъ стремился проникнуть великій завоеватель, говорится о счастливцахъ „нагомудрецахъ“- брахманахъ (брахманы—брамины). Это убѣжденіе въ существованіи на землѣ „страны

---

[1]) „Эсхатологическимъ“ называется сочиненіе, въ которомъ говорится о концѣ міра, о второмъ пришествіи.

[2]) См. извлеченія изъ житія въ Истор. Хрестоматіи I, 144.

[3]) См. выше. стр. 28—30.

блаженныхъ“ перешло и въ христіанскія ученія: въ житіи св. Зосимы описывается его хожденіе къ тѣмъ же брахманамъ, у которыхъ былъ и Александръ. Сказалось оно ивъ „Посланіи“ арх. Василія.

„Посланіе арх. Василія о земномъ раѣ“.

«Вводя въ обширную область сказаній этого времени о хожденіяхъ по аду и раю, особенно по аду,—«Посланіе» арх. новгородскаго Василія, съ одной стороны, вводитъ насъ въ ту волну аскетизма, которая въ XIV вѣкѣ особенно усиливается въ сѣверо-восточной Руси и въ жизни, и въ литературѣ; съ другой, вводитъ въ сферу тѣхъ уже упомянутыхъ религіозныхъ «сумнѣній» и «шатаній», которыя съ особой силой начинаютъ сказываться въ сѣверо-восточной Руси къ концу XV вѣка, заканчиваясь «ересью жидовствующихъ» (Архангельскій).

Оно направлено къ тверскому епископу Ѳеодору, который училъ, что земной рай, въ которомъ былъ Адамъ, уже не существуетъ, а есть только рай «мысленный», духовный. Арх. Василій доказывалъ, что и рай, и адъ еще существуютъ на землѣ.

Въ доказательство своихъ словъ—онъ ссылается на апокрифическое житіе св. Макарія, который жилъ недалеко отъ рая, на Евфросина, побывавшаго въ раю и оттуда принесшаго три цѣлебныхъ яблока. Этотъ рай—на востокѣ, адъ же находится, по его словамъ, на западѣ: «а муки и нынѣ суть на западѣ; много дѣтей моихъ новгородцевъ видоки тому; на дышущемъ морѣ, червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка смоляная Могръ; и вода входитъ въ преисподняя в паки исходитъ трижды днемъ. А мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ новгородецъ и сынъ его Яковъ. Три было у нихъ юмы (лодки), и одна изъ нихъ, много блуждая погибла, а двѣ другія долго носило море вѣтромъ и принесло къ высокимъ горамъ... И свѣтъ былъ на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣли, но былъ свѣтъ многочестный и свѣтилъ сильнѣе солнца. А на горахъ тѣхъ слышны были ликованья и голоса веселія. Двое всходили на гору и, увлеченные голосами, не возвратились назадъ. Третьяго привязали за веревку; онъ, какъ и первые двое, всплеснулъ руками отъ радости и поспѣшилъ на голоса, забывъ, что на ногахъ его веревки, но когда его сдернули внизъ,—онъ былъ уже мертвъ.

„Антихристъ“.

Кромѣ того, въ эту пору тревогъ и ожиданіи съ особымъ вниманіемъ собирали, изучали, переписывали наши предки всѣ сочиненія объ антихристѣ, о второмъ пришествіи, о загробной жизни. Особенно популярно въ это время сдѣлалось „Сказаніе Меѳодія Патарскаго“ о послѣднихъ дняхъ человѣческаго рода [1]).

Но, кромѣ этой своеобразной письменности, отразившей такъ живо и ярко тревожныя настроенія эпохи, продолжается по прежнему созданіе болѣе спокойныхъ произведеній: проповѣдей, житій, лѣтописей, повѣстей.

Проповѣди.

§ 28. *Проповѣди.* Кіевская Русь выставила нѣсколько талантливыхъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ намъ особенно хорошо из-

---

1) См. выше, стр. 34.

вѣстны Иларіонъ и Кириллъ Туровскій. Оба они одной школы — риторы-художники, постигшіе красоту Св. Писанія и поэзію святоотеческую. Это — „жрецы чистаго искусства", для которыхъ красивые образы, символы, сравненія, аллегоріи, однимъ словомъ, художественность, едва ли, не главная цѣль творчества. Правда, ихъ риторскія упражненія не были простымъ „плетеніемъ словесъ" — они были проникнуты искренней вѣрой и сильной религіозностью, тѣмъ не менѣе, они свободны отъ тѣхъ путъ утилитаризма, которые легли на проповѣдниковъ сѣверной Руси. Тамъ некогда было „растекаться мыслью по древу и сизымъ орломъ летать подъ облаками" — тамъ нужно было дать простой совѣтъ, какъ устроить жизнь, надо было наставить духовенство, князя, простой народъ. Вотъ почему „проповѣдь" надолго замолкаетъ на сѣверѣ, и смѣняется короткимъ „поученіемъ". Это суженіе содержанія проповѣди нарушается опять-таки только въ томъ случаѣ, когда жизнь соприкасается съ великими событіями. Таковы были, напримѣръ, грозныя нашествія татаръ.

Характеръ проповѣди въ сѣв.-восточной Руси.

Такъ, одинъ изъ талантливыхъ проповѣдниковъ XIII в., Серапіонъ Владимирскій, этотъ выразитель народной печали въ первую эпоху злыхъ временъ татарщины, возвышается въ своихъ проповѣдяхъ до высокой степени лиризма и драматизма, когда ему приходилось говорить о „злыхъ временахъ" татарщины [1]).

Серапіонъ Владимирскій.

Въ первыхъ двухъ поученіяхъ, дошедшихъ до насъ, онъ съ глубокимъ горемъ обличаетъ свою паству въ грѣхахъ, — за эти грѣхи Господь посылаетъ рядъ наказаній, между прочимъ, и нашествіе татаръ. Въ 3-мъ поученіи мысль та же, но всегда искреннее и глубокое настроеніе проповѣдника достигаетъ здѣсь особой силы и красоты. «Мы ни въ чемъ, — говоритъ Серапіонъ, — не оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей, ибо мы подвигли на себя ярость Бога нашего... Разрушены Божія церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ вода многа, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ, храбрые наши бѣжали... Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла... Ибо свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ небеси...».

Гораздо менѣе силы въ тѣхъ поученіяхъ, которыя касаются другихъ вопросовъ русской жизни. Такъ 4-е поученіе направлено противъ суевѣрія народа, вѣрившаго въ силу колдовства и истязавшаго людей, заподозрѣн-

---

[1]) Истор. Хрест. I, 226.

ныхъ въ колдовствѣ. Въ 5-мъ поученіи Серапіонъ опять обличалъ суевѣріе народа, не позволявшаго хоронить людей, умершихъ не своею смертью.

Если въ поученіяхъ Серапіона мы не найдемъ эстетическаго размаха южно-русской проповѣди, если онѣ носятъ исключительно прикладной характеръ, то всетаки ихъ простой, понятный языкъ порою отличается искреннимъ паѳосомъ. Этотъ паѳосъ блекнетъ, когда проповѣднику приходилось считаться съ житейскими мелочами.

Поученія митр. Петра и Алексѣя.

Поученія митрополитовъ св. Петра и св. Алексѣя еще болѣе подтверждаютъ наши слова, что сѣверно-русская жизнь, съ ея сухимъ, прозаическимъ содержаніемъ, отразилась на письменности этой поры: наставленія духовенству и мірскимъ людямъ о постѣ и воздержаніи, о необходимости молиться и каяться, борьба съ стремленіемъ духовенства заниматься торговлей и отдавать деньги въ ростъ,—вотъ, содержаніе поученій св. Петра. Таковы же приблизительно и наставленія св. Алексѣя о любви и страхѣ Божіемъ, о правосудіи, о необходимости покоряться властямъ, объ усердіи къ молитвѣ, о причащеніи св. Тайнъ и пр.

Поученія Матѳея Сарайскаго.

Кромѣ нихъ, поученія писалъ Матѳей, епископъ Сарайскій; онъ училъ паству всѣмъ христіанскимъ добродѣтелямъ, училъ уважать монастыри, вѣрно служить князьямъ, гуманно относиться къ челяди.

Поученія митр. Кипріана.

Митрополитъ Кипріанъ, человѣкъ, по словамъ лѣтописца, „вельми книжный и учительный", оставилъ послѣ себя много сочиненій, въ которыхъ, между прочимъ, писалъ о близкой кончинѣ міра и противъ того, чтобы монастыри владѣли имѣніями.

Посланія Кирилла Бѣлозерскаго.

Пр. Кириллъ Бѣлозерскій, человѣкъ для своего времени очень образованный [1]). Отъ него осталось три посланія; въ одномъ (къ вел. кн. Василію Дмитріевичу) онъ убѣждалъ вел. князя примириться съ суздальскими князьями; въ другомъ,—къ кн. Андрею Можайскому, — онъ даетъ рядъ совѣтовъ, какъ управлять вотчиной.

Южнославянское вліяніе на русскую проповѣдь.

Южные славяне Кипріанъ, Пахомій Логоѳетъ, Григорій Цамвлакъ въ концѣ XIV-го вѣка и, въ началѣ XV-го принесли, намъ образцы риторическаго краснорѣчія и въ этомъ направленіи сильно повліяли на русскую проповѣдь, исказивъ ея простоту, уничтоживъ жизненность.

§ 29. *Житія*. Съ конца XIV и въ XV в. житійная литература у насъ тоже подпала подъ вліянія, пришедшія съ православнаго юга. Отсюда явилось къ намъ нѣсколько видныхъ іерарховъ, писателей

---

[1]) Въ его сочиненіяхъ есть, напримѣръ, собственноручныя выписки изъ физики Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ и о молніи.

и проповѣдниковъ, напримѣръ, сербы: митр. Кипріанъ, Пахомій Логоѳетъ, Григорій Цамблакъ; — грекъ митр. Фотій. Изъ нихъ первые три извѣстны, какъ проповѣдники и писатели, имѣвшіе вліяніе на русскую письменность.

Кипріанъ. Кипріанъ пріѣхалъ въ Россію въ 1377 году, былъ игуменомъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, потомъ съ 1381 года московскимъ митрополитомъ. На нѣкоторое время онъ покидалъ Москву и въ 1389 году вернулся съ большимъ запасомъ книгъ, спасая ихъ отъ турокъ. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ „Житія святителя Петра“, многихъ поученій, посланій, каноновъ и молитвъ.

Логофетъ. Пахомій Логоѳетъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ авторъ и передѣлыватель русскихъ житій: онъ внесъ къ намъ риторическіе шаблоны въ сочиненіе житій. Пахомія много читали въ древней Руси и усердно подражали пріемамъ его творчества; его творенія служили едва ли не главными образцами, по которымъ учились описывать жизнь святого. Кромѣ 10 житій онъ сочинилъ не менѣе 18 каноновъ, 6 сказаній и пр.

Цамблакъ. Григорій Цамблакъ, племянникъ Кипріана, въ 1416 году былъ сдѣланъ кіевскимъ митрополитомъ. Онъ извѣстенъ, какъ проповѣдникъ. „Стремленіе къ витіеватости,—сравненія, противоположенія, метафоры, вообще тропы и фигуры встрѣчаются у него на каждомъ шагу“ (Макарій). Всѣ эти три писателя принесли къ намъ и свои литературные пріемы, главная черта которыхъ— наклонность къ риторикѣ, и запасъ славянскихъ рукописей, и нѣкоторыя особенности языка (сербизмы).

Житійная литература въ этотъ періодъ. Греческія и славянскія вліянія. Если Пахомій Логофетъ и оказалъ большое вліяніе на характеръ сочиненій русскихъ житій, то необходимо указать, что не онъ создалъ у насъ эту школу,—до него новое искусственное направленіе проникло уже въ русскую письменность. Въ такомъ „новомъ“ вкусѣ писалъ, напримѣръ, Епифаній премудрый; особенно характерно, въ этомъ отношеніи, написанное имъ житіе Стефана Пермскаго.

Житіе Стефана Пермскаго. «Риторическія фигуры и всевозможныя амплификаціи разсѣяны въ житіи съ утомительнымъ изобиліемъ; авторъ не любитъ разсказывать и размышлять просто», но облекаетъ часто одну и ту же мысль въ нѣсколько тавтологическихъ оборотовъ; для характеристики святого онъ набираетъ въ одномъ мѣстѣ 20, въ другомъ 25 эпитетовъ. Онъ самъ очень удачно характеризуетъ свое изложеніе, называя его «плетеніемъ словесъ» [1]). Въ «похвалу», заключающую житіе Стефана, онъ ввелъ

---

[1]) „Плетеніемъ словесъ“ можетъ быть названо и „Моленіе Даніила Заточника“.

«плачи» и монологи (пермскихъ людей, пермской церкви), свои молитвы и даже рѣчь Господа въ честь святого.

Такимъ образомъ, Епифаній — болѣе проповѣдникъ-риторъ, чѣмъ біографъ, и еще болѣе Кипріана сближаетъ „житіе“ съ „панегирикомъ“. Имъ же написано житіе Сергія Радонежскаго [1].

Малая историческая цѣнность этой литературы.

Если мало интереса, въ литературномъ и историческомъ отношеніи, имѣютъ раннія житія этого періода (житія свв. Леонтія, Исаія, Авраамія и др.), то еще меньше цѣнности въ историческомъ отношеніи имѣютъ всѣ тѣ житія, которыя вышли изъ-подъ пера Кипріана, Епифанія и Пахомія. Въ нихъ нѣтъ простоты и жизненности. Они отличаются искусственностью и риторичностью. Особенно сильно сказалось вліяніе этихъ писателей-риторовъ на *передѣлкахъ* старыхъ житій въ новомъ вкусѣ. Чѣмъ позднѣе редакція житія, тѣмъ сильнѣе ея искусственность,—тѣмъ меньше, очевидно, было у автора точекъ соприкосновенія съ дѣйствительностью, тѣмъ сильнѣе замѣчается подчиненіе шаблонамъ житійной литературы, „общимъ мѣстамъ“, которыя восполняли невѣдѣніе автора готовыми, избитыми формулами.

Шаблонность пріемовъ этой литературы.

Къ такимъ неизмѣннымъ, заученнымъ выраженіямъ относятся, хотя бы, слѣдующія: „родися отъ вѣрну родителю крестьяну“, „унъ (юнъ) сый, на игры съ уными человѣкы не изволи изити“, въ пустынѣ—„не даяша сна очима своима, борясь съ бѣсы“; прощальныя слова къ братіи—„аще, братіе, тѣломъ отхожу отъ васъ, да духомъ присно съ вами буду“. Изъ жизни святого брались лишь тѣ черты, къ которымъ можно было легко привязать эти готовыя формулы,—оттого все своеобразное, оригинальное лишь изрѣдка прорывается въ житіи. Заученныя „общія мѣста“ совершенно закрываютъ собою историческую дѣйствительность.

Житіе св. Сергія Радонежскаго и св. Александра Невскаго.

Блестящими исключеніями въ житійной литературѣ этого времени являются *житія св. Сергія Радонежскаго* и *св. Александра Невскаго*. Отъ другихъ современныхъ и послѣдующихъ житій житіе св. Сергія отличается своею содержательностью, своею жизненностью; литературныхъ прикрасъ въ немъ почти нѣтъ,—очевидно, въ рукахъ Епифанія было много фактовъ, и ему былъ ясенъ обаятельный образъ святого. Съ особымъ вниманіемъ остановился онъ на кротости и смиренномудріи Сергія Радонежскаго: длинный рядъ фактовъ изъ жизни святого, дѣйствительно, даетъ возможность утверждать, что эта добродѣтель была особенно для него характерной. Онъ кротко относится къ людямъ виноватымъ, своихъ иноковъ онъ „не съ яростію

[1]) Истор. Хрест. I, 237.

обличаше и наказаше я, но яко издалеча—съ тихостію, аки притчами наводя, глаголаше имъ". Онъ—всегдашній защитникъ обижаемыхъ и сиротъ. Въ предсмертномъ назиданіи къ инокамъ, кромѣ наставленій хранить чистоту, вѣру, онъ совѣтовалъ „наипаче смиреніемъ украшатися". Изъ-за этого смиренія св. Сергій отказался отъ митрополіи, такъ какъ съ нею соединялись блескъ и власть. Оттого былъ онъ и нестяжателенъ, и требовалъ, чтобы имъ основанная обитель была бѣдна и жила своими трудами. Св. Сергій, какъ лицо уважаемое въ свое время, выступалъ и въ качествѣ общественнаго дѣятеля, принимая, по просьбѣ великаго князя, участіе въ сношеніяхъ съ удѣльными князьями. Уваженіе къ нему было настолько велико, что передъ Куликовской битвой великій князь Дмитрій пріѣзжалъ къ нему за благословеніемъ. Достаточно было получить великому князю письмо отъ св. Сергія, чтобы всѣ его колебанія относительно перевода войска черезъ Донъ разрѣшились.

Въ житіи разсказывается подробно одинъ эпизодъ изъ дѣтскихъ лѣтъ святого. Онъ былъ неспособенъ къ ученію, онъ страдалъ и усердно молилъ Бога о ниспосланіи ему дара разумѣть ученіе. Однажды въ лѣсу онъ встрѣтилъ невѣдомаго старца, схимника, который, узнавъ, въ чемъ его горе, благословилъ его и вложилъ въ него разумѣніе къ наукѣ. Въ житіи св. Сергія разсказано немало историческихъ событій того времени, что выгодно отличаетъ это житіе отъ другихъ подобныхъ сочиненій. Такъ, въ разсказѣ о переселеніи родителей Сергія въ Радонежъ встрѣчаются любопытныя данныя относительно татаръ, относительно исторіи Ростова Очень цѣнна исторія возникновенія Троицкой обители: два брата-отшельника, Сергій (въ міру Варѳоломей) и Стефанъ, оставивъ суету свѣта, поселились въ лѣсу, своими руками построили въ чащѣ лѣсной домикъ и церковь. Сначала далеко во всѣ стороны отъ обители не было людей: одни дикіе звѣри рыскали вокругъ. Преданіе разсказываетъ, что съ ними св. Сергій жилъ въ миру: медвѣдь приходилъ къ нему каждый день за пищей. Потомъ къ домику Сергія стали стекаться благочестивые люди, возлюбившіе тишину уединенія: лѣса стали вырубаться, кругомъ церкви строились отдѣльные домики, общежитія. «Преждереченную исказиша пустыню, не пощадиша. И сотвориша пустыню, яко поля чиста многа, якоже и нынѣ нами зрима суть. И составиша села и дворы многи; и насѣяша села; и сотвориша плодъ житенъ; и умножишася зѣло. И начаша посѣщати и учащати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличная потребованія».

Эти приношенія, очевидно, были сначала необильны, и, при Сергіи, монастырь бѣдствовалъ: святой былъ нестяжателенъ и не позволялъ своему монастырю богатѣть. Монастырь терпѣлъ нужды сначала до того, что «многажды на утрія и хлѣбу не обрѣстися. Да кто можетъ сказати недостатки, бывшая преподобному отцу нашему Сергію? И сперва, егда начинашеся строитися

мѣсто то, овогда убо не достало хлѣба, и муки, и пшеницы, и всякаго жита; иногда же недостало масла, и соли, и всякаго ястія брашеннаго; овогда же недостало вина, имъ же обѣдня служити, и ѳиміаму, имъ же кадити; иногда же недостало воску, имъ же свѣщи скати. И пояху въ нощи заутреню, не имуще свѣщъ, но токмо лучиною березовою, или сосновою свѣтяху себѣ; и тѣмъ нуждахуся канонархати, или по книгамъ чести, и сице совершаху ночныя службы своя. Преподобный же Сергій всякую нужу ону, и тѣсноту, и всяку скудость, и недостатки терпяше со благодареніемъ, ожидая отъ Бога богатыя милости».

Таково было начало многихъ русскихъ монастырей: бѣдные при своихъ основателяхъ, они богатѣли послѣ нихъ, когда первоначальная строгость жизни смѣнялась стремленіемъ къ спокойной жизни и довольству. Пока монастыри были малолюдны, строгость жизни поддерживать было легко, но когда стекалось подъ его крышу множество людей—жизнь монастыря мѣнялась къ худшему.

„Повѣсть о житіи Александра Невскаго“

„Повѣсть о житіи и храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго“ [1]), какъ самое названіе показываетъ, есть скорѣе „историческая повѣсть“: житіе этого святого не могло отлиться въ шаблонныя формы житійной литературы, такъ какъ личность Александра слишкомъ была популярна, всѣмъ дорога, и фактовъ изъ его жизни было слишкомъ достаточно— не было нужды покрывать свое незнаніе избитыми кудрявыми формулами.

Начинается повѣсть съ воззванія автора: «О Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіи, азъ, худый и многогрѣшный, мало смысляя, покушаюся писати житіе святого князя Александра...» Далѣе идетъ цитата изъ «Приточника»: «въ злохытру душю не внидетъ мудрость; на вышнихъ бо краихъ есть, посреди стезь стояще». Признавая изъ скромности «грубость» своего ума, авторъ, тѣмъ не менѣе, заявляетъ о своей рѣшимости писать житіе. Сказавъ нѣсколько словъ о родителяхъ князя, авторъ приводитъ цитату изъ пророка Исаіи: «якоже рече Исаія, пророкъ: «тако глаголаше Господь»: князя азъ учиняю, священны бо суть; и азъ вожю я...» Далѣе, послѣ этой, не совсѣмъ умѣстной, цитаты, идетъ любопытная характеристика князя: «гласъ его, акы труба въ народѣ, лицемъ онъ— Іосифъ Прекрасный, сила его, часть отъ силы Самсона, и далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломонову; храборство же его, акы царя Еуспесіана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Іудейскую...» Какъ въ безличной поэзіи наблюдается *параллелизмъ* настроенія души и явленій природы,—такъ здѣсь, въ письменности, мы встрѣчаемся съ аналогичнымъ явленіемъ,—сознавая свое безсиліе въ изображеніи характерныхъ чертъ своего героя, авторъ пользуется образами, взятыми изъ Библіи и исторіи. Далѣе въ приведенной характеристикѣ Александра непосредственно примыкаетъ разсказъ о томъ,

---

[1]) Истор. Хрест., I, 234.

какъ войска Веспасіана, разбитыя въ одномъ сраженіи, оставили его одного на полѣ битвы: «остался единъ и возврати къ граду силу ихъ къ вратомъ граднымъ и посмѣяся дружинѣ своей и укори я, рекъ: «оставите мя единаго...». Послѣ того слѣдуетъ совершенно неожиданный переходъ къ Александру: «Такоже и князь Александръ побѣждая, а не побѣдимъ». Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о царицѣ Южичьской, пришедшей дивиться на Соломона, о которомъ много слышала. Оказывается, и объ Александрѣ слава была такъ широка, что «нѣкто отъ западныя страны, именемъ Андрѣяшь», приходилъ посмотрѣть Александра и вернулся домой удивленный: «возвратися къ своимъ, рече: «прошелъ страны языкъ, не видѣхъ такового, ни въ царѣхъ—царя, ни въ князѣхъ—князя». Это сказочное появленіе Андрѣяша и разсказы его объ Александрѣ даютъ мотивировку желанію короля Римскаго покорить князя русскаго. И вотъ, этотъ король, «пылая духомъ ратнымъ», «шатаяся безуміемъ», явился съ войсками на берегахъ Невы и шлетъ русскому князю гордое требованіе покориться. Въ противоположность надменности и самомнѣнію западнаго владыки, выставлено смиреніе Александра: получивъ вызовъ, онъ идетъ молиться «со слезами». Послѣ умилительной молитвы, послѣ поклоновъ архіепископу, князь «утеръ слезы, нача крѣпити дружину»... Въ рѣчи князя рядомъ съ пословицей: «не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ»—вставлена цитата изъ Псалмовъ. Битва со шведами при Невѣ описана кратко: «бысть сѣча велика надъ римляны, и изби ихъ множество безчисленно и самому королю възложи печать на лицо острымъ своимъ копіемъ». Такъ же описано Ледовое побоище: «и бысть сѣча зла и трусъ отъ копіи ломленья, и звукъ отъ сѣченія личнаго». И здѣсь приведена молитва святого, просьба къ Богу помочь, «яко древле Моисею на Амалиха и прадѣду нашему Ярославу на окаяннаго Святополка». Въ этомъ сраженіи «полкъ Божій на воздуси помогалъ русскимъ. Сказавъ о пораженіи рыцарей, авторъ морализуетъ по поводу ихъ гордаго обѣщанія взять руками Александра. Обстоятельно описана встрѣча, сдѣланная Александру жителями; особенно цѣнно указаніе, что ему воспѣвали «славу», хотя едва ли въ тѣхъ книжныхъ словахъ, которыя приводитъ авторъ. Послѣ всѣхъ его удачъ, «нача слыти имя его по всѣмъ странамъ и до горъ Араратьскыхъ и объ ону страну моря Варяжскаго и до великаго Риму».

Далѣе идетъ краткій разсказъ о другихъ его подвигахъ. «И умножися дни живота его въ велицѣ славѣ. Бѣ бо іереелюбецъ и мнихолюбецъ, и нищая любя, митрополита же со епископы чтяше и послушаше ихъ, аки самого себѣ».

Высочайшей степени паѳоса достигаетъ разсказъ, когда авторъ доходитъ до смерти своего героя: здѣсь онъ разражается рядомъ восклицаній: «О, горе тебѣ, бѣдный человѣкъ! Какъ можеши написать кончину господина своего? Како не упадетъ ти зѣница вкупѣ со слезами?» и пр. Сообщается о чудѣ, свидѣтелемъ котораго былъ митрополитъ: покойникъ самъ взялъ отпускную грамоту, когда хотѣли вложить ее ему въ руки. Рѣчь митрополита Кирилла, въ которой онъ ввелъ глубоко-поэтическое сравненіе князя съ солнцемъ: «зайде солнце Суздальской земли», проводы тѣла св. князя народомъ,—все это полно силы, богато движеніемъ и настроеніемъ.

Авторъ житія. Подробно пересказанное нами произведеніе интересно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, авторъ слова, несомнѣнно, владимирецъ, не новгородецъ и не псковичъ,—это видно изъ его отношенія къ Новгороду и Пскову. Затѣмъ любопытно, что житіе

Цѣль житія. это имѣетъ своею цѣлью обрисовать, главнымъ образомъ, *личность* благороднаго князя,—желаніе, котораго мы не встрѣчаемъ ни въ какомъ другомъ житіи. Если эти рѣчи, вложенныя въ уста дѣйствующихъ лицъ, и неточны, если онѣ и вымышлены,

Народность житія. то, во всякомъ случаѣ, не книжникомъ-начетчикомъ, а народомъ, умѣющимъ даже въ сказкахъ своихъ обставлять своихъ любимцевъ такими характерными подробностями, которыя позволяютъ намъ живо чувствовать, какъ отразилась дѣятельность князя въ умахъ современниковъ. Эти „живыя черты", цѣнныя для насъ, не стерты даже сильною примѣсью книжныхъ пріемовъ рѣчи, сравненій, цитатъ. Обычныхъ „общихъ мѣстъ" житія, касающихся дѣтства и благочестія героя, нѣтъ.

„Житіе св. Александра" съ одинаковымъ правомъ можетъ быть причислено къ историческимъ повѣстямъ (такъ же, какъ „Житіе свв. Бориса и Глѣба"). Совершенно такого же типа житія-повѣсти: „Сказаніе о Довмонтѣ", „Сказаніе о черниговскомъ князѣ Михаилѣ", „Сказаніе о кн. Михаилѣ Тверскомъ" и др.

Апокрифическая литература. § 30. *Апокрифы.* Занесенные къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, апокрифы, на первыхъ порахъ, сдѣлались исключительнымъ достояніемъ людей книжныхъ, — тѣхъ, которые могли интересоваться фактами и лицами Св. Писанія; простой народъ, погруженный во мракъ невѣжества, болѣе интересовался своими поруганными богами; немало времени должно было пройти прежде, чѣмъ эти апокрифы сдѣлались достояніемъ всего народа, обогатили собою его творчество, внесли въ него новыя настроенія, новое содержаніе. Легенды и сказки съ участіемъ лицъ Св. Писанія и духовные стихи,—вотъ, чѣмъ отозвался тогда народъ на вліянія христіанства, мало-по-малу, проникавшія въ его мысль и чувства.

Обозрѣніе всѣхъ этихъ произведеній полународнаго, полукнижнаго творчества нужно отнести къ XIII—XIV в. потому, что въ эту эпоху они, несомнѣнно, начали у насъ складываться, но ихъ сочиненіе продолжалось и въ XV вѣкѣ, и въ XVI, быть можетъ, даже продолжается и въ наши дни.

Популярность апокрифовъ у насъ въ XIII в. сказалась, между прочимъ, въ сочиненіи очень любопытнаго богословскаго

„Толковая Палея". сочиненія: „Толковая Палея".

Это произведеніе, прежде всего, полемическое, направленное противъ еврейства. Всѣ событія ветхаго завѣта толкуются (отсюда и названіе «толковая»), какъ прообразъ новаго завѣта [1]). Авторъ этого сборника обнаружилъ изумительную начитанность [2]): онъ ввелъ въ свое сочиненіе много литературнаго элемента, особенно апокрифическаго; онъ оказывается освѣдомленнымъ даже въ чисто-еврейскихъ апокрифахъ (изъ Талмуда). Оканчивается Палея разсказомъ о началѣ царствованія Соломона.

§ 31. *Легенды-повѣсти.* Когда мотивы житій спустились въ народъ, то народное творчество овладѣло ими. Изъ житій были взяты самые интересные моменты: борьба съ бѣсами, подвиги святыхъ, ихъ мученичества, чудеса при жизни и послѣ смерти; народная фантазія внесла сюда цѣлый рядъ сказочныхъ образовъ и мотивовъ—и, въ результатѣ, получился богатый „двоевѣрный“ эпосъ, который дошелъ до насъ въ цѣломъ рядѣ „повѣстей“, „сказаній“ (слово „житіе“ рѣдко красуется въ заглавіи этихъ произведеній). Въ исторіи западно-европейской литературы эти полурелигіозныя народныя произведенія носятъ названіе „легендъ“. Легенды-повѣсти; ихъ происхожденіе.

Особенно любопытны для насъ, въ этомъ отношеніи, смоленская легенда о св. Меркуріи, ростовская—о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ и муромская—о Петрѣ и Февроніи. Въ „Историческихъ очеркахъ“ Буслаевъ совершенно справедливо указалъ, что всѣ названныя легенды дошли до насъ въ поздней литературной обработкѣ, но ихъ народная основа относится къ древности. Вотъ почему легенда гораздо любопытнѣе житія: она складывалась внѣ исключительно-церковныхъ цѣлей. Это была лишь художественная форма, отвѣчающая религіозному духу времени, но въ то же время удовлетворявшая нравственнымъ и эстетическимъ запросамъ народа. Содержаніе смоленской легенды о Меркуріи слѣдующее:

Меркурій—слуга Богоматери, прекрасный юноша-рыцарь, заѣхавши въ Смоленскъ изъ Рима, по приказанію Богородицы, спасаетъ народъ отъ татаръ, и послѣ побѣды возвращается въ городъ, неся собственную голову въ рукахъ. Видѣнія, голоса, дивный чудесный конь, таинственный прекрасный воитель, отрубившій голову угоднику, — все это сказочные мотивы, свободно расцвѣтшіе въ *легендѣ*. Разсказъ живой и колоритный, правда, долженъ быть отнесенъ ко времени позднѣйшему, равно, какъ и рядъ поэтическихъ мѣстъ, въ родѣ «плача земли»,—тѣмъ не менѣе, самая канва легенды, очевидно, древняя. Смоленская легенда о Меркуріи.

---

[1]) Ср. проповѣди Иларіона, Кирилла Туровскаго и школу „философовъ“-богослововъ (Климентъ Смолятичъ, Авраамій Смоленскій).

[2]) Въ основу сочиненія положена Библія, Шестодневъ, космографія Козмы Индикоплова. Изъ апокрифовъ, использованныхъ авторомъ, можно назвать „Откровеніе Авраама“, „Завѣты 12 патріарховъ“, „Лѣствицу Іакова“.

Г. Кодлубовскій сопоставляетъ это житіе съ житіемъ святого Меркурія Кесарійскаго, который тоже, исполняя волю Богородицы, является защитникомъ города противъ Юліана Отступника. Посредникомъ между Богородицею и обоими Меркуріями—въ греческомъ житіи—Василій Великій, въ русскомъ — пономарь. Оба произведенія соприкасаются въ деталяхъ (подвиги окружены тайной, совершаются ночью, отсѣченіе головы у обоихъ). Вліяніе житія одноименнаго святого — фактъ обычный въ нашей житійной литературѣ (такъ житіе Авраамія Ростовскаго отчасти повторяетъ жизнь Авраамія Столпника и др.).

Въ результатѣ, мы можемъ считать Меркурія Смоленскаго скорѣе героемъ литературной легенды, чѣмъ историческимъ лицомъ,—достояніемъ не исторіи, а исторіи литературы. Передъ нами „пріуроченіе“ сказанія, быть можетъ чужого, къ новому мѣсту, къ новой обстановкѣ,—обрусѣвшій святой уже отличается отъ своего прототипа, иначе понимается; тотъ же сюжетъ, но трактуется своеобразно.

„Легенда объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ“.

„Легенда объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ“ [1]) — тоже изображаетъ эпизодъ изъ отношеній нашихъ къ татарамъ. Въ этой легендѣ изображена побѣда христіанъ, но побѣда мирная.

Татарскій царевичъ, подъ вліяніемъ разсказовъ ростовскаго епископа, умилился душой, захотѣлъ видѣть православное богослуженіе и крестился въ Ростовѣ. Его чистая, наивная вѣра въ христіанскаго Бога и людей— вотъ узелъ легенды. Устроилъ онъ монастырь на землѣ отведенной ему княземъ Борисомъ, и отказался отъ всякихъ формальностей ввода во владѣніе, не взялъ грамотъ. Потомки князя стали отнимать земли у потомковъ Петра. Ханъ татарскій разрѣшаетъ тяжбу въ пользу потомковъ Петра.

Произведеніе это, по формѣ своей, ничего общаго не имѣетъ съ обычными типичными житіями,—это простая повѣсть безъ витійства, безъ „общихъ мѣстъ“, безъ похвалъ святому и чудесъ. Очевидно, произведеніе писалось не „по замышленію“ книжника, а „по былинамъ того времени“ Таковы вообще всѣ тѣ историческія повѣсти, которыя посвящены жизнеописанію и изображенію подвиговъ святыхъ, во время своей жизни служившихъ болѣе родинѣ, землѣ, чѣмъ Богу, которые причислены къ лику святыхъ за ихъ земныя дѣянія.

„Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ“.

„Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ“ [2]) интересна соединеніемъ основъ исторической повѣсти и житія съ мотивами чисто-сказочными. Содержаніе повѣсти слѣдующее:

---

[1]) Истор. Хрест. I, 250.
[2]) Истор. Хрест. I, 251.

Змій овладѣлъ женою муромскаго князя Павла; она вывѣдала, ч. смерть его произойдетъ отъ «Петрова плеча, отъ Агрикова меча». Братъ князя Павла—Петръ нашелъ этотъ чудесный мечъ и рѣшилъ убить змія; разъ онъ явился къ княгинѣ и засталъ у нея двойника своего брата. Догадавшись, что это—змій, онъ поразилъ его мечомъ—«змій явился своимъ естествомъ» и издохъ, обрызгавъ кровью Петра. Отъ нечистой крови Петръ покрылся струпьями. Долго онъ лечился, но безуспѣшно. Одинъ изъ отроковъ князя нашелъ въ селѣ чудесную дѣвицу, Февронію, говорившую загадками. Онъ засталъ ее за тканьемъ; «предъ нею же скача заяцъ». Она, увидя вошедшаго, сказала: «не лѣпо есть быти дому безъ ушію, и храму безъ очію»; юноша же не понялъ этихъ словъ и спросилъ: «нѣтъ ли въ домѣ мужчины?» Она отвѣтила: «отецъ мой и мати моя пойдоша въ заемъ плакати, братъ же мой иде чрезъ ноги въ нави (мертвые) зрѣти». Юноша попросилъ объясненія всему видѣнному и слышанному. Она объяснила ему, что первое ея замѣчаніе касается того, что онъ неслышно вошелъ въ ея комнату: «аще бы былъ въ дому песъ и, чювъ тя, къ дому приходяща, лаялъ бы на тя: се бо есть дому уши; аще бы было въ храминѣ моей отроча и видѣлъ тя, изъ храмины приходяща, сказалъ бы ми: се бо есть храму очи; а еже сказахъ тя про отца и матерь и про брата, яко отецъ мой и мати моя иде въ заемъ плакати: пошли бо суть на погребеніе мертваго и тамо плачуть. Егда же на нихъ смерть пріидетъ, то иніи по нимъ учнутъ плакати: се же есть заимованный плачъ; про брата же тѣ глаголахъ: яко отецъ мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсѣ бо медъ отъ древъ всякъ вземлютъ [1]); братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде: яко же лѣзти на древо въ высоту—чрезъ ноги въ нави зрѣти, мысля, абы не урватися съ высоты; аще же кто урвется, сей лишится живота: сего ради рѣхъ, яко иде чрезъ ноги въ нави зрѣти». Она обѣщала вылѣчить князя подъ условіемъ супружества съ нимъ. Князь Петръ согласился, но, выздоровѣвъ, обманулъ дѣвицу—не женился на ней. Тогда болѣзнь вернулась къ нему съ прежней силой. Февронія вылѣчила его вторично и вышла за него замужъ. Впослѣдствіи княжій столъ отъ князя Павла перешелъ къ Петру. Но бояре не хотѣли, чтобы у нихъ княгиней была дочь простого селянина,—и князю съ женою пришлось оставить Муромъ. Февронія во время пути проявляетъ неразъ свою мудрость и самообладаніе: она утѣшаетъ грустящаго князя, прозрѣваетъ и отражаетъ нечистые замыслы одного изъ своихъ спутниковъ. Потомъ князь съ княгиней вернулись въ Муромъ и долго жили благочестиво, честно служа народу. На склонѣ лѣтъ они постриглись въ монастырь. Онъ—подъ именемъ Давида, она—Ефросиніи, и молили Бога позволить имъ умереть въ одно время: послѣднее ихъ желаніе было лечь въ одномъ гробу. Разъ пр. Ефросинія вышивала «воздухъ» для соборной церкви, когда къ ней пришли отъ ея бывшаго мужа и передали его слова: «о, сестра Ефросинія! хощу уже отъити отъ тѣла и жду тебя, да купно отыдемъ». Она же рече: «пожди, господине, да яко дошью воздухъ». Князь при-

[1]) Въ старину въ русскихъ лѣсахъ было много дикихъ пчелъ, вслѣдствіе чего образовался особый промыселъ „бортничанія“ (борть—дупло съ медомъ), т. е. собиранія меда въ дуплахъ. Для этого часто приходилось иногда взбираться высоко на деревья,—очевидно, промыселъ былъ очень опасный.

слалъ во второй и въ третій разъ,—тогда Ефросинія прервала свою работу, «вотъкне иглу и приверти нитію, ею же шіяше» и, помолившись, преставилась въ одно время съ мужемъ. Желаніе ихъ относительно совмѣстнаго погребенія не было выполнено; однако, на слѣдующій день послѣ погребенія ихъ тѣла очутились въ общемъ гробу; ихъ разлучили, а они на другой день опять оказались вмѣстѣ [1]).

Анализъ легенды.

Акад. Буслаевъ разобралъ обстоятельно это цѣнное произведеніе. Онъ сравнилъ его съ другими произведеніями и пришелъ къ выводу, что въ немъ надо различать: 1) древнѣйшее народное преданіе, положенное въ основу,—2) историческую обстановку, 3) христіанскую идею, которою освящены доисторическое преданіе и историческая обстановка.

Но если тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась эта повѣсть, всѣ въ отдѣльности бытовали до ея появленія, то соединеніе ихъ въ одно цѣлое и одухотворенное вызвано было уже зарожденіемъ идеи о высокой любви женщины. Съ вѣщею силою Февронія соединяетъ любящее сердце. Несмотря на обманъ князя, она силою своего вѣщаго духа господствуетъ надъ нимъ и выходитъ за него замужъ. Несмотря на преслѣдованія со стороны бояръ и на презрѣніе къ ней боярынь, несмотря на слабость воли и на кажущееся равнодушіе князя къ ея нѣжной любви и высокой преданности, она, и лишившись княжеской власти, бодро идетъ съ нимъ въ изгнанье, только бы не разлучаться съ милымъ ей человѣкомъ. И въ изгнаніи она остается чиста и, при всемъ благородствѣ образа мыслей, наивна, несмотря на грубыя и пошлыя оскорбленія, которыя терпитъ, ѣдучи въ ладьѣ. И по смерти чистая супружеская любовь, благословенная свыше, соединила ихъ.

Образъ героини.

Интересна повѣсть и той бытовой обстановкой, въ которой развивается ея дѣйствіе. Городъ Муромъ, его своевольные бояре, и отношеніе къ нимъ князя,—все переноситъ насъ въ дѣйствительную жизнь той эпохи.

Легенды о Китежѣ.

Вѣроятно, къ этому же времени относится любопытная легенда о городѣ Китежѣ, — легенда, позднѣе сдѣлавшаяся популярной у раскольниковъ и сохраняющаяся въ ихъ рукописяхъ, подъ названіемъ „Китежскій Лѣтописецъ". Содержаніе ея слѣдующее:

Кн. Георгій, «внукъ равноапостольнаго кн. Владиміра», былъ большимъ богомольцемъ; ѣздилъ онъ много по русской землѣ и строилъ соборы Успенскіе въ Новгородѣ, въ Москвѣ, въ Ростовѣ и Муромѣ. «И

[1]) Образъ Февроніи введенъ Римскимъ-Корсаковымъ въ его оперу „Китежъ".

быстъ попущеніемъ Божіимъ грѣхъ ради нашихъ пріиде нечестивый и безбожный царь Батый на Русь воевать; грады и веси разоряше, огнемъ ихъ пожигаше, людіе мечу предаваше, младенцевъ ножемъ заколаше и быстъ плачъ великій». Благовѣрный князь Георгій, слыша это, горько плакалъ и, помолившись Господу и Богородицѣ, пошелъ на Батыя. «И бысть сѣча велія и кровопролитіе многое». У князя мало было воиновъ, и онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ внизъ по Волгѣ въ городъ Малый Китежъ (нынѣ Городецъ, выше Балахны). Долго бился кн. Георгій, отстаивая городъ отъ Батыя. Наконецъ, ночью бѣжалъ тайкомъ въ Великій Китежъ, находящійся на берегу озера Свѣтлый Яръ. Батый взялъ утромъ городъ Малый Китежъ. Одинъ изъ его жителей, Гришка Кутерьма, не выдержалъ пытокъ и показалъ Батыю дорогу къ Великому Китежу. Но Божіе заступничество спасло городъ отъ татаръ, — онъ сдѣлался невидимымъ [1]).

Легенда, въ основѣ своей, представляетъ разработку ходячаго разсказа о провалившихся, или затонувшихъ городахъ. Въ приведенной редакціи она представляетъ два наслоенія: татарское иго сдѣлало невидимый городъ убѣжищемъ, недосягаемымъ для татаръ, — расколъ изъ того же города сдѣлалъ мѣсто спасенія праведниковъ отъ антихриста.

§ 32. *Легенды-сказки* [2]). Поэзія христіанства (особенно апокрифическая) освѣжила народное творчество цѣлымъ рядомъ новыхъ мотивовъ, дала ему свободу распоряжаться содержаніемъ Св. Писанія, комбинировать свое языческое съ христіанскимъ, постепенно приближая это содержаніе къ дѣйствительной жизни. Въ результатѣ, многіе сюжеты и темы церковной литературы подчинились произволу народной фантазіи, видоизмѣнились согласно ея требованіямъ, соединившись съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи до-христіанской. Старое и новое взаимно проникаются одно другимъ, перепутываются. Такъ скла- Легенды-сказки, ихъ происхожденіе.

[1]) У раскольниковъ сохранилось повѣрье, что только праведники могутъ видѣть прекрасный городъ, или его отраженіе въ водахъ таинственнаго озера. Кто наложитъ на себя великій обѣтъ не бояться голодной смерти, не знать страховъ смерти, кто „не раздвоеннымъ умомъ и несумнѣнною вѣрою обѣщается идти въ Китежъ, не сказавъ объ этомъ роднымъ и рѣшившись не уходить изъ Великаго Китежа, — такому человѣку Богъ позволитъ достигнуть города Китежа. Для всѣхъ другихъ святой городъ недостижимъ, и то мѣсто, гдѣ онъ стоитъ, кажется лѣсомъ, или пустымъ мѣстомъ. Тамъ обитаютъ только праведники: „Господь чудо яви—невидимымъ сотвори градъ Китежъ и покры его десницею своею, да въ немъ пребывающіе не узрятъ скорби и печали отъ звѣря-антихриста. Святой городъ живетъ до сихъ поръ своею жизнью; мѣстные жители находятъ на берегу озера разныя хозяйственныя принадлежности, слышатъ, какъ гудятъ колокола невидимыхъ китежскихъ церквей". Легенда эта легла въ основу оперы Римскаго-Корсакова „Китежъ".

[2]) Истор. Хрест. I, 136—138. Очень любопытна легенда, въ которой развита идея романа Достоевскаго: „Преступленіе и Наказаніе" (Ист. Хрест. I, 525, Исторія русск. слов. ч. I, вып. I. стр. 133 „Сказка о разбойникѣ").

дывались апокрифы,—такъ, подъ ихъ вліяніемъ, сложились и народныя *сказки-легенды,* повѣствующія о созданіи міра, о потопѣ, о страшномъ судѣ и пр. Афанасьевъ, въ предисловіи къ собранію легендъ, указываетъ, что, „съ водвореніемъ новыхъ христіанскихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ и волею и, касаясь событій, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія“. Можно привести нѣсколько примѣровъ:

Афанасьевъ о легендахъ.

Примѣры легендъ (о камбалѣ, воробьѣ и пр.).

Когда Архангелъ Гавріилъ явился возвѣстить святой Дѣвѣ, что отъ нея родится Искупитель, она въ это время ѣла рыбу и сказала, что повѣритъ словамъ ангела, если съѣденная на половину рыба оживетъ. Половина рыбы ожила—таково происхожденіе *камбалы.*

Воробей—проклятая птица потому, что, когда Христа мучали, онъ кричалъ: «живъ, живъ», поощряя мучителей Христа, а ласточка въ это время кричала: «умеръ, умеръ»,—и крала гвозди. Оттого гнѣздо ласточки приноситъ дому счастье и убить ее—великій грѣхъ, а если воробей влетитъ въ избу—это предвѣстіе большой бѣды.

Разъ Христосъ зашелъ къ еврею въ домъ; тотъ, желая посмѣяться надъ Христомъ, сказалъ: «если Ты—Богъ, скажи, что подъ корытомъ?» А подъ корытомъ спряталась жена еврея съ тремя дѣтьми. Христосъ сказалъ: «свинья съ тремя поросятами»,—и, по его слову, еврейка обратилась въ свинью съ поросятами. Оттого евреи не ѣдятъ свинины.

Въ такомъ родѣ много народныхъ преданій, выросшихъ на христіанской почвѣ и имѣющихъ легендарный характеръ. Отъ нихъ обращаюсь къ нѣкоторымъ легендамъ, содержаніе которыхъ взято изъ Ветхаго Завѣта.

Легенда объ Адамѣ и Евѣ.

Про Адама и Евгу. Создалъ Господь Адама и Евгу и пустилъ ихъ жить въ пресвѣтломъ раю, а къ воротамъ райскимъ приставилъ собаку, звѣря чистаго: по всему раю ходила. И повелѣлъ Господь собакѣ, звѣрю чистому: «Не пускай, собака, звѣрь чистый! Не пускай ты чорта лукаваго въ рай: не напоганилъ бы онъ моихъ людей!» Лукавый чортъ пришелъ къ райскимъ воротамъ, бросилъ собакѣ кусокъ хлѣба, а та собака и пропустила лукаваго въ рай. Лукавый чортъ—возьми да и оплюй Адама и Евгу; всѣхъ оплевалъ, всѣхъ съ головы до послѣдняго мизинчика во лѣвой ногѣ. Приходитъ Господь—только руками объ полы ударилъ! На Адама съ Евгой глянуть срамно! Ну Богу, извѣстно, не обтирать ихъ стать, не марать же рукъ въ чортовы слюни: взялъ да и выворотилъ Адама съ Евгой. Оттого и слюна погана —«Слушай, собака, сказалъ Господь, была ты собака—чистый звѣрь, а теперь въ избу тебя грѣхъ пускать,—коли въ церковь вбѣжишь —церковь снова святить!».

Съ тѣхъ поръ не «собака» зовется, а «песъ»,—по шерсти погана, а по нутру чиста».

Про Ноя и Евгу. «Во всемъ мірѣ не осталось ни одного православнаго, окромя Ноя праведнаго. Господь и велѣлъ Ною праведному строить ковчегъ, да только объ этомъ не сказывать, что̀ дѣлаетъ... (Господь объяснилъ, что хочетъ потопить грѣхъ и виновника грѣха—сатану). Ной, благословясь, со крестомъ и молитвою, взялъ топоръ, пошелъ рубить ковчегу. Видитъ лукавый, Ной что̀-то строитъ, а что̀ строитъ, не сказываетъ,—думаетъ: «дѣло плохо»: Ной праведный съ ранняго утра до поздней ночи на работѣ, а Евга одна сидитъ дома. «Спроси ты, Евга, говоритъ лукавый, своего Ноя праведнаго, что-то онъ рубитъ? Это не изба, да и изба-то у васъ новая, да просторная»... Когда Ной явился домой, Евга стала его выпытывать, но безуспѣшно; тогда лукавый научилъ Евгу, какъ водку дѣлать, и посовѣтовалъ подпоить Ноя. Ной, по ошибкѣ, вмѣсто квасу, выпилъ вина, захмелѣлъ и выдалъ женѣ намѣреніе Бога. Евга передала сатанѣ, что въ Мокринъ день (19 іюля) назначена «потопа».

Легенда о Ноѣ и Евѣ.

Лукавый и думаетъ: «былъ бы я цѣлъ, а грѣшники будутъ!»—и учитъ онъ Евгу не идти въ ковчегъ, пока Ной не крикнетъ: «да иди же ты, проклятая». Наступилъ Мокринъ день, наступила «потопа». Евга стала собираться въ ковчегъ, а лукавый подлѣ нея. «Иди, Евга, въ ковчегу», кричитъ Ной праведный.—«Погоди», говоритъ Евга Ною праведному, «надо горшки захватить».—«Иди, Евга, вода скоро по колѣно будетъ!».—«Погоди, Ной праведный, надо ложки да плошки забрать». «Да иди же, ты, проклятая!», закричалъ Ной праведный. Только сказалъ онъ это слово, лукавый и скокъ въ ковчегъ. Безъ этого слова лукавому нельзя было войти: Ной началъ рубить ту ковчегу съ крестомъ и молитвою, съ благословеніемъ Божіимъ—оттого и нельзя было» [1]).

Передъ нами въ этихъ произведеніяхъ примѣры свободнаго творчества надъ образами и мотивами, сошедшими въ народъ. Здѣсь ясно, съ одной стороны, желаніе дать себѣ отвѣтъ на цѣлый рядъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: „почему собака—нечистый звѣрь?“, „какъ забрался дьяволъ въ рай?“, „почему послѣ потопа грѣхъ остался на землѣ?“,—а, съ другой стороны, желаніе даже, быть можетъ, инстинктивное, дать библейскимъ событіямъ болѣе реальную, болѣе понятную обстановку.

Подобныхъ сказокъ, гдѣ дѣйствуютъ лица Ветхаго и Новаго Завѣта, поставленныя въ обиходъ жизни простого русскаго человѣка, можно насчитать много.

---

[1]) Конечно, обѣ эти легенды, не опредѣленныя хронологически, сложились, быть можетъ, и значительно позднѣе, но я остановился на нихъ, какъ на *примѣрахъ*, ясно указывающихъ, *какимъ путемъ* совершается работа народнаго воображенія надъ темами, взятыми извнѣ. Если не эти, именно, легенды, то многія другія, древнѣйшія, сложились, такимъ образомъ, въ изучаемую нами эпоху.

Малороссійскія сказки-легенды.

У Драгоманова („Малорусскія народныя преданія и разсказы") помѣщены слѣдующія сказки, то близкія къ книжнымъ апокрифамъ, то далеко отходящія отъ нихъ въ глубь народнаго творчества: „Сотвореніе и благословеніе міра", „Сотвореніе Адама, чорта, женщины", „Адамъ-земледѣлецъ", „Смерть Адама и преблаженное дерево", „Каинъ и Авель", „Потопъ", „Іосифъ, Самсонъ и Соломонъ—Давидовы дѣти", „Премудрый Соломонъ", „Царь Соломонъ и жена его", „Премудрый Соломонъ и злая мать его". Подобныхъ же сказокъ-легендъ нѣсколько помѣщено у Афанасьева („Народныя русскія легенды"). Еще больше сказокъ, гдѣ дѣйствуютъ Іисусъ Христосъ, апостолы и святые.

Темы легендъ, взятыя изъ Св. Писанія.

Въ этихъ легендахъ народъ широко воспользовался многими темами изъ Св. Писанія: напр. „Богъ является Аврааму въ видѣ странника"—во многихъ произведеніяхъ разработана эта тема. Христосъ одинъ, или съ апостолами, странствуетъ по землѣ; сочувствіе Христа къ бѣднымъ и тема: „лепта вдовицы"—находитъ отраженіе въ цѣломъ рядѣ легендъ, гдѣ Христосъ превозноситъ бѣдныхъ и наказываетъ богатыхъ. Бѣдные отдаютъ Христу-страннику послѣднее. Чудо съ 5-ю хлѣбами и 2-мя рыбами, которыми накормлены тысячи—отразилось въ цѣломъ рядѣ легендарныхъ чудесъ, когда изъ небольшого запаса съѣстного являлось неистощимое количество. Чудо въ Канѣ Галилейской повторилось во многихъ легендахъ, когда вода превращалась въ пиво, вино и пр. Но отъ христіанства народъ взялъ не только то, что̀ поразило его фантазію,—онъ взялъ также и *идеализмъ*. Въ этомъ отношеніи, легенда, подобно духовному стиху, гораздо дальше ушла отъ апокрифа, въ смыслѣ развитія духа христіанской религіи. Если въ нѣкоторыхъ духовныхъ стихахъ сказался глубокій лиризмъ христіанскаго воодушевленія, то въ легендахъ, благодаря обстановкѣ реальной жизни, сказалась прикладная сторона христіанства—проповѣдь любви къ униженнымъ, мораль торжества правды, апоѳеозъ добродѣтели... Чувство состраданія къ чужому несчастью, вложенное въ человѣка уже самой природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило, такимъ образомъ, новое торжественное освященіе и сейчасъ же отозвалось на народномъ творчествѣ. По народному представленію, Спаситель и теперь, какъ нѣкогда во время земной своей жизни, ходитъ по землѣ подъ видомъ убогаго—онъ испытываетъ людское милосердіе, наказываетъ жестокихъ, корыстолюбивыхъ и скупыхъ, награждаетъ сострадательныхъ и добрыхъ. Темой для этихъ ле-

Христіанскій идеализмъ въ легендахъ.

вендъ послужило то мѣсто изъ Евангелія отъ Марка, гдѣ приведены слова Бога-судьи на страшномъ судѣ: „Взалкахся бо—и дасте ми ясти, возжаждахся и напоисте мя, страненъ бѣхъ—и введосте мя, нагъ—и одѣясте мя"... и далѣе: „Понеже сотворили единому сихъ братій моихъ меньшихъ—Мнѣ сотвористе". Къ легендамъ этого содержанія относятся у Афанасьева: „Марко богатый", легенды: „Чудо на мельницѣ", „Бѣдная вдова", „Исцѣленіе", „Пиво и хлѣбъ", „Христовъ братецъ" и др.

Для образца, можно привести содержаніе легенды *„Бѣдная вдова"*: „Бѣдная вдова".

«Странствовалъ Христосъ по землѣ съ 12-ю апостолами. Богатый мужикъ ихъ не принялъ—они остановились у бѣдной вдовы. «Чѣмъ же мнѣ покормить васъ, родимые?» говоритъ вдова, «всего на всего есть у меня махонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка и молочка нѣтуть, все жду — вотъ отелится... не взыщите на хлѣбѣ-на-соли!».—«И, бабушка, сказалъ Спаситель, не кручинься—всѣ будемъ сыты. Давай, что есть—мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога». Хлѣба оказалось очень много, а горсточка муки обратилась въ такое количество, что и послѣ обѣда у вдовы оказалось ея довольно».

Къ этой легендѣ примыкаетъ цѣлый рядъ аналогичныхъ. Этимъ легендамъ посчастливилось и въ изящной литературѣ: у Льва Толстого, у Лѣскова, у многихъ др. писателей найдемъ мы развитіе этихъ темъ. Прохожій, принятый гостепріимно и приносящій счастье дому—это теперь общее мѣсто нашей беллетристики. Какъ часто бываетъ съ избитыми темами, и эта теперь спустиласъ въ дѣтскую литературу. Очевидно, къ этому типу легендъ относится вся „морализующая" сказка. Языческій эпосъ равнодушенъ къ высокимъ идеямъ торжества добродѣтели,—онъ склоненъ восхвалять только силу, ловкость, хитрость. Легендарные мотивы въ изящной литературѣ.

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ легендамъ болѣе низкаго порядка, т. е. такимъ, въ которыхъ мы напрасно стали бы искать высокій идеализмъ легендъ перваго типа. Передъ нами лица, взятыя изъ Св. Писанія, но уже совершенно утратившія библейскія и евангельскія черты. Для примѣра, можно привести, хотя бы, легенду объ Ильѣ и Николѣ.

Одинъ мужичекъ почиталъ очень Николу и пренебрегалъ Ильей. «Николѣ Угоднику и молебенъ отслужитъ, и свѣчку поставитъ, а про Илью Пророка и думать забылъ». Илья рѣшилъ мстить. Разъ идутъ Илья и Николай полемъ этого мужика, Николай мужика хвалитъ. Илья ругаетъ. «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай!», говоритъ Никола. «Да и мужикъ-то, право, хорошій, добрый, набожный, Бога помнитъ и святыхъ знаетъ! Къ Легенда о свв. Николѣ и Ильѣ.

рукамъ добро достанется!»—«Какъ спалю я молніей, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ твой мужикъ правду знать, да Ильинъ день почитать». Никола угодникъ сейчасъ же посовѣтовалъ мужику продать на корню ниву *ильинскому* батюшкѣ. Илья пророкъ, по невѣдѣнію, спалилъ всю ниву своего же священнослужителя. Идутъ опять угодники полемъ; Илья и говоритъ: «посмотри, каково я разорилъ мужиково поле!»—«Мужиково? Нѣтъ, братъ, разорилъ ты хорошо, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково!»—«Какъ попа?»—«Да такъ, мужикъ, съ недѣлю будетъ, какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги всѣ сполна получилъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ!» Илья-пророкъ придумываетъ разныя козни мужику, но Никола предупреждаетъ все время своего любимца. Наконецъ, св. Илья догадался, что его пріятель выдаетъ его секретные планы мужику, и задумалъ нѣчто, о чемъ уже не сказалъ Николаю. Тогда тотъ пустился на хитрости и научилъ мужика разыграть слѣдующее: купить двѣ свѣчи, рублевую и копеечную, и, при встрѣчѣ съ Ильею, сказать, что рублевую свѣчу онъ несетъ Ильѣ, а копеечную—Николѣ. Илья, услышавъ, что его чествуютъ выше Николы, былъ вполнѣ удовлетворенъ и пересталъ преслѣдовать мужика. Эта легенда вводитъ насъ въ глубь того двоевѣрія, которое старые языческіе мотивы объ умилостивленіи боговъ жертвой, органически соединило съ именами дѣятелей новой религіи.

Отраженіе легендъ на народномъ творчествѣ.

Къ этому же разряду произведеній относятся и тѣ, которыя возникли помимо Св. Писанія, подъ вліяніемъ книгъ вообще. Апокрифъ „Хожденіе въ адъ и рай"—отразится въ легендѣ, въ похожденіяхъ разныхъ героевъ, скомороховъ, бражниковъ, солдата въ аду и раю. Ходячій сюжетъ о борьбѣ витязя со смертью, захвативъ имя своего героя изъ героической поэмы о Девгеніи Аникитѣ (непобѣдимый) измѣнитъ на русской почвѣ своего витязя на Анику-воина, а потомъ на солдата [1]). Чудо Іоанна Новгородскаго, заключившаго бѣса въ рукомойникъ и летавшаго на немъ въ Іерусалимъ, также обратится въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ карикатуру на простоватаго бѣса (ср. Гоголь „Ночь передъ Рождествомъ").

Переходъ житій въ народное творчество.

Житія пустынножителей, попавъ въ обиходъ народной фантазіи, то же мало-по-малу теряли аскетическій характеръ: отпадало все созерцательное, выдвигалось все реальное. Если въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ мы видѣли уже нѣсколько-юмористическое отношеніе къ бѣсу, то этотъ элементъ юмора въ сказкѣ разростается засчетъ подвижничества святыхъ. Въ многихъ произведеніяхъ житійной литературы святые не только борются съ бѣсомъ, но порою мирно бесѣдуютъ съ нимъ. Этотъ образъ пустынника, бесѣдующаго съ чертями, много разъ встрѣтится намъ въ легендахъ.

[1]) Мрачный колоритъ основного произведенія смѣнится веселыми тонами шутовскихъ продѣлокъ солдата.

Обыкновенно, бѣсы оказываются наивны, болтливы, попадаютъ впросакъ. Побѣда надъ ними уже одерживается не во имя Бога, а просто благодаря житейской сметкѣ, сообразительности, лукавству...

Такъ постепенно спускается народная фантазія отъ небесъ къ землѣ; скоро и поблѣднѣвшій образъ пустынника смѣнится тѣмъ лицомъ, которому лукавство болѣе подходитъ,—явится солдатъ, вездѣ бывалый, никогда не теряющійся, все испытавшій... Чортъ, съ его, слишкомъ мелкимъ, мошенничествомъ смѣнится въ сказкѣ евреемъ, цыганомъ. Эта эволюція легенды, дойдя до потери библейскихъ лицъ и событій, сольется уже съ тѣмъ теченіемъ, которое пойдетъ отъ развитія свѣтской повѣсти, оригинальной и, особенно, переводной, спустившейся въ народъ.

Духовные стихи, ихъ происхожденіе.

§ 33. *Духовные стихи* [1]). Апокрифы особенно ясно сказались на народной поэзіи появленіемъ „духовныхъ стиховъ". Размѣръ стихотворный, образы и богатство поэтическихъ пріемовъ были у народа выработаны вѣками,—христіанство дало народному творчеству новое содержаніе, къ которому густо пристали остатки древнихъ языческихъ вѣрованій, — въ результатѣ и сложился этотъ новый эпосъ, носителями котораго у насъ были „калики"-перехожіе, бродившіе изъ конца въ конецъ широкой матушки-Россіи. Значеніе духовныхъ стиховъ громадно; по своему религіозному содержанію, они стояли внѣ мелочей текущей дѣйствительности,—они подымали настроеніе, они поучали безграмотнаго вѣрѣ, священнымъ преданіямъ, добру и правдѣ; порою они даже замѣняли молитву, особенно въ „умильныхъ" плачахъ-„назиданіяхъ". Настроеніе большинства этихъ стиховъ глубоко-тоскливое,—въ этомъ сказались основныя настроенія русскаго народа. „Будущее, о которомъ грезитъ фантазія духовныхъ стиховъ, оскорбляемая грустнымъ настоящимъ—не есть дальнѣйшее развитіе жизни, не есть ея обновленіе плодотворно идущею впередъ дѣйствительностью, а безмятежное спокойствіе на лонѣ Авраама, или безвыходное мученіе. Будущаго *на землѣ* нѣтъ,—есть одно тоскливое настоящее, изъ котораго одинъ выходъ—судъ Божій, безъ проволочекъ и безъ исправительныхъ мѣръ" (Буслаевъ). Таково было міросозерцаніе многихъ людей той поры, выработанное русскимъ духомъ при помощи книги. Отсюда—стремленіе уйти отъ міра въ монастырь, отсюда—равнодушіе къ жизни земной, отсюда—отсутствіе инте-

Значеніе ихъ.

Буслаевъ о духовныхъ стихахъ.

Отраженіе народнаго міросозерцанія въ стихахъ.

[1]) Истор. Хрест. I, 127—135.

реса къ политической жизни... Многія черты этого міросозерцанія до сихъ поръ живутъ въ нашемъ народѣ и находятъ у лучшихъ нашихъ писателей блестящее, художественное воплощеніе.

Происхожденіе стихотворной формы въ духовныхъ стихахъ.

Почему прозаическій христіанскій эпосъ отлился у народа въ стихотворную форму,—понять нетрудно,—въ той средѣ, гдѣ нѣтъ еще письменности, память народа выискиваетъ формы, наиболѣе податливыя на запоминаніе. Таковыми, конечно, являются размѣренная рѣчь и постоянные поэтическіе образы. Оттого-то распространеніе письменности, а тѣмъ болѣе печати, убиваетъ народную устную поэзію.

Духовные стихи, на первыхъ порахъ, явились простымъ переложеніемъ популярныхъ апокрифовъ и житій въ стихъ былины, или лирической пѣсни... Отсюда и самые духовные стихи можно дѣлить на *эпическіе* и *лирическіе*. Для примѣра, я остановлюсь на нѣкоторыхъ характерныхъ духовныхъ стихахъ.

„Эпическіе" стихи „объ Егоріи Храбромъ".

Внѣшность Георгія описана, напримѣръ, слѣдующими словами:

«По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
«По локоть руки въ красномъ золотѣ,
«Голова у Егорія вся жемчужная,
«По всемъ Егоріи часты звѣзды.

Передъ нами шаблонное, сказочное изображеніе красавца. Родился онъ въ Іерусалимѣ, но по пѣснѣ оказывается—въ Россіи. Мать его — Софія премудрая, у нея три дочери. Воспитано все семейство въ строго-христіанскомъ духѣ. «Царище Діоклитіанище, безбожный песъ, басурманище», беретъ Іерусалимъ, овладѣваетъ Георгіемъ и его семьей и убѣждаетъ ихъ принять вѣру «латинскую, басурманскую». Св. Георгій отказывается, подвергается всевозможнымъ мученіямъ: его «пилами пилили», «въ топоры рубили», «въ сапоги ковали гвозди желѣзные», «въ котелъ садили и въ смолѣ варили»,—но «ничего Егорію не вредилося». Наконецъ, онъ былъ на тридцать лѣтъ посаженъ въ погребъ, закрытъ досками желѣзными, и засыпанъ песками рудожелтыми. Богородица выводитъ его изъ заключенія,—и Георгій, испросивъ благословеніе у матушки, отправляется путешествовать по землѣ русской, чтобы тамъ «утвердить вѣру христіанскую».

Мать собираетъ его въ путь и говоритъ:

«Ты поди далече во чисты поля:
Ты возьми коня богатырскаго
Со вострымъ копьемъ со булатныимъ
И со книгою со Евангеліемъ...»

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, какъ тѣсно сплелись въ народномъ воображеніи могучіе народные богатыри съ тѣми священными обра-

зами, которые сумѣли плѣнить народъ мощью своего духа. Егорій ѣдетъ въ русскую землю,—

«Святую вѣру утверждаючи;
Наѣзжалъ на лѣса дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися».

Наѣзжалъ онъ далѣе на непроходимыя горы, и рѣки, на стада звѣрей.—Молитвой Егорія русская земля пришла въ порядокъ.

Любопытно описаніе, хотя бы, дремучихъ лѣсовъ, непроходимыхъ дебрей неустроенной Руси, свидѣтельствующее о томъ, что народъ, отъ своихъ „постоянныхъ эпитетовъ“ и „общихъ мѣстъ“, сталъ переходить уже къ изображенію дѣйствительности. Затѣмъ невольно чувствуется во всемъ произведеніи глубокое настроеніе народа, сознавшаго свой культурный ростъ. Сравненіе этихъ стиховъ съ былиной объ Ильѣ, въ которой разсказано, какъ онъ чистилъ дорогу отъ Мурома до Кіева,—укажетъ лучше всего, насколько стихи объ Егоріи выше по осмысленности и живости чувства. Наконецъ, въ приведенныхъ стихахъ есть стремленіе къ символу,—не тому безотчетному, какой мы встрѣчаемъ въ народной поэзіи, а къ тому, въ которомъ чуется личное изобрѣтеніе поэта. Егорій—это символъ христіанства, просвѣтившаго дикую Русь. Недаромъ попалъ онъ въ гербъ московскаго царства.

Стихи „Хожденіе Богородицы“.

Высоко-поэтично народное переложеніе въ стихи апокрифа: „Хожденіе Богородицы по мукамъ“. Если оно потеряло много въ томъ колоритѣ мрачной грандіозности, какой наброшенъ на картинѣ ада въ апокрифѣ,—то зато оно выиграло въ задушевности чувства, въ лиризмѣ. Богородица представляется здѣсь еще человѣчнѣе, еще мягче, а вопль грѣшниковъ, потерявшихъ надежду попасть въ рай—полонъ дѣйствительно-яркаго чувства, въ которомъ нѣтъ „общихъ мѣстъ“ безличной народной поэзіи.

Стихи о „Вознесеніи Христа“.

Очень характерны стихи о „Вознесеніи Христа“. Нищая братія расплакалась, видя, что Христосъ ее покидаетъ. Въ утѣшеніе, Христосъ обѣщаетъ нищимъ „гору золотую“. Но Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что сильные и богатые отнимутъ у нихъ золото. Онъ предложилъ лучше дать имъ „имя Христово“, которое ихъ прокормитъ. За мудрый совѣтъ Господь далъ Іоанну прозвище „Златоуста“.

Все это свидѣтельствуетъ о несомнѣнной остротѣ самосознанія,—здѣсь чувствуется горечь обиды на человѣческую несправедливость къ униженнымъ и высокій подъемъ теплой любви

къ Богу, успокаивающій и примиряющій это тоскующее сердце „малыхъ“ людей.

Стихъ о „Голубиной книгѣ“.

Изъ русскихъ „духовныхъ стиховъ“ большой интересъ представляетъ стихъ „о Голубиной книгѣ“. Онъ имѣетъ космогоническій характеръ. Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ; дѣйствующія лица въ разныхъ текстахъ мѣняются [1]), но встрѣчаются, между прочимъ, — пророкъ Давидъ и русскій князь Владиміръ. На это произведеніе большое вліяніе оказали апокрифы (особенно „Бесѣда трехъ святителей“ [2]) и „Іерусалимская бесѣда“). Начинается стихъ съ разсказа о томъ, какъ съ неба упала „великая книга“:

«Долины книга сороку саженъ,
Поперечины двадсяти саженъ.
. . . .
На рукахъ держать,—не сдержать будетъ,
На налой положить Божій,—не уложится.

Много народу собралось къ книгѣ, но никто не смѣетъ къ ней подойти. Наконецъ, подходитъ царь Давидъ.

«До Божьей книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.

Къ Давиду подходитъ князь Владиміръ; онъ задаетъ пророку рядъ вопросовъ: „Отъ чего у насъ начался бѣлый, вольный свѣтъ? отъ чего солнце-красное, младъ-свѣтёлъ-мѣсяцъ, звѣзды частыя, ночи темныя, зори утренни, вѣтры буйные, дробенъ дождёкъ? Отъ чего у насъ умъ-разумъ? Отъ чего кости крѣпкія? Отъ чего тѣлеса наши? Отъ чего кровь-руда наша?“ Давидъ отвѣчаетъ:

«У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ
суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа, Царя Небеснаго;
Младъ-свѣтёлъ мѣсяцъ отъ грудей Его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
Зори утренни отъ очей Господнихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ Самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря».

[1]) Волотъ, Волотоманъ Волотоміръ, Володимеръ. [2]) См. выше, стр. 46.

Цари, по словамъ Давида, произошли отъ главы Адама, князья, бояре—отъ груди; простые люди—отъ колѣна.

Затѣмъ Владиміръ спрашиваетъ:

«Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?
Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати?
Коя трава всѣмъ травамъ мати?
Кое море всѣмъ морямъ мати?
Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?»

Оказывается, что главный царь на свѣтѣ—бѣлый, т. е. русскій, такъ какъ онъ держитъ вѣру богомольную [1]); первый городъ въ мірѣ—Іерусалимъ, такъ какъ въ немъ „пупъ (середина) земли"; первая церковь—Іерусалимскій соборъ; Іордань-рѣка, Ѳаворъ-гора, кипарисъ-древо — названы первыми, такъ какъ связаны были съ жизнью Христа. „Плакунъ-трава" — всѣмъ травамъ мати: когда евреи Христа распяли и святую его кровь пролили, Мать пречистая Богородица по Іисусѣ Христѣ сильно плакала, роняла слезы пречистыя на матушку сыру-землю; отъ тѣхъ слезъ пречистыхъ зародилась плакунъ-трава. Китъ-рыба—всѣмъ рыбамъ мать, потому что на трехъ рыбахъ земля основана.—„Китъ-рыба потронется—вся земля восколеблется..." и пр.

Заканчивается это любопытное произведеніе разсказомъ о томъ, какой сонъ видѣлъ Владиміръ, и какъ разгадалъ его Давидъ. Русскій князь видѣлъ, какъ съ востока и съ запада сошлись два звѣря и стали драться. Давидъ объяснилъ этотъ сонъ такъ:

«Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися:
Это кривда съ правдой сходилися,
Промежду собой они бились, дрались;
Кривда правду одолѣть хочетъ;
Правда кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
Къ Самому Христу, Царю Небесному;
А кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
По всей землѣ, по свѣтъ-русской,
По всему народу христіанскому».

---

[1]) Очевидно, это толкованіе сложилось позднѣе, въ московскій періодъ, когда въ сознаніе русскихъ людей внѣдрилось самомнѣніе.

Происхожденіе этихъ стиховъ. Этотъ духовный стихъ тѣсно примыкаетъ къ апокрифамъ, къ народнымъ повѣрьямъ и къ такимъ сочиненіямъ, какъ Физіологи, Бестіаріи (сборники разсказовъ о чудесныхъ свойствахъ разныхъ животныхъ). Въ „Голубиной книгѣ“ [1]) указываютъ, между прочимъ, слѣды богомильскаго міровоззрѣнія.

„Стихи объ Іоасафѣ“. До какой высокой степени поэтической созерцательности доходило въ духовныхъ стихахъ народное чувство, свидѣтельствуетъ въ „стихахъ объ Іосафѣ“ бесѣда юнаго царевича съ природой,— „съ прекрасною матерью“. Она отговариваетъ юношу отъ уединенія:

«Не жить тебѣ во пустынѣ,—
Придетъ мать весна-красна,
Лузья-болота разольются,
Древа листами одѣнутся,
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами,—
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь».

На это Іосафъ отвѣчаетъ:

«Во зеленой во дубравѣ
Есть частыя древа;
Со мною будутъ думу думати.
На древахъ есть мелкіе листья,—
Со мной станутъ говорити,
Прилетятъ птицы райскія,
Станутъ распѣвати—
Меня будутъ потѣшати!».

„Думы думать“ съ деревьями, „говорить“ съ мелкими листами—вѣдь это все мотивы новой поэзіи,—вѣдь это значитъ внимать „дольней лозы прозябанью“, слушать ту таинственную сагу, которую лепечетъ „играющій въ оврагѣ ключъ“! Очевидно, для того пѣвца, который пѣлъ стихъ о пустынѣ и переживалъ его высокій лиризмъ, уже миновали времена первобытной жизни „въ природѣ“—уже онъ вырванъ изъ нѣдръ ея, уже онъ съ нею разговариваетъ, чувствуетъ свою близость къ ней, и въ то же время оторванность [2]). Калинычъ и Касьянъ съ Красивой-Мечи, герои „Записокъ Охотника“, переживали, вѣроятно, тѣ чувства, которыми проникнутъ цитованный стихъ.

„Лирическіе“ духовные стихи. Очень характерны также стихи: „Плачъ земли“, „Прощаніе души съ тѣломъ“, „Плачъ души грѣшной“, „О грѣшной

[1]) „Голубиная книга“,—вѣроятно, „глубинная“—глубокая по смыслу, философская. О богомольствѣ см. выше, стр. 26.

[2]) См. въ 1-мъ вып. І-й части главу: „Природа и поэзія“ (стр. 11—12).

душѣ" [1]). Въ эпической формѣ, иногда переходящей въ діалогъ, выражены лирическія настроенія души, углубленной самопознаніемъ, знающей свои раны... Эта психологія, это умѣніе вслушиваться въ голосъ совѣсти,—все это признаки пробужденія личности. Христіанство вездѣ способствовало этому,—оно отъ внѣшняго міра вело человѣка въ міръ внутренній; оно говорило человѣку, что „царство Божіе внутри его", заставляло искать это царство въ своей душѣ, и вело его къ самопознанію. Самая форма указанныхъ стиховъ,—эпическая въ видѣ діалога, или монолога,—тоже поэтическое новшество въ русской народной поэзіи, говорящее, какъ разъ, о пробужденіи личности, о потребности вслушаться въ голосъ своего тѣла и души, вслушаться въ голосъ земли, плачущей о грѣхахъ людей.

§ 34. Къ произведеніямъ свѣтскимъ XIII — XIV вв. относятся лѣтописи, историческія повѣсти. Любопытны также передѣлки нѣкоторыхъ повѣстей, переведенныхъ еще въ кіевской Руси. Такъ, повидимому, въ эту эпоху популярностью пользовалась „Александрія", по крайней мѣрѣ старый переводъ этой повѣсти теперь подвергся интересной русской передѣлкѣ. Нашъ книжникъ пополнилъ основной текстъ разными подробностями, взятыми изъ различныхъ книжныхъ источниковъ: бесѣду Александра съ блаженными людьми „рахманами" онъ расширилъ, взявъ новыя подробности изъ сочиненія Палладія: „О Рахманахъ", а также изъ „Хожденія Зосимы къ Рахманамъ" (Истринъ). Очевидно, существованіе гдѣ-то „страны блаженныхъ" интересовало русскаго человѣка, въ эту эпоху, когда возникла мысль о концѣ міра, назрѣлъ вопросъ о земномъ раѣ.—Отличалась эта „вторая редакція" „Александріи" и нѣкоторыми фантастическими подробностями: такъ, напримѣръ, внесены разсказы о полетахъ Александра на крылатыхъ звѣряхъ, о путешествіи его въ подводное царство и др. Оба эти прибавленія взяты изъ восточныхъ сказаній. Любопытно также, что русскій книжникъ придалъ всей повѣсти поучительный характеръ: великъ былъ Александръ,—испыталъ даже морскую глубину и небесную высоту, а смерти не избѣжалъ. Такая безотрадность міросозерцанія очень характерна для показанія тревожныхъ настроеній той эпохи.

Историческія повѣсти.

„Александрія".

Извѣстно было въ эту эпоху любопытное „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ"—о какой-то далекой невѣдомой странѣ, гдѣ всѣ счастливы. Интересъ къ „Сказанію" объясняется не однимъ любо-

„Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ".

---

[1]) Такіе „плачи" встрѣчаются и въ „житіяхъ" (см. выше, стр. 107—8).

нитствомъ русскихъ людей, но и тѣмъ чувствомъ неудовлетворенности дѣйствительностью, которое заставляетъ всѣхъ мечтать о счастьи, осуществимомъ на землѣ въ какой-то далекой, невѣдомой странѣ.

Лѣтопись; отличіе ея отъ „первоначальной".

§ 35. *Лѣтопись*. Русскія лѣтописи этого періода отразили полно на себѣ интересы и настроенія сѣверной Руси. Вотъ почему, по характеру своему, онѣ отличны отъ „лѣтописи первоначальной". Прежде всего, въ нихъ поражаетъ насъ отсутствіе живости и разнообразія интересовъ, потеря сознанія единства русской земли [1]), исключительность мѣстныхъ стремленій, порою затемняющая даже безпристрастіе. Особенно замѣтно это сказывается, когда составителямъ различныхъ „мѣстныхъ" лѣтописей приходится говорить о событіяхъ, интересы къ которымъ у нихъ діаметрально-противоположны; каждый стоитъ за своихъ князей, оправдываетъ ихъ, пропускаетъ одни событія, подчеркиваетъ другія... Къ неудачамъ южныхъ князей лѣтописецъ Лаврентьевской относится даже со злорадствомъ: „Мстиславъ побѣжалъ, гонимый гнѣвомъ Божіимъ... А Всеволоду помогъ Богъ и св. Богородица". Это участіе Бога и Богородицы въ дѣлахъ суздальскихъ, и дьявола—въ дѣлахъ князей враждебныхъ—общее мѣсто въ Лаврентьевской лѣтописи. Говоря о враждѣ князей рязанскихъ противъ Всеволода, лѣтописецъ сообщаетъ: „возстановилъ вражду дьяволъ, искони ненавидящій добро и борющійся съ хотящими спастися, какъ въ прежніе дни Каина на Авеля, брата своего...". Преклоняясь передъ Всеволодомъ, лѣтописецъ не щадитъ ни епископовъ, ни святого Михаила Черниговскаго, если они шли противъ интересовъ дорогого ему князя. Курьезно разсказано о побѣдѣ надъ св. Довмонтомъ Псковскимъ: „помогъ Богъ *христіаномъ*: великаго князя Довмонта убили, иныхъ взяли въ плѣнъ". Зато Всеволодъ всегда оказывается правымъ, всегда именуется „правовѣрнымъ", „христолюбивымъ", „ненавидящимъ кровопролитіе", „великимъ" и пр. Очень внимательно слѣдитъ лѣтописецъ за событіями княжеской семьи, отмѣчаетъ ея радости и печали. Такимъ образомъ, эта лѣтопись нетолько не „всероссійская", какъ „первоначальная", а скорѣе мѣстная, даже отчасти „придворная".

Отсутствіе безпристрастія.

Стиль этихъ лѣтописей.

Особенностью стиля этой лѣтописи является приверженность къ изреченіямъ изъ Св. Писанія. Часто безъ нужды берутся оттуда цитаты, сравненія, примѣры—иногда совершенно некстати. Напр. „Константинъ, извѣщенный отцомъ, скоро пошелъ со

---

[1]) Это сознаніе сохранилось только въ лѣтописныхъ сводахъ.

всѣми силами и дождался отца въ Москвѣ, какъ сказалъ приточникъ: „и сынъ быхъ послушливъ отцу и возлюбленъ предъ лицомъ матери своея; сынъ благоразумный послушливъ отцу, сынъ же непокорный въ погибель и плода праведнаго снѣсть“. „Константинъ встрѣтился съ отцомъ и поцѣловался съ радостью великою, какъ сказалъ приточникъ: „сынъ разумливъ,—чтя отца, возвеселитъ душу свою“. Подобныя размышленія и сентенціи лѣтописи общи, холодны и натянуты. Живая, картинная рѣчь „первоначальной лѣтописи“ изсякла теперь безъ возврата: даже слѣдовъ ея не найти въ этихъ искусственно-склеенныхъ, вялыхъ, витіеватыхъ и бездушныхъ фразахъ.

Падаетъ государственное пониманіе русской жизни, пониманіе св. книгъ (несмотря на бо̀льшее пользованіе ими), и та эстетическая чуткость кіевской Руси, которая знала строгія красоты стиля и о̀бразовъ. Въ этомъ отношеніи лѣтопись Галицко-Волынская вѣрнѣе сохранила литературныя традиціи „лѣтописи первоначальной“.

Лѣтописи новгородскія. Лѣтописи новгородскія отразили жизнь, болѣе сложившуюся, болѣе опредѣленную и характерную,—оттого, не сохранивъ въ себѣ духа южныхъ лѣтописей, новгородскія, однообразныя и сухія по содержанію, однако, въ литературномъ отношеніи, представляютъ собой нѣкоторый интересъ. Это—дѣловыя записи, сдѣланныя языкомъ старымъ, порою чисто-народнымъ, всегда яснымъ и точнымъ, безъ потугъ на витійство и назидательность. Интересы внутренней политической жизни города, отношеніе населенія къ мѣстному духовенству и князьямъ, торговыя сношенія, цѣны на товары и т. п.—вотъ, любимыя темы новгородскихъ лѣтописей. Любопытно, что въ этихъ лѣтописяхъ жизнь предстала съ обратной, отрицательной стороны: въ то время, какъ южныя лѣтописи предпочитаютъ говорить о добродѣтеляхъ князя, о событіяхъ радостныхъ, лѣтописцы сѣверные съ особымъ вниманіемъ останавливаются на явленіяхъ отрицательныхъ. Затѣмъ, въ этихъ лѣтописяхъ гораздо больше отведено мѣста разнымъ баснословнымъ разсказамъ,—очевидно, ясность вѣры темнѣла, и сумрачное суевѣріе замѣняло ее въ сердцахъ русскихъ людей. Причинъ событій лѣтописецъ не любитъ отыскивать,—онъ сообщаетъ лишь факты: напр., „утонули два попа, и не далъ епископъ надъ ними пѣть“. Причины запрета не выяснены. Другой примѣръ: „навожденіемъ дьявольскимъ, возстала простая чадь на архимандрита Іосифа, и сотворила вѣче, заперли Іосифа въ церкви св. Николы, и сидѣли

около церкви день и ночь крамольники, стерегли его,— если кто подъ другомъ яму копаетъ, самъ упадетъ въ нее". Въ этихъ примѣрахъ мы видимъ конспективное изложеніе событій, безъ того внимательнаго обсужденія ихъ, какое мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ южныхъ, и безъ расплывчатости и тусклаго витійства, какое утомляетъ насъ въ лѣтописи Лаврентьевской. Впрочемъ, нѣкоторыя картины и событія нарисованы въ Новгородской лѣтописи сильно и выразительно (напр. голодъ 1230 г.); сжатость выраженій усиливала эту выразительность. Много въ лѣтописи пословицъ. Лиризмъ автора сказался въ восклицаніяхъ и вопросахъ, съ которыми онъ обращается къ читателю. Напр.: „о, велика скорбь въ людяхъ и нужда!.." „о, великъ, братья, промыслъ Божій! И кто, братіе, не поплачетъ изъ оставшихся въ живыхъ?" и нр. [1]).

Историческія повѣсти.

§ 36. *Историческія повѣсти.* Въ сѣверныхъ лѣтописяхъ встрѣчаются вставленными цѣлыя повѣсти историческаго содержанія. Очевидно, онѣ сложились помимо лѣтописца,—онъ лишь воспользовался ими. Таковы, напримѣръ: „Повѣсть о Калкскомъ побоищѣ", „Объ Евпатіи Коловратѣ и разореніи Рязанской земли", „Сказаніе о нашествіи Батыя", „Повѣсть о Тахтамышевомъ нашествіи" и др. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей носятъ на себѣ слѣды несомнѣннаго народнаго творчества (напр. первыя двѣ),—другія болѣе фактическаго свойства.

„Повѣсть о Калкскомъ побоищѣ".

«*Повѣсть о Калкскомъ побоищѣ*» начинается съ разсказа о появленіи невѣдомаго народа—татаръ. Затѣмъ повѣсть сообщаетъ намъ свѣдѣнія о богатырѣ Александрѣ Поповичѣ и его дружинѣ «70 храбрыхъ». Онъ принималъ участіе въ битвѣ при р. Калкѣ и былъ убитъ со всѣми своими витязями. Эту повѣсть связываютъ съ былиною: «Какъ перевелись богатыри на Руси»—тѣ же таинственные, непобѣдимые своей численностью враги—съ одной стороны,—та же русская самонадѣянность, на которую жалуется авторъ повѣсти—съ другой.

„Повѣсть объ Евпатіи Коловратѣ".

«*Повѣсть объ Евпатіи Коловратѣ*» разсказываетъ намъ о разореніи Рязанской земли и о гибели кн. Ѳедора и жены его Евпраксіи, которая, узнавъ о смерти мужа и не желая попасть въ руки татаръ, бросается съ башни. Рязанскій богатырь Евпатій, пребывавшій временно въ Черниговѣ, узнавъ о разореніи его родины, возвращается спѣшно туда, и съ небольшой дружиной удальцовъ гонится за татарами, нападаетъ на нихъ и погибаетъ геройской смертью. Батый съ почтеніемъ отзывается о немъ.

---

[1]) Къ этому же періоду относится, такъ называемая, „Радзивиловская лѣтопись" (лѣтописецъ переяславско-суздальскій). Произведеніе интересно тѣмъ, что своими иллюстраціями дало основаніе утверждать о возможности вліянія запада на суздальскую Русь XIII вѣка.

Повѣсть любопытна поэтическимъ колоритомъ; на стилѣ ея (особ. на описанiи боя) замѣтно влiянiе «Слова о полку Игоревѣ».

„*Повѣсть о нашествiи Тактамыша на Москву*". («О плѣненiи и прихожденiи Тактамыша—царя и о Московскомъ разоренiи» [1]). Начинается повѣсть разсказомъ о появленiи кометы. Слѣдуетъ живое изображенiе городской сумятицы, когда князь, въ виду приближенiя татаръ, оставилъ городъ. Сообщены даже детали, какъ пьяные московскiе разбойники дразнили со стѣнъ татаръ. Затѣмъ татары обманомъ вошли въ городъ. Рѣзня въ городѣ описана ярко и подробно.—«Бысть внутрь града сѣча велика,—толико же сѣчаху, яко и рукы ихъ, и плеща ихъ измолокша, и сила ихъ изнеможе, саблямъ же ихъ острья притупишася. Людiе християньстiи, суще въ градѣ, бѣгающе по улицамъ сѣмо и овамо скоро рыщюще толпами, вопiюще вельми и глаголюще, бiюще въ перси своя: «нѣсть, гдѣ избавленiя обрѣсти и нѣсть, гдѣ смерти убѣжати, и нѣсть, гдѣ, острiя меча укрытися; оскудѣ князь и воеводы ихъ и все воинство ихъ потребися, и оружiя ихъ до конца исчезоша... (убiйства совершаются въ церквахъ, грабежи). Вездѣ же крикъ и вопль великъ и страшенъ бываше и яко не слышати другъ друга, вопiюща, множеству народу кричащю... Бяше бо дотолѣ прежде видѣти градъ Москва великъ и чюденъ, градъ многочеловѣченъ, въ немже множество господства, въ немже множество всякого узорочья, и въ томъ часѣ измѣнися видѣнiе его, егда былъ взятъ и посѣченъ, и пожженъ, и нѣчего его видѣти, развiе токмо земля и персть, прахъ и пепелъ, трупiя мертвыхъ многiе лежаща, и святыя церкви стояща, аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши; плачется церковь о чадѣхъ церковныхъ, паче же о избiенныхъ, яко матерь о чадѣхъ плачющися: «о, чада церковная! о страстотерпцы избiенiи, иже нужную кончину подъясте, иже нужную смерть претерпѣстѣ отъ огня и меча!» [2]) Отъ поганыхъ насильства церкви стоятъ, не имуще лѣпоты, ни красоты. Гдѣ тогда красота церковная? Гдѣ благочестiе? благосостоянiе церковное? Гдѣ четцы и пѣвцы? Гдѣ клиросницы, церковницы? Гдѣ суть ереи, священницы, служащiе Богу день и нощь?—всѣ лежатъ, всѣ уснуша и почиша, всѣ посѣчены быша и избiени быша, усѣченiемъ меча умроша. Нѣсть позвоненiя въ колоколы, ни въ било, нѣсть зовущаго, ни текущаго не слышати въ церквахъ гласа поюща, не слышати славословiя и хвалословленiя...» и пр.

„Повѣсть о нашествiи Тактамыша".

§ 37. *Воинскiя повѣсти.* Старый дружинный эпосъ уже не былъ созданiемъ одного народа— онъ принадлежалъ творчеству личности, начинающей выходить изъ общихъ настроенiй воинской дружины. Вотъ почему произведенiя, какъ „Слово о полку Игоревѣ", по своему происхожденiю — полународныя, полукнижныя. Тѣсно примыкая къ поэтикѣ народной, они уже знаютъ книжные прiемы,—тотъ искусственный риторизмъ, который опирался на влiянiе сочиненiй переводныхъ, принадлежащихъ литературамъ болѣе раз-

Воинскiя повѣсти; ихъ происхожденiе.

---

[1]) Истор. Христ. I, 248.
[2]) „Плачъ" церкви, ср. стр. 127 (прим. 2).

витымъ. Ученые полагаютъ, что многія иностранныя произведенія, содержащія разсказы о воинскихъ дѣлахъ, могли быть даже переведены въ средѣ „дружинниковъ“, какъ людей, особенно заинтересованныхъ произведеніями такого „воинскаго“ содержанія. Такъ, „Повѣсть Іосифа Флавія о взятіи Іерусалима“, по стилю своему, напоминающая „Слово о полку Игоревѣ“, была, по мнѣнію этихъ ученыхъ, у насъ на Руси переведена именно въ средѣ дружинной. Романъ о Дигенисѣ, тоже примыкающій своимъ стилемъ къ „Слову“, относится къ этому же разряду книгъ. Такимъ образомъ, „Слово о полку Игоревѣ“ было лишь выраженіемъ этой литературной школы дружинниковъ. Поэтическія традиціи этой „школы“ были занесены на сѣверъ, поблекли здѣсь, какъ все занесенное съ юга, но не умерли и дожили до татарскаго нашествія, пережили его, выразившись въ нѣсколькихъ повѣстяхъ-поэмахъ, и дожили до XVII вѣка въ длинной цѣпи, такъ называемыхъ, *воинскихъ повѣстей*.

Ихъ характеръ. „Воинскія повѣсти“ составляютъ отдѣльный литературный родъ, который выработалъ себѣ цѣлую группу „постоянныхъ формулъ“. Примыкая одинаково къ устному творчеству и къ письменному, этотъ жанръ зналъ „общія мѣста“ въ обѣихъ областяхъ творчества,—оттого „у сказителей и у книжниковъ выработался извѣстный художественный шаблонъ, который служилъ имъ готовою канвою для того, или иного сюжета“ (Орловъ),—въ лѣтописяхъ каждый бой описывался въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, напримѣръ. Уже съ XII в. опредѣлились книжный и народно-поэтическій типы этихъ повѣстей.

Совершенно справедливо указываетъ г. Орловъ на значеніе татарскаго нашествія, которое подняло настроеніе массы, усилило религіозную стихію въ жизни и въ этихъ „воинскихъ повѣстяхъ“. Такъ сложился мотивъ о заступничествѣ божественной силы, помощи Богородицы и ангеловъ, знаменіяхъ отъ св. иконъ. Татары описываются мучителями, русскіе выставлены мучениками, подвижниками.

„Общія мѣста“ въ нихъ. Можно привести нѣсколько «общихъ мѣстъ» изъ этихъ повѣстей. Прежде всего картина боя («соступишася и бысть сѣча зла»; «за руки емлюще, ся сѣчаху»; «ломъ копейный и стукъ оружія»; «громъ и молнія, блескъ оружія», «земля потрясается, стонетъ, тутнетъ»); изображеніе многочисленности войскъ; стрѣлы и камни идутъ, какъ дождь, и омрачаютъ свѣтъ; бойцы не видятъ, не узнаютъ другъ друга; не слышатъ другъ друга; кровь лилась по удольямъ, какъ рѣка; бойцы не чувствуютъ ранъ, падаютъ, какъ деревья, или снопы; посѣкаются, какъ трава, или колосья;

мостъ изъ труповъ; въ трубы вострубиша; выраженіе усталости, изнеможеніе и отчаяніе; образы звѣрей и птицъ въ боевыхъ описаніяхъ; предзнаменованія; помощь небесныхъ силъ (Орловъ).

Къ „воинскимъ повѣстямъ“ могутъ быть отнесены такія произведенія, какъ „*Слово о погибели русской земли*“ [1]), повѣсти, посвященныя Куликовской битвѣ и пр.

„Слово о погибели русской земли“.

Начинается «Слово» съ широкимъ аккордовъ восхваленія старой Руси, далекихъ временъ «стараго Владимира» (Мономаха); авторъ говоритъ объ естественныхъ богатствахъ родины, о былой славѣ ея:

«О, свѣтло-свѣтлая
И украсно украшена
Земля руськая!»

Далѣе авторъ рисуетъ ширину тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ раскидывалась старая Русь. Тогда половцы трепетали передъ Русью и покорны были Владимиру, именами русскихъ князей пугали своихъ дѣтей. Литва не смѣла выглядывать изъ болотъ. Венгры строили укрѣпленія, опасаясь русскихъ, только нѣмцы весело и радостно веселились, не боясь Мономаха, такъ какъ защищены были моремъ. Предъ именемъ Мономаха трепетали византійцы. (Царемъ Византіи называется Мануилъ—былинный Этмануйло Этмануйловичъ, Мануилъ Ягайловичъ). Кончается это воспоминаніе о быломъ величіи и красотѣ Руси изображеніемъ тяжелаго положенія ея во время княжескихъ междоусобицъ, наканунѣ татарскаго нашествія. Это время авторъ называетъ «болѣзнымъ».

Отрицать художественность и силу этого отрывка нельзя; настроеніе его аналогично тому, какимъ воодушевлено было „Слово о полку Игоревѣ“. Авторъ—переяславецъ (въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ).

Повѣсти о Куликовской битвѣ. Редакцій этого произведенія ученые насчитываютъ четыре: 1-я—*лѣтописная*, краткая, не отличающаяся особыми литературными достоинствами. 2-я—*народно-поэтическая*—близкое подражаніе „Слову о полку Игоревѣ“, и носящая, обыкновенно, названіе „Задонщины“. Это—издѣліе рукъ книжника, нечуждаго эстетическаго чутья, но лишеннаго творчества и оригинальности. 3-я редакція—*сводная*. Распространяя лѣтописное сказаніе цѣлымъ рядомъ фактовъ и подробностей, очевидно, старательно собранныхъ, составитель украсилъ мѣстами свой разсказъ поэтическими вставками, взятыми изъ „Задонщины“ и „Слова о полку Игоревѣ“. Наконецъ, 4-я редакція, стоящая въ сторонѣ отъ перечисленныхъ трехъ,—это та, которая

Повѣсти о Куликовской битвѣ; ихъ редакціи.

[1]) Истор. Христ. I, 247.

вошла въ „Слово о житіи Дмитрія Донскаго". Это — краткій разсказъ о Куликовской битвѣ, не находящійся ни въ какихъ литературныхъ отношеніяхъ съ первыми тремя редакціями.

Лѣтописное сказаніе отличается искусственностью, книжностью. Анахронизмовъ въ немъ нѣтъ, замѣчается стремленіе къ точности мѣста и времени. Поэтическій элементъ отсутствуетъ, или замѣненъ книжнымъ: вмѣсто „плача боярынь" помѣщенъ эпизодъ съ плачущей Рахилью. Введенъ въ изобиліи элементъ религіозный и, обычная въ лѣтописи, ругань по адресу татаръ, а, заодно, и по адресу Олега Рязанскаго, измѣнившаго общему дѣлу.

„Задонщина". Приступъ.

Задонщина [1]). Приступъ произведенія очень искусственный: «Поидемъ, братіе, въ полуночную страну, жребій Афетовъ, сына Ноева, отъ него же родися Русь преславная! Оттолѣ взыдемъ на горы кіевскія, и посмотримъ съ ровнаго Днѣпра по всей землѣ Русской, и оттолѣ на восточную страну, жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родишася Хиновя, поганые татаровя, бусурмановя». Затѣмъ вкратцѣ пересказана исторія «злыхъ временъ татарщины» отъ битвы при Каялѣ до Мамаева побоища. Затѣмъ авторъ приглашаетъ всѣхъ возславить битву Куликовскую: «Снидемся, братія и други, и сынове русскіе, составимъ слово къ слову, возвеселимъ русскую землю!». Далѣе выдвигаются два главныхъ героя, одержавшіе побѣды, Дмитрій Донской и Владиміръ Андреевичъ. Авторъ, уподобляясь автору «Слова о полку Игоровѣ», собирается пѣть «по дѣломъ и по былинамъ», хотя и онъ не можетъ не помянуть Баяна: «Не проразимся (не увлечемся) мыслію, но помянемъ первыхъ лѣтъ времена; восхвалимъ вѣщаго Бояна [2]), въ городѣ Кіевѣ горазда гудца. Той бо вѣщій Боянъ, воскладая свои золотые персты на живыя струны, пояше славу русскіимъ княземъ...». Затѣмъ, онъ поминаетъ еще какого-то мѣстнаго пѣвца рязанца Софонія.

Сборы войска.

Слѣдуя въ планѣ «Слову о полку Игоревѣ», авторъ переходитъ къ поэтической характеристикѣ русскихъ участниковъ боя. Описывая сборы московской рати, онъ обращается къ жаворонку, называетъ его «красныхъ дней утѣхой», зоветъ его взлетѣть подъ облака и оттуда смотрѣть на сборы русскихъ воиновъ: «кони ржутъ на Москвѣ; бубны бьютъ на Коломнѣ; трубы трубятъ въ Серпуховѣ; звенитъ слава по всей землѣ русской»—такъ передѣлываетъ онъ «Слово о полку Игоревѣ». «Чудно стязи стоятъ у Дону Великаго, пашутся хоругови берчаты, свѣтятся калантыри злачены». Далѣе изображается суматоха въ Новгородѣ,—горе гражданъ, что они не успѣютъ привесть на помощь своихъ войскъ. Рѣчь Дмитрія къ сподручнымъ князьямъ взята изъ «Слова о полку Игоревѣ» и совершенно некстати: «Братьица моя милая, русскіе князи! гнѣздо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюда есмя были, братіе,

---

1) Истор. Христ. I, 242.

2) Въ спискѣ XV в. (изд. Срезневскаго)—Бояна; въ спискѣ XVII (изд. Ундольскаго) „Бояна" вм. Бояна—очевидно, неудачное осмысленіе слова, значеніе котораго

никуда не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречету, ни тому псу поганому Мамаю». Авторъ, словно, забылъ о татарскомъ игѣ.

Къ соловью обращается авторъ съ просьбой «выщекотать» (возславить пѣніемъ) двухъ Ольгердовичей, которые «подъ трубами повиты, подъ шеломы взлелѣяны.., съ востраго меча поены». Приведены ихъ рѣчи: «сядемъ, брате, на свои борзы комони, испіемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстраго Дону» и т. д. «Уже бо, брате, стукъ стучитъ и громъ гремитъ въ славнѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучитъ, ни громъ гремитъ: стучитъ сильная рать великаго князя Дмитрія Ивановича». Этотъ искусственно-народный оборотъ, до нѣкоторой степени, отразившій стиль «Слова о п. Игоревѣ», очень нравится автору «Задонщины»,—онъ повторяетъ его нѣсколько разъ. Подражаніе «Слову о п. Игоревѣ» сказалось и въ манерѣ распредѣлять матеріалъ. Въ «Словѣ» матеріалъ разбросанъ,—авторъ перелетаетъ отъ одного сюжета къ другому, отъ одной картины къ другой, и, въ общемъ, эти «перелеты» полны красоты и ширины размаха,—это, дѣйствительно, ширяніе встревоженнаго орла подъ облаками,—въ Задонщинѣ этотъ характеръ распредѣленія матеріала производитъ впечатлѣніе безсвязнаго нанизыванія фактовъ, такъ какъ между безпорядочно-соединенными образами не чувствуется присутствія того единаго духа, который воодушевляетъ и соединяетъ собой пестрыя картины «Слова о п. Игоревѣ». Природа поблекла въ «Задонщинѣ»: повторяя образы, взятые изъ «Слова о п. Игоревѣ», авторъ уже не чувствуетъ той внутренней связи, что соединяла эти образы и воиновъ Игоря, и самого князя, и его Ярославну въ одну картину. Авторъ «Задонщины» готовъ вмѣшательство природы объяснять аллегорически: «Сѣріи волцы воютъ на рѣкѣ, хотятъ поступити въ русскую землю. То ти были не сѣріи волцы: придоша поганые татарове». Такое непониманіе настроеній природы обезцвѣтило много картинъ природы. Припомнимъ, какая тревога носится надъ южно-русскою степью наканунѣ битвы съ половцами. Авторъ «Задонщины» перефразировалъ эту картину, желая придать ей другое освѣщеніе,—въ пользу русскихъ, — но съ «настроеніемъ» природы онъ совершенно не справился: «птицы небесныя, пасущеся ту, подъ синія оболака летятъ, ворони граютъ, галицы свои рѣчи говорятъ, орли восклекчутъ, волцы грозно воютъ, лисицы часто брешутъ, чаютъ побѣду на поганыхъ, а ркучи такъ: земля еси Русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломономъ, такъ буди и нынѣча за княземъ великимъ Дмитріемъ Ивановичемъ». Почему въ уста лисицамъ вложены эти прочувствованныя авторомъ «Слова» и совершенно непонятыя авторомъ «Задонщицы» слова: «О, русская земля уже за шеломенемъ (за холмомъ, за границей) еси!»—понять трудно.

Описаніе боя сравнительно удачно,—въ картинѣ чувствуется настроеніе: «Тогда соколи и кречети, бѣлозерскіе ястреби борзо за Донъ перелетѣша, удариша на гуси и лебеди. Грянуша копія харалужныя, мечи булатные, топоры легкіе, щиты московскіе, шеломы нѣмецкіе, байданы бесерменскіе. Тогда поля костьми насѣяны, кровьми поліяны» Слава о битвѣ разошлась по всему свѣту,—слѣдуетъ перечень народовъ, узнавшихъ о битвѣ. «На томъ полѣ сильныя тучи сступишася, а изъ нихъ часто [сіяли молоньи и загремѣли громы велицыи: то ни сступишася

Заимствованія.

Распредѣленіе матеріала.

Природа.

Описаніе боя.

русскіе удальцы съ погаными татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи русскіе мечьми булатными о шеломы хиновскіе!» Послѣ діалога Пересвѣта и Осляби авторъ рисуетъ первое пораженіе русскихъ,—какъ извѣстно, это было

Пораженіе русскихъ.

лишь пораженіе части войска, сейчасъ же смѣнившееся побѣдой. Авторъ не умѣлъ этого выразить и картину пораженія нарисовалъ слишкомъ широко: «по Рязанской землѣ, около Дону, ни ратаи, ни пастуси не кличутъ, ни трубы не трубятъ, только часто вдрони граютъ, зогзицы кокуютъ, на трупы падаючи»—картина, которая въ «Словѣ» изображаетъ цѣлую эпоху. Сейчасъ же послѣ этого помѣщенъ плачъ [1]) русскихъ боярынь. Одно только обращеніе къ Дону напоминаетъ плачъ Ярославны. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о нападеніи засаднаго войска на побѣдителей-татаръ. Нападеніе это, съ исторической точки зрѣнія, представлено невѣрно, съ художественной слишкомъ—растянуто: характеръ внезапности натиска совершенно утерянъ, вслѣдствіе введенія длинныхъ рѣчей князя Дмитрія Ивановича и Владиміра Андреевича.

Пораженіе татаръ.

Далѣе разсказывается о пораженіи татаръ. Побѣжденные «поганые», «побѣгше неуготованными дорогами въ лукоморье, скрегчюще зубами своими, друще лица своя, а ркуще такъ: «Уже намъ, братіе, въ землѣ своей не бывать» и пр. Перечисляется добыча, доставшаяся русскимъ: татарскія узорочья и доспѣхи, и кони, и волы, и верблюды, и вино, и сахаръ, и другое узорочье; уже жены русскія «восплескаша татарскимъ златомъ». Мамаю, который, съ горя и злобы, «взвылъ сѣрымъ волкомъ», «фрязове» (т. е. франки) читаютъ подобающее наставленіе.

Прощаніе в. князя съ тѣлами.

Сильную картину представляетъ въ «Задонщинѣ» сцена прощанія великаго князя съ тѣлами соратниковъ: «сталъ великій князь, Дмитрій Ивановичъ... *на костехъ*, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Грозно бо и жалостно, братіе, въ то время и посмотрѣти, еже лежатъ трупи хрестьянскіе у Дона Великаго..». Слѣдуетъ перечень павшихъ князей и бояръ. Въ заключеніе, авторъ помѣщаетъ «славу» Богу и князьямъ, которые добыли себѣ чести.

„Повѣданіе и сказаніе“. Приступъ.

Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донского начинается съ воззванія къ какому-то «Урану», очевидно, непонятому *Бояну*. Авторъ проситъ у него помощи, чтобы изобразить бой христіанъ съ агарянами. Съ первыхъ же строкъ чувствуется въ авторѣ начетчикъ въ св. Писаніи: возвеличеніе русскихъ Господомъ онъ сравниваетъ съ торжествомъ Гедеона надъ язычниками, побѣдъ «православнаго» Моисея надъ Фараономъ. Послѣ такого библейски-поэтическаго всту-

Начало разсказа.

пленія авторъ впадаетъ въ тонъ лѣтописи: «Лѣта же того попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діавола, воздвигся царь отъ восточныя страны, именемъ Мамай, еллинъ сы родомъ, вѣрою идоложрецъ, иконоборецъ злой...» По обычаю лѣтописца, роль дьяволу отведена большая: «вниде въ сердце его діаволъ-подстрекатель, иже всегда пакости дѣя христіанамъ...». Слѣдуетъ воспоминаніе о нашествіи Батыя, читается нравоученіе татарамъ, съ указаніемъ на паденіе Іерусалима, какъ наказаніе за грѣхи. «Господь, что хощетъ, то и творитъ», «рука Божія высока»,—такія сентенціи пересы-

---

[1]) О „плачахъ“ см. стр. 127 (прим. 2), 131.

паютъ разглагольствованія автора. Мамай отправился на Русь, «сердитуя, яко левъ, пыхая, яко неутолимая ехидна». Олегъ Рязанскій рѣшился измѣнить русскому дѣлу, перейти на сторону татаръ: «Бысть же у Олега, князя Рязанскаго, скудость ума въ главѣ, и сатана ухищреніе вложилъ въ сердце его». Слѣдуютъ подробные тексты его обращенія къ Мамаю и Ольгерду, котораго онъ звалъ себѣ на помощь. Мамай принялъ благосклонно предложеніе Олега,—по этому поводу авторъ опять морализуетъ. Въ противоположность безбожному Олегу, выставленъ благочестивый великій князь Дмитрій Ивановичъ, который постоянно молится. Приведена длинная молитва его предъ иконою. Примѣры изъ св. Писанія заключаютъ эту молитву. Затѣмъ великій князь обращается за утѣшеніемъ къ митрополиту Кипріану, который, въ свою очередь, произноситъ длинную рѣчь, полную благочестивыхъ мыслей и нравоученій,—между прочимъ, говоря о милости Бога, ссылается на подвигъ Меркурія Смоленскаго, этого Божьяго посланника. Послѣ бесѣды съ митрополитомъ великій князь опять молится Богу. Очевидно, житіе Александра Невскаго дало автору «Повѣданія» мотивъ противопоставленія благочестиваго князя безбожному врагу. Молитва и обращеніе къ пастырю церкви,—все это повторенія «Житія Александра», съ тою только разницею, что подражатель не зналъ мѣры. Послѣ длинныхъ разговоровъ князя съ митрополитомъ и сподручными людьми слѣдуетъ разсказъ о сборахъ князей-участниковъ. Напримѣръ: «приспѣли князи Бѣлозерскіи; подобны суть воиномъ крѣпкимъ, вельми доспѣшни и кони воински наряжены подъ ними»—совершенно обезцвѣченный образъ, слабо напоминающій соотвѣтствующія мѣста «Слова о полку Игоревѣ» и даже «Задонщины». Выступленіе въ походъ рати москововской заимствовано почти цѣликомъ изъ «Задонщины»: «уже бо, братіе, не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ во славнѣ градѣ Москвѣ, стучитъ рать великаго князя Дмитрія Ивановича». Затѣмъ разсказано о свиданіи великаго князя съ преп. Сергіемъ. Вернувшись изъ паломничества въ Москву, великій князь опять съ умиленіемъ и слезами молится (въ печатномъ текстѣ молитвы почти 3 страницы). Живыми чертами изображено прощаніе съ семьей. Великая княгиня, въ «слезахъ захлипаяся ко сердечному, ни едина не можетъ словеси рещи». Затѣмъ великій князь «вступи во златокованно стремя и сѣде на своего любовнаго коня... Солнце со всхода свѣтитъ и путь его повѣдаетъ, и вѣтрецъ тихъ и теплъ вѣетъ»—образъ, заимствованный изъ «Задонщины», но улучшенный авторомъ «Повѣданія». Князья Бѣлозерскіе изъ всѣхъ выдѣлены своею удалью и молодечествомъ; они сравнены съ соколами, которые рвутся на стадо лебединое. Князь Владимиръ характеризуетъ воиновъ русскихъ перифразомъ изъ «Задонщины»: русскіе удальцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони и пр... Дорога имъ вельми свѣдома, березп имъ по Оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру христіанскую и за твою обиду, государя великаго князя»—эта рѣчь (о дорогѣ) заимствована изъ «Слова о п. Игоревѣ». Повторяется предзнаменованіе будущей удачи боя: «спереди ему солнце сіяетъ и добре грѣетъ, а по немъ кроткій вѣтрецъ вѣетъ». Затѣмъ мы переносимся въ «златоверхій теремъ» великой княгини: въ длинной молитвѣ проситъ она у Бога помощи. Слѣдуетъ поэтическое описаніе сбора храбрецовъ русскихъ и приводятся рѣчи новгородцевъ,

Олегъ Рязанскій.

Личность в. к. Дмитрія Ивановича.

Вліяніе житія Александра Невскаго.

Вліяніе „Задонщины".

Прощаніе князя съ семьей.

Плачъ княгини.

опоздавшихъ къ сбору. Переходъ русскихъ войскъ черезъ рѣку опять представленъ заимствованнымъ изъ «Задонщины»: «не громъ гремитъ» и пр.

Много мѣста отведено Олегу Рязанскому, который не знаетъ, на что рѣшиться: онъ жалѣетъ, что связался съ Мамаемъ и Ольгердомъ, кото-

Ольгердовичи. рый имѣетъ законъ «гугниваго Петра» [1]). Сыновья Ольгерда, удалые Ольгердовичи, переходятъ отъ отца на сторону московской рати. Ихъ авторъ «Повѣданія» сравниваетъ съ Іосифомъ и Веніаминомъ; изображена радость русскихъ, «яко неудобь быти мочно таковому возстанію, яко дѣти оставиша отца, и поругашеся ему, яко же иногда волсви Ироду».

Природа. Тревожное настроеніе природы передъ боемъ изображено удачно: «пріидоша на то мѣсто мнози волци, по вся нощи воютъ непрестанно; гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца утвержаетъ, и мнози ворони собрашася, необычно неумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли отъ устъ Дону приспѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дня грознаго, Богомъ изволеннаго... Отъ таковаго страха, и отъ великія грозы дерева преклоняются, и трава постилается...»

Далѣе сообщаются разныя мелкія извѣстія о передвиженіяхъ войскъ.

Смотръ войскъ. Смотръ войскъ изображенъ вполнѣ художественно. Въ этой необъятной массѣ войска, въ разногласіи трубъ и шумѣ знаменъ чуется общее настроеніе. Великій князь «выѣха на высокое мѣсто и видѣ образъ; святый же Ісусъ изображенъ на хрестьянскихъ знаменіяхъ, аки солнце свѣтящеся; и стязи ревутъ, паволочія простирающеся, аки облацы, тихо трепещущи, хоругви, аки живи, пашутся, а доспѣси русскіе, аки воды во вся вѣтри колеблются, шеломы на главахъ ихъ златомъ украшены, аки утренняя заря во время вѣдряна солнце свѣтящеся, ловцы (гребень на шлемѣ) шеломовъ ихъ, аки пламя огненно, пашутся». Впечатлѣніе грандіознаго зрѣлища удачно выражено восклицаніемъ, вырвавшимся изъ устъ пылкихъ Ольгердовичей и вдохновенной молитвой великаго князя предъ его чернымъ знаменемъ. Всѣ критики «Повѣданія» останавливаются

Гаданіе в. князя передъ боемъ. затѣмъ на прекрасной картинѣ гаданія великаго князя Дмитрія Ивановича и Дмитрія Волынца. Князь въ глубокую ночь отъѣхалъ отъ своего стана далеко въ поле и сталъ вслушиваться въ звуки ночи: безпокойный, неясный шумъ несся со стороны татарской—далекое завываніе волковъ и крикъ птицъ присоединялись къ этому говору стана... Русскій же лагерь былъ тихъ,—лишь отъ огней золотилось надъ нимъ ночное небо, словно блескъ утренней зари. Волынецъ объяснилъ это знаменіе въ пользу русскихъ. Затѣмъ онъ, припавъ къ землѣ, сталъ слушать—и плачемъ отвѣтила ему земля; съ татарской стороны, словно мать оплакивала своихъ дѣтей,—съ русской, какъ свирѣль плакала красная дѣвушка. Эта примѣта предсказывала большія потери съ обѣихъ сторонъ.

„Видѣніе". Слѣдуя «Житію св. Александра Невскаго», авторъ «Повѣданія» вводитъ «видѣніе»: свв. бр. Борисъ и Глѣбъ являются одному изъ стражей. Видѣвшій пересказываетъ объ этомъ великому князю; тотъ, вслѣдствіе своей богомольности, пользуется случаемъ, чтобы произнести

---

[1]) Ересь александрійскаго патріарха Петра.

длинную молитву, въ которой поминаетъ и Бориса съ Глѣбомъ, и Давида, и Моисея, и Александра Невскаго.

Затѣмъ подробно говорится о приготовленіяхъ къ бою, о присылкѣ благословенія отъ св. Сергія, о молитвахъ великаго князя, объ его желаніи биться въ рядахъ простыхъ воиновъ, наконецъ, о началѣ битвы. Описаніе боя опять принимаетъ поэтическій колоритъ «Слова о п. Игоревѣ» и «Задонщины» («треснуша копія харалужная, звенятъ доспѣхи злаченыя» и пр.). Кровопролитіе боя изображено довольно картинно: помутились рѣки, кровавые ручьи, какъ рѣчныя быстрины, текутъ во всѣ стороны. Воззваніе къ Господу и его волѣ прерываетъ разсказъ. Живо изображено выступленіе засаднаго полка, ужасъ татаръ и горе Мамая, который напрасно взывалъ къ «своимъ» богамъ: Перуну, Салманату, Мокошѣ, Раклію и Русу [1]). Слѣдуетъ разсказъ о поискахъ тѣла великаго князя, описаніе поля, покрытаго трупами, и произведеніе заканчивается восхваленіемъ русской земли.

Приготовленіе къ бою.

Описаніе боя.

Подробное изложеніе содержанія произведеній, прославившихъ Куликовскую битву, достаточно свидѣтельствуетъ о близости ихъ къ „Слову о полку Игоревѣ“. Итакъ, „Задонщина“ есть близкое и неумѣлое подражаніе „Слову“, перифразъ оттуда безъ достаточнаго пониманія настроенія и даже иногда смысла своего источника. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не имѣли точекъ соприкосновенія съ содержаніемъ „Слова“—авторъ болѣе удачливъ и даже едва ли не оригиналенъ. Выше стоитъ по литературнымъ достоинствамъ авторъ „Повѣданія“: картины, имъ заимствованныя, болѣе умѣстны и выражаютъ извѣстное настроеніе. Правда, по составу своему, „Повѣданіе“—памятникъ „пестрый“, составленный подъ вліяніемъ нѣсколькихъ разнородныхъ произведеній (Задонщина, житіе, лѣтопись, устный разсказъ); авторъ не объединилъ этихъ вставокъ однимъ стилемъ: оттого эти стили, не смѣшиваясь, чередуются между собой.

Сравненіе этихъ повѣстей.

Насколько сильно было въ „Повѣданіи“ вліяніе устнаго творчества, видно изъ тѣхъ анахронизмовъ, которые вошли въ произведеніе: митрополитъ Кипріанъ, съ которымъ совѣтуется великій князь, былъ поставленъ митрополитомъ только въ 1381 г., моленія предъ Владимірскою иконою Божіей Матери также не могло быть, такъ какъ икона явилась въ 1395 г. Ольгердъ дѣйствовать не могъ, такъ какъ онъ умеръ въ 1377 г. Тѣмъ не менѣе, авторъ „Повѣданія“ ясенъ намъ: богомольный, религіозный человѣкъ, уже московскаго пошиба, съ поэтическимъ чутьемъ, не обдѣленный и даромъ творчества,—въ его заимствованіяхъ, всегда умѣстныхъ, чувствуется

Вліяніе народнаго творчества.

---

[1]) Въ другихъ спискахъ: Раклій—Ираклій, Русъ—Гуръ—Хоръ.

пережитое настроеніе; онъ начитанъ болѣе автора „Задонщины“, такъ какъ знаетъ цѣлый рядъ произведеній, житій и повѣстей; если въ „Задонщинѣ“ мы зачастую встрѣчаемъ лишь неудачный перифразъ, то въ „Повѣданіи“ мы сталкиваемся уже съ „общими мѣстами“: всѣ эти описанія вооруженія, описанія боя,—все это свидѣтельства о принадлежности произведенія къ опредѣленной литературной школѣ „воинскихъ повѣстей“.

Характеристика письменности этого періода.

§ 38. Историческія условія русской жизни этого переходнаго періода опредѣлили и содержаніе, и характеръ творчества. Перенесеніе культурныхъ центровъ на сѣверо-востокъ, нашествіе татаръ и татарское иго, самобытность культурнаго развитія, аскетизмъ и мистицизмъ въ русскомъ обществѣ, приведшій къ углубленію религіозныхъ интересовъ, постепенное поглощеніе мѣстныхъ интересовъ Москвой,—вотъ, тѣ историческія основанія, которыя обусловили всѣ характерныя особенности творчества этой поры.

Знакомство съ русской литературой этого періода приводитъ насъ къ убѣжденію, что—1) въ началѣ половины его (половина XIII в.), мы въ сѣверо-восточной Руси видимъ характеръ культуры еще въ духѣ кіевской: выдвигаются отдѣльные книжные люди выдающейся эрудиціи (авторъ «Толковой Палеи», передѣлыватель «Александріи»). 2) Съ конца XIII до XV в. замѣчается общее пониженіе литературнаго творчества, но за то,—а) мало-по-малу, опредѣляется *идейность* въ литературѣ: она начинаетъ служить интересамъ мѣстной политической жизни (борьба князей), и откликается на историческія событія (нашествіе татаръ), она отвѣчаетъ интересамъ духовной жизни (аскетизмъ и мистицизмъ); в) на нѣкоторыхъ жанрахъ (житіяхъ, поученіяхъ) сказываются новыя литературныя вліянія; с) начинается скрещеніе народнаго творчества съ книжнымъ (легенды, сказки, стихи). 3) Подобно тому, какъ въ кіевскій періодъ, мы и здѣсь съ самаго начала эпохи застаемъ нѣсколько культурныхъ центровъ, со своей «мѣстной» литературой (мѣстныя легенды, сказанія, лѣтописи). 4) Мы видимъ *приспособленіе* старыхъ жанровъ къ потребностямъ новой исторической жизни (утилитарный, прикладной характеръ проповѣди, узко-мѣстный характеръ лѣтописи). Наконецъ, 5) мы наблюдаемъ *зарожденіе* новыхъ жанровъ (историческая повѣсть, легенда, духовные стихи, историческія пѣсни).

Періодъ московскій; отличіе его отъ кіевскаго; возвышеніе Москвы.

§ 39. *III. Періодъ Московскій (отъ XV до XVII вв.).* Еще въ кіевскій періодъ Русь сознала свое *единство народное*, племенное,—это видно и въ „Поученіи Владимира Мономаха“, и въ лѣтописи, и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, — Руси XIV—XVI вв. суждено было сознать еще *единство государственное.* Москва сдѣлалась выразительницею этого единства. Этому способствовала традиціонная политика московскихъ князей, направленная къ „собиранію земли“, и перенесеніе митрополіи въ Москву. Уничтоженіе удѣльныхъ смутъ, освобожденіе отъ татарскаго ига,—все это было первыми результатами этого уси-

ленія Москвы. Немудрено, что разрозненная Русь, измученная безпорядками и смутами, съ надеждой и благоговѣніемъ стала смотрѣть на Москву.

Флорентійская унія.

Въ 1439-омъ году совершилась Флорентійская унія, и авторитетъ греческаго православія совершенно палъ въ глазахъ русскихъ; они уніи не признали и были горды сознаніемъ того, что оказались болѣе тверды въ вѣрѣ отцовъ, чѣмъ ихъ учителя-греки. Московская митрополія, съ ея непоколебимымъ благочестіемъ, возвысилась теперь въ глазахъ всей Руси за счетъ всей восточной церкви, пошедшей на уступки западу.

Паденіе Царьграда.

Въ 1453-емъ году Царьградъ оказался въ рукахъ турокъ; перестало существовать византійскій императоръ, до тѣхъ поръ, съ точки зрѣнія русскихъ, единственный „православный" царь во вселенной. Пришлось ему искать преемника, правовѣрнаго и могущественнаго. Такимъ былъ тогда только московскій великій князь. И вотъ, не только русскіе люди, но и южные славяне, и восточные христіане начинаютъ смотрѣть на Москву, какъ на преемницу павшей Византіи, послѣдній оплотъ православія. „Всѣ христіанскія царства, писалъ одинъ книжникъ, погибли и сошлись въ единое царство нашего государя, т. е. въ Россійское царство. Два Рима пали, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не бывать". „Единъ ты во всей поднебесной царь-христіанинъ!"— писалъ онъ московскому князю. Такъ условія исторической жизни самой Россіи возвеличили Москву и ея князя, а событія всемірной исторіи (паденіе Цареграда и Флорентійская унія) еще усилили авторитетъ московскаго князя, обязавъ его новой *міровой* ролью быть представителемъ православія. Бракъ Ивана III на Софьѣ Ѳоминишнѣ былъ такъ же необходимъ для московскаго дѣла, какъ ранѣе бракъ Владимира Св. на византійской княжнѣ. Съ этимъ пріобщеніемъ къ дому греческихъ императоровъ въ Москву принесена была ясная программа дальнѣйшаго стремленія къ абсолютизму въ духѣ византійскаго самодержавія. Заботы о титулахъ, о придворныхъ церемоніяхъ, новое отношеніе къ своему государству и чужимъ,—все это было завершеніемъ этого новаго теченія государственной жизни, которое сложилось на сѣверо-востокѣ Руси. Путешественникъ Герберштейнъ, посѣтившій Москву въ первой половинѣ XVI в., замѣтилъ, что великій князь Василій докончилъ дѣло своего отца—своею властію надъ подданными онъ превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Въ Москвѣ говорили тогда про своего владыку: „воля государева—Божья воля,

Царствованіе Ивана III.

государь—исполнитель воли Божьей". „Мы того не знаемъ, говорили москвичи, знаетъ то Богъ, да государь!" Такъ въ московской Руси сложились идеалы „самодержавія, православія и народности",—которые надолго сдѣлались основаніемъ всего государственнаго строя Россіи. Народъ укрѣпился въ національномъ высокомѣріи, въ самодовольномъ сознаніи того, что онъ—народъ, Богомъ избранный, не нуждающійся въ указаніяхъ извнѣ, что его родина—„святая Русь"; западное просвѣщеніе казалось ему чѣмъ-то вреднымъ, опаснымъ для вѣры и даже государственнаго благополучія. По мнѣнію москвичей, Византія пала, между прочимъ, потому, что сблизилась съ западомъ.

Политическіе идеалы московской Руси.

Но, кромѣ того, она пала, по мнѣнію русскихъ людей, вслѣдствіе неустройствъ религіозной, государственной жизни,—что заставляло многихъ русскихъ тревожно осматриваться и на себя. При всемъ своемъ самомнѣніи, русскіе люди не могли не замѣтить, „что старина поисшаталась" и на Руси: церковныя книги полны ошибокъ вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ, духовенство необразовано, не говоря уже о простомъ народѣ; благочестіе у многихъ получило чисто-внѣшній, обрядовый характеръ, усилились суевѣрія, наблюдался упадокъ нравственности; ереси, смѣнявшія одна другую, тоже сильно смущали умы передовыхъ русскихъ людей. Вотъ почему въ этотъ же періодъ величія московскаго царства замѣчается желаніе исправить русскую жизнь, но, что особенно важно,—не въ прогрессивномъ смыслѣ, а въ строго консервативномъ,—„вернуть старину", очиститься отъ тѣхъ вредныхъ новшествъ, которыя погубили Византію и которыя завелись и у насъ.

Забота московскихъ людей о возстановленіи старины.

Въ исторіи русской церкви новая государственная жизнь тоже отразилась очень своеобразно. Съ тѣхъ поръ, какъ митрополія была перенесена въ Москву—высшее духовенство попало въ тотъ могучій потокъ, который увлекалъ Москву, ея князей, всю Русь къ новому политическому строю. Митрополитамъ поневолѣ пришлось играть роль политическую, которой ранѣе церковь русская не знала. Эти занятія „политикой" привели къ тому, что теперь представители русской церкви сдѣлались лишь сподручными министрами, исполнителями высшихъ предначертаній. Конечно, и раньше духовенство, близкое къ дворамъ разныхъ мелкихъ князей, принимало на себя миссіи, выходившія изъ компетенціи церкви, но все это происходило тогда въ размѣрахъ очень маленькихъ—въ Москвѣ же приняло широкіе размѣры,—отсюда явилась взаимная

Русская церковь въ этотъ періодъ.

порука свѣтской и духовной властей, — одна поддерживала другую. Такъ русская церковь, въ союзѣ съ администраціей, изъ свободной и независимой, сдѣлалась подначальнымъ органомъ государственной жизни.

Этотъ „союзъ“ прикрывался идеей „величія“ Москвы. Это настроеніе тогдашней русской жизни было до такой степени сильно, что выдвинуло цѣлый рядъ крупныхъ дѣятелей консервативнаго пошиба: Іосифъ Санинъ (Волоцкій), протопопъ Сильвестръ, съ его „Домостроемъ“, митрополиты Даніилъ и Макарій,—вотъ, главные его выразители. Церковные и политическіе дѣятели этой эпохи.

Іосифъ Волоцкій былъ типичнымъ представителемъ московской образованности. Онъ былъ рѣдкимъ книжникомъ-«начетчикомъ», и совершенно не былъ богословомъ; взглядъ его на источники христіанскаго вѣроученія лишенъ критицизма. Для него житія святыхъ, церковныя пѣснопѣнія, апокрифы, гражданскіе законы и постановленія византійскихъ императоровъ имѣли одинаковое значеніе съ соборными и святоотеческими правилами. Не разграничивая Ветхаго Завѣта отъ Новаго, онъ не входилъ въ пониманіе сущности христіанства, признавая его лишь съ формальной стороны. Естественно, что и онъ самъ, и его ученики были противъ всякой «новой мысли». Іосифъ Волоцкій.

Если въ лицѣ Іосифа эта „старая мысль“ достигла апогея своего развитія, то и „новая мысль“ къ его времени расцвѣла въ дѣятельности Нила Сорскаго и его сподвижниковъ; иноземныя вліянія въ этомъ направленіи издавна шли на Новгородъ и Псковъ: еще въ XIV в. тамъ явилась „ересь“ „стригольниковъ“, въ XV в. смѣнившаяся ересью „жидовствующихъ“ [1]).

Между ними возникла борьба,—первая открытая борьба русскихъ прогрессистовъ и консерваторовъ: сперва она держалась на почвѣ церковной, потомъ коснулась и политической, — вопроса о царской власти, неограниченной, или ограниченной.

Сподвижники Іосифа, устрашенные взрывомъ самостоятельности мышленія, объявили войну „мнѣнію“ (т. е. свободной мысли, размышленію), а отъ него и „книгѣ“ вообще. Вотъ почему, изъ страха передъ этой „новой мыслью“ въ половинѣ XVI в., Сподвижники Іосифа Вол. въ борьбѣ съ „мыслью“.

---

[1]) Названіе это было дано ереси ея обличителями и объясняется тѣмъ, что ересь повела свое начало отъ еврея Схаріи; обличители говорили, что еретики, будто бы, предпочитали Ветхій Завѣтъ Новому, распространяли еврейскія книги, отрицали божественность Христа и ждали новаго Мессію. Но если это и было, то не въ этомъ былъ смыслъ и сила ереси, а въ томъ критицизмѣ, съ которымъ относились еретики къ основамъ московскаго благочестія: они отвергали иконопочитаніе, церковные обряды, монашество,—словомъ, все то внѣшнее благочестіе, за которое стояла государственная московская церковь.

даже на самое чтеніе книгъ сталъ проводиться отрицательный взглядъ. Невѣжды говорили тогда: „грѣхъ простымъ честь апостолъ и евангеліе". Простые люди боялись „въ руки взяти" евангеліе. Инокъ Артемій передаетъ, что его современники повторяли: „не чти много книгъ, да не въ ересь впадешь". И если кто изъ книжниковъ въ то время сходилъ съ ума, то о немъ говорили: „зашелся есть въ книгахъ". Въ одномъ поученіи читаемъ: „богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ, любяй геометрію... а се душевные грѣси, учитися отрокомъ еллинскимъ книгамъ... проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный,—своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости; высочайшее себѣ не взыскуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе,—то содержи". Одинъ изъ такихъ „благочестивцевъ"-невѣждъ, съ самодовольною скромностью, заявлялъ во всеуслышаніе: „я—человѣкъ сельской, учился буквамъ, а еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономій не читалъ, съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывалъ,—учуся буквамъ благодатнаго закона, дабы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ".

Сторонники и защитники „мысли". Но ожившую мысль остановить было уже нельзя: можно было уничтожить людей, носителей идеи, но сама идея всегда безсмертна и неуловима. Какъ реакція формализму благочестія, явилась потребность „внутренняго устроенія души", „умное дѣланье"—т. е. исканіе той сущности христіанства, которая оставалась непонятой у насъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Дѣятельность Нила Сорскаго, Вассіана Патрикѣева, раціоналистическихъ сектъ съ ихъ многочисленными развѣтвленіями,—ясно показывала, что религія у многихъ глубоко затронула сознаніе.

Нилъ Сорскій. Проведя юность въ строгомъ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, Нилъ поѣхалъ на Аѳонъ и оттуда вернулся на родину со взглядами, еще болѣе суровыми. Онъ былъ послѣдователемъ аскетически-созерцательнаго направленія, тогда проявившагося съ особой силой въ восточной церкви. Это направленіе выразилось, главнымъ образомъ, въ стремленіи религію внутренняго убѣжденія поставить выше внѣшняго, обрядоваго ея пониманія. Такое пониманіе сущности религіи—1) вело къ терпимости въ дѣлахъ религіозныхъ,—всякій могъ вѣрить такъ, какъ ему подсказываетъ его убѣжденіе, 2) заставляло внимательно и вдумчиво относиться къ существеннымъ вопросамъ религіи. Въ то время, какъ государственная церковь учила, что «мнѣніе» (т. е. размышленіе) ведетъ къ гибели, Нилъ Сорскій училъ думать о вопросахъ религіи, училъ разбираться въ церковныхъ книгахъ. «Писаній много, да не всѣ они божественны»,—говорилъ онъ.

Нилъ и Іосифъ. Въ сферѣ чисто-церковной оба современника разошлись—1) въ пони-

маніи значенія церкви: Нилъ отрицалъ за церковью право играть политическую роль въ государствѣ,—Іосифъ стоялъ на противоположной точкѣ зрѣнія; 2) во взглядѣ на право монастырей имѣть собственность. Нилъ доказывалъ, что монахи—люди, отрекшіеся отъ благъ земной жизни,—не имѣютъ права жить въ монастыряхъ богатыми помѣщиками,—Іосифъ отстаивалъ права монастырей имѣть собственность. Эти принципіальныя воззрѣнія Нила особенно рѣзко выразились у сторонниковъ его, «старцевъ заволжскихъ» (монахи сѣверныхъ монастырей).

„Шатаніе умовъ".

На простомъ людѣ тоже сказалось это пробужденіе сознанія, хотя, на первыхъ порахъ,—простымъ „шатаніемъ" умовъ. Іосифъ Волоцкій такъ изобразилъ это настроеніе: „нынѣ и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ иноци, и мірстіи, и вси сонмятся, вси о вѣрѣ пытаютъ, и не отъ пророкъ и отъ апостолъ, ниже отъ св. отецъ, но—отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ". Эта масса „полуеретиковъ" была благопріятной почвой для ересей.

Раціонализмъ въ русскомъ самосознаніи.

Со всѣми этими колебаніями проснувшейся мысли вносился раціоналистическій элементъ въ дѣло религіи, къ нему присоединялось прямое вліяніе извнѣ, дававшее для ищущей мысли уже готовое теченіе, которое и привело къ матеріализму. И вотъ, еретики дошли до того, что стали отрицать загробную жизнь. „Что-то царство небесное?—говорилъ московскій митрополитъ Зосима, зараженный „ересью жидовствующихъ". Что-то второе пришествіе? Что-то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть. Умеръ кто,—инъ то умеръ,—по та мѣста и былъ!" Вотъ, какую пеструю картину представляло собою русское общество наканунѣ новаго времени. Темный людъ, съ его „двоевѣріемъ", невѣжественные духовные пастыри, не отличавшіе каноническихъ книгъ отъ апокрифическихъ (Іосифъ Волоцкій) и молившіеся на каждую букву писанія, оказавшіеся не въ состояніи внести въ книги исправленія, а потому боявшіеся ихъ. И въ то же время пробужденіе мысли, принимавшее изъ „шатанія" грозные размѣры ересей.

Русское общество наканунѣ XVII в.

Проповѣди, поученія, послания.

§ 40. *Проповѣди, поученія и богословскія сочиненія.* Всѣ эти сочиненія, отражая настроенія времени, отличались боевымъ характеромъ: они направлены были или противъ недостатковъ общественной жизни, или противъ церковныхъ заблужденій (ереси), или представляли собою полемику одной группы церковныхъ дѣятелей съ другою.

Такъ, ересь „жидовствующихъ" вызвала нѣсколько обличительныхъ посланій Геннадія, архіепископа Новгородскаго [1]).

[1]) Борьба съ „жидовствующими" заставила того же Геннадія позаботиться о полномъ переводѣ Библіи и о продолженіи пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ.

Посланія еп. Геннадія.

Для прекращенія ереси Геннадій требовалъ казни еретиковъ,—онъ ссылался на испанскую инквизицію, успѣшно искоренявшую ереси. Его поддержалъ Іосифъ Волоцкій. Онъ написалъ по поводу ереси нѣсколько посланій, которыя вошли въ его большой полемическій трактатъ „Просвѣтитель"—первое, по времени, богословское сочиненіе на Руси. Въ этомъ сочиненіи, опровергая мнѣнія еретиковъ, Іосифъ защищаетъ монашество, отстаиваетъ право монастырей на собственность. Противъ еретиковъ онъ рекомендуетъ строгости, особенно противъ тѣхъ изъ нихъ, которые завлекаютъ православныхъ,—такихъ надо, по его мнѣнію, „не точію ненавидѣти, или осуждати, но и проклинати и язвити, и симъ руку свою освѣтити".

„Просвѣтитель" Іосифа Волоцкаго.

Посланіе „старцевъ заволжскихъ".

Противъ этого мнѣнія энергично возстали нѣкоторые духовные, особенно „старцы заволжскіе", иноки Вологодскаго и Кирилло-бѣлозерскаго монастырей, жившіе не въ монастыряхъ, а, отдѣльно, въ скитахъ на Бѣлоозерѣ. Изъ нихъ самымъ энергичнымъ и талантливымъ былъ Вассіанъ Патрикѣевъ, ученикъ Нила Сорскаго; ему приписываютъ сочиненіе соборнаго „отвѣта" старцевъ Іосифу на его „Просвѣтитель"; въ этомъ отвѣтѣ старцы указывали на то, что суровыя мѣры Іосифа противорѣчатъ завѣтамъ Христа, и не безъ ироніи высмѣивали Іосифа, который сравнилъ себя съ апостоломъ Петромъ.

„Уставъ" Нила.

Нилъ Сорскій оставилъ послѣ себя „Уставъ, или преданіе о жительствѣ скитскомъ". Предписывая инокамъ строгую нестяжательность, онъ велъ ихъ къ внутреннему духовному совершенству. „Умная молитва, говоритъ онъ, выше тѣлесной: тѣлесное дѣланіе—листъ, а внутреннее, умное—плодъ". Говоря о тѣхъ „помыслахъ", съ которыми нужно бороться инокамъ, пр. Нилъ вступилъ въ область „психологіи"; если его характеристики человѣческихъ „страстей" и не вполнѣ оригинальны,—онѣ были новостью въ русской письменности.

Максимъ Грекъ.

Особенно дѣятельное участіе въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, интересовавшихъ русскую церковь, принялъ Максимъ Грекъ. Онъ былъ албанскимъ грекомъ (род. 1480 г.), долго жилъ и учился въ Италіи, гдѣ засталъ расцвѣтъ Возрожденія. Чрезмѣрное увлеченіе классическимъ міромъ, когда самое христіанство потускнѣло передъ блескомъ античной культуры, уже тогда, въ самой Италіи, встрѣтило оппозицію; однимъ изъ представителей ея былъ проповѣдникъ Саванаролла, съ которымъ судьба свела и Максима Грека. Отчасти подъ вліяніемъ его суроваго, обличи-

тельнаго слова, Максимъ не поддался увлеченіямъ эпохи, сдѣлался аскетомъ и удалился на Аѳонъ. Въ 1518 году онъ пріѣхалъ въ Москву, вызванный для исправленія церковныхъ книгъ. Съ увлеченіемъ отдался Максимъ служенію новой родинѣ; онъ добровольно расширилъ кругъ своей дѣятельности: не только переводилъ и исправлялъ книги, но объяснялъ истинный смыслъ вѣры, толковалъ значеніе церковныхъ обрядовъ, обличалъ суевѣрія и пороки, боролся противъ пропаганды латинства и ереси. Около него образовался кружокъ русскихъ людей, которые жадно слушали мудрыя рѣчи этого человѣка, много видѣвшаго. Но оказалось у него немало враговъ, которые были недовольны его исправленіями книгъ и обличеніями русской жизни. Невѣжество и злоба сдѣлали положеніе Максима очень тяжелымъ. Онъ не одобрилъ развода великаго князя ради новаго брака, и великій князь сталъ въ ряды его враговъ. Максимъ послѣ многихъ столкновеній съ русскими властями, обвиненный на соборѣ „за порчу книгъ", былъ на 25 лѣтъ заточенъ въ монастырь. Всѣ просьбы его отпустить на родину были тщетны—его не отпускали, боясь, что тамъ отъ него узнаютъ правду о русской землѣ: „человѣкъ онъ разумный, увѣдалъ наше доброе и лихое, и когда пойдетъ изъ Россіи, то все разскажетъ",—говорили москвичи. Умеръ Максимъ въ 1556 г.

Литературная дѣятельность Максима Грека.

Изъ произведеній его особенно цѣнны для пониманія русской жизни того времени обличенія іудеевъ и русскихъ еретиковъ «жидовствующихъ», сочиненія противъ латинянъ (католиковъ), которые вели пропаганду въ самой Москвѣ; особенно любопытны его сочиненія, направленныя противъ народныхъ суевѣрій, ложныхъ апокрифическихъ сказаній, принимаемыхъ, по невѣжеству, русскою церковью за истинныя, противъ невѣрнаго пониманія нѣкоторыхъ церковныхъ молитвъ и обрядовъ. Оставилъ послѣ себя Максимъ немало и нравоучительныхъ сочиненій, въ которыхъ онъ обличалъ неправосудіе судей, лицемѣріе, недостатки въ жизни духовенства и монашества. «Такимъ образомъ Максимъ касался въ своихъ сочиненіяхъ почти всѣхъ главныхъ предметовъ вѣры. Онъ хотѣлъ оградить православное ученіе въ Россіи отъ иновѣрныхъ заблужденій и объяснить истинный духъ вѣры, подавленный въ русской жизни обрядовою стороною, истинное пониманіе благочестія, затемненное невѣжествомъ, суевѣріемъ, и грубыми пороками. Его обличительный голосъ былъ строгъ и рѣзокъ, но въ лучшихъ людяхъ онъ находилъ сочувствіе (Порфирьевъ).

Митрополитъ Даніилъ.

Кромѣ Максима Грека обличитителемъ русской жизни выступилъ митрополитъ Даніилъ, ученикъ Іосифа Волоцкаго; онъ былъ сторонникомъ всѣхъ воззрѣній учителя, былъ строгимъ ревнителемъ старой вѣры во всей ея неприкосновенности, былъ

врагомъ Нила, Вассiана и „заволжскихъ старцевъ". Послѣ него осталось 16 словъ, въ которыхъ онъ обличаетъ ереси, обличаетъ пороки и недостатки общества. Нѣкоторыя его слова отличаются яркимъ реализмомъ своихъ картинъ, а потому цѣнны для характеристики жизни той поры. Такъ, очень живо представлено поведенiе „православныхъ" въ церкви:

«А когда придешь въ божественную церковь, то и не знаешь, зачѣмъ пришелъ: зѣваешь, потягиваешься, поставляешь ногу на ногу, выставляешь и потрясаешь бедра и кривляешься, какъ похабный».

Очень живо обрисованы въ его «словахъ» московскiе щеголи того времени, которые завели моду бриться, выщипывать волосы съ подбородка, румяниться и носить богатыя украшенiя. Въ своихъ словахъ митрополитъ порою дѣлается сатирикомъ, надѣленнымъ и юморомъ, и наблюдательностью, и умѣньемъ живо схватить типичныя черты тогдашней русской жизни...

Эпоха Iоанна Грознаго. *Эпоха Iоанна Грознаго.* Особенно рѣзко выразились всѣ особенности новой политической жизни при Iоаннѣ Грозномъ. Дальновидная и осторожная политика его предковъ сбросила у него всякiй покровъ дипломатическаго лукавства. Властолюбивый безъ мѣры, энергичный и озлобленный, Iоаннъ IV вступилъ въ открытую борьбу со всѣми остатками старой государственной жизни: онъ добилъ старые вѣчевые города Новгородъ и Псковъ за то, что они были „вольными", онъ уничтожалъ русскихъ бояръ, этихъ потомковъ удѣльныхъ князей, если кто-либо изъ нихъ подымалъ свою голову,—онъ безъ милосердiя давилъ въ русскомъ духовенствѣ всякую попытку вернуть себѣ независимое и свободное слово. Iоаннъ окружалъ себя „новыми" людьми, видя въ нихъ лучшую опору своего престола, чѣмъ въ томъ „старомъ", что носило въ себѣ искру независимости и свободы. И въ то же время онъ готовъ былъ возстановлять эту „старину" вездѣ, гдѣ она не становилась на пути его властолюбiю.

Письменность этого перiода; ея содержанiе: а) напряженность политическаго самосознанiя. § 41. *Письменность Московской Руси.* При обозрѣнiи литературнаго творчества этого перiода, надо имѣть въ виду, прежде всего, то, что теперь въ русскомъ народѣ съ особою силою обнаружилась *сильная напряженность политическаго самосознанiя.* Причины возвышенiя Москвы, вопросъ, откуда взялась новая, невиданная на Руси, форма правленiя, „самодержавiе", величiе Руси, окрѣпшей и прославившейся на весь мiръ, Москва-„третiй Римъ", русскiй царь, наслѣдникъ византiйскаго престола, — вотъ, кругъ вопросовъ, въ которомъ стало творить народное воображенiе.

Затѣмъ мы должны считаться съ *низкимъ уровнемъ умственнаго и религіознаго* состоянія массы. Послѣ того разрыва интеллигенціи и народа, который мы наблюдали послѣ крещенія въ кіевской Руси, началось постепенное сліяніе разрозненныхъ частей общества,—и вотъ, въ московскій періодъ, „верхи“ и „низы“ слились въ одно цѣлое, довольно однородное по развитію и интересамъ. Теперь русскій народъ переросъ язычество, но не доросъ до того христіанства, которое было понятно, напримѣръ, еще Мономаху. Явилось то „*двоевѣріе*“, на которое нападали отцы Стоглаваго Собора. b) двоевѣріе.

Наконецъ, мы должны считаться съ пробужденіемъ въ массѣ русскаго общества *стремленія къ обновленію жизни*, въ области духовной, вообще, и религіозной, въ частности. Отсюда—первая борьба государства (свѣтская и духовная власть) съ обществомъ, въ которомъ проснулся „критицизмъ“, отсюда—стремленіе подправить и закрѣпить „старину“—съ одной стороны—и слабая попытка найти что-то другое внѣ этой „старины“. c) стремленіе къ обновленію жизни.

§ 42. *Переписка Грознаго съ кн. Курбскимъ* [1]). Кн. Андрей Курбскій былъ однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей. Хорошо образованный, энергичный, съ яснымъ міросозерцаніемъ, при томъ прямо противоположнымъ тому, которое было у царя,—онъ не ужился на родинѣ и, спасая свою голову, бѣжалъ въ Польшу. Здѣсь онъ сдѣлался виднымъ борцомъ за дѣло православія, защищая его отъ іезуитовъ. На старости лѣтъ онъ неутомимо расширялъ свои познанія, самъ занимался переводомъ книгъ, нужныхъ для защиты православія, и умеръ изгнанникомъ вдали отъ родины. Переписка Грознаго съ кн. Курбскимъ

Переписку началъ Курбскій: изъ г. Вольмара послалъ онъ царю укорительное письмо. Оно, очевидно, вызвано мученіями совѣсти: обвиняя царя, Курбскій старается оправдать себя. Совершенно въ такомъ же духѣ отвѣтъ царя,—въ его словахъ тоже ясно сказалась потребность осмыслить свои дѣянія и этимъ доказать правоту своего міросозерцанія. Курбскій доказывалъ, что только тогда Русь была счастлива, когда царь правилъ, сообразуясь съ совѣтами Адашева и Сильвестра; это, между прочимъ, даетъ ему право заключать, что царь вообще долженъ считаться съ совѣтомъ бояръ. Грозный обрушился на такое мнѣніе со всею страстностью своей души. Онъ обвинилъ бояръ въ превышеніи власти во время его дѣтства, онъ укорилъ ихъ за тѣ оскорбленія, которымъ онъ тогда подвергался. Онъ доказываетъ, что цари должны быть строги и управлять государствомъ самовластно. Отсутствіе твердой власти сдѣлало, по его

---

[1]) Истор. Христ. I, 266.

мнѣнію, то, что «греки погубили свое царство и покорились туркамъ: «не такую ли же погибель ты и намъ совѣтуешь—говоритъ онъ. Развѣ это хорошо, чтобы попу и прегордымъ, и лукавымъ рабамъ владѣть, а царю только почтенну быть предсѣданіемъ и честію царствія, а по власти быть ничѣмъ не лучше раба? Какъ же и самодержцемъ онъ можетъ назваться, если не самъ все устрояетъ? Земля правится Божіимъ милосердіемъ, милостію пречистыя Богородицы, молитвами всѣхъ святыхъ, благословеніемъ нашихъ родителей, и послѣ нихъ, нами, государями, а не судьями и воеводами». Такъ разошлись два міросозерцанія — казненные бояре Курбскому кажутся «мучениками», царю—«наказанными злодѣями»; самъ князь Курбскій, смотрѣвшій на себя, какъ на «свободнаго» общественнаго дѣятеля, принципіально несогласнаго съ міросозерцаніемъ царя,—въ глазахъ царя былъ только дерзкій, бѣглый холопъ... Власти своей ограничивать Грозный не намѣренъ: «до сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета никому, говоритъ онъ. Жаловать своихъ холопей мы вольны; вольны также и карать ихъ!». Очевидно, разнорѣчіе было слишкомъ велико—примиренія найти было нельзя, но характерно то, что оба представителя этихъ различныхъ міровоззрѣній отстаивали «старину», различно ее понимая.

Стоглавъ. § 43. *Стоглавъ*. Такимъ же обличительнымъ характеромъ, въ консервативномъ духѣ, отличались записки о дѣяніяхъ Московскаго собора 1551 года, носящія, попросту, названіе „Стоглава" (состоятъ изъ 100 главъ). Іоаннъ IV собралъ этотъ соборъ, чтобы „утвердить древнія преданія христіанской истинной нашей вѣры". „Прежніе обычаи поисшатались, говорилъ царь, и въ самовластіи учинено по своимъ волямъ и прежніе законы нарушены". Самъ царь указалъ эти „нарушенія"; этихъ указаній очень много,—они простираются и на недостатки церковной службы, неправильное писаніе иконъ, порчу книгъ, невѣжество, какъ результатъ отсутствія училищъ, пороки въ народѣ (рѣзоимство, пьянство, развратъ, неуваженіе къ церкви), выполненіе языческихъ обрядовъ (игрища въ Иванову ночь, Васильевъ вечеръ). Конечно, всѣ пожеланія царя остались только „пожеланіями",—не въ силахъ отцовъ Стоглаваго собора было *возстановить старину*,—легче было *обновить жизнь* путемъ широкаго просвѣщенія, но этого просвѣщенія не было въ самой церкви, взять его можно было только *извнѣ*, а этого не желалъ никто, такъ какъ, по странному заблужденію, русскіе люди хотѣли не обновленія, а борьбы съ новшествами. Оттого всѣ разсужденія „Стоглава", въ глазахъ историка, остаются, только безпомощнымъ обличеніемъ русской жизни XVI в.

Но, кромѣ того, Стоглавый соборъ преслѣдовалъ и другую цѣль—объединить русскій народъ разныхъ областей и городовъ

въ однообразномъ выполненіи церковныхъ обрядовъ и одинаковомъ отношеніи къ жизни. „Всякому разногласію отнынѣ далече быти повелѣваемъ, говорилъ царь на соборѣ, всякому же согласію и единомыслію содержатися въ насъ“.

§ 44 *Домострой*[1]) принадлежитъ къ такимъ же произведеніямъ, въ которыхъ московская Русь выразила свое желаніе исправить жизнь возстановленіемъ старины. Домострой представляетъ собою сборникъ правилъ домашняго строя. Такія „правила“ были популярны и у насъ, и въ Византіи, и на Западѣ. Сильвестръ, извѣстный царскій духовникъ, которому сначала приписывали сочиненіе Домостроя, авторомъ его не былъ: онъ, вѣроятно, собралъ нѣсколько маленькихъ русскихъ „домостроевъ“ въ одинъ; быть можетъ, воспользовался и какимъ-нибудь сдѣланнымъ уже сводомъ, прибавилъ отъ себя нѣсколько главъ и послѣсловіе—автобіографію: „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“, подражая Владимиру Мономаху. Такой „сборный“ характеръ происхожденія „Домостроя“ отразился и на случайности его плана,—на отсутствіи системы, смѣшеніи существеннаго съ несущественнымъ, даже на нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ. Всѣ эти недостатки, конечно, вина составителя, не сумѣвшаго подчинить собранный матеріалъ своему міросозерцанію, своему желанію—при помощи правилъ житейской мудрости возстановить въ чистомъ видѣ утерянную „старину“. Это желаніе сквозитъ не только въ совѣтахъ „Домостроя“, но и въ тѣхъ обличеніяхъ русской дѣйствительности (напр., грубое отношеніе къ женѣ, битье „по видѣнію“, т. е. лицу и пр.), которыя разсѣяны по всему произведенію. Домострой.

„Домострой“ любопытенъ и какъ сочиненіе, въ которомъ полно отразилось безотрадное міросозерцаніе московской Руси на жизнь: „страхъ къ Богу“ и „страхъ къ людямъ“,—вотъ, чѣмъ опредѣлялись всѣ главныя обязанности русскаго человѣка этой эпохи [2]). Безпомощный, творящій только „волю Божію“ и борющійся съ „волей дьявола“, онъ долженъ постоянно жить съ тревожной мыслью о „страшномъ судѣ“ за гробомъ и не менѣе страшномъ судѣ людскомъ здѣсь,—на землѣ. И вотъ, „Домострой“ даетъ совѣты, какъ умилостивить Бога и людей—и въ то же время втихомолку и поѣсть сытно, и пожить въ довольствѣ. Это

---

1) Истор. Хрест. I, 259.

2) Эти идеалы сохранились у насъ до XIX-ст. (ср. драмы Островскаго, особ. „Грозу“. Кабанова: является носительницей старыхъ традицій въ духѣ Домостроя).

„лавированье“ между Богомъ и людьми выразилось, главнымъ образомъ, въ стремленіи къ внѣшнему благочестію—по отношенію къ Богу—и знанію приличій—по отношенію къ людямъ. „Поученіе Владимира Мономаха“ было тоже, своего рода, „домостроемъ“ древнѣйшей Руси, но оно, въ нравственномъ отношеніи, стоитъ гораздо выше „Домостроя“, „въ которомъ всюду видно начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ людямъ“ (Протопоповъ). Эта уклончивость привела къ откровенному требованію поступаться правдой, когда это окажется необходимымъ.

„Русскій человѣкъ XII вѣка гораздо нелицемѣрнѣе смотрѣлъ на людскія отношенія и болѣе вѣрилъ въ искренность этихъ отношеній, нежели русскій же человѣкъ XVI в., и, въ противоположность послѣднему, скорѣе былъ готовъ пожертвовать собственными интересами за правду, чѣмъ примѣняться къ обстоятельствамъ“. (Протопоповъ).

Но справедливость требуетъ замѣтить, что нѣкоторыя мѣста „Домостроя“, принадлежащія, вѣроятно, самому Сильвестру, противорѣчатъ такой политикѣ жить „примѣнительно къ подлости“: такъ, въ главѣ „объ обязанностяхъ къ царю“ сказано: „а царю и князю и всякому вельможѣ не тщися служити лжею и клеветою и лукавствомъ, славы земныя ни въ чемъ не желай, вѣчныхъ благъ проси у Бога“. Изъ „послѣсловія“ рисуется самъ Сильвестръ, какъ личность свѣтлая и безупречная. Къ сожалѣнію, эти возвышенные совѣты, какъ и самое „послѣсловіе“, тонутъ въ массѣ наставленій болѣе низкаго сорта. Самое пониманіе христіанства понизилось: въ то время, какъ Мономахъ выдвигалъ на первое мѣсто христіанство „дѣятельное“,—не постъ и не черничество, а добрыя дѣла, молитву и покаяніе,—„Домострой“, повидимому, добрыя дѣла относитъ только къ разряду дѣяній, которыхъ требуетъ „приличіе“; о покаяніи онъ не говоритъ ничего, а на молитву смотритъ только съ внѣшней стороны. Постъ, строгое соблюденіе обрядовъ, устройство домашняго обихода по образцу богатаго монастыря, живущаго согласно „уставу“, вотъ основы того благочестія, выше котораго не поднялись требованія „Домостроя“.

Содержаніе. Въ первыхъ 15 главахъ говорится объ обязанностяхъ къ властямъ небеснымъ и земнымъ; въ слѣдующихъ 10 (XVI—XXVI)—объ обязанностяхъ къ людямъ, особенно къ семьѣ и дому; въ остальныхъ главахъ сообщаются правила экономіи, правила управленія хозяйствомъ. Идеалы

Идеалы пра-

«праведнаго житія сводились къ частымъ молитвамъ (ежедневно совершать утреннюю и вечернюю молитвы, пѣть часы, вечерню и молебны), украшать комнату иконами, ихъ содержать въ чистотѣ («крылышкомъ ометати и мягкою губою вытирати» и пр.). Молиться со всѣми вмѣстѣ днемъ и ночью, «тайно вставъ» (это совѣтовалъ и Мономахъ, какъ аскетическій пріемъ утружденія плоти); рекомендуетъ «Домострой» призирать бѣдныхъ и странныхъ. Въ главѣ о томъ, «какъ служить царю», чувствуется воззрѣніе самого Сильвестра—безстрашнаго и безкорыстнаго руководителя молодымъ царемъ въ лучшіе годы его царствованія: надо говорить царю одну правду и не гоняться за благами земными. Царь, съ точки зрѣнія «Домостроя»,—образъ Бога на землѣ. ведпаго итія (обязанности къ Богу, царю).

Въ главахъ, трактующихъ «объ обязанностяхъ семейныхъ», видно желаніе устроить семью на началахъ патріархальныхъ и болѣе гуманныхъ, чѣмъ это наблюдалось въ дѣйствительности: отецъ—глава дома, его власть неограниченна и поддерживается разумнымъ наказаніемъ. Обязанности семейныя.

Въ этомъ требованіи *разумности* наказанія видно недовольство дѣйствительностью, когда въ наказаніи жены и дѣтей, очевидно, не было мѣры, не было «приличія». Наказывать надо «безъ гнѣва», «но, наказавъ, пожаловати, и явити, и любовію наказывати», «по винѣ побить не передъ людьми, наединѣ; поучити да милость явити и пожаловати, а никако же не гнѣватися ни женѣ на мужа, ни мужу на жену», «а про всяку вину: по уху, ни по видѣнью, не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ; ни посохомъ, ни колоть; никакимъ желѣзнымъ, или деревяннымъ не бить: кто съ сердца, или съ кручины такъ бьетъ,—многія притчи отъ того бываютъ: слѣпота, и глухота, и руку, и ногу вывихнутъ, и перстъ; и главоболіе, и зубная болѣзнь... А плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово». «Плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, по винѣ смотря. Да поучивъ, примолвити: а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали; жалоба бы о томъ не была». Отношеніе къ женѣ и дѣтямъ.

Суровое воспитаніе рекомендуетъ «Домострой»: уваженіе дѣтей къ родителямъ основывалось только на томъ же страхѣ, съ которымъ родители относились къ Богу и людямъ.

«Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти». «Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего измлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимутъ враги твои. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя; и не даждь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся; и будетъ ти досажденіе, и болѣзнь душѣ, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги...».

«Безстрашія» и «безчинія» всего больше боится «Домострой»,—оттого и рекомендуетъ всю жизнь построить на страхѣ и приличіи; «душу

спасти», Богу и людямъ угодить и «домъ свой добрѣ строити» — вотъ, его идеалы. Всѣ его совѣты, какъ достигнуть этого идеала, сводились, въ сущности, къ постояннымъ компромиссамъ,—оттого и христіанство его, и самый аскетизмъ,—все размѣнялось по мелочамъ,—«мѣра знати во всемъ»—вотъ, основное правило «Домостроя»: только въ воспитаніи дѣтей онъ склоняется въ сторону бо̀льшей суровости.

Личность Сильвестра.

Тѣмъ ярче и симпатичнѣе на фонѣ этой жизни, умѣренной въ добрѣ и злѣ, рисуется образъ Сильвестра. Въ своемъ послѣсловіи, онъ разсказываетъ свою жизнь. Онъ жилъ «во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи», словомъ и дѣломъ онъ всегда служилъ людямъ, «не осмѣивалъ, не укорялъ даже враговъ», и «чрезъ то враги дѣлались друзьями»; «никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго», «рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ», сиротъ воспитывалъ, многимъ далъ образованіе и устроилъ ихъ жизнь... «Никому ни въ чемъ я не лгалъ», «не богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою да ласкою, да любовію, а не гордостію, и безъ всякой лжи».

Литературная исторія „Домостроя“.

„Домострой“ является не только выраженіемъ тѣхъ идеаловъ, которые сложились въ русской жизни,—онъ въ такой же мѣрѣ отразилъ на себѣ и книжные идеалы. Такъ, напримѣръ, въ главѣ „о воспитаніи дѣтей“ видно ясное вліяніе различныхъ библейскихъ книгъ, особенно „Премудрости Соломона“ и „Премудрости Іисуса сына Сирахова“; въ главѣ о томъ, какъ надо молиться, видно вліяніе и святоотеческихъ сочиненій, и монастырскихъ уставовъ. Самая форма „обращенія къ дѣтямъ“ тоже заимствована; въ древней Руси ходили по рукамъ такія произведенія: въ „Святославовомъ изборникѣ“ (1076 г.) есть „поученіе Ксенофонта“ къ дѣтямъ. Извѣстно еще было „поученіе Ѳеодоры“; къ этому же типу произведеній относится и „поученіе Мономаха“.

И „Стоглавъ“, и „Домострой“, стремясь возстановить „старину“, тѣмъ самымъ подчеркивали существованіе въ обществѣ стремленія къ „новшествамъ“. Для укрѣпленія „старины“ нужно было выдвинуть всѣ силы этой „старины“.

Подведеніе итоговъ русской культуры и политическое значеніе этихъ итоговъ.

И вотъ, „Домострой“ является итогомъ тѣхъ житейскихъ правилъ, которыя были выработаны русской стариной. Такое же значеніе итога, но не *житейской* мудрости, а русской *книжной* старины, имѣлъ грандіозный трудъ, начатый митр. Макаріемъ и носящій названіе Макарьевскихъ „Четей-Миней“. Это произве-

„Четьи-Минеи“.

деніе представляетъ собою попытку дать энциклопедію всей той письменности, которою нѣсколько вѣковъ жилъ русскій народъ; нужно было доказать богатство этого наслѣдія, нужно было удержать русскихъ людей отъ чтенія новыхъ книгъ,—для этого, въ

одно громадное сводное сочиненіе собраны были почти всѣ церковныя книги русскія и переводныя, повѣсти, житія, ходившія по рукамъ и хранившіяся въ монастырскихъ книгохранилищахъ [1]).

Задавшись такою цѣлью собрать въ одномъ сочиненіи всѣ древне-русскія произведенія, митр. Макарій, какъ и Сильвестръ съ его „Домостроемъ", этимъ самымъ проводили ту же идею объединенія, которое должно было скрѣпить въ *умственномъ* отношеніи около Москвы Русь, уже объединенную въ *политическомъ* отношеніи. Такое же значеніе въ цѣляхъ *церковнаго* объединенія преслѣдовало составленіе митр. Макаріемъ сводной „Кормчей", представлявшей собраніе святительскихъ постановленій. „Кормчая".

Тому же Макарію принадлежитъ идея составленія „Степенной книги", сводной исторіи русской, уже не погодной, а по „степенямъ" генеалогии князей: цѣль этого труда было привести русскій народъ къ сознанію единства и величія царской власти на Руси... „Степенная книга". Въ юридическомъ отношеніи попытка объединить Русь при помощи собранія всѣхъ юридическихъ актовъ выразилась еще при Іоаннѣ III въ составленіи „Судебника"; при Іоаннѣ IV онъ былъ пересмотрѣнъ (1550 г.). „Судебникъ".

Такими мѣрами хотѣла Москва отстоять свое высокое положеніе и значеніе: она пыталась исправить жизнь въ духѣ старины и сковать всю Россію единствомъ міросозерцанія, единствомъ житейскаго обихода, единствомъ законовъ и даже эстетическихъ вкусовъ. Правительство и церковь, въ тѣсномъ союзѣ, вступили на этотъ путь „закрѣпощенія" всего русскаго народа въ единообразныя формы стараго уклада жизни, полупатріархальнаго, полувизантійскаго характера.

Судьба искусствъ въ Московской Руси.

И въ области искусствъ тотъ же XVI в. будетъ отмѣченъ нами, какъ эпоха, когда стала просыпаться самобытность народнаго творчества. Русь приняла древне-христіанское искусство отъ Византіи тогда, когда тамъ уже творчество закончило свое развитіе, и начался періодъ его паденія. Такимъ образомъ, западъ, принявшій крещеніе въ живую пору процвѣтанія христіанскаго искусства и самъ окруженный величественными остатками античной старины, былъ счастливѣе насъ,—тамъ, подъ покровитель-

---

[1]) Такимъ образомъ это подведеніе, литературныхъ „итоговъ" было результатомъ стремленія *изолировать* свое умственное достояніе, накопившееся вѣками, отъ столь усилившихся теперь иноземныхъ „новшествъ", — стремленія „опредѣлить кругозоръ тѣхъ умственныхъ вопросовъ и интересовъ, котораго *не долженъ былъ* переступать благочестивый русскій человѣкъ"... Литература удѣльной Руси „собиралась" теперь въ Москвѣ не только потому, что вся умственная жизнь страны вообще сконцентрировалась теперь около Москвы; но и потому, что своимъ старымъ литературнымъ богатствомъ хотѣли подкрѣпить „зашатавшуюся Русь"...

ствомъ церкви, расцвѣли всѣ искусства. Первые архитекторы и въ Кіевѣ, и въ другихъ городахъ были греки — они строили храмы, украшали ихъ живописью, мозаикой и иконами. На много вѣковъ было ими опредѣлено все содержаніе и характеръ нашего искусства. Скорѣе живописи освободилась отъ гнета греческаго вліянія архитектура. Это и понятно—искусство строенія всегда болѣе другихъ зависитъ отъ тѣхъ мѣстныхъ условій, въ которыя оно поставлено—матеріалъ, климатъ, образъ жизни и привычки,—все это дѣлаетъ архитектуру болѣе уступчивой на внѣшнія воздѣйствія. И вотъ, наша русская изба, съ ея рѣзною орнаментаціей, съ особымъ устройствомъ крыши, балконовъ и крылецъ, къ серединѣ XVI в. вытѣсняетъ даже на каменныхъ зданіяхъ формы греческой и суздальской архитектуры, которыя также были чуждыми для насъ. Московскій соборъ Василія Блаженнаго, выстроенный въ русскомъ стилѣ и русскими мастерами,—является вѣнцомъ національнаго зодчества. Это новое теченіе въ архитектурѣ, сразу увлекшее тогдашнихъ зодчихъ,—обезпокоило церковныя власти. Предписано было «ничего не претворять по своему замышленію»; церковь Божію повелѣвалось «строить по правиламъ св. апостолъ и отецъ, чтобы была о пяти верхахъ, а не шатромъ». Эти «шатровыя» главы неразъ вызываютъ негодованіе московскихъ властей. За образецъ для подражанія былъ выставленъ Успенскій соборъ Ивана III,—между тѣмъ, эта постройка именно суздальскаго типа, т. е. не народнаго, а заимствованнаго. Такъ, въ погонѣ за старымъ, давили народное.

Архитектура.

Скульптура.

Скульптурѣ на Руси совсѣмъ нельзя было развиться. За блестящій расцвѣтъ этого искусства въ классической Элладѣ расплатились мы. Боязнь идолопоклонничества заставила Византію задавить это искусство. Тогда какъ на Западѣ оно процвѣтало подъ покровомъ церкви,—у насъ, по примѣру Византіи, считалось чуть ли не преступленіемъ.

Живопись.

Живопись наша тоже была взята изъ Византіи и на много вѣковъ была обречена на одно подражаніе. До конца XIV вѣка, въ особо важныхъ случаяхъ, приглашали «мастера-гречина». Съ XV в. искусство иконописное укореняется и у насъ. Являются, одна за другой, три художественныя школы: Новгородская, Строгановская и Московская, отличныя одна отъ другой по манерѣ письма, по композиціи рисунка. Эти особенности, смѣнявшіяся хронологически, свидѣтельствуютъ о постепенномъ освобожденіи художника русскаго отъ византійской рутины. Неизбѣжнымъ исходомъ развитія каждой школы было—стремленіе къ «живству» (т. е. реализму), а отсюда подражаніе живописи «фряжской» (западно-европейской), какъ такой, которая раньше нашей достигла этого «живства».

Церковь и здѣсь стала противъ новаго теченія въ иконописи. Одна изъ главъ Стоглава запрещала «самомышленіе» въ искусствѣ; запрещено было «своими догадками Божество описывать: ибо Христосъ Богъ нашъ описанъ плотью, а Божествомъ не описанъ». Очевидно, что уже въ XVI в. замѣчалось среди иконописцевъ стремленіе къ самостоятельному художественному пониманію святыхъ, далекому отъ копированья старыхъ образцовъ.

Консерватизмъ правительства московскаго.

Итакъ, что же мы видимъ на рубежѣ новаго времени? Духовная жизнь начинаетъ просыпаться, обнаруживается движеніе;

теченіе это проявляется все сильнѣе, сказывается и въ народной поэзіи, и въ искусствахъ, и въ пробужденіи мысли, и въ культурныхъ потребностяхъ. Начинается шатаніе прежняго и стремленіе къ новому. Но старина еще сильна, „древлее благочестіе" стоитъ на стражѣ,—и вотъ потоку молодой жизни ставятъ преграду. Индексы отреченныхъ книгъ распространяются повсюду—они должны убить апокрифъ и легенду. Образцы стараго иконописнаго письма, собранные въ „Подлинникъ" (образцы иконъ), должны убить стремленіе къ новшеству въ иконописи. Образецъ зодчества (Успенскій соборъ), оффиціально признанный за истинно-христіанскій и народный, долженъ остановить развитіе русской архитектуры. Свободомысліе Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева было сломлено Іосифомъ Волоцкимъ; „еретики" наказаны. Домострой Сильвестра долженъ былъ заковать жизнь въ однообразныя формы. Четьи-Минеи подводили итоги всѣмъ богатствамъ московскаго благочестія, — что было за предѣлами этихъ итоговъ, то было незаконно и отметалось. Но эти послѣднія усилія старой Москвы недолго торжествовали побѣду. Жизнь шла впередъ, а съ нею вмѣстѣ свободно развивалось народное творчество. „Подлинникъ"

§ 45. *Житія.* Этотъ видъ литературы особенно процвѣлъ въ XV—XVI вв. Усиленіе монашеской жизни, умноженіе монастырей,—все это привело къ обогащенію русской письменности новыми житіями, легендами, сказаніями. Вліяніе Епифанія Премудраго и Пахомія Логоѳета выразилось въ стремленіи писать житія витіевато, вмѣсто простого разсказа (какъ, напримѣръ, житіе Ѳеодосія) вносить „плетеніе словесъ". Въ этомъ „вкусѣ" писались новыя житія [1]), передѣлывались старыя. Такъ, напримѣръ, въ одномъ житіи (Михаила Клопскаго) встрѣчается сравненіе святого съ Геркулесомъ, Ахилломъ и пр. „Хотя и храбръ Еркулъ, но въ глубины нечестія погружался и тварь паче Творца почиталъ, также и Ахиллъ и Троянскаго царя Пріама сыновья были еллины, и, отъ еллинъ похваляемые, такой прелестной славы сподобились. Кольми паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ и великихъ нашихъ чудодѣлателей" и пр.". Житія.

Вся эта богатая житійная литература отразила на себѣ политическія настроенія эпохи. Прежде всего, ею воспользовалась Москва въ своихъ цѣляхъ объединенія Руси. Въ 1547 году многіе „мѣстные" святые (т. е. чтившіеся только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) были признаны „всероссійскими", ихъ почитаніе

сдѣлалось обязательнымъ для всей Руси; въ это же время были написаны житія и каноны всѣхъ тѣхъ святыхъ, которые еще ихъ не имѣли.

Любопытно, что русскія житія этой поры распадаются на двѣ группы.

А. П. Кодлубовскій о житіяхъ этого періода.

«Въ однихъ мы находимъ ясно выраженный культъ чисто внѣшняго подвижничества, обрядоваго, формальнаго благочестія, въ другихъ стремленіе къ внутреннему совершенству или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе упомянутаго культа; въ однихъ—духъ нетерпимости и суровости, вообще, мрачность и суровость религіознаго начала, въ другихъ—чувство кротости и любви, поставляемаго въ основу истиннаго подвига и истинно-христіанской жизни; въ однихъ отражается стремленіе къ строгой внѣшней организаціи жизни, хозяйственный ея характеръ,—для монастыря признается законнымъ владѣніе поземельной собственностью и управленіе ею, въ другихъ проводится идея свободы отъ земныхъ заботъ, стремленіе къ полной нестяжательности; въ однихъ—признаніе связи съ земной властью, служеніе ей, въ частности,—благоговѣніе передъ слагающейся властью московскаго государя, въ другихъ—почитаніе государственной власти, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраненіе независимости отъ нея въ дѣлахъ вѣры и нравственности; въ однихъ—любовь къ легендѣ, къ фантастическимъ сказаніямъ, по преимуществу мрачнаго характера, въ другихъ—отсутствіе ея». Таковы выводы, къ которымъ пришелъ недавно одинъ изъ изслѣдователей русскихъ житій (Кодлубовскій). Нетрудно замѣтить, что это раздвоеніе, сказавшееся даже въ житіяхъ святыхъ—есть отраженіе того глубокаго и непримиримаго дуализма, который все усиливался по мѣрѣ усиленія московскаго царя и близкаго ему духовенства. Любопытно, что житія, давшія такіе поучительные выводы, ясно распредѣляются по мѣстностямъ: первую категорію представляютъ житія, писанныя въ областяхъ, близкихъ къ Москвѣ,—вторую—писанныя въ предѣлахъ отдаленныхъ отъ Москвы, къ сѣверо-востоку. Такимъ образомъ политическіе идеалы Москвы переносились даже въ смиренные скиты и монастыри: Волоколамскій монастырь своими распорядками, умѣніемъ копить деньги, своей дисциплиной, своимъ формализмомъ, чинопочитаніемъ, своимъ «богопремудростнымъ коварствомъ», дипломатическими способностями своихъ игуменовъ тяготѣлъ къ своему прообразу—Москвѣ.

Если, такимъ образомъ, въ русскомъ духовенствѣ мы замѣчаемъ, съ одной стороны,—тяготѣніе къ политикѣ католичества, (земные интересы духовенства, внѣшній характеръ религіи, даже пріемы католичества—сочувствіе къ инквизиціи) то, съ другой стороны, старцы „заволжскіе" являются наиболѣе чистыми выразителями стараго греческаго аскетизма, соединеннаго съ созерцательностью, даже мистицизмомъ.

---

[1]) Напр. житія свв. Пафнутія Боровскаго, Димитрія Прилуцкаго, Сергія Обнорскаго, Саввы Вишерскаго, Діонисія Глушицкаго, Михаила Клопскаго, свв. Зосимы и Савватія.

§ 46. *Историческая повѣсть* этой эпохи отразила на себѣ не только интересы мѣстные, московскіе, но и тѣ міровые, которые захватили краемъ историческую жизнь Руси и оказали на нее свое вліяніе. Такое значеніе имѣютъ напримѣръ двѣ повѣсти: *„О Флорентинскомъ соборѣ“* и *„О взятіи Цареграда“*. Историческія повѣсти.

Повѣсть о Флорентинскомъ соборѣ была составлена суздальскимъ іереемъ Самсономъ, вскорѣ послѣ уніи (1439). Обстоятельный разсказъ о всемъ происходившемъ до собора и во время его особенно интересенъ вслѣдствіе тенденцій автора возвеличивать московскаго великаго князя,— за счетъ греческаго царя,—русское царство за счетъ греческаго; «греческій царь Иванъ отступилъ отъ свѣтлаго благочестія и омрачился тьмой ереси, а русская земля осталась православной и просвѣтилась свѣтомъ благочестія»—вотъ, основная идея произведенія. „Повѣсть о Флорентинскомъ соборѣ“

Повѣсть о созданіи и взятіи Цареграда начинается съ разсказа о разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ, сопутствующихъ основанію города. Изъ этихъ знаменій мудрые люди поняли, что Царьградъ будетъ въ рукахъ басурманъ, но потомъ вернется въ руки христіанъ. Затѣмъ слѣдуетъ подробный разсказъ объ осадѣ города; о чудесныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ. Причину гибели Цареграда авторъ повѣсти видитъ въ паденіи нравовъ, въ неправосудіи, въ порабощеніи народа. И въ этомъ произведеніи видно желаніе возвеличить русское царство,—по словамъ повѣсти, греки, потерявъ все, утѣшаются только благовѣрнымъ и вольнымъ царствомъ и царемъ русскимъ. Въ повѣсти есть предсказаніе, что Русь побѣдитъ со временемъ Турцію и захватитъ Царьградъ. „Повѣсть о созданіи и взятіи Цареграда“.

§ 47. *Сказанія*. Интересъ этой эпохи къ религіозной жизни вызвалъ появленіе многочисленныхъ „сказаній“, иногда очень красивыхъ и содержательныхъ. Любопытно, что, почти исключительно эти „сказанія“ изображаютъ жизнь уже не духовныхъ лицъ, а свѣтскихъ людей, людей обыкновенныхъ; они—или озарены христіанскимъ идеализмомъ, или приходятъ къ нему послѣ ошибокъ и заблужденій. Въ исторіи русской литературы эти „полуцерковныя“ сказанія очень интересны,—въ нихъ можно видѣть постепенный переходъ *житія* въ *повѣсть* (какъ апокрифъ, легенда есть переходъ въ сказку, или въ повѣсть, романъ). Когда въ этой повѣсти отпадетъ все чудесное, специфически-„житійное“—останутся обыкновенные люди, съ опредѣленными идеалами, съ ошибками и исправленіями. Сказанія.

Сказаніе о Марѳѣ и Маріи. У одного вельможи были двѣ дочери. Одна была выдана замужъ за человѣка знатнаго, но бѣднаго,—другая за богача. Между зятьями на пиру произошла распря изъ-за мѣстничества, кончившаяся ссорой на много лѣтъ. Оба они умерли въ одинъ день, и вдовамъ ихъ въ одно время пришла въ голову мысль ѣхать другъ къ другу повидаться, а, если возможно будетъ, то и жить совмѣстно. Обѣ „Сказаніе о Марѳѣ и Маріи“.

сестры встрѣтились на пути, «и сошлися, и поклонились между собой, и не признали другъ друга, что они родныя сестры, пока не спросили объ именахъ и отчествѣ; и потомъ спознались и начали лобызаться со слезами и радостью, и скорбѣть о мужьяхъ своихъ, что были между собой не въ любви до самой своей смерти; а скорбѣли не столько о нихъ, сколько о себѣ, что много лѣтъ не видѣлись, ни письмами другъ о другѣ не извѣщались». Легли онѣ спать, и обѣ увидѣли ангела, который далъ одной сестрѣ золота, другой—серебра и велѣлъ сотворить изъ золота животворящій крестъ, а изъ серебра—ковчегъ, а металлъ велѣлъ дать въ работу первому встрѣчному человѣку. Утромъ сестры встрѣтили трехъ монаховъ и отдали имъ золото и серебро.

Когда ихъ домашніе узнали о случившемся, то погнались за монахами, желая отнять золото и серебро и присвоить себѣ. Вскорѣ встрѣтили они монаховъ уже съ готовыми крестомъ и ковчегомъ. На вопросъ: «откуда они», старцы отвѣчали: «изъ Цареграда»; на вопросъ: «давно ли оттуда?»—старцы отвѣчали: «третій часъ». Ихъ хотѣли угостить трапезою, но они сказали: «мы—не пьющіе, и не ядущіе—это вамъ Господь повелѣлъ ѣсть и пить!» И, сказавъ это, исчезли.

Хотя возникло это сказаніе для объясненія явленія Унженскаго креста, но попутно, словно нечаянно, обрисовались два симпатичныхъ образа любящихъ сестеръ. Духъ миролюбія и христіанскій взглядъ на равенство и братство людей проникаетъ это сказаніе и является протестомъ противъ обычая родового быта и мѣстничества. «Въ этой повѣсти женщина, со своимъ нѣжнымъ и великодушнымъ сердцемъ, стоитъ на сторонѣ прогресса, и за свое человѣколюбіе и христіанское смиреніе награждается свыше». (Буслаевъ).

„Житіе Юліаніи Лазаревской.

Любопытно въ высокой степени *„Житіе Юліаніи Лазаревской“* [1]). Въ этомъ произведеніи рисуется во весь ростъ русская женщина, выросшая на русской почвѣ, но дошедшая въ своемъ развитіи до глубокаго пониманія христіанскихъ идеаловъ. Она—въ такомъ же отношеніи къ женщинѣ „Домостроя“, въ какомъ Нилъ Сорскій—по отношенію къ своимъ противникамъ, формалистамъ московскаго пошиба. Содержаніе житія слѣдующее:

Содержаніе житія—дѣтство и юность Юліаніи.

Ключникъ царя великаго князя Ивана Васильевича былъ мужъ благовѣрный и нищелюбивый; такова была и его жена. Было у нихъ много дѣтей. Ихъ маленькой дочери Юліаніи исполнилось 6 лѣтъ, когда она осталась сиротою; ребенка воспитала бабушка въ Муромѣ. До 12 лѣтъ бабка воспитывала Юліанію «во всякомъ благовѣріи и чистотѣ». Это воспитаніе было такъ прочно, что, когда Юліанія попала послѣ смерти бабушки на руки своей тетки, любившей разсѣянную жизнь, дѣвочка, хотя «почитала тетку свою и сестеръ и во всемъ была имъ послушна, но, попрежнему, любила смиреніе и молчаніе и, не взирая на насмѣшки, посту прилежала», «отъ смѣха и всякой игры удалялась», «къ играмъ

---

[1]) Хотя произведеніе это написано въ XVII в., но по характеру своему, произведеніе примыкаетъ болѣе къ письменности XVI в., чѣмъ XVII-го.

и пѣснямъ пустошнымъ не приставала», работала и помогала нищимъ и убогимъ. Церковь далеко была отъ ихъ дома — и ни разу въ церкви Юліанія не была и наставленія книжнаго не имѣла. «Только смысломъ благимъ была наставлена нраву добродѣтельному: не учившись книгамъ, ни учителемъ наставляемая, еще въ дѣвственномъ возрастѣ всѣ заповѣди исправила, и, какъ бисеръ многоцѣнный, свѣтилась среди тины». 16 лѣтъ она была выдана замужъ. И мужъ, и его родичи оказались людьми хорошими. «Она же со всѣмъ смиреніемъ послушаніе и повиновеніе имѣла къ нимъ, ни въ чемъ не ослушивалась, не перечила, но много почитала ихъ и все повелѣнное имъ непрекословно совершала: такъ что и свекоръ, и свекровь дивились и всѣ родственники ихъ. И многіе испытывали ее въ рѣчахъ и отвѣтахъ; она же, на всякій вопросъ, давала благочинный и смысленный отвѣтъ: и всѣ дивились ея разуму и славили Бога». Она уклонялась отъ услугъ рабовъ и рабынь и «сама все собою творила» и «всегда со смиреніемъ, укоряя душу свою, говорила: кто же я сама, убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки, созданіе Божіе». Даже непокорность и злонравіе рабовъ она сносила, принимала часто на себя ихъ вину, говоря: «сама я передъ Богомъ всегда согрѣшаю, а Богъ мнѣ терпитъ — что же мнѣ на этихъ взыскивать. Такіе же люди, какъ и я!» Часто за это бранили ее домашніе, но она оставалась непоколебимой, помня слова Спасителя: «не обидите малыхъ сихъ, ангелы бо ихъ всегда видятъ лицо Отца моего Небеснаго». Юліанія замужемъ.

Искушалъ ее «дьяволъ» всячески, но ея стойкость и помощь св. Николая побѣдили бѣсовъ. Во время голодовокъ и мора она все свое раздала нуждающимся; даже когда кто изъ нищихъ умиралъ, нанимала обмыть его и покупала погребальныя ризы и на погребеніе посылала денегъ. Жила она счастливо до старости; было у нея 10 сыновей, 3 дочери; подъ старость увидѣла она отъ діавола горе: между дѣтьми не было ладу; старшій сынъ былъ убитъ рабомъ; но Юліанія и тогда не возроптала. Несмотря на желаніе идти въ монастырь, она осталась въ міру, но обставила свою жизнь разными истязаніями плоти и лишеніями. «Плакалась, видя человѣка въ бѣдѣ; съ рабами же, какъ съ родными дѣтьми, обходилась, — не любила гордости, ни величанія: была для нихъ истинная мать, а не госпожа». «Гдѣ же говорящіе, что будто въ міру нельзя спастись?» — задаетъ вопросъ авторъ житія и продолжаетъ: «не мѣсто спасаетъ, а умъ и изволеніе къ Богу. Адамъ и въ раю утопился; Лотъ и въ Содомѣ спасся! Вотъ блаженная Юліанія и съ мужемъ пожила, и дѣтей рождала, и рабами владѣла, а Богу угодила, и Богъ прославилъ ее».

Овдовѣвъ она еще усилила истязанія своей плоти. Бѣсы прилагали всѣ усилія, чтобы побѣдить ее, но все было тщетно. Однажды, во время молитвы, на нее набросилось множество бѣсовъ. Св. Николай разогналъ ихъ палицею, а одного изъ нихъ поймалъ и много мучилъ. Бѣсъ поклялся отомстить, — онъ ей предсказалъ, что подъ старость она будетъ нищенствовать, но она знаменовалась крестомъ, и бѣсъ исчезъ. «Потомъ пришла она къ намъ въ ужасѣ, разсказываетъ авторъ сказанія — измѣнилась лицомъ и ничего до времени не сказала домашнимъ о причинѣ испуга». Старость Юліаніи.

При Борисѣ Годуновѣ былъ ужасный голодъ; Юліанія все роздала,

отпустила рабовъ на свободу и питалась и питала другихъ хлѣбомъ изъ лебеды и коры древесной. «Молитвою ея этотъ хлѣбъ былъ сладокъ». «И терпѣла въ той нищетѣ два года: не опечалилась, не смутилась, не роптала и не изнемогла нищетою, но была еще веселѣе прежняго».

Смерть Юліаніи.

Разболѣлась она передъ кончиною; днемъ лежала, а ночью сама вставала на молитву. И умерла она спокойная и счастливая, «и увидѣли всѣ тотчасъ на головѣ ея золотой вѣнецъ и бѣлый убрусъ, омыли и положили ее въ клѣти, и въ ту ночь видѣли тамъ горящія свѣчи, а весь домъ наполнился благоуханія...»

Личность Юліаніи.

Юліанія спаслася въ «міру». Она сумѣла вырости на очень жесткой почвѣ,—это видно изъ текста житія: какъ ни хороши были родители мужа и онъ самъ, однако, они бранили ее за снисходительность къ рабамъ; добро дѣлать приходилось тайкомъ; грубая челядь «посмѣхалась» своей хозяйкѣ,—и все-таки, воодушевленная, вся проникнутая словами Христа, Юліанія сумѣла отнестись человѣчно ко всей тогдашней жизни, сумѣла вынести свою личность незапятнанной изъ тогдашнихъ суровыхъ отношеній. «Кроткая и благочестивая съ раннихъ лѣтъ дѣвическаго возраста, Юліанія всегда отличалась нѣжностью и теплотою чувства, восторженною набожностью и преданностью своему долгу и обязаностямъ. Съ женственною граціею умѣла она соединить твердость воли, безропотно встрѣчая невзгоды и бѣдствія, которыя предназначено было ей терпѣть въ жизни. Не рыдала, не рвала на головѣ волосъ, когда убили ея сына, но скорбѣла душою. Общественныя бѣдствія, проносившіяся надъ нею, только изощрили ея любящее, сострадательное сердце» (Буслаевъ).

Юліанія и Лиза Калитина.

Этотъ умилительный образъ, сіяющій ровнымъ, спокойнымъ свѣтомъ, сродни дорогому всѣмъ образу Лизы Калитиной изъ «Дворянскаго Гнѣзда». Героиня Тургенева, признанная общимъ голосомъ за идеалъ русской женщины, выросла въ нѣдрахъ русской жизни,—тамъ, гдѣ вѣками созрѣвало пониманіе христіанства, гдѣ цвѣло «умное дѣланіе», исканіе «царства Божія» внутри себя [1]).

Герои сказаній.

Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ передъ нами ужъ не святые, не божіи угодники — передъ нами праведные люди, устоявшіе среди соблазновъ жизни мірской. Дальнѣйшимъ шагомъ русской письменности къ реализму, къ дѣйствительности, было изображеніе людей, не безупречныхъ по своей святости, а обыкновенныхъ смертныхъ, знающихъ грѣхъ, но знающихъ и раскаяніе.

„Повѣсть о пресвитерѣ Тимофеѣ".

Любопытна также *„Повѣсть о пресвитерѣ Тимофеѣ"*: онъ во время исповѣди совершилъ великій грѣхъ и, боясь наказанія, «осѣдла коня» своего и премѣни образъ свой поповскій и облечеся въ воиньскую одежду, убѣжалъ къ татарамъ». Тамъ онъ обасурманился, «поня за себя двѣ жены», сдѣлался воеводой и часто нападалъ на русскія земли.

Прошло 30 лѣтъ. Богъ пожелалъ спасти грѣшника. Разъ, послѣ кровопролитной побѣды надъ русскими, онъ возвращался въ Казань. Отставъ отъ своихъ войскъ, ѣхалъ онъ одинъ полемъ «и, вспомянувъ грѣхъ

---

[1]) Ср. разсказъ Катерины объ ея юности („Гроза"); жизнь Маріи Болконской („Война и миръ").

совершенный свой, нача пѣти умильно красный стихъ, любимый пречистой Богородицей». Пѣнiю услышалъ одинъ русскiй, лежавшiй въ лѣсу, три дня укрывавшiйся тамъ отъ татаръ. Онъ вышелъ изъ убѣжища, разсчитывая увидѣть русскаго. Произошло объясненiе. Обасурманившiйся попъ вспомнилъ о родинѣ и «нача жалостно и радостно плакати и, сшедъ съ коня своего, и нача землю мочити слезами своими на многъ часъ». Разсказавъ свою исторiю, онъ сталъ просить у земляка, чтобы тотъ у митрополита выпросилъ для него прощенiе его грѣховъ и въ назначенный день привезъ отпущенiе на то мѣсто, гдѣ они встрѣтились. Затѣмъ они разстались. Въ назначенный срокъ посланный попа Тимофея, исполнивъ его просьбу, прiѣхалъ первый и, увидя приближающагося Тимофея, спрятался и сталъ наблюдать. Попъ, не видя своего посланца и думая, что его нѣтъ, «сверžеся съ коня и плакашася горько». Увидѣвъ отрока, «побѣже скоро противу его и начатъ отрока цѣловати». Когда отрокъ подалъ ему отпускную грамоту отъ митрополита, грѣшникъ «вопiяше мытаревымъ гласомъ», благодаря Бога, и вдругъ упалъ на землю и умеръ. Отрокъ похоронилъ его и провелъ ночь у могилы. Во снѣ явился ему спасенный грѣшникъ, благодарилъ его за помощь и завѣщалъ ему свои богатства, коня, драгоцѣнную сбрую и оружiе.

Въ этой легендѣ мы окружены людьми уже самыми обыкновенными и происшествiями, въ которыхъ чудесный элементъ чуется скрытымъ гдѣ-то глубоко. Легенда полна жизни, драматизма и глубоко вводитъ читателя въ психологiю обоихъ дѣйствующихъ лицъ.

Отраженiе политическихъ интересовъ на повѣствовательной литературѣ.

Напряженность интересовъ политическихъ и историческихъ отражались въ переводахъ, а также въ сочиненiяхъ цѣлаго ряда произведенiй политическаго характера: появилась впервые у насъ политическая повѣсть, явились историческiе труды, проникнутые опредѣленными политическими идеалами.

Политическая повѣсть.

§ 48. *Политическая повѣсть.* Особый интересъ въ эту эпоху обнаружился къ „повѣсти о Вавилонѣ" (См. выше, стр. 54). Ее у насъ особенно охотно читали и переписывали. Происхожденiя она византiйскаго и уже на родинѣ принадлежала къ политическимъ повѣстямъ. Смыслъ ея заключается въ желанiи связать историческое прошлое византiйской императорской власти съ мiровой властью знаменитыхъ монарховъ Востока. Содержанiе повѣсти слѣдующее:

Содержанiе „повѣсти о Вавилонѣ".

Навуходоносоръ, сдѣлавшись царемъ, приказалъ въ Вавилонѣ вездѣ сдѣлать знаки змѣя на домахъ, на оружiи, на платьѣ жителей. Затѣмъ онъ сдѣлалъ мечъ-самосѣкъ, «аспидъ-змiй», который во время боя самъ вылеталъ изъ ноженъ и рубилъ враговъ. Когда царь умиралъ, онъ велѣлъ замуровать мечъ въ стѣнѣ и запретилъ его доставать. Сынъ его, по просьбѣ горожанъ, защищая городъ отъ враговъ, вынулъ мечъ изъ стѣны, но не сумѣлъ съ нимъ справиться: мечъ порубилъ многихъ жителей и его самого. Тогда изображенiя змѣй, сдѣланныя еще покойнымъ

царемъ, ожили и поѣли всѣхъ оставшихся въ живыхъ. Вавилонъ обезлюдѣлъ и опустѣлъ; его населили звѣри и змѣи. Кругомъ городской стѣны легъ громадный змѣй, держащій конецъ хвоста своего въ пасти. Прошло много вѣковъ. Греческій императоръ Левъ посылаетъ въ городъ трехъ пословъ, чтобы они нашли, гдѣ лежатъ мощи св. отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила. Посланные—грекъ, обежанинъ и славянинъ, послѣ многихъ приключеній, проникаютъ въ городъ и берутъ съ гробницъ святыхъ отроковъ кубокъ съ миррой и ливаномъ, чтобы отнести въ Византію. Голосъ изъ гробницы посылаетъ ихъ въ царскія палаты, чтобы оттуда они взяли два вѣнца—царя и царицы. Послы берутъ вѣнцы и отправляются въ обратный путь.

Но, перелѣзая черезъ змѣя, они его разбудили—и уцѣлѣли лишь чудомъ. Отъ одного свиста змѣинаго погибла часть императорскаго войска. Посланнымъ удалось доставить вѣнцы въ Византію.

Смыслъ этой повѣсти заключается въ томъ, что въ представленіи византійскихъ грековъ ихъ родина сдѣлалась наслѣдницей когда-то могучаго Востока.

«Власть надъ вселенной, всемірная имперія символически переносилась вмѣстѣ съ вѣнцомъ Навуходоносора изъ Вавилона въ Византію. Эта идея византійскаго политическаго самосознанія, разрабатываясь послѣдовательно, вела къ представленію Византіи, какъ источника политической власти вообще» (Веселовскій). Византія считалась «вторымъ Римомъ», т. е. наслѣдницей Запада.

Распространенность этой повѣсти.

Понятно, что такая идея была легко растяжимой и безъ труда могла захватить, кромѣ Византіи, и еще другіе города и царства. Такъ и случилось: въ разныхъ редакціяхъ эта повѣсть была хорошо извѣстна средневѣковой западной литературѣ.—Любопытно, что цѣль путешествія трехъ пословъ оказывается различной, въ зависимости отъ интересовъ той среды, въ которую попадало сказаніе. Въ одномъ житіи три посла идутъ въ Вавилонъ за мощами святыхъ отроковъ; въ одной западной поэмѣ—за драгоцѣнностями царя. Только въ русскихъ повѣстяхъ настойчиво говорится о „царскихъ знакахъ“. Это ясно указываетъ, что на Руси благодарный мотивъ сказанія попалъ въ среду горячихъ политическихъ интересовъ и сдѣлался ихъ отраженіемъ. Съ нимъ тѣсно связался на русской почвѣ цѣлый рядъ однородныхъ сказаній. Основой этихъ сказаній акад. И. Н. Ждановъ считалъ фантастическую генеалогію и исторію русскихъ князей, подъ названіемъ:

„Сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ“.

„*Сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ*“ [1]), сложившуюся въ концѣ XV, или въ началѣ XVI в. и болѣе извѣстную въ цѣломъ рядѣ переработокъ, чѣмъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Особенно

---

1) Истор. Христ. I, 275.

обстоятельна переработка сказанія въ „Посланіи Спиридона-Саввы“, бывшаго митрополита Кіевскаго.

„Посланіе Спиридона-Саввы“.

Нѣкто настойчиво просилъ у него составить исторію русскихъ князей—и престарѣлый авторъ, 91 года отъ роду, составилъ свое «Посланіе». Повѣствованіе начинается съ разсказа о раздѣленіи земли между потомками Сима, Хама и Іафета; слѣдуетъ перечень великихъ монарховъ; между ними встрѣчаются имена Александра Македонскаго, Юлія Цезаря. Братъ Цезаря, Августъ былъ императоромъ: «его облекли въ одежду царя Сесостриса, на голову возложили митру Пора, царя индѣйскаго»,—онъ вѣнчался «вѣнцомъ римскаго царства». Свою всемірную имперію онъ дѣлитъ между родственниками. Между прочимъ, Прусу, брату своему, онъ отдалъ берега Вислы и Нѣмана. Отъ него пошелъ народъ Пруссы; Рюрикъ былъ князь отъ рода Пруса,—его призвалъ на Русь Гостомыслъ. «И отъ того великаго князя Рюрика четвертое колѣно—князь великій Володиміръ, просвѣтившій землю русскую св. крещеніемъ, нареченный въ св. крещеніи Василій; и отъ него четвертое колѣно князь великій Володиміръ Всеволодовичъ». Далѣе разсказывается, какъ этотъ великій Володиміръ, по примѣру Олега и Игоря, хотѣлъ взять дань съ Цареграда и пошелъ походомъ. Императоръ Византійскій Константинъ прислалъ ему умилостивительные дары—крестъ изъ того древа, на которомъ былъ распятъ Христосъ, вѣнецъ царскій, крабицу сердоликову, ожерелье и пр. Вѣнецъ былъ присланъ для коронованія, какъ знакъ «вольнаго самодержавства великія Руси». Съ тѣхъ поръ Владиміръ получилъ прозвище «Мономаха», а вѣнцомъ его коронуются всѣ великіе князья московскіе.

Эти же свѣдѣнія въ сокращенномъ видѣ встрѣчаемъ мы въ „Родословіи великихъ князей Русскихъ“. Очевидно, Спиридонъ-Савва воспользовался для „Посланія“ этимъ „Родословіемъ“, а также „Сказаніемъ о князьяхъ Владимирскихъ“.

Наконецъ, существуютъ сказанія, объясняющія, почему послѣ Владимира русскіе князья не вѣнчались на царство вплоть до Василія III. Оказывается, Владиміръ Мономахъ передалъ „царскіе знаки“ сыну своему Георгію, велѣлъ ихъ оберегать,—никто изъ князей не имѣлъ права одѣвать эти знаки,—ихъ передавали лишь изъ роду въ родъ, пока не появится въ ихъ потомствѣ истинный самодержецъ,—царь, воздвигнутый самимъ Богомъ.

Популярность этихъ сказаній

Наши предки вѣрили этимъ сказаніямъ,—это видно, хотя бы, изъ рѣчей Грознаго, который даже въ дипломатическихъ сказаніяхъ любилъ говорить о своемъ римскомъ происхожденіи. „Мы отъ Августа Кесаря родствомъ ведемся“—писалъ онъ шведскому королю. Свою генеалогію онъ изобразилъ на тронѣ, велѣлъ перевести на латинскій языкъ для распространенія въ Западной Европѣ. „Мои предки были нѣмцы“, говаривалъ онъ, по сви-

дѣтельству Флетчора; слово „бояре“ Грозный царь выводилъ изъ нѣмецкаго слова „Vayern“.

Для московскаго царя надо было придумать подходящую генеалогію. Образцомъ для нея могли служить подобныя же вымышленныя генеалогіи у славянъ: болгарскіе цари Асѣни вязывали свое происхожденіе съ римской аристократіей; сербскіе—вели себя отъ Августа. Такъ сложилась и фантастическая генеалогія русскихъ царей отъ Августа.

Насколько популярны были въ народѣ эти сказанія, видно изъ того, что они проникли въ народныя пѣсни и сказки. Такъ въ пѣсняхъ о Грозномъ есть разсказъ объ его царскомъ вѣнчаніи. Во время пира царь Иванъ хвалится, что

«...повынесъ царенье изъ Царя-Града,
Царскую порфиру па себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ...» [1]).

„Сказка о Бормѣ“.

Въ одной сказкѣ Самарскаго края Грозный царь кличетъ кличъ: „Кто мнѣ достанетъ изъ Вавилонскаго царства корону, скипетръ, державу?“ Послѣ трехъ дней ожиданія является пьяница-Борма—плутъ и пройдоха; онъ добываетъ изъ Вавилона все, что хотѣлъ царь и, послѣ ряда комичныхъ приключеній, черезъ 30 лѣтъ странствованія, приноситъ все царю. Въ награду онъ проситъ о дозволеніи три года „безданно, безпошлинно“ пить во всѣхъ кабакахъ. Такимъ образомъ, строгій тонъ основного сказанія здѣсь смѣнился шутовскимъ колоритомъ. Есть, впрочемъ, народныя сказки, развивающія этотъ же сюжетъ, но сохраняющія серьезный тонъ.

Совершенно аналогично только что разобраннымъ сказаніямъ о царскихъ знакахъ—другое сказаніе о знакахъ святительскихъ—„*Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ*“ [2]). Эта легенда точно также византійскаго происхожденія, и возникла тамъ же въ отвѣтъ на волновавшіе всѣхъ вопросы объ отношеніяхъ греческой церкви къ римской. Впослѣдствіи мотивы этого сказанія легко пріурочились къ интересамъ обособленной и высокомнящей о себѣ русской церкви XV вѣка. Содержаніе сказанія слѣдующее:

„Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ“.

Содержаніе.

Константинъ Великій очень уважалъ папу Сильвестра, особенно, когда ему явились во снѣ ап. Петръ и Павелъ и приказали чтить Сильвестра,

---

[1]) Въ одной пѣснѣ читается: „царскую порфиру на себя одѣлъ“, въ другой—„вывезъ Перфила изъ Царя града“, „вывелъ Перфила изъ Новгорода“. Есть, наконецъ, указанія, что порфиру царь вывезъ изъ Казани.

[2]) Истор. Хрест. I, 276.

«яко Бога, отца его себѣ и папою именовати». Константинъ хочетъ короновать папу вѣнцомъ царскимъ. Но апостолы являются ему во снѣ и показываютъ «одѣяніе бѣло», приличное украшать святителя. Императоръ подносить Сильвестру бѣлый клобукъ и самъ удаляется изъ Рима въ Византію, не считая возможнымъ для себя, земного царя, властвовать въ томъ городѣ, гдѣ святительская власть установлена самимъ Господомъ.

Когда Римъ палъ нравственно, благочестіе угасло, пастыри римскіе уклонились въ ересь, «святого бѣлаго клобука не любяху»,—тогда въ Римѣ перестали уважать клобукъ и даже хотѣли его уничтожить. Но св. Константинъ и Сильвестръ спасаютъ клобукъ. По приказанію ангела, грознаго на видъ, клобукъ отосланъ въ Константинополь. Далѣе въ повѣсти идетъ русское наслоеніе. Патріарху является во снѣ юноша святой и велитъ отправить бѣлый клобукъ въ русскую землю. Нежеланіе патріарха выпускать святыню изъ своихъ рукъ не привело, однако, ни къ чему: явились къ нему во снѣ свв. Константинъ и Сильвестръ и потребовали отправленія клобука на Русь—«Ветхій бо Римъ отпаде славы отъ вѣры Христовой гордостью и своею волею; въ новѣмъ же Римѣ, еже есть въ Константинѣ-градѣ, насиліемъ агарянскимъ такожe христіанская вѣра погибнетъ; въ третіемъ же Римѣ, еже есть на русской землѣ, благодать св. Духа возсія» [1]). Вся христіанская придутъ въ конецъ и снидутся во едино царство русское, православія ради» — сказали они. Почему, въ концѣ концовъ, клобукъ попалъ въ Новгородъ, не въ Москву — это является загадкой. Вѣроятно, повѣсть существовала въ двухъ отдѣльныхъ видахъ; изъ нихъ сохранилась редакція новгородская.

Отраженіе политическихъ интересовъ въ переводныхъ повѣстяхъ.

Политическое значеніе имѣютъ и тѣ переводныя сказанія, интересъ которыхъ заключался въ томъ, что они отвѣчали запросамъ минуты. Созданныя вдали России, въ зависимости отъ чуждыхъ намъ историческихъ условій, они нашли пріуроченье у насъ въ благопріятное для этого время.

Если въ приведенныхъ выше произведеніяхъ мы имѣли дѣло съ *переработкой* ходячихъ мотивовъ, то теперь мы перейдемъ къ нѣсколькимъ переводнымъ письменнымъ произведеніямъ, *пріуроченнымъ* къ русской жизни.

„Сказаніе о Дракулѣ".

Такъ, съ личностью Грознаго связывается повѣсть: „*Сказаніе о Дракулѣ, мутьянскія земли воеводѣ*". Характерная черта героя—жесто-

[1]) „Вмѣстѣ съ представленіемъ преемства Москвой значенія Византіи, понатіе о вселенской церкви стало заключаться въ географическіе предѣлы церкви русской. Въ XV вѣкѣ складывалось и крѣпло у русскихъ людей убѣжденіе, что другіе христіанскіе народы, отпавшіе отъ православія, теряютъ свою самостоятельность. Послѣ Флорентійской уніи греки упали въ глазахъ русскихъ. Русскіе люди стали высказываться, что „греки къ своей погибели отъ истины свернулись и печать антихристову на челѣ и десницѣ пріяли". А когда Константинополь былъ взять турками, то русскіе люди усмотрѣли въ этомъ Божіе наказаніе за отступленіе отъ православія. Русская же земля, наоборотъ, свергла иго татарское, ибо твердо сохранила свое православіе. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что Москва есть единственное православное государство, а греческое православіе заражено латинствомъ".

кость. Вся повѣсть состоитъ изъ ряда анекдотовъ о безчеловѣчіи Дракулы, каравшаго пороки подчиненныхъ. Повѣсть извѣстна и на западѣ; у насъ ея популярность объясняется сближеніемъ личности героя съ Иваномъ Грознымъ. Народная фантазія въ одномъ разсказѣ даже приписала Грозному подвигъ Дракулы.

„Сказаніе о Махметѣ“.

Въ *сказаніи о Махметѣ*, произведеніи очень любопытномъ, затронутъ вопросъ о паденіи Цареграда. Махметъ изображенъ жестокимъ владыкой, который, ради установленія правды, прибѣгаетъ къ казнямъ. Мораль повѣсти въ заключительныхъ словахъ Махмета: «Махметъ-султанъ учалъ говорити сеитомъ и пашамъ своимъ, и воеводамъ, и всѣмъ людемъ: «аще не такою грозою великій народъ устрашити, ино и правды въ землю не ввести; зане же только грозы людямъ не будетъ,—ино книгъ законныхъ не послушаютъ, и какъ конь человѣкомъ безъ узды, такъ и царство подъ царемъ безъ грозы».

Сказаніе о Петрѣ Волошскомъ воеводѣ“.

Съ такимъ же характеромъ, съ такими же намеками на московскіе порядки при Иванѣ IV извѣстно и «*Сказаніе о Петрѣ, Волошскомъ воеводѣ, какъ писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руссіи*“. И въ этой повѣсти говорится о необходимости строгихъ мѣръ для поддержанія правды въ царствѣ. Волошскій воевода много слышалъ о Московскомъ царствѣ, восхвалялъ его благочестіе и святость, но зналъ, что неправды тамъ много. Особенно предостерегалъ Петръ царя московскаго «отъ ловленія» вельможъ, которые «ворожбой и кудесами» готовы его погубить. Оканчивается повѣсть просьбой помощи отъ Москвы, отъ «насильства турецкаго». Еще съ именемъ Грознаго Царя связывалась «*Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа*».

Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа.

Это произведеніе посвящено обличенію близкихъ царю лицъ, которыя строятъ противъ него козни, готовясь извести его чародѣйствомъ.

Перечисленныя произведенія любопытны въ высшей степени, такъ какъ ясно обнаруживаютъ тревожное настроеніе московскаго общества при Грозномъ. Будучи переводными, они, очевидно, приспособились къ эпохѣ, къ народнымъ толкамъ того времени и, вѣроятно, въ русскихъ спискахъ восприняли въ себя кое-какія московскія черты.

Историческія повѣсти.

Изъ повѣстей, изображающихъ русскую историческую жизнь, интересны, хотя бы, слѣдующія: „О походѣ Іоанна III на Новгородъ“, „О взятіи Пскова Іоанномъ IV“, „О взятіи Казани“ и др. Особаго художественнаго значенія эти произведенія не представляютъ; отличаясь бо̀льшею или меньшею живостью, они всѣ тенденціозны, въ зависимости отъ того, на чьей сторонѣ стоялъ ихъ авторъ,—тянулъ ли онъ къ Москвѣ, или къ ея врагамъ.

Историческія сочиненія. Лѣтописи.

§ 49. *Историческія сочиненія* тоже представляютъ собой нѣкоторый интересъ: и теперь, въ XV—XVI вв., составляются еще лѣтописи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно у ихъ составителей стремленіе придать имъ „сводный“ характеръ. Но, кромѣ лѣтописей, къ этой

эпохѣ относятся и историческія произведенія совершенно новаго типа. Такъ, напримѣръ, въ „Степенной книгѣ“ встрѣчаемъ мы изложеніе церковныхъ и гражданскихъ событій по родословному порядку, по „степенямъ“ великокняжескаго рода. „Царственная книга“ есть описаніе царствованія Іоанна Грознаго. Этому же царствованію посвящено интересное сочиненіе кн. Курбскаго: „Исторія князя великаго Московскаго“. Въ этой исторіи разсказано о дѣтствѣ Грознаго, объ его порочной юности и исправленіи подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, потомъ о злой перемѣнѣ въ его душѣ. Тенденція „Исторіи“—строго боярская, идея—та же, что была авторомъ выражена и въ „Перепискѣ“ Эта „Исторія“ отличается отъ лѣтописи своимъ прагматизмомъ, кромѣ того, въ ней нѣтъ безпристрастія, объективности. Передъ нами, скорѣе, „записки“ современника.

„Степенная книга“. „Царственная книга“. „Исторія кн. вел. Московскаго“.

§ 50. *Путешествія.* Къ XV—XVI вв. относится немало описаній путешествій по св. мѣстамъ (напр. іеродіакона Зосимы, Трифона Коробейникова и Юрія Грекова и др.); всѣ они значительно уступаютъ по своимъ достоинствамъ „Хожденію игумена Даніила“ Особенно любопытно „Путешествіе Аѳанасія Никитина въ Индію“. Это—живой разсказъ о невѣдомой сказочной странѣ, издавна привлекавшей вниманіе русскаго человѣка [1]).

Путешествія. „Путешествіе Аѳанасія Никитина“.

Русскій путешественникъ сообщаетъ о разныхъ диковинкахъ индійской флоры и фауны, подробно разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ, о религіи индійцевъ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ. Три года провелъ Никитинъ на чужбинѣ, тоскуя по вѣрѣ православной и родной землѣ. Въ концѣ своихъ записокъ, вспоминая разныя земли, имъ видѣнныя, онъ восклицаетъ: „Русская земля! да сохранитъ ее Богъ, Боже сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны! Да устроится русская земля!“

§ 51. *Авантюрныя повѣсти.* Къ этой же эпохѣ, правда, предположительно, могутъ быть отнесены двѣ нерусскія повѣсти (объ Еруслanѣ и о Бовѣ), которыя у насъ обрусѣли до такой степени, что могутъ считаться почти народными [2]). Содержаніе *сказки объ Еруслaнѣ Залазаревичѣ* [3]) заимствовано изъ персидской народной эпопеи „Шахъ-Намэ“. Еруслaнъ, или Русланъ,—это—Рустемъ

Авантюрныя повѣсти. „Сказка объ Еруслaнѣ“; ея источникъ.

[1]) Ср. сказаніе объ индійскомъ царствѣ, „Александрію“ и др.

[2]) Всѣ другіе авантюрные романы, попавшіе къ намъ въ XVII в., совсѣмъ мало поддались обрусѣнію, сохранивъ свой книжный стиль; указанныя же два произведенія вполнѣ усвоили складъ русской народной сказки и былины,—ясное доказательство, что онѣ пришли къ намъ раньше тѣхъ, что явились въ XVII в.

[3]) Истор. Хрест. I, 286.

восточныхъ преданій. Отецъ его, Залазарь, или Лазарь—это Зальцеръ; царь Картаусъ—Кейкаусъ. „Подсолнечное царство" взято изъ восточныхъ сказокъ и встрѣчается, между прочимъ, въ сказкахъ 1001 ночи. Сказка дошла до насъ въ сильной русской переработкѣ, утративъ совершенно всѣ слѣды восточнаго колорита. Эпическія повторенія, эпическія числа, общія мѣста русской былины и сказки, мѣстами даже слѣды былиннаго размѣра,—все это дѣлаетъ заимствованное произведеніе почти русскимъ. Значеніе этого произведенія очень велико, что видно, хотя бы, изъ его популярности: оно дожило до нашихъ дней, удостоилось, вѣроятно, до сотни лубочныхъ изданій, вдохновило нѣсколькихъ романистовъ XVIII-го вѣка и, черезъ ихъ посредство, великаго поэта нашего Пушкина—на созданіе первой его поэмы. Содержаніе ея слѣдующее:

Руссификація сказки.

Содержаніе.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ царь Картаусъ. У него 12 богатырей; надъ ними начальникъ Лазарь, дядя царя. 10 лѣтъ у князя Лазаря не было дѣтей; наконецъ, Богъ услышалъ его и жены молитвы и далъ имъ дѣтище—«съ молоду на потѣху, а по смерти на поминъ души»—родился сынъ Еруcланъ. «Лицомъ онъ былъ румянъ и власы имѣлъ русые, очи свѣтлыя». 12 лѣтъ отъ роду сталъ Еруcланъ «шутить съ боярскими дѣтьми: кого ухватитъ за голову—голова у того прочь, кого ухватитъ за руку—у того рука прочь». Родители идутъ съ жалобой къ царю. Царь заявилъ дядѣ, что шутки Еруслана ему «негораздо надобны, да и самъ Еруcланъ ему ненадобенъ—пусть уѣзжаетъ изъ царства». Еруcланъ лишь «усмѣхнулся», когда отецъ передалъ ему приказъ царя, взялъ—родительское благословеніе и уѣхалъ въ «чистое поле», гдѣ и сталъ промышлять охотой, «началъ ходить по тихимъ заводямъ и по губамъ морскимъ и побивать гусей, лебедей и сѣрыхъ утицъ». При помощи стараго отцовскаго конюха, который 33 года стерегъ табуны, Еруcланъ овладѣваетъ чудеснымъ конемъ; когда конь этотъ воду пьетъ,—«на морѣ волны возстаютъ, а надъ дубомъ орлы скрежещутъ, а на горахъ львы свищутъ, а на томъ мѣстѣ не можетъ никакой человѣкъ стоять». Вѣщій конь Еруслана обладаетъ такимъ ходомъ, что, «когда идетъ» «стопою бредучею», то другимъ конямъ приходится идти «во всю пору лошадиную». Еруcланъ наѣзжаетъ на двѣ рати, побитыя Иваномъ, русскимъ богатыремъ, наѣзжаетъ на «ископыть великую», затѣмъ наѣзжаетъ онъ на шатеръ Ивана, видитъ богатыря спящимъ, но убить его не рѣшается, считая это безчестнымъ. Утромъ они знакомятся, и оба похваляются силой. На похвалу Ивана Еруcланъ отвѣчаетъ: «Не поимавши птицу, теребишь, и не отвѣдавши добраго молодца, хулишь». Споръ вышелъ изъ-за того, кто утромъ долженъ принести воды для умыванья. Поединокъ между ними кончился въ пользу Еруслана, и оба богатыря побратались и поѣхали вмѣстѣ. Иванъ ѣдетъ добывать себѣ дочь змѣя Феодула, красавицу Кандоулу Феодуловну; двѣ царскія рати онъ побилъ, предстоитъ избить еще третью. На слѣдующій день онъ вступаетъ въ бой, проговоривъ обычную

свою богатырскую поговорку: «не ясенъ соколъ напущаетъ на гусей и лебедей на сѣрыя утицы,—напускаетъ князь Иванъ, русскій богатырь, на рать, силу великую». Онъ перебилъ 300.000 человѣкъ и овладѣлъ красавицей. Иванъ-богатырь сталъ спрашивать ее, кто на свѣтѣ прекраснѣе изъ женщинъ, храбрѣе изъ мужчинъ. Она указала на дочерей Бугригора-царя, а изъ богатырей назвала первымъ Ивашку, бѣлую епанчу, слугу индѣйскаго царя Далмата; стоитъ этотъ богатырь на заставѣ 33 года—«мимо него никакой человѣкъ не прохаживалъ, ни богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала». Услышалъ это Еруслань, «богатырское его сердце неутерпчиво»,—прощается онъ съ названнымъ братомъ, молится на образъ Божій, ѣдетъ взять благословеніе родительское на дальнюю поѣздку. Подъѣзжая къ родному городу, Еруславъ видитъ, что его осаждаетъ князь Данила бѣлый. Отецъ радъ сыну и привѣтствуетъ его словами: «откуда ты пріѣхалъ? какъ солнце возсіяло и меня обогрѣло!». Еруславъ побиваетъ Данилу бѣлаго, беретъ съ него клятву не воевать съ Картаусомъ, получаетъ благословеніе родительское и ѣдетъ въ путь. Онъ овладѣваетъ тремя сестрами-красавицами, но, за неучтивость казнитъ двухъ старшихъ. Отъ младшей онъ узнаетъ о красавицѣ, дочери Вахрамѣя-царя. Молится онъ на образъ Божій и ѣдетъ дальше. Съ Ивашкой, Бѣлой епанчей, онъ справляется быстро—«какъ овсяный снопъ», повалился тотъ отъ удара Еруслана. Затѣмъ онъ ѣдетъ къ Далмату—слѣдуютъ обычные разспросы объ имени—недовѣріе къ богатырю, проѣхавшему дорогой заложенной (ср. вопросы Владимира къ Ильѣ). Прежде, чѣмъ ѣхать къ царю Вахрамѣю, Еруславъ возвращается домой за родительскимъ благословеніемъ. Оказывается, родина его разорена Данилой, царь и отецъ Еруслана въ плѣну и ослѣплены. Еруславъ проникаетъ къ нимъ въ темницу, узнаетъ, что для ихъ излеченія надо ѣхать «за тихія воды, за теплыя моря—въ Щитинъ градъ, къ вольному царю, огненному Щиту, пламенному копію», убить царя, вынуть изъ него желчь и помазать той желчью выколотыя очи. Еруславъ ѣдетъ въ Щитинъ-градъ, по дорогѣ наѣзжаетъ на поле, покрытое трупами, и видитъ отрубленную богатырскую голову Росланея-богатыря. Съ помощью тѣхъ совѣтовъ, которые даетъ ему голова, Еруславъ добываетъ себѣ мечъ-кладенецъ, убиваетъ царя и желчью сращиваетъ голову Росланея съ туловищемъ, возвращаетъ зрѣніе царю Картаусу и отцу, перебиваетъ войска царя Данила бѣлаго. Взявъ у отца благословеніе, Еруславъ уѣзжаетъ въ царство царя-Вахрамѣя, освобождать царство отъ змѣя, живущаго въ озерѣ. Отъ этого змѣя Еруславъ получаетъ самоцвѣтный камень. Затѣмъ онъ женится на красавицѣ Анастасіи Вахрамѣевнѣ. На вопросъ витязя, кто храбрѣе его и прекраснѣе ея, молодая жена отвѣтила, что храбрѣе его нѣтъ на свѣтѣ никого, а прекраснѣе ея царь-дѣвица Поликарпія, живущая «въ дѣвичьемъ царствѣ, въ солнечномъ градѣ». Еруславъ прощается съ женой, оставляетъ ей самоцвѣтный камень, съ приказаніемъ, чтобы, въ случаѣ рожденія сына, она вставила камень въ перстень и дала бы тотъ перстень сыну. Еруславъ увлекается Поликарпіей и остается въ подсолнечномъ царствѣ. Въ его отсутствіе у Анастасіи Вахрамѣевны родится сынъ, тоже Еруславъ. Подросши, онъ ѣдетъ разыскивать отца; между ними происходитъ бой, при чемъ перстень съ камнемъ спасаетъ сына отъ руки отца. Еруславъ

съ сыномъ возвращается къ женѣ и посылаетъ сына съ поклономъ къ друзьямъ: царю Картаусу, Ивану, богатырю русскому, и Росланею, который сидѣлъ царемъ въ Щитинѣ-городѣ. Отъ всѣхъ молодой Еруславъ привезъ письма. Послѣ смерти Еруслана, сынъ его сѣлъ на престолъ царя Вахрамѣя.

История текста сказки.

Стасовъ сдѣлалъ сопоставленіе текста сказки съ текстомъ „Шахъ-Намэ". Результаты сличенія оказались очень любопытны. Русскій народъ очень свободно обошелся съ чужими темами, совершенно отбросилъ чужую поэтику, измѣнилъ характеръ героя, далъ развитію темы русскую обстановку. Очевидно, чужой сюжетъ столкнулся съ сильнымъ народнымъ творчествомъ, съ выработаннымъ поэтическимъ міросозерцаніемъ.

Сказка „о Бовѣ".

Не менѣе любопытна судьба другой столь же популярной сказки „*О Бовѣ-королевичѣ*" [1]). Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ тоже русскую переработку сюжета, пришедшаго къ намъ съ запада. Содержаніе сказки слѣдующее:

Содержаніе.

Молодая супруга царя Гвидона, Милитриса Кирбитьевна, входитъ въ согласіе съ царемъ Додономъ [2]), предаетъ ему хитростью мужа и выходитъ за него замужъ. Малолѣтній сынъ ея, Бова, спасается бѣгствомъ съ дядькой, но попадаетъ въ тюрьму. Потомъ Милитриса пытается отравить сына, но «дѣвка-чернавка» предупреждаетъ королевича. Бова при помощи дѣвки бѣжитъ и поступаетъ на корабль матросомъ. Придя съ кораблемъ въ армянскую землю, Бова оказывается проданнымъ королю въ рабство. Сила его, красота и умѣнье играть на гусляхъ покоряютъ ему сердце царской дочери Дружневны. Любовь царевны Бова отвергаетъ. За царевну сватается пришедшій съ войскомъ Маркобрунъ изъ Задонскаго королевства. Бова на турнирѣ перебилъ до 200,000 враговъ и освободилъ на время царевну отъ сватовства. Является другой женихъ—исполинъ Лукаперъ. Дружневна даетъ Бовѣ мечъ-кладенецъ и коня богатырскаго, и Лукаперъ съ его войскомъ оказывается побѣжденнымъ. Происками придворныхъ Бова отосланъ къ царю Салтану съ письмомъ, въ которомъ онъ, Бова, обрекался на смерть. По дорогѣ странникъ у спящаго Бовы крадетъ мечъ и коня. Салтанъ, исполняя приказаніе, собирается казнить Бову, но тотъ сперва отбивается безоружный отъ массы враговъ, но затѣмъ отдается въ ихъ руки и попадаетъ въ тюрьму. Дочь Салтана Милигерія влюбляется въ Бову и пытается склонить его къ вѣрѣ магометанской. Когда усилія ея оказались тщетны, то Бову рѣшили казнить. Но онъ нашелъ въ тюрьмѣ старый мечъ и, перебивъ многихъ, выбрался на свободу [3]). Бова плыветъ къ Задонскому царству, куда пріѣхалъ царь Маркобрунъ съ невѣстой Дружневной. Здѣсь Бова встрѣчаетъ вора-пилигрима, наказываетъ его, но оставляетъ въ живыхъ за зелье, благодаря которому

[1]) Истор. Хрест. I, 290.

[2]) Имена этихъ царей взяты Пушкинымъ для его сказокъ.

[3]) Вѣроятно, эта сказка отразилась на малороссійской пѣснѣ о Балдѣ. (См. 1 вып. I-ой части, стр. 95).

можно обратиться въ старика. Въ видѣ стараго нищаго добирается онъ до Дружневны, будитъ въ ней воспоминаніе о Бовѣ своимъ разсказомъ о немъ. Происходитъ узнаніе. Дружневна бѣжитъ съ Бовой, споивъ Маркобруна соннымъ зеліемъ. Посланное въ погоню войско перебито Бовой. Затѣмъ былъ посланъ за Бовою богатырь Полканъ, получеловѣкъ-полупесъ. Побѣжденный Полканъ братается съ Бовой, и они ѣдутъ дальше втроемъ. Бова ѣдетъ наказывать царя Додона и мать свою Милитрису. По дорогѣ они берутъ городъ Костелъ, гдѣ царствовалъ Урилъ. Маркобрунъ осаждаетъ городъ царя, разбиваетъ войско Урила и его беретъ въ плѣнъ; хитрость Маркобруна не удалась, и плѣнникъ его Урилъ не сумѣлъ овладѣть Бовой. Бова и Полканъ избиваютъ все войско Маркобруна и ѣдутъ дальше. Встрѣчается имъ войско царя Додона. Бова идетъ въ бой, а жену оставляетъ на попеченіе Полкана. На нихъ нападаютъ два льва; Полканъ ихъ убиваетъ, но и самъ умираетъ отъ ранъ. Дружневна, съ двумя сыновьями, потерявъ надежду на возвращеніе Бовы, уѣзжаетъ. Бова, одержавъ побѣду, возвращается къ женѣ, видитъ трупы, думаетъ, что жена похищена. Онъ въ горѣ доканчиваетъ месть; въ видѣ нищаго проникаетъ въ родной городъ, убиваетъ Додона, а мать, заключивъ въ бочку, бросаетъ въ море. Бова царствуетъ въ городѣ Антонѣ и сватается къ дочери Салтана, Милигеріи. Но Дружневна является наканунѣ свадьбы въ видѣ нищей съ сыновьями Бовы, узнана имъ и дѣлается царицей въ Антонѣ, а Милигерія выходитъ замужъ за сына дядьки Бовы. Такова одна изъ русскихъ редакцій этой повѣсти.

Руссификація повѣсти.

Сличеніе съ текстомъ западнаго романа сдѣлано акад. Веселовскимъ и обнаружило такую же сильную руссификацію основного текста, какъ это мы видѣли съ текстомъ Руслана. Съ именами итальянскими произошла слѣдующая метаморфоза: Riçardo—обратилось Личарду, Bovo и Buovo—въ Бову, Lucafer (Lucaferro—въ Лукапера, Drusiana—въ Дружневну, мечъ chiarenza—въ мечъ-кладенецъ, Pulicane—въ Полкана, Saldano di Sadonio—въ Салтана Задонскаго. Нарицательное meltrix и meretrix, т. е. развратная женщина, обратилась въ имя собственное—Милитриса, castello—замокъ, въ русскомъ осмысленіи, обратилось въ „городъ Костелъ“. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ повѣсти итальянскій герцогъ Orio обратился въ „посадскаго мужика Орла“, средневѣковой замокъ—въ „земскую избу“. Поэтика русскихъ сказокъ и былинъ и здѣсь совершенно измѣнила духъ итальянской поэмы,—опять передъ нами фонъ получился русскій. Сюжетъ Бовы пережилъ цѣлую литературную исторію на Западѣ, попалъ онъ къ намъ изъ Италіи чрезъ посредство Сербіи.

„Александрія“ Сербская редакція.

Тѣмъ же путемъ дошла до насъ и новая редакція „Александріи“, такъ называемая *сербская*, въ которой Александръ и его сподвижники представлены рыцарями.

Народное творчество этой эпохи.

§ 52. *Народное творчество* за этотъ періодъ времени выразилось ярко и разнообразно: на событія времени оно отозвалось историческими пѣснями и сказками. Особенно личность Грознаго привлекла къ себѣ вниманіе народа. Въ историческихъ пѣсняхъ [1]) описывается „взятіе Казани“, „Покореніе Сибири“, „Свадьба царя на Маріи Темрюковнѣ“, „Казнь царевича“, „Правежъ“, „Осада Пскова“, „Царь въ Серпуховѣ“, „Гнѣвъ на Вологду“, „Ссылка царицы въ монастырь“, „Смерть Грознаго царя“.

Историч. пѣсни.

Грозный царь въ сказкахъ.

Сказки, сгруппировавшіяся около личности Грознаго, происхожденія чужеземнаго, но привившіяся у насъ, такъ какъ отвѣчали запросамъ времени. Грозный царь является въ нихъ или въ роли Гарунъ-аль-Рашида, ходящаго переодѣтымъ въ народъ, или въ роли судьи, надѣленнаго чисто-восточною мудростью,—или царя, по восточному, загадками испытывающаго разумъ подданныхъ [1]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ сказкахъ о Грозномъ нѣтъ восточнаго вліянія. Такъ, хотя бы, разсказъ о томъ, какъ царь, въ видѣ прохожаго, просился на ночлегъ въ деревнѣ и былъ принятъ только бѣднымъ, за что и наградилъ его, наказавъ богатыхъ—сюжетъ, очень широко распространенный въ легендахъ. Особенностью нѣкоторыхъ сказокъ этого типа надо считать *политическую окраску*, сквозящую въ изображеніи взаимныхъ отношеній царя и поданныхъ. Эти сказки и повѣсти распадаются на вышедшія изъ боярской среды и изъ народной. Въ сказкахъ перваго типа мы встрѣчаемъ попытки обличить царя. Въ послѣднихъ бѣдные простолюдины обыкновенно милѣе сердцу царя, чѣмъ богатые бояре. Здѣсь выдвигается новый герой изъ простонародья, богатый лукавствомъ и сметкой,—онъ выдѣляется изъ толпы, возвышается надъ знатью и подходитъ къ царю, какъ его близкій помощникъ.

Политическій характеръ этихъ сказокъ.

Акад. Весселовскій объ этихъ сказкахъ.

Цѣнность этихъ произведеній несомнѣнна. „Безсознательное творчество народа отличается вѣрнымъ тактомъ, позволяющимъ пріурочивать лишь тѣ мотивы, которые отвѣчали народному пониманію историческаго лица. Въ такомъ именно и лишь въ такомъ смыслѣ и сказки могутъ служить исторической характеристикѣ“.

Разбойничій эпосъ и лирика. Духовн. стихи, легенды.

Къ этой же эпохѣ относится особое развитіе разбойничьяго эпоса и лирики [2]). Кромѣ того, по прежнему сочинялись духовные стихи и складывались легенды.

---

[1]) См. 1-ый вып. этого сочиненія, 40, 42, 44.

[2]) Восточнаго происхожденія сказки „О воровскихъ похожденіяхъ царя“, „О наградѣ лапотника“ „О ловкомъ ворѣ“ и пр.

§ 53. Такъ пестро и разнообразно было содержаніе русской литературной жизни этого періода. Но, при всемъ разнообразіи состава этой жизни, нетрудно замѣтить нѣкоторыя общія черты, пронизывающія творчество этой эпохи,—письменное и устное. Такъ, прежде всего, бросается въ глаза ярко-*политическое* содержаніе его, затѣмъ его *боевой* характеръ, вызванный взаимною борьбою отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ. Главныя особенности творчества этой эпохи.

Третья характерная черта этого творчества—его *тенденціозность, идейность;* произведенія, удовлетворяющія интересамъ чисто-эстетическимъ въ такія тревожныя эпохи всегда уступаютъ свое мѣсто произведеніямъ тенденціознымъ, имѣющимъ практическое приложеніе въ жизни. Мы видѣли, какъ эти тенденціи (идея самодержавія, Москва—„третій Римъ") проникли и въ житія, и въ проповѣди, и въ повѣсти, и даже въ народныя произведенія.

Наконецъ, какъ въ жизни, такъ и въ народномъ творчествѣ надо отмѣтить стремленіе нарушить старыя формы во имя свободы мысли и вкуса. Эти проблески *самобытности*, отчасти появившіеся самостоятельно, отчасти подъ слабыми вліяніями запада, особенно ясно выразятся тогда, когда усилятся эти вліянія. Это произошло уже въ XVII в.

§ 54. *IV. Культурный переломъ въ исторической жизни московской Руси (XVII в.).* Вліянія запада на московскую Русь шли издавна, но она долго могла выбирать изъ этихъ вліяній тѣ, что нужны были ей, и отбрасывала то, что казалось ей лишнимъ [1]). Отъ того безуспѣшны были всѣ старанія католиковъ и про- Вліянія запада на московскую культуру въ XVI в. и ранѣе.

[1]) „Новый строй жизни возникшаго огромнаго государства все чаще и настойчивѣе, съ конца XV—пол. XVI вв., заставляетъ обращаться къ западу, на каждомъ шагу заставляетъ лучшихъ людей Московскаго государства убѣждаться въ полезности и необходимости западнаго образованія, западныхъ знаній. Правительству все чаще приходится вызывать къ себѣ разнаго рода западныхъ людей, „свѣдущихъ" въ томъ или другомъ государевомъ дѣлѣ. Съ XV—XVI вв. передъ нами въ Москвѣ уже всюду цѣлыя толпы иноземцевъ: наемныхъ офицеровъ, разнаго рода мастеровъ, заводчиковъ, архитекторовъ, лекарей. Подъ Москвой какъ-то незамѣтно вырастаетъ цѣлая „нѣмецкая слобода",—цѣлая колонія этихъ выходцевъ, первыхъ представителей на Руси западной культуры, первыхъ будущихъ помощниковъ Петра Великаго. Современники жалуются, что „русская земля зашаталась", что она „переставливаетъ свои обычаи", что вездѣ—„волки" и „козни вражіи", вездѣ „поруха" старому преданію, „закону прародителей"... Въ „Московіи" появляются западныя космографіи, сочиненія астрологическія, календарныя, медицинскія, военно-прикладныя,—впервые получаетъ особенно видное мѣсто переводная беллетристика... Западныя „вѣянія" идутъ сначала черезъ *Новгородъ*; позднѣе главнымъ проводникомъ ихъ дѣлаются *юго-западная Русь* и *Польша*. По отношенію къ „новгородскимъ", чрезвычайно типичными являются такіе памятники, какъ *Библейскій кодексъ* Геннадія, составляющійся подъ ближайшимъ вліяніемъ Вульгаты и нѣмецкой библіи, и переводные труды одного изъ ближайшихъ помощниковъ Геннадія,—Димитрія Герасимова. Что касается вліяній, шедшихъ изъ Кіева и Польши, нагляднымъ свидѣтельствомъ ихъ силы и могущества служитъ

тестантовъ завладѣть умами и сердцами московскихъ людей. Эти старанія начались задолго до XVII вѣка.

Борьба съ этими вліяніями.

Но тогда была эпоха блестящаго развитія московской Руси— тогда было время, когда прочны были всѣ характерныя ея черты: Москва — „третій Римъ", царь московскій, осѣненный двуглавымъ орломъ византійскаго императора,—наслѣдникъ Царяграда, московское благочестіе—стражъ христіанской вѣры, одинокій свѣточъ, сіяющій во мракѣ всемірнаго невѣрія... Понятно, что подъ защитой такихъ убѣжденій нестрашны были Москвѣ попытки запада уловить сердца и умы ея гражданъ. Однако, каждая такая попытка, всегда побѣдоносно отраженная, оставляла послѣ себя сѣмена протеста и критики въ самомъ сердцѣ Москвы. Что же касается до русскихъ окраинъ, то тамъ рано образовались цѣлые очаги новшествъ, враждебные старымъ устоямъ „древняго благочестія": такъ, раньше Новгородъ, а затѣмъ юго-западная Русь оказались уступчивѣе Москвы,—и вотъ, изъ Новгорода идутъ протестантскія воздѣйствія, а изъ юго-западной Руси полукатолическія идеи. Но мы видѣли, что съ XVI в. въ самой Москвѣ, помимо вліяній извнѣ, случайныхъ и малозначительныхъ, проявились новыя потребности, новыя стремленія...

Проясненіе „новой жизни" съ эпохи Грознаго.

Іоаннъ Грозный, желающій доказать иноземцамъ, что онъ— „нѣмецъ по происхожденію", царь-врагъ боярства, окружающій себя случайными людьми,—подготовлялъ это торжество „новыхъ" людей въ смутное время. Съ Грознаго началось разложеніе стараго московскаго пониманія царской власти; Годуновъ и Шуйскій— „избранники народа", уже не были вотчинными хозяевами на московскомъ престолѣ, какими были цари-Рюриковичи,—они не были уже хозяевами,—были „слугами" народа, тѣми „урядниками" (т. е. владыками, ограниченными условіями, или волею народа), которыхъ такъ презиралъ Грозный. Случайный Самозванецъ совсѣмъ не былъ связанъ никакими московскими традиціями. Съ стригольниковъ и жидовствующихъ,—особенно съ Нила Сорскаго и Вассіана, съ его единомышленниками, поколебалось „московское благочестіе". Временное торжество въ XVI в. царской власти и церкви, заключившей союзъ между собой, продолжалось недолго,—это торжество было послѣдней вспышкой старыхъ традицій, и XVII вѣкъ докончилъ давно подготовляв-

---

чуть не вся переводная московская литература XVI—XVII вв., этотъ *необычайный наплывъ переводовъ съ запада*, занимающій такое видное мѣсто во всей московской литературѣ къ концу XVII вѣка" (Архангельскій).

шееся дѣло разрушенія стараго... И вотъ, отъ гордаго сознанія своего первенства среди народовъ всего міра московскимъ людямъ пришлось въ XVII в. перейти къ сознанію, что старая Русь—не образецъ, что съ нею расчеты покончены — идетъ Русь „новая", съ инымъ пониманіемъ жизни, съ иными вкусами, иными людьми. Эта Русь уже не въ силахъ была презрительно относиться ко всему міру,—она созналась, что ей надо *учиться*, чтобы исправить промахи прошлаго, заполнить пробѣлы своей жизни чѣмъ-то новымъ. Это *исправленіе* жизни—съ одной стороны, и *пополненіе* ея—съ другой, сдѣлалось содержаніемъ всей культурной жизни русскаго общества вплоть до XVIII вѣка. Мы видѣли уже, что „исправленіе" началось еще въ XVI в.; что же касается до „пополненія" жизни, то, едва намѣчавшееся въ Московской Руси, оно сдѣлалось теперь, въ XVII в., главнымъ содержаніемъ культурной жизни. Раньше правительство стояло за старину,—теперь оно вступило на путь реформъ церкви и общества; раньше въ части русскаго общества обнаружилось нѣкоторое тяготѣніе къ новшествамъ (ереси), — теперь, въ народной массѣ обнаружилось могучее опозиціонное направленіе въ консервативномъ духѣ,—направленіе, приведшее къ расколу и опиравшееся на авторитетъ Стоглава, Іосифа Волоцкаго и др. Такое перемѣщеніе культурныхъ ролей очень характерно.

Содержаніе новой культурной жизни въ XVII в. (исправленіе и пополненіе жизни).

Вліянія запада въ XVII в. одержали у насъ верхъ, особенно во второй его половинѣ; они отразились не только во внѣшней сторонѣ жизни и въ народномъ творчествѣ, но и въ церковныхъ обрядахъ, въ церковной литературѣ, и, что особенно важно, въ измѣненіи всего міросозерцанія русскаго народа. Древняя Русь, съ ея аскетическими идеалами, съ ея отрицаніемъ земныхъ радостей и вѣчными томительными думами о смерти и страшномъ судѣ, мало-по-малу, стала замѣняться новой Россіей, которая, подъ вліяніемъ запада, искала счастья здѣсь, на землѣ—на первыхъ порахъ, хотя бы, въ комфортѣ и удобствахъ жизни, въ развлеченіяхъ на „заморскую стать"... Этимъ переломомъ міросозерцанія обусловилось паденіе прежней церковной литературы и блестящій расцвѣтъ „мірской", свѣтской; впервые явились заботы о политическомъ устроеніи земли,—заботы, совершенно чуждыя древней Руси, которая вся поглощена была лишь спасеніемъ души.

Результаты западныхъ вліяній въ русской жизни.

Словомъ, произошелъ такой переломъ въ духовной жизни, что для людей, преданныхъ идеаламъ старой Руси, показалось,

что вмѣсто небеснаго царя Христа воцарился на Руси земной царь—Антихристъ. На почвѣ борьбы съ новымъ пониманіемъ жизни создался расколъ,—на почвѣ развитія этого новаго пониманія расцвѣла реформа Петра.

Большую роль въ культурной жизни Россіи сыграла въ XVII в. юго-западная Русь, которая отъ сосѣдней Польши ранѣе Москвы заимствовала идеалы земной жизни.

История юго-западной русской литературы. Польская литература до XVI в.

§ 55. Юго-западная русская литература XVII в. создалась цѣликомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ своей сосѣдки—Польши.

Польша до XVI в. не создала никакой выдающейся литературы. Письменность ея носила исключительно церковный характеръ и выражалась, главнымъ образомъ, въ переводахъ св. книгъ. Кромѣ того, переводились духовные гимны, сочинялись слабыя подражанія... Составлялись и лѣтописи на латинскомъ языкѣ, отличныя отъ нашихъ свѣтскимъ характеромъ, свидѣтельствующемъ о большемъ, чѣмъ у насъ, общественномъ самосознаніи. Народная поэзія была значительно слабѣе, чѣмъ въ Москвѣ: существовали сказки, пѣсни; остатки языческой старины доживали въ народныхъ обрядахъ и играхъ, но все это покрывалось латинской культурой католицизма. Образованіе тоже не стояло высоко: прозябалъ Краковскій университетъ, были низшія школы, дававшія своимъ ученикамъ лишь грамотность, необходимую для духовнаго званія.

„Возрожденіе“ въ Польшѣ.

Въ концѣ XV в. въ Польшѣ появляются гуманис[illegible]. Они заносятъ сюда одиночныя струйки новой жизни. Ихъ вліяніе оказывается сильнымъ,—и вотъ, въ половинѣ XVI в. пол[illegible]кая молодежь ѣдетъ учиться на западъ, прельстясь тѣмъ блеском[illegible] культуры, который былъ туда принесенъ Возрожденіемъ.

Судьбы классицизма въ Польшѣ.

Псевдоклассицизмъ, латинскій языкъ, античная миѳол[illegible]—вотъ, та атмосфера, въ которую окунулась Польша подъ вліяніемъ новой жизни западной Европы. Писатели-псевдоклассики Франціи поработили себѣ ея вкусъ и творчество. Этотъ классицизмъ не былъ органическимъ явленіемъ на польской почвѣ—польскій народъ еще не вышелъ изъ среднихъ вѣковъ—оттого и классицизмъ оказался здѣсь недолговѣчнымъ и непрочнымъ. Любопытно, что онъ, на первыхъ порахъ, легко уживался рядомъ съ христіанской средневѣковой лирикой и драмой и, подъ конецъ, смѣшался съ христіанской поэзіей въ нѣчто нестройное и курьезное.

Кохановскій. „Золотой вѣкъ“ въ Польшѣ.

Самымъ виднымъ дѣятелемъ былъ въ этомъ новомъ направленіи Кохановскій, писавшій стихи на латинскомъ и польскомъ языкахъ, подражавшій Горацію, сочинявшій трагедіи во вкусѣ Сенеки. Обладая и поэтическимъ чувствомъ, и литературнымъ талантомъ, онъ сталъ во главѣ, такъ называемаго, «золотого вѣка» польской литературы.

Менѣе даровитые польскіе псевдоклассики, главнымъ образомъ, стремились къ сохраненію всѣхъ строгихъ требованій псевдоклассицизма. Этимъ вносился въ поэзію тотъ *формализмъ*, который во всей Европѣ неотступно шелъ за псевдоклассицизмомъ.

Къ этому же времени относятся извѣстные намъ уже переводы ры-[illegible]скихъ повѣстей и романовъ, сборниковъ разсказовъ и фацецій (сбор-

ники шутливыхъ повѣстушекъ). Впрочемъ, это была литература, къ которой псевдоклассики относились отрицательно. Новая жизнь началась не только въ области искусства и поэзіи — она охватила и религіозную мысль: за гуманистами появились въ Польшу протестанты. Ихъ пропаганда имѣла громадный успѣхъ. Протестантство тогда считалось «хорошимъ тономъ»,—оттого многія аристократическія польскія фамиліи измѣнили католичеству.

Протестантство въ Польшѣ.

Католичество было спасено іезуитами, которые пришли въ Польшу и открыли крестовый походъ на протестантовъ. Какъ вездѣ, они и въ Польшѣ, прежде всего, забрали въ руки воспитаніе молодежи и изящную литературу.

Іезуиты въ Польшѣ.

«Золотой вѣкъ» миновалъ. Увлеченіе классицизмомъ поблекло. Самый выдающійся поэтъ этой поры Коховскій огромное число своихъ произведеній посвятилъ возславленію Богородицы и Христа. Вмѣсто классической лирики и драмы—появилась лирика и драма «религіозныя».

Коховскій и возникновеніе церковной поэзіи.

Исторія этой *лирики* очень любопытна. Начало ея надо искать на Востокѣ—въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, псалмахъ, гимнахъ, канонахъ и особыхъ пѣсняхъ, написанныхъ по образцу псалмовъ. Первые лирическіе опыты христіанъ были подражаніемъ поэзіи еврейской, ея формамъ, гармоніи, ея поэтикѣ... Дальнѣйшая судьба этой поэзіи заключалась въ сближеніи формъ еврейскихъ съ формами греческими—являются и стихъ, и строфа. Особенно широко воспользовался этой поэзіей еретикъ Арій; въ IV в. его гимны распространялись по всей западной Европѣ и вошли въ обиходъ церковнаго богослуженія.

Исторія церковной лирики.

Пробужденія религіозной мысли и чувства всегда отзывались на этой христіанской лирикѣ въ томъ смыслѣ, что, время отъ времени, личное творчество овладѣвало религіозными темами. Для насъ этотъ моментъ наступилъ въ XVII вѣкѣ, а особенно въ XVIII, когда наши лучшіе поэты обратились къ псалмамъ Давида, къ лирикѣ отцовъ церкви. Для Польши это время настало раньше. Побѣда католицизма надъ протестантизмомъ подняла на первыхъ порахъ поэтическое творчество — отсюда пѣснопѣнія Коховскаго и его современниковъ въ честь Богородицы и святыхъ.

Конечно, недавнее увлеченіе классицизмомъ не могло пройти безъ слѣда,—и, въ результатѣ, у многихъ лириковъ получилось странное соединеніе христіанства съ классицизмомъ; Горацій—и канты въ честь святой Дѣвы, воззванія къ богамъ языческаго Олимпа, средневѣковой символизмъ, олицетворенія и аллегорія—все это представило пеструю картину, свидѣтельствующую о полной случайности этой хаотической литературы.

Смѣшанный характеръ литературы этой эпохи.

Внеся съ собой борьбу и пропаганду, іезуиты особенно способствовали развитію своеобразной и для нихъ удобной литературы *полемическихъ сочиненій*,—памфлетовъ политическихъ и религіозныхъ.

Возникновеніе полемической литературы.

Появленіе памфлета и литературной полемики имѣло большое значеніе въ исторіи литературы. Эти жанры литературные являются лучшими показателями пробужденія общественнаго самосознанія. Политическіе и религіозные споры и недоумѣнія выносились теперь на судъ общества. Ясно, что съ этого момента литература дѣлается общественной силой.

Въ расчеты іезуитовъ входилъ также захватъ въ свои руки симпатій

Возникновеніе похвальной поэзіи.

разныхъ высокопоставленныхъ лицъ—для этого они пользовались, между прочимъ, *панегириками* (похвальными словами и стихами на разные случаи: рожденіе, погребеніе, бракосочетаніе и пр.).

Проповѣдь.

Проповѣдь этого времени тоже оживилась. Отвлеченное нравоученіе смѣнилось теперь полемикой; такимъ образомъ, и здѣсь жизнь, дѣйствительность, вступили въ свои права. Понадобились и новыя формы, и новые пріемы. Впрочемъ, желаніе блеснуть краснорѣчіемъ вело за собой у многихъ злоупотребленіе риторикой. И вотъ нарождается особый жанръ—академическая проповѣдь, написанная по «правиламъ» риторики—жанръ, для бездарнаго проповѣдника очень опасный. Оттого многія проповѣди этого времени представляли собой наборъ кудрявыхъ фразъ, нагроможденіе разныхъ хитрыхъ «фигуръ» и «троповъ». Форма во многихъ проповѣдяхъ совершенно заслонила содержаніе; остроуміе и игра словъ замѣнили искренность чувства и живость мысли.

Для насъ важны и эти панегирики, и эти проповѣди,—они цѣликомъ были перенесены къ намъ въ XVII в.—и, мало-по-малу, развились въ хвалебныя оды и похвальныя слова, которыя являются характерными литературными явленіями XVIII в.

Возникновеніе средневѣковой драмы.

Возникновеніе средневѣковой драмы разными учеными толковалось различно: одни видѣли въ ней, какъ въ греческой драмѣ, конечный результатъ развитія *народныхъ* игръ и обрядовъ, другіе выводили ее изъ *литургіи*,—изъ церковныхъ пѣсенъ и текстовъ. Высказывались и такія мнѣнія, что эта драма—есть результатъ, или *школьнаго* воздѣйствія (подъ вліяніемъ изученія въ школѣ классическихъ писателей), или тѣхъ классическихъ традицій, которыя долго жили въ народѣ въ видѣ *древнихъ игръ*, заимствованныхъ изъ Греціи и Рима.

Правильнѣе всего, однако, связывать средневѣковую драму съ литургіей. Эта литургическая драма находится въ связи съ церковнымъ обрядомъ. Она достигла высшаго своего развитія уже въ XI в. Носила она названіе ludus (названіе «мистерія» появилось лишь съ XV в., какъ сокращеніе латинскаго слова: «ministerium»—служба, богослуженіе). Первоначальная драма есть нѣсколько фразъ, взятыхъ изъ Евангелія и читаемыхъ діалогически, при участіи нѣсколькихъ чтецовъ-священнослужителей [1]). Затѣмъ въ этотъ остовъ, мало-по-малу, стали вводитъ стихи; сначала эти стихи чередуются съ прозой, потомъ весь текстъ дѣлается стихотворнымъ, и даже вводится вульгарная рѣчь. Третій фазисъ развитія (XIII—XVI в.) драмы, когда она освободилась отъ литургіи и выбралась изъ церкви на паперть, площадь, кладбище; тогда разыгрывается она цехами рабочихъ. Возрожденіе застало церковную драму въ послѣднемъ фазисѣ развитія. Особенность ея въ этомъ періодѣ—смѣшеніе комическаго съ трагическимъ. Англійскій театръ (Шекспиръ) и испанскій театръ (Кальдеронъ и Лопе де Вега) выработали, независимо одинъ отъ другого, изъ этихъ мистерій особый видъ *трагикомедію*. Такой трагикомедіей, написанной подъ вліяніемъ испанцевъ, былъ Корнелевскій *Сидъ*, осужденный безпощадно французскими классиками. Что касается до исторіи мистеріи въ Италіи,

Судьбы ея въ Испаніи, Франціи и Италіи.

[1]) Въ томъ родѣ, какъ сохранившійся у насъ донынѣ церковный обрядъ „умовенія ногъ“. Въ московской Руси знали еще „шествіе патріарха на осляти“ (изображеніе входа Господня въ Іерусалимъ) и представленіе „трехъ отроковъ въ пещи огненной“.

то, если въ Европѣ духовенство видѣло въ ней средство для проповѣди и потому долго покровительствовало ей, то въ Италіи эта драма рано подверглась гоненію церкви и сдѣлалась народной игрой; тѣмъ не менѣе, онѣ имѣли въ Италіи большую популярность и рано сдѣлались произведеніями личнаго творчества.

Изъ итальянскихъ сочинителей такихъ драмъ особенно интересенъ Чекки; въ его дѣятельности видятъ доказательство, что Италія была наканунѣ появленія въ ней своего Шекспира. Возрожденіе убило въ Италіи эту національную драму, какъ позднѣе и во Франціи.

Лишь осколки той вѣковой борьбы, которую вынесла эта драма во Франціи, Италіи и Германіи, дошли до Польши.

Драма въ Польшѣ.

Здѣсь школьная драма существовала до іезуитовъ, но, съ ихъ появленіемъ, она всецѣло подчинилась ихъ вліянію. Содержаніе ея теперь дѣлается очень разнообразнымъ. Сближаясь съ средневѣковыми мистеріями и мираклями, она брала содержаніе изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ дѣяній святыхъ, иногда переливая библейскіе сюжеты въ формы античной драмы. Иногда содержаніе бралось изъ греко-римской исторіи, изъ школьной жизни и практики, изъ области морали. Комичная дѣйствительность народной жизни выразилась въ «интермедіяхъ» и «интерлюдіяхъ»,— маленькихъ забавныхъ пьескахъ, которые разыгрывались на народномъ языкѣ, часто съ сохраненіемъ провинціализмовъ.

История полонизаціи юго-западной Руси.

§ 56. *Юго-западно-русская литература XVII в.* Юго-западная Русь долго находилась въ тѣсномъ общеніи съ католическою Польшей. Сначала это сосѣдство было мирнымъ и выражалось въ постепенномъ сліяніи двухъ родственныхъ племенъ: русскіе, живя съ поляками, заимствовали нѣкоторые религіозные обряды и католическія мнѣнія, поляки—нерѣдко принимали православіе. Но постепенное ослабленіе Руси, страдавшей отъ междуусобій, а, съ другой стороны, усиленіе Польши за счетъ русскихъ областей нарушило равноправность взаимоотношеній.

Послѣ соединенія Литвы съ Польшей — послѣдняя стала держаться явно-завоевательной политики по отношенію къ русской землѣ. Результатомъ этого было ополяченіе болѣе слабыхъ русскихъ людей и оппозиція со стороны болѣе сильныхъ. Завязалась борьба, особенно, когда іезуиты, справившись съ протестантами, направили свои усилія на православную вѣру.

Роль іезуитовъ въ распространеніи католичества въ юго-западной Руси.

Когда явился въ Вильну іезуитъ Скарга, блестящій проповѣдникъ, убѣжденный и талантливый пропагандистъ католичества, вооруженный всѣми чарами іезуитскаго ордена, его проповѣди произвели такое впечатлѣніе, что обращеніе въ католичество русской знати, только что увлекшейся протестантизмомъ, пошло быстро впередъ. Іезуиты не стѣснялись ничѣмъ: они обращали въ католичество тайной пропагандой и явной борьбой. Въ шко-

лахъ они совращали дѣтей,—въ церквахъ, собраніяхъ смущали умы взрослыхъ рѣзкими нападками на „схизму", прибѣгая къ устнымъ обличеніямъ и насмѣшкамъ, печатнымъ трудамъ, серьезнымъ и шутливымъ...

Тонъ этой энергической и безпощадной борьбѣ задалъ Скарга, оставившій въ назиданіе православнымъ длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ полемическихъ сочиненій.

Юго-западная Русь совершенно была неподготовлена къ борьбѣ съ этимъ натискомъ. Здѣшняя русская аристократія была къ этому времени почти вся ополячена. Высшее духовенство матеріально было несвободно, такъ какъ зависѣло отъ милости короля и къ тому же не могло служить образцомъ стойкости и нравственности. Народъ и низшее духовенство были невѣжественны и также, въ значительной степени, подготовлены къ католичеству вѣковымъ сосѣдствомъ съ Польшей [1]).

Быть можетъ, для побѣды католиковъ излишнею была даже ревность іезуитовъ, которые своей энергіей только пробудили заснувшія православныя традиціи. Возникшая здѣсь борьба православія съ католичествомъ представляетъ собою два періода.

История борьбы съ католицизмомъ: а) періодъ братскихъ школъ кн. Острожскій.

§ 57. а) *Періодъ братскихъ школъ*, когда во главѣ оппозиціи сталъ князь Константинъ Острожскій и православныя братства. Для нихъ яснымъ было, что единственнымъ средствомъ борьбы съ католицизмомъ было просвѣщеніе въ православномъ духѣ. Для этого князь Острожскій основалъ школу съ програмомой, сближавшей это заведеніе съ высшими. Нѣкоторые преподаватели приглашены были изъ Греціи, по рекомендаціи восточныхъ патріарховъ. Школа, на первыхъ порахъ, процвѣтала, но къ 90-мъ гг. стала падать и была закрыта со смертію князя, такъ какъ его сыновья были уже ярыми католиками.

Братства Львовское и Виленское.

Братства Львовское и Виленское тоже выступили на борьбу при помощи „школы". И опять, какъ и въ Острожской школѣ, въ судьбѣ ихъ участіе приняли восточные патріархи. Устроены были эти школы по образцу іезуитскихъ, но съ преобладаніемъ греческаго языка и церковно-славянскаго. Кромѣ чтенія Часослова и Псалтыря, изучалась здѣсь грамматика, діалектика, языки церковно-

---

[1]) Такъ, подъ вліяніемъ католичества, въ юго-западной Руси при крещеніи довольствовались обливаніемъ, во время шествія св. даровъ принято было звонить въ колокольчикъ; общепринята была вѣра въ чистилище и католическое толкованіе времени пресуществленія даровъ... Католическія духовныя пѣсни, культъ Богородицы, популярность католическихъ святыхъ,—все это дѣлало здѣсь для католической пропаганды почву очень благодарной.

славянскій, греческій и латинскій. Возможно, что преподавались и высшія науки—философія, богословіе.

Школа въ Кіевѣ.

Унія обострила энергію ревнителей православія, и школа была открыта еще въ Кіевѣ (1615 г.). Ученики этихъ школъ нерѣдко кончали образованіе за границей въ высшихъ католическихъ училищахъ. Для этого приходилось временно переходить въ католичество, или унію. Немудрено, что нѣкоторые изъ нихъ окончательно отпадали отъ православія, но другіе выносили изъ такой „передѣлки“ всѣ хитрости іезуитскихъ пріемовъ, хотя зато ихъ православіе отнюдь не походило на стойкость московскаго благочестія.

Изъ среды этого молодого поколѣнія бойцовъ за православіе явились первые русскіе богословы, проповѣдники, писатели. Они были создателями русской боевой литературы, боровшейся противъ католичества. Острожская типографія помогла ея распространенію.

Острожская типографія. Иванъ Өедоровъ.

Главными работниками въ этомъ направленіи были москвичи—Иванъ Өедоровъ съ товарищами. Когда въ 1563 г. былъ въ Москвѣ открыта первая типографія, онъ былъ въ ней первымъ мастеромъ [1]). Заподозрѣнный въ ереси, онъ бѣжалъ изъ Москвы, долго скитался, наконецъ, остановился въ Львовѣ, гдѣ завелъ маленькую типографію и напечаталъ въ 1574 г. «Апостолъ». Князь Острожскій призвалъ его къ себѣ, устроилъ ему прекрасную типографію, и его энергичная дѣятельность нашла здѣсь примѣненіе. Въ 1580 г. выпускаетъ онъ «Новый Завѣтъ» и «Псалтырь», а затѣмъ въ 1581 г. знаменитую «Острожскую Библію». Эти первые русскіе типографы были въ то же время и редакторами: они свѣряли текстъ съ греческимъ оригиналомъ, многое недостающее восполнили новыми переводами съ греческаго. Дѣятельность Ивана Өедорова кончилась очень печально. Онъ оставилъ почему-то Острогъ и умеръ въ бѣдности въ Львовѣ. Остатки его типографіи сдѣлались основаніемъ Львовской братской типографіи.

Князь Курбскій.

см. стр. 151

Выдающимся дѣятелемъ въ пользу православія былъ также князь Курбскій. Онъ поселился въ Литвѣ и всѣ свои таланты и силы посвятилъ дѣлу защиты православія. Для этого онъ окружалъ себя кружкомъ единомышленниковъ, бо́льшею частью, тоже выходцевъ изъ Москвы, и горячо принялся за переводы трудовъ святоотеческой литературы (Творенія Златоуста, Діонисія Ареопагита и др.). Всѣ первые печатные труды юго-западной Руси отличались большими литературными достоинствами.

Завязалась литературная война между іезуитами и православными,—борьба, на первыхъ порахъ, съ неравными силами, но съ одинаковымъ задоромъ.

Защитники православія.

Изъ православныхъ дѣятелей этой поры любопытенъ Мелетій Смотрицкій—сначала ярый поборникъ православія, а потомъ ре-

[1]) Въ 1563—1564 гг. въ его типографіи былъ напечатанъ „Апостолъ“, въ 1565 г. — „Часовникъ“.

негатъ, Лаврентій Зизаній, Іоанникій Голятовскій, Кириллъ Транквилліонъ, Иннокентій Гизель, Петръ Могила и нѣк. др.

§ 58. Кромѣ полемическихъ сочиненій, вышло за это время нѣсколько учебныхъ и богословскихъ. Затѣмъ стали появляться въ печати и творенія св. отцовъ.

Возникновеніе русской проповѣди.

Подъ вліяніемъ борьбы съ католической проповѣдью развилась и русская *проповѣдь*. Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей этой литературы былъ въ ту пору Кириллъ Транквилліонъ. Онъ выдѣляется силой и простотою своего слова отъ современныхъ и послѣдующихъ ему проповѣдниковъ, которые въ своихъ ораторскихъ упражненіяхъ давали мало содержанія, гоняясь исключительно за формой.

Всѣ они были только учениками, перепѣвавшими пѣсни своихъ учителей-католиковъ.

Возникновеніе у насъ лирики.

Польское вліяніе сказалось и на первыхъ опытахъ русской *лирики* этой эпохи. Это—стихотворные панегирики и стихи „на случай"; содержаніемъ они бѣдны, поэзіи искать въ нихъ напрасно. Стихи эти писались по двумъ образцамъ: „греческому" и „польскому". Въ первомъ случаѣ принималось во вниманіе не только число гласныхъ буквъ, но и порядокъ ихъ, согласно съ искусственнымъ распредѣленіемъ ихъ на „краткіе", „долгіе" и „двоевременные"; во второмъ случаѣ соблюдалось только равенство слоговъ и риѳмы. „Греческимъ" стихомъ писали немногіе, въ виду его трудности.

Стиховъ „польскаго" типа гораздо больше. На первыхъ порахъ они звучатъ совершенно невозможно, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, дѣлаются красивѣе и удобопонятнѣе.

Нѣтъ надобности останавливаться на ихъ обозрѣніи подробнѣе, потому что для исторіи русской поэзіи они интересны только, какъ первыя слабыя попытки найти новыя литературныя формы. Содержаніе же ихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ ничтожное, такъ какъ для расцвѣта лирическаго чувства не пришло еще время: пора была боевая, отстаивалась религія отцовъ,—и всѣ страсти уходили на эту борьбу. Въ болѣе благопріятномъ положеніи застаемъ мы юго-западную изящную литературу во второмъ періодѣ юго-западнаго просвѣщенія, который начинается съ основанія Кіевской академіи.

Періодъ Кіевской академіи.

§ 59. b) *Періодъ Кіевской академіи.* Братства, много положившія силъ и средствъ на борьбу съ католизаціей Руси, сослужили свою службу въ самое опасное для православія время, выпустивъ

цѣлый рядъ борцовъ, вооруженныхъ знаніемъ. Когда опасность уменьшилась, то ослабѣла и энергія братствъ. Составленныя часто изъ купцовъ и ремесленниковъ, братства эти смотрѣли на науку съ утилитарной точки зрѣнія и потому стали тяготиться ею, лишь только миновала въ ней настоятельная надобность. Но сознаніе пользы просвѣщенія уже сдѣлалось прочнымъ у образованныхъ людей того времени. Съ другой стороны, опасность потерять вѣру и національность заставляла этихъ просвѣщенныхъ дѣятелей Малой Руси бояться заграничнаго образованія —въ этомъ направленіи слишкомъ много было сдѣлано печальныхъ опытовъ. Вотъ почему въ средѣ малорусскихъ передовыхъ дѣятелей явились мечты объ учрежденіи національнаго высшаго заведенія, гдѣ могли бы кончать курсъ наукъ ученики братскихъ школъ.

Основаніе Кіевской академіи.

И вотъ, новая школа, открытая митрополитомъ Петромъ Могилою въ 1631 году, при Кіевской Лаврѣ, была совершенно новаго образца: она была сколкомъ съ латинской высшей іезуитской школы. Тогда какъ при братскихъ школахъ преобладало славяногреческое направленіе, — въ школѣ Могилянской господствующее мѣсто занимала латынь.

Устройство академіи.

Устройство академіи было взято у іезуитовъ и надолго оставалось образцомъ для нашихъ богословскихъ школъ. Въ академіи было 8 классовъ, носившихъ названіе отъ тѣхъ наукъ, которыя изучались въ нихъ по преимуществу: такъ, послѣ двухъ приготовительныхъ классовъ слѣдовали: 3) грамматика, 4) синтаксисъ, 5) піитика, 6) риторика, 7) философія, 8) богословіе. Учащіеся въ первыхъ шести классахъ назывались учениками, въ старшихъ двухъ — „спудеями“; кромѣ того, по классамъ они назывались „богословами“, „философами“ и пр.

Преподаватели; ихъ обязанности.

Преподавателями были іеромонахи Лаврскаго монастыря. Причемъ на нихъ, кромѣ преподаванія, лежали еще особыя обязанности, связанныя съ ихъ спеціальностями: преподаватель риторики былъ оффиціальнымъ проповѣдникомъ; преподаватель піитики былъ оффиціальнымъ „піитою“—сочинялъ вирши, панегирики, а также каждый годъ сочинялъ драму, которая разыгрывалась учениками на Рождествѣ, на Масляницѣ, или лѣтомъ. Воспитанники академіи сразу выдвинулись въ ряды видныхъ дѣятелей просвѣщенія: сгруппировавшись около своей alma mater, они сдѣлались источникомъ просвѣщенія не только для своей Украйны, но и для Москвы XVII в. и даже для Петербурга на первыхъ порахъ его существованія.

Среди нихъ мы видимъ сподвижниковъ царя Алексѣя, видимъ дѣятелей реформъ, подготовлявшихъ дѣло Петра и защищавшихъ его при жизни Преобразователя и послѣ его смерти.

Если полемическая дѣятельность въ періодъ академіи ослабѣла, когда защитниками вѣры и національности выступили казаки, а потомъ Москва, — то дѣятельность „академиковъ" расширилась въ другомъ направленіи: развилась учебная литература, появились учебники и пособія (катехизисъ, учебники по богослуженію, Синопсисъ—учебникъ по исторіи).

Юго-зап.-русская проповѣдь. Лазарь Барановичъ.

§ 60. *Проповѣдь.* Особенно расширилась теперь литература проповѣдей. Широкою извѣстностью пользовался Лазарь Барановичъ; его проповѣди собраны въ двухъ сборникахъ: „Мечъ духовный" и „Трубы словесъ". Всѣ проповѣди построены со строгимъ соблюденіемъ схоластической мудрости: содержанія въ нихъ мало— онѣ представляютъ хитрое сплетеніе троповъ и фигуръ.

„Слово на Рождество Богородицы".

Какъ образецъ, можно привести отрывокъ изъ «Слова на Рождество Богородицы». Тема проповѣди взята изъ тропаря: «Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселенной». Проповѣдникъ старается объяснить, кому доставило радость рожденіе Богородицы. Оказывается, прежде всего—«землѣ, такъ какъ рождается та, которая породитъ Того, Который освятитъ проклятую землю шествіемъ своимъ и возьметъ въ вѣнецъ терніе, которое она, какъ проклятая, породила;—водѣ, такъ какъ она родитъ Того, Который будетъ ходить по водамъ и освятитъ воды, да будутъ превыше небесъ,—покажетъ намъ путь водою въ царствіе;— воздуху, такъ какъ Онъ очиститъ шествіемъ своимъ воздухъ;—огню, такъ какъ невѣста возьметъ свой свѣтильникъ и найдетъ потерянную драхму; доставитъ радость небу, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ и мученицамъ, исповѣдникамъ и исповѣдницамъ, пустынникамъ и пустынницамъ, дѣвственникамъ и дѣвицамъ, святителямъ, патріархамъ, Аврааму и Іакову, черноризцамъ, проповѣдникамъ, вдовамъ, гробамъ, аду, древамъ, горамъ, агнцамъ, всѣмъ...». Любопытно сопоставленіе Богородицы съ дочерью Иродіады: «Дочь Иродіады пляскою угодила Ироду, — Ты всплеснула руками, когда повила Христа и положила въ ясляхъ. Дочь Иродіады просила безумно головы Іоанна Крестителя, — Ты просила со слезами головы дьявола и мечъ духовный, т. е. Евангеліе Божіе, отсѣкла главу дьяволу и попрала ее... и т. д. Заключеніе: «Радуйся, звѣзда, являющая солнце, у тебя бо возсія солнце праведное, Христосъ-Богъ нашъ!»...

„Литературность" проповѣдей этой эпохи.

Этотъ отрывокъ очень характеренъ для того, чтобы дать представленіе о проповѣдяхъ того времени. Онѣ, конечно, относятся къ произведеніямъ „литературнымъ", по преимуществу, такъ какъ болѣе свидѣтельствуютъ о литературныхъ вкусахъ, чѣмъ о религіозномъ настроеніи; впрочемъ, мы оказались бы неправы, если бы

стали отрицать всякое чувство въ этихъ произведеніяхъ и усмотрѣли въ нихъ одинъ холодный риторизмъ. Обыкновенно, пониманіе настроеній прошлаго затрудняется для людей послѣдующихъ эпохъ чуждой для нихъ *формой*, а форма этихъ проповѣдей, для нашего времени, дѣйствительно, мало понятна.

Что касается до этой *формальной* стороны южно-русскихъ проповѣдей, то для историка литературы онѣ представляютъ немалый интересъ.

Историческій интересъ юго-зап. духовной поэзіи.

Въ главѣ о духовной поэзіи кіевской Руси, было указано, что эстетическая сторона проповѣдей Иларіона, Кирилла Туровскаго была доступна тогда только для избранниковъ,—масса оставалась ей чужда. Теперь же, въ XVII в., красоты художественной проповѣди и лирики, очевидно, сдѣлались доступными массѣ русскихъ людей: по крайней мѣрѣ, обиліе русскихъ проповѣдниковъ въ юго-западной Руси, ихъ популярность—объ этомъ свидѣтельствуютъ, — между тѣмъ, многія особенности ихъ произведеній сближаютъ ихъ и съ поэзіей св. Писанія, и съ церковной поэзіей кіевской Руси: символизмъ и аллегоризмъ, многіе образы, сравненія, воззванія, пріемы противопоставленія—все это роднитъ юго-западную литературу съ древней кіевской.

Іоанникій Голятовскій.

Если Барановичъ пользовался для своихъ проповѣдей только св. Писаніемъ и церковными пѣснями, то другой извѣстный проповѣдникъ, Іоанникій Голятовскій въ свои проповѣди ввелъ самый широкій кругъ фактовъ, взятыхъ отовсюду: изъ исторіи, астрономіи и астрологіи, естествознанія, миѳологіи, изъ „Римскихъ Дѣяній“, изъ житій святыхъ, православныхъ и католическихъ, изъ „Великаго Зерцала“ и др. подобныхъ сборниковъ. Голятовскій любопытенъ для насъ и какъ теоретикъ ораторскаго искусства: онъ сочинилъ извѣстное руководство: „Наука, или способъ составленія проповѣдей“. Общихъ разсужденій здѣсь мало: дается лишь рядъ совѣтовъ.

„Наука“, или способъ составленія проповѣдей.

Кто хочетъ составить проповѣдь, сказаніе, тотъ долженъ, прежде всего, взять изъ св. Писанія «тему», которая и есть основаніе всей проповѣди. Проповѣдь должна состоять изъ 3-хъ частей: «экзордіума», «нарраціи» и «конклюзіи» (вступленія, изложенія и заключенія). Въ первой части проповѣдникъ объясняетъ, о чемъ онъ будетъ говорить,—это—«пропозиція» (предложеніе). Тутъ же онъ проситъ Бога, или Богородицу, о помощи, слушателей — о вниманіи. Послѣ объясненія, что войдетъ въ нарраціо и конклюзію, авторъ даетъ рядъ практическихъ совѣтовъ, вродѣ слѣдующаго: «чтобы привлечь людей къ слушанію, обѣщай разсказать о чемъ-нибудь новомъ, чего прежде не видѣли и не слышали», «чтобы

привлечь людей къ слушанію, толкуй какъ-нибудь имя, такъ ты иногда можешь составить цѣлую проповѣдь». (Толкованіе именъ: Владиміръ — «владѣющій міромъ»; Христофоръ—«носящій Христа»).

О назидательности проповѣди Голятовскій не заботился, — и для него, очевидно, проповѣдь—чисто „литературное" произведеніе, не имѣющее прикладного значенія. Это и заставляетъ насъ особенно внимательно отнестись къ проповѣди юго-западной—очевидно, съ точки зрѣнія самихъ авторовъ, проповѣдь была лишь лирическимъ произведеніемъ во славу Бога,—произведеніемъ, до избытка украшеннымъ всѣми чарами тогдашней поэтики и риторики. Вотъ почему, эта проповѣдь занимаетъ свое мѣсто въ исторіи русской поэзіи.

Въ помощь для проповѣдника, Голятовскій составилъ сборникъ: „Небо новое"; сборникъ служитъ той же цѣли, что „Римскія Дѣянія" и „Великое Зерцало" (см. ниже),—назидательность въ немъ та же; характеръ чудесъ тотъ же, что въ „Великомъ Зерцалѣ"; пропитанъ сборникъ чисто-католическимъ отношеніемъ къ св. Дѣвѣ; объясняется это тѣмъ, что очень немногіе разсказы взяты изъ православныхъ книгъ; огромное большинство попало изъ книгъ католическихъ.

Антонъ Радивиловскій.

Менѣе извѣстнымъ проповѣдникомъ былъ Антонъ Радивиловскій; его проповѣди собраны въ двухъ книгахъ: „Огрудокъ (садикъ) Маріи Богородицы" и „Вѣнецъ Христовъ", — въ первой книгѣ собраны проповѣди въ честь Богородицы, во второй — въ честь Христа. Проповѣди отличаются тѣмъ же характеромъ, что и предыдущія: тотъ же строго-выдержанный планъ, тѣ же пріемы, то же нагроможденіе поэтичныхъ тропъ и фигуръ. Въ проповѣдяхъ Радивиловскаго, какъ особенность, ему присущую, надо отмѣтить стремленіе къ остроумію, иногда, впрочемъ, очень неудачному: проповѣдникъ вплетаетъ въ проповѣдь анекдоты, пускается въ рискованныя сопоставленія, — все это указываетъ, какой своеобразный характеръ получила русская проповѣдь XVII в., какъ далеко отошла она отъ служенія церкви и какъ близко подошла къ изящной литературѣ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

см. час. II стр. 12—18

Реформаторомъ юго-западной проповѣди въ концѣ вѣка явился Ѳеофанъ Прокоповичъ. Сторонникъ простоты и естественности, онъ возставалъ противъ витійства въ польскомъ духѣ и называлъ польскія школы „фабриками испорченнаго краснорѣчія". Польскіе ораторы, по его словамъ, „часто не знаютъ, что̀ нужно писать о томъ, или другомъ предметѣ, и пишутъ то, что̀ нисколько не от-

носится къ дѣлу, а необходимое опускаютъ"; нападаетъ онъ на „напыщенность", „надутость", „раздражительность возгласовъ", говоритъ, что эти ораторы „пачкаютъ" свои рѣчи „школьностью", переполняютъ ихъ вялыми остротами и понятіями. Какъ увидимъ ниже, самъ Прокоповичъ далъ образцы энергичнаго, содержательнаго краснорѣчія, чутко отзывавшагося на трепещущіе вопросы современной ему жизни.

§ 61. *Теорія поэзіи.* Необходимо сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ теоретическихъ взглядахъ, которые выработались въ Кіевской академіи въ результатѣ нѣсколькихъ десятилѣтій поэтической дѣятельности. Эти взгляды цѣликомъ перенесутся въ XVIII в. и долго будутъ служить руководствомъ нашимъ поэтамъ петровскаго и даже позднѣйшаго времени. Теорія поэзіи

„Поэзія есть наука выражать стихомъ подражаніе дѣйствіямъ человѣческимъ". Подражаніе объяснялось, какъ *изображеніе* дѣйствительности, или какъ *вымыселъ*; при чемъ указано было, что „подражаніе" бываетъ подражаніемъ „природѣ" и „труду", т. е. изображеніемъ міра природы и міра искусствъ. Понятіе „вымыселъ" тоже разъяснялось: „вымыселъ поэта не есть ложь, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, и не противно разуму, но, преимущественно, изображаетъ предметы, согласные съ разумомъ"—т. е. то, что мы теперь называемъ „правдоподобнымъ вымысломъ". Опредѣленіе поэзіи.

Но вымыселъ такого рода понимался тогда шире, чѣмъ теперь нами, избалованными реализмомъ искусства: теоретики XVII в. считали поэтическимъ вымысломъ—свободное пользованіе образами, взятыми изъ древней миѳологіи, или изъ св. Писанія. Участіе боговъ и богинь, ихъ ссоры, чудеса — все это называется „вымысломъ способа", т. е. законнымъ литературнымъ пріемомъ. Отвлеченныя аллегорическія лица точно также относились къ „вымыслу способа" (вымыселъ „вещи"—это непозволительное извращеніе дѣйствительнаго факта). Впрочемъ, взглядъ на возможность пользоваться *классическими* мотивами не всѣми раздѣлялся. „Христіанскій поэтъ долженъ призывать на помощь кого либо изъ святыхъ"—говоритъ одинъ теоретикъ конца XVII в.; Ѳеофанъ Прокоповичъ тоже энергично возсталъ противъ такого „церковнаго классицизма": „поэтъ не долженъ вмѣшивать языческихъ боговъ и богинь въ какое-либо дѣло нашего Бога, или также героевъ, олицетворяющихъ собою какія-либо добродѣтели; не долженъ употреблять имя Паллады вмѣсто „мудрости",—Діаны, вмѣсто „чистоты",—Нептуна вмѣсто „водъ",—Вулкана вмѣсто „Вымыселъ"—основа поэзіи. Классицизмъ въ духовной поэзіи.

„огня“: ихъ имена употребляются только синонимически. Но онъ можетъ вводить дѣйствительныя лица—Бога, ангеловъ, святыхъ, демоновъ, приписывая имъ подобныя дѣйствія. Также, черезъ „олицетвореніе“, пусть онъ вводитъ божественныя свойства, приписывая имъ рѣчь, лица, дѣйствія, одежды, оружіе, инструменты, колесницы, и пр.“ Свои теоретическіе взгляды Прокоповичъ подтверждаетъ примѣрами, взятыми изъ св. Писанія. Взглядъ этотъ очень любопытенъ, такъ какъ свидѣтельствуетъ: 1) о томъ, что юго-западные богословы, поэты, риторы и драматурги, даже, исходя изъ подражанія западнымъ духовнымъ писателямъ, всетаки не прерывали связи съ поэтическими пріемами св. Писанія и этимъ самымъ органически связывали свое творчество съ поэзіей священныхъ книгъ, —2) Слова Ѳеофана говорятъ намъ о тѣхъ усиліяхъ, что тщетно прилагали у насъ лучшіе представители церкви для того, чтобы изгнать свѣтскій (ложноклассическій) элементъ, наводнявшій все сильнѣе даже церковную поэзію. Очевидно, недалеко было то время, когда поэзія перейдетъ въ руки Ломоносова, Третьяковскаго, Сумарокова—они воспользуются готовыми формами, но отдадутся классицизму: „вся поэтика XVIII в. держится тѣхъ „вымысловъ способа“, о которыхъ говорится въ XVII в., но при томъ широко пользуется классической миѳологіей и классической исторіей.

Развитіе „вымысла“ происходило по слѣдующему рецепту: взявши совершившійся фактъ, „поэтъ не изслѣдуетъ, какимъ образомъ онъ совершился, но излагаетъ, какимъ образомъ онъ въ идеѣ могъ совершиться, и, такимъ образомъ, изображаетъ различныя душевныя движенія лицъ и страхъ тѣлесный: скорбь, гнѣвъ, ненависть“ и пр.

Различіе между „исторіей“ и „поэзіей“.

Очень цѣнно также указаніе различія между „исторіей“ и „поэзіей“,—различіе, сохранившееся у насъ въ теченіе всего періода господства псевдоклассицизма: поэтъ „долженъ единственно стараться о томъ..., чтобы въ извѣстныхъ и замѣчательныхъ личностяхъ указывать *„общія“* добродѣтели, или пороки. Рисовать человѣка съ его общими и частными добродѣтелями и пороками — дѣло историка, — поэтъ же, съ точки зрѣнія поэтики Прокоповича, долженъ изображать лишь „общія свойства“. Другими словами, герой долженъ былъ быть въ поэзіи „героемъ“ съ начала до конца,—злодѣй остается „злодѣемъ“. Частная жизнь, интимная сторона души человѣка—для поэта не интересны. „Поэтъ, по словамъ Прокоповича, имѣетъ въ виду не передавать, подобно

историку, памяти потомства дѣянія, но *учить* людей, какими они должны быть въ томъ или другомъ родѣ жизни, и въ дѣяніяхъ героя, какъ бы въ зеркалѣ, показывать примѣръ, восхваляя и предлагая его другимъ.

Версификація: а) греческій способъ сложенія.

Версификація въ этотъ періодъ сдѣлала большіе успѣхи. Греческій способъ сложенія, основанный на условномъ удареніи, согласно долготѣ и краткости гласныхъ, перенесенныхъ на русскую почву, конечно, привелъ, на первыхъ порахъ, къ искусственному, натянутому чередованію удареній. Долгихъ и краткихъ гласныхъ у насъ не было, были лишь ударные и неударные.

И только, когда случайно происходило совпаденіе съ русскимъ естественнымъ удареніемъ, то получалось полное благозвучіе, получалось современное *тоническое* стихосложеніе.

Эти сравнительно рѣдкіе случаи совпаденія метрическаго способа съ тоническимъ съ теченіемъ времени стали учащаться.

ь) силлабическое стихосложеніе.

Что касается до *силлабическаго* стихосложенія, то и оно къ концу вѣка приняло совсѣмъ благозвучную форму. Если сперва стихи, написанные этимъ стихосложеніемъ, представляли куски самой обыкновенной прозы, разрубленной риѳмами на строчки, иногда даже безъ соблюденія числа слоговъ, но съ теченіемъ времени они дѣлаются все правильнѣе и красивѣе.

Это стремленіе сказалось, прежде всего, въ строгомъ установленіи опредѣленнаго числа слоговъ, въ введеніи цезуры, а затѣмъ въ стремленіи сблизиться съ греческимъ метрическимъ стихосложеніемъ. Я приведу примѣръ, хотя бы, изъ драмы: „Алексѣй, человѣкъ Божій“.

Алѐксѣй ѐстемъ мѝлый сы̀нъ Евфѝміяна,
Сенатȍра Рѝмскаго—тȍль знатнȍго пȁна,
Котȍрый слу̀гъ три тысячи | за̀ собою вȍдитъ,
А кȁждый зъ нихъ въ блȁватѣ | пасѣ̀ златомъ хȍдитъ.

Стихи Симеона Полоцкаго.

Первая строка чисто метро-тоническая, съ ясными юго-западными удареніями на предпослѣднемъ слогѣ; остальныя три силлабическія, съ цезурой и ясными чередованіями слоговъ ударныхъ и неударныхъ. Нѣсколько позднѣе Симеонъ Полоцкій уже разрѣшилъ загадку русскаго тоническаго стиха. Напр.:

Бȍгъ всемогу̀щій днесь въ мі̀рѣ родѝся,
Въ ху̀дѣ вертѐпѣ, въ яслѐхъ положѝся;
Чѝстая дѣ̀ва сосцȁми питȁетъ
И пеленȁми егȍ повивȁетъ.

Передъ нами чистый дактиль съ насиліемъ ударенія лишь въ словѣ „яслѣхъ“.

Конечно, огромная масса стихотворныхъ опытовъ этого періода напоминала, попрежнему, рубленную прозу, но не на этихъ рукописныхъ, анонимныхъ произведеніяхъ долженъ историкъ основываться, говоря о судьбѣ русскаго стиха, а на произведеніяхъ лучшихъ поэтовъ того времени.

Если мы взглянемъ въ теорію поэзіи того времени, то увидимъ, что она ушла гораздо дальше наличнаго творчества. Поэтамъ русскимъ XVII в. были въ теоріи извѣстны самые разнообразные размѣры: гораціанскіе, сафическіе, ямбическіе, дактилическіе, трохеическіе, іоническіе и т. д. Попытки на практикѣ испробовать эти размѣры успѣха не имѣли.

„Виды“ литературные съ точки зрѣнія этой поэтики.

Поэтика XVII в. дала нашимъ предкамъ и ученіе о „видахъ“ поэтическаго творчества. „Подражаніе“ счастливымъ дѣйствіямъ знаменитыхъ людей составляло „эпосъ“, несчастнымъ дѣйствіямъ— „трагедію“; подражаніе низкимъ людямъ — „комедію“; подражаніе дѣйствіямъ людей изъ простого, по преимуществу пастушьяго круга—„буколическую поэзію“; подражаніе порочнымъ обычаямъ людей—„сатиру“; подражаніе „легкой и веселой матеріи“—лирическую поэзію“. При этомъ строго опредѣлялось, чтобы эпическія произведенія писались гекзаметромъ, трагическія — ямбомъ; но эта теорія, взятая прямо съ запада, предъявляла русскимъ поэтамъ требованія слишкомъ большія,—лишь въ началѣ XVIII в. мы увидимъ примѣненіе этой теоріи на практикѣ.

Драма.

Такъ, юго-западная *эпопея*, теоретически-разработанная очень основательно, выразилась на дѣлѣ лишь въ панегирикахъ,—это похвальныя поэмы на рожденіе, бракосочетаніе, привѣтственныя, благодарственныя, погребальныя—дальше этого эпосъ не пошелъ, хотя образцами эпопеи считались іезуитскія произведенія, написанныя въ подражаніе Виргилію („Иродіада, или святые младенцы, за Христа мученики“, „Ѳемида“, „Ахаллеида“ и др.).

§ 62. *Драма.* Что касается до юго-западной *драмы*, то и здѣсь теорія значительно опередила практику,—всѣ дошедшіе до насъ образцы драматическихъ упражненій не шли дальше скрещенія духовныхъ средневѣковыхъ драмъ, мистерій и мираклей—съ драмой школьной, носящей слѣдъ знакомства съ классическимъ театромъ.

Между тѣмъ, теорія давала точное опредѣленіе трагедіи, комедіи и трагикомедіи.

Обычный уставъ возлагалъ сочиненіе пьесъ на учителей пiитики; обыкновенно, ихъ пьесы разыгрывались учениками на масляницѣ и въ лѣтнія вакаціи.

Драма „Алексѣй, человѣкъ Божій".

Первой, по времени, серьезной и большой пьесой, для которой понадобилась и обстановка, была у насъ драма: „Алексѣй человѣкъ Божій". По типу своему, произведеніе относится къ пьесамъ смѣшаннаго характера, образовавшимся изъ мистерій, мираклей и школьныхъ драмъ. Построена пьеса совершенно сходно съ той пьесой, что разыгрывали бродячіе актеры передъ Гамлетомъ и особенно актеры-любители въ шекспировской пьесѣ: „Сонъ въ Иванову ночь".

Содержаніе.

Содержаніе пьесы излагается въ Прологѣ: «Діогенъ днемъ со свѣчей искалъ человѣка и не нашелъ. Если мудрецъ не нашелъ просто человѣка, то намъ подавно не сыскать божьяго человѣка. Увольняя васъ (зрителей) отъ этого труда, мы покажемъ вамъ на этомъ мѣстѣ Алексѣя. Вы увидите, за что онъ сталъ божьимъ человѣкомъ».

Дѣйствіе начинается на небѣ (верхняя часть сцены). Является Архангелъ Рафаилъ и рекомендуется зрителямъ:

«Рафаилъ ангелъ имя мое быти знайте,
Да и о повинности моей запытайте!

— (т. е. «спросите меня о моихъ обязанностяхъ»). Не дожидаясь вопроса, ангелъ разсказываетъ, что его обязанность заботиться о земныхъ бракахъ,—между тѣмъ, наземлѣ завелись дѣвственники, въ родѣ Алексѣя—и ангелъ въ недоумѣніи, что дѣлать ему съ такими людьми. Является Архангелъ Гавріилъ, который оспариваетъ Рафаила и убѣждаетъ Алексѣя, который появляется на «землѣ» (т. е. на средней сценѣ) сохранить чистоту до смерти. Алексѣй также рекомендуется уже извѣстными намъ выше словами:

Алексѣй есмемъ, милый сынъ Евфиміяна

—и разсказываетъ зрителямъ свою жизнь, жалуется, что родители его хотятъ женить, говоритъ, что желаетъ уйти отъ суеты и служить Богу въ дѣвствѣ и нищетѣ.

Затѣмъ является Юнона, супруга Іовита (Юпитера)—она предлагаетъ Алексѣю не бороться съ плотью и пользоваться радостями земной жизни. Потомъ приходитъ Счастье, и начинаетъ убѣждать Алексѣя послушаться совѣта Юноны; Алексѣй колеблется, но Добродѣтель, Чистота и Убожество [1]) укрѣпляютъ въ немъ прежнее намѣреніе избѣжать брачной жизни.

„Психологія" въ драмѣ.

Такъ наивно разрабатываетъ авторъ психологію Алексѣя. То, что въ

---

[1]) Отъ 1732 г. сохранилось описаніе костюмовъ, которые приготовлялись для такихъ театральныхъ „олицетвореній". Костюмы, конечно, были традиціонны.

Чистотѣ: „изъ бѣлой крашенины юбка на фижбинахъ и бострогъ такой же, какъ и благолѣпію, только безъ позументу. Вѣнчикъ лавровый, въ рукахъ лилія".

Мерзости: „шлафрокъ, изъ долгой кирпишной крашенины и нашить полосы желтыя и синія, крашенинныя же, вдоль. А машку (маску) старую дурную".

Злость одѣта была „въ шлафрокъ черный, на груди висѣла медузина голова, на головѣ змѣй, въ рукахъ змѣя".

современной драмѣ происходитъ въ душѣ героя, что сознается, какъ борьба внутренняя, то для человѣка, еще связаннаго съ средневѣковыми представленіями, являлось борьбой съ какими-то внѣшними голосами, чуть не существами. Припомнимъ наши и западно-европейскія «житія», въ которыхъ душа человѣка представляется ареною для борьбы Бога и дьявола,—и мы поймемъ, что кіевская драма, въ смыслѣ разработки психики героя, въ смыслѣ пониманія внутренней борьбы, недалеко ушла отъ старыхъ пріемовъ.

Новая сцена начинается съ появленіемъ отца Алексѣя. Онъ подробно разсказываетъ о себѣ, о своей жизни, о своихъ намѣреніяхъ касательно сына. Приходитъ его жена, затѣмъ зовутъ Алексѣя и убѣждаютъ его жениться. Архангелъ Михаилъ уговариваетъ его не повиноваться.

Затѣмъ на сценѣ происходитъ представленіе свадьбы. На сценѣ играютъ цимбалы и скрипка. Мужики подносятъ дары, пьютъ вино сначала стаканами, потомъ изъ ведра, танцуютъ, бранятся, дерутся.

Алексѣй тайно оставляетъ родительскій домъ; его отецъ и молодая жена въ отчаяніи. Алексѣй послѣ ряда святыхъ подвиговъ возвращается, неузнанный, въ домъ отца и живетъ тамъ въ качествѣ нищаго. Здѣсь любопытна сцена, въ которой слуги обижаютъ угодника: лучшее ѣдятъ сами, а Алексѣю даютъ сухой хлѣбъ. Его утѣшаетъ голосъ съ неба: «пріидите ко Мнѣ вси трудящіеся и обремененные, и Азъ упокою вы». Написавъ свое житіе, Алексѣй умираетъ.

Заканчивается пьеса плачемъ отца, матери и жены Алексѣя. Въ это время Алексѣй тѣшится въ раю среди ангеловъ и, въ заключеніе, обращается къ царю Алексѣю съ рѣчью, обѣщая ему помочь въ его дѣлахъ.

Построеніе драмы.

Изъ этого бѣглаго пересказа видна простота построенія пьесы. Для современника Корнеля и Расина, для человѣка, знакомаго съ деталями теоріи классической драмы, произведеніе очень отсталое. „Единство мѣста“ заключается въ томъ, что на сценѣ одновременно и рай, и адъ [1]), и земля. На землѣ одновременно представленъ Римъ и Эдесъ. Въ Римѣ и домъ Евфиміана, и дворецъ цезаря. Немудрено, что Алексѣй очень быстро переселяется изъ Рима въ Эдесъ. „Единство времени“ тоже представлено въ пьесѣ курьезно. Нѣсколько лѣтъ жизни угодника укладываются въ нѣсколько минутъ дѣйствія.

„Единства дѣйствія“ въ смыслѣ теоріи ложноклассиковъ нѣтъ. Рядомъ съ главнымъ дѣйствіемъ идутъ бытовыя сцены, которыя, однако, не вставлены въ видѣ отдѣльныхъ интермедій, а составляютъ съ пьесой органическую связь,—это обстоятельство указываетъ, что отъ мистерій и мираклей указанная пьеса тоже

---

[1]) Въ „аду“ во время дѣйствія стучатъ желѣзомъ. Оттуда выглядываетъ на зрителей изображеніе змѣя. Когда Добродѣтель уговариваетъ Алексѣя избѣгать пути, ведущаго къ погибели, и стращаетъ загробными муками, „ту змій ротъ роззявитъ и дымъ испущаетъ“.

отошла. Такъ, у Шекспира вводныя эпизодическія сцены, развившіяся изъ интермедій, вошли органически въ основное дѣйствіе.

Таковы, приблизительно, были и другія серьезныя пьесы, или „трагедіи" юго-западной литературы.

Комедіи, или веселыя пьесы (интермедіи) содержаніе свое заимствовали изъ шутливыхъ историй, фацецій, анекдотовъ—обыкновенно изъ народнаго быта; дѣйствующими лицами выступали здѣсь мужики, солдаты, цыгане, евреи. Разыгрывались онѣ, обыкновенно, на масляницѣ. Содержаніе интермедій, взятое изъ обыденной жизни, народный языкъ, смѣхотворныя выходки дѣйствующихъ лицъ обезпечили за этими веселыми зрѣлищами широкую популярность. Изъ школы онѣ разошлись вмѣстѣ съ школярами по деревнямъ и приспособились къ „кукольному театру"; онѣ продолжаютъ до нашихъ дней жить въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Комедія.

Изъ русскихъ интермедій XVII в. дошло до насъ нѣсколько. Для примѣра можно привести содержаніе одной,—оно очень несложно: глуповатый мужикъ Стецько дѣлается жертвой пройдошества вора Климка: передъ нами похожденія ловкаго вора, взятыя изъ народныхъ разсказовъ. Сюжетъ второй взятъ изъ «Римскихъ Дѣяній»: три парня рѣшили, что пирогъ будетъ съѣденъ изъ нихъ тѣмъ, кто увидитъ лучшій сонъ. Развязка общеизвѣстна. Содержаніе одной интермедіи.

И духовная драма, и интермедія, попавъ въ руки народа, приспособились къ потребностямъ массы. Трудность имѣть большой театръ и труппу была избѣгнута скромной обстановкой кукольнаго театра. Рождество Христово, поклоненіе волхвовъ и пастуховъ,—вотъ первыя сцены, попавшія въ переносные театры маріонетокъ. Въ Малороссіи эти представленія давались въ „вертепахъ"—ящикахъ, въ которыхъ сцена устраивалась такъ же, какъ въ театрахъ для духовныхъ драмъ.

Нашъ великорусскій „раекъ", вѣроятно, первоначально былъ такимъ вертепомъ, въ которомъ изображалось „Райское дѣйство"—сцены грѣхопаденія Адама и Евы.

§ 63. *Лирика.* Стихотворенія періода Кіевской академіи носятъ отчасти ложноклассическую окраску. Если въ раннихъ лирическихъ произведеніяхъ иногда попадалось имя языческаго божества, какъ, напр., въ виршахъ, посвященныхъ Іову Борецкому, гдѣ онъ названъ „любимцемъ Аполлона" — то теперь, послѣ усиленія въ академіи латинскаго и польскаго элементовъ, послѣ разработки теоріи поэзіи согласно рецептамъ французской поэтики,—псевдоклассицизмъ сдѣлался еще замѣтнѣе ложноклассицизма—онъ вступилъ въ свои права. Лирика.

Такъ, въ стихахъ встрѣчаемъ мы часто упоминанія о „кро-

левѣ наукъ“ Минервѣ, о Кліо, Ураніи, Аполлонѣ. Впрочемъ, увлеченія этими образами нѣтъ. Богоматерь ставится выше этихъ блѣдныхъ образовъ, явившихся въ схоластическую лирику изъ прекраснаго античнаго міра и оказавшихся здѣсь совсѣмъ не у мѣста.

„Виды“ лирики.

Лирическая поэзія, съ точки зрѣнія русскихъ теоретиковъ, подраздѣлялась на собственно „лирику“ и на „элегію“. Лирика, въ узкомъ смыслѣ слова, должна была изображать чувства радостныя; элегія—чувства грустныя. Первая, подраздѣлялась на: *гимны*, содержащіе хвалу Богу и святымъ, *диѳирамбы*, пѣснопѣнія на радостные случаи жизни, и *оды*, служащія и духовной, и свѣтской цѣли. Изъ этихъ видовъ лирической поэзіи наиболѣе опредѣленные, по своей сущности, были *гимны*.

Теоретики получили эти гимны уже готовыми произведеніями и только постарались отыскать имъ мѣсто въ своихъ заимствованныхъ пiитикахъ; по счастью, оказалось, что пѣснопѣнія въ честь боговъ были извѣстны и грекамъ, а потому существованіе этого жанра было узаконено.

Муретъ.

Муретъ, сочинявшій духовные гимны, подражая одамъ Горація,—сдѣлался образцомъ для русскихъ лириковъ того времени.

Барановичъ. Духовная лирика.

Изъ русскихъ поэтовъ, особенно успѣшно подвизавшихся на этомъ поприщѣ, надо признать Лазаря Барановича, который выпустилъ сборникъ своихъ стиховъ, подъ названіемъ: „Лютня Аполлона“; большинство стихотвореній Барановича написаны на польскомъ языкѣ и посвящены восхваленію Богородицы, апостоловъ и святыхъ; въ нѣкоторыхъ, правда, воспѣваются солнце, мѣсяцъ, весна, погода, морозъ и вѣтеръ — но всѣ эти стихи безцвѣтны и являются только подражаніемъ. Теплѣе и живѣе оказались тѣ стихи, въ которыхъ Барановичъ касался историческихъ событій эпохи, въ родѣ войнъ съ татарами.

Судьба этихъ произведеній очень интересна—съ одной стороны, они спустились въ народъ, сдѣлались достояніемъ набожныхъ людей, а затѣмъ школяровъ, славившихъ Рождество Христа и святыхъ, въ „кантахъ“,—а съ другой стороны, подъ вліяніемъ образованности, расширенія и углубленія людей XVIII в.,—они развились въ духовную лирику Прокоповича, Ломоносова, Хераскова.

Свѣтская лирика и ея литературное потомство.

Свѣтская лирика, заимствованная нами у поляковъ, на первыхъ порахъ выразилась единственно въ „панегирикѣ“,—литературномъ жанрѣ, которому суждено было развиться въ оду

XVIII в. Однимъ изъ первыхъ такихъ произведеній, вышедшихъ изъ панегирика, надо признать оду Өеофана Прокопивича: „На побѣду надъ шведами“ [1]. За нею идетъ ода Ломоносова: „На взятіе Хотина“, за нею ода Тредьяковскаго: „На сдачу Гданска“. Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ и многіе другіе продолжали въ XVIII в. этотъ классическій жанръ, охотно культивируя его на русской почвѣ. Ода XVIII в. до конца своихъ дней сохранила нѣкоторую связь съ юго-западнымъ „панегирикомъ“, отличаясь паөосомъ одинаковаго съ нимъ свойства: чрезмѣрное восхваленіе воспѣваемаго героя, искусственная напыщенность, тѣмъ рѣзче подчеркивающая холодность чувства, и, наконецъ, примѣненіе оды въ качествѣ подношенія сильнымъ міра сего,—все это роднитъ оду XVIII в. съ панегирикомъ XVII в.

Панегирикъ XVII в.

„Элегіями“ назывались стихотворенія, изображающія грусть поэта по поводу какого-нибудь событія. Въ зависимости отъ значительности событія, тонъ элегіи то повышался, то понижался, — въ этомъ ея выгодная сторона. Ода навсегда осталась прикованной къ „великимъ“ именамъ, „великимъ“ событіямъ,— элегія скоро сдѣлалась выраженіемъ интимной стороны жизни человѣческаго сердца.

Элегіи, духовныя и свѣтскія.

На первыхъ порахъ элегіи были чисто духовныя стихотворенія; въ Кіевѣ онѣ назывались „умилительными“, или „покаянными“ стихами. Польскіе и католическіе поэты дали нашимъ поэтамъ, въ этомъ направленіи, цѣлый рядъ образцовъ. Особенно популяренъ былъ Янъ Кохановскій.

Подобныя же элегіи сочиняли Симеонъ Полоцкій и Өеофанъ Прокоповичъ, сумѣвшій элегіи придать философски-нравоучительный характеръ. Къ концу вѣка элегіи, мало-по-малу, дѣлаются вполнѣ свѣтскими произведеніями. Въ нихъ на первыхъ порахъ находитъ себѣ выраженіе любовная тоска. Правда, записей такихъ стихотвореній-пѣсенъ отъ XVII в. не дошло, но въ раннихъ великорусскихъ сборникахъ XVIII в. встрѣчаются произведенія, несомнѣнно, южно-русскаго происхожденія,—ихъ необходимо отнести къ XVII вѣку.

Когда элегія спустилась въ народъ, она взяла отъ народной пѣсни содержаніе и способъ исполненія (пѣніе), дала искусственныя формы,—версификацію и пріемы пѣнія,—получилась та искусственная пѣсня, которая была такъ популярна въ теченіе всего XVIII в.

---

[1] Другія произведенія Прокоповича см. Истор. Хрест. вып. III, 15.

Переводные романы.

§ 64. *Переводные романы.* Въ XVII в. въ юго-западной Руси были очень популярны переведенные съ польскаго языка романы „авантюрные“ (романы „приключеній“ — aventures) и повѣсти „нравоучительныя“ и „смѣхотворныя“. Авантюрные романы однородны по своему содержанію и характеру: примыкая къ средневѣковому рыцарскому роману, они представляютъ собою чаще всего народную обработку темъ этого романа; при чемъ обильно вносились сказочные мотивы. Герои, надѣленные доблестью и силой, отправляются въ дальнія страны искать приключеній, или добывая какую-нибудь невѣдомую красавицу, или исполняя какое-либо порученіе. По дорогѣ они встрѣчаются съ разными витязями, чудовищами, съ бурями и опасностями и, послѣ ряда приключеній, оканчиваютъ жизнь въ славѣ и почетѣ.

Романы въ пониманіи русскихъ людей.

Конечно, бытъ и идеалы западнаго рыцарства были не вполнѣ понятны русскому переводчику и читателю,—оттого, при передачѣ на русскій языкъ, многое отпало, или исказилось. Понятны были воинскія потѣхи, блестящіе подвиги,—неяснымъ осталось, напримѣръ, „посвященіе въ рыцари“, особенно, символизмъ этого обряда; очевидно, смутно разумѣлись „странствующіе рыцари“ (chevaliers errants—переводилось „ѣзжалые“ рыцари), ищущіе приключеній и фортуны. „Courtoisie“—одинъ изъ девизовъ рыцарства—переводилось буквально: „дворность“ или „честь“, „почтеніе въ дворѣ“, „дворщина“, — изъ этихъ попытокъ перевести точнѣе это понятіе видно его неразумѣніе. Смутно понималось и „служеніе дамамъ“: „belles dames“ переводилось—„добрыя госпожи“.

Изъ авантюрныхъ романовъ особенно популярны были „Повѣсть о Брунцвикѣ“, „Повѣсть о Петрѣ златыхъ ключей“, менѣе—„Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ“, „Книга о Мелюзинѣ“, „Повѣсть о Василіи Златовласомъ“, „Тристанъ“ и „Ланжелотъ“.

Повѣсть о Брунцвикѣ.

Повѣсть о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли. Сынъ герцога Чехіи, прославленнаго своими подвигами, Брунцвикъ, желая сравниться съ отцомъ въ доблести, оставляетъ молодую жену, и съ 30-ю рыцарями отправляется искать приключеній. Ихъ корабль погибъ, приблизившись неосторожно съ магнитной горѣ; герой и спутники уцѣлѣли, но отъ голода переѣли другъ друга; остался одинъ Брунцвикъ. Онъ встрѣчается съ полу-рыбой, полу-дѣвушкой Европой и старымъ рыцаремъ Баладомъ. По его совѣту, Брунцвикъ зашиваетъ себя въ лошадиную шкуру, смазанную кровью. Грифъ уноситъ его въ свое гнѣздо на гору. Брунцвикъ перебилъ птенцовъ грифа и отправился по горамъ. Въ чудной полянѣ онъ увидалъ бой льва съ девятиглавымъ змѣемъ. Брунцвикъ помогаетъ осла-

бѣвающему льву, и тотъ дѣлается его неразлучнымъ спутникомъ. Долго они странствовали, попавъ въ мѣсто вѣчной тьмы. Проѣзжая около карбункуловой горы, свѣтившейся какъ пламя, Брунцвикъ откололь отъ нея кусокъ, и съ этимъ свѣточемъ отправился дальше.

Они прибыли въ чудесный городъ, заселенный чудовищами—у самого царя были глаза и спереди, и сзади и по 18 пальцевъ на рукахъ и ногахъ. Въ городѣ жили люди одноногіе, одноглазые, рогатые и двуглавые и песиглавцы. Брунцвикъ, по просьбѣ царя, освобождаетъ его дочь Африку, унесенную дракономъ. Онъ достигаетъ дворца этого дракона; перебиваетъ чудовищъ, которыя защищаютъ трое воротъ, и пробирается къ дѣвицѣ, которая до пояса съ змѣиными ногами. Она съ ночи до полудня имѣетъ вполнѣ человѣческія формы. Брунцвику она вручаетъ чудесный перстень, дающій владѣльцу силу 24-хъ человѣкъ. Происходитъ страшный бой героя съ дракономъ; герой по поясъ ходитъ въ крови, но убиваетъ при помощи льва дракона. Свои раны онъ залечиваетъ чудеснымъ зельемъ, которое добыто львомъ. Вернувшись къ царю, онъ, по принужденію его, женится на освобожденной Африкѣ. Однажды онъ нашелъ въ погребѣ старый мечъ-самосѣкъ, которому надо только приказать, и онъ самъ рубитъ головы. Брунцвикъ, отдѣлавшись, благодаря ему, отъ жены, тестя и согражданъ, поѣхалъ со львомъ дальше; онъ попадаетъ на островъ демоновъ, Асмодеевъ, которыхъ, благодаря мечу, перебиваетъ очень много. Царь ихъ, чтобы избавиться отъ героя, переноситъ его на родину. Герой попадаетъ какъ разъ на свадьбу своей жены, которую выдаютъ замужъ за принца. Брунцвикъ опускаетъ въ кубокъ новобрачныхъ свой обручальный перстень,—и оказывается узнаннымъ.

Разсказъ кончается соединеніемъ разлученныхъ. Левъ вошелъ въ гербъ Брунцвика. Когда герой умеръ, левъ не пережилъ его [1]). Если пересказанный романъ имѣетъ чисто-сказочный характеръ, то «*Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ златыхъ ключей и о прекрасной королевнѣ Магелонѣ*» имѣетъ характеръ, главнымъ образомъ, любовный; въ немъ разсказывается судьба двухъ нѣжныхъ любовниковъ, Петра, графа Провансскаго, и Магелоны (или Магилены), дочери короля Неаполитанскаго; разлученные всевозможными несчастными случайностями, они долго страдали, потерявъ другъ друга изъ виду и, лишь послѣ безчисленныхъ приключеній, свидѣлись и повели жизнь счастливую. Такимъ образомъ, ихъ любовь, вѣрность и благочестіе оказываются вознагражденными [2]).

Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ златыхъ ключей.

«*Тристанъ*» и «*Ланжелотъ*»—это извѣстные рыцарскіе романы изъ цикла романовъ Круглаго Стола: «Тристанъ и Изольда» и «Ланселотъ». Весь интересъ перваго сосредоточенъ на нѣжной любви героя и героини; интересъ второго на любви Ланжелота къ супругѣ короля Артура; всѣ его подвиги посвящены ей.

„Тристанъ" и „Ланселотъ".

«*Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ*» заключаетъ въ себѣ чудесную исторію отверженной жены кесаря Оттона (т. е. Октавіана) и его дѣтей. Изгнанная изъ дворца, она идетъ, куда глаза гля-

Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ.

---

1) Въ основѣ романа лежитъ чешская передѣлка нѣмецкой поэмы о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ.

2) Въ основѣ романа лежитъ старый французскій романъ, относящійся къ числу сказаній эпохи Карла Великаго.

дятъ; во время сна лишается обоихъ дѣтей, похищенныхъ звѣрями:— обезьяной и львицей; судьба дѣтей чудесна: они, послѣ ряда приключеній, дѣлаются рыцарями; одному изъ нихъ удается впослѣдствіи спасти брата, отца и мать. Происходитъ узнаніе, и жизнь героевъ оканчивается счастливо. Одинъ изъ сыновей кесаря—Флорентъ занимаетъ престолъ послѣ его смерти; у его сына Оттона есть дочь Флоренса, которая, подобно дѣду, преслѣдуется злой судьбой.

Такимъ образомъ, при чтеніи этихъ романовъ чужая жизнь для русскихъ того времени представлялась не дальнѣйшею ступенью ихъ культурнаго развитія, а контрастомъ; русское общество недавно еще въ книгахъ читало только порицаніе злымъ женамъ— теперь оно встрѣтило гимны въ честь belles dames. Грубо-демократическое въ обычаяхъ, почти отъ избы до дворца, наше общество сталкивалось въ этой литературѣ—съ галантными кавалерами, съ возвышеннымъ идеаломъ чистой любви до гроба. Особенно характерно увлеченіе этими романами въ Москвѣ, куда они были занесены изъ юго-западной Руси. Замкнутое въ предѣлахъ московскаго самодовольства, воображеніе москвича въ этихъ романахъ встрѣчалось съ широкими, необъятными горизонтами... Конечно, если бы жизнь русскаго общества оставалась въ томъ видѣ, въ какомъ она сложилась въ эпоху процвѣтанія Московскаго царства, то и эти романы не нашли бы въ ней читателей. Но жизнь всколыхнулась,—общеніе съ иноземцами, интересъ къ такимъ міровымъ событіямъ, какъ паденіе Царьграда, идея крестовыхъ походовъ на магометанъ, путешествія русскихъ на западъ и чужеземцевъ на Руси, иностранцы на русской службѣ, наконецъ, Смутное время, окончательно подломившее устои стараго Московскаго царства, наводнившее Русь новыми пришлыми элементами,—все это, вмѣстѣ взятое, расширило кругозоръ московскихъ людей, пробудило ихъ изъ ограниченнаго самодовольства собой. Явился интересъ къ свѣтской литературѣ, на первыхъ порахъ, конечно, къ такой, которая была понятнѣе, ближе,—отсюда большая популярность сказокъ объ Еруланѣ и Бовѣ, и мало вниманія къ произведеніямъ чисто-рыцарскимъ, какъ, напримѣръ, къ роману о Тристанѣ. Около первыхъ произведеній народное творчество работало легко и свободно.

Значеніе романовъ для народнаго творчества и романа XVIII в.

Авантюрные романы внесли много новыхъ элементовъ въ народное творчество. Ихъ вліянію надо, въ значительной степени, приписать появленіе у насъ авантюрныхъ сказокъ, въ которыхъ разные царевичи ѣдутъ за тридевять земель въ тридесятое царство за поисками красавицъ. Быть можетъ, изъ этихъ перевод-

ныхъ романовъ взяты и „мечъ-кладенецъ“, и „вѣщій конь“, и битвы съ чудовищами, и злые чародѣи... Не менѣе сильно на авантюрной сказкѣ отразилось и вліяніе востока („талисманы“, „превращенія“). Впрочемъ, переводные романы не только отразились на творчествѣ народа (сказки и былина), но они, сдѣлавшись особенно популярны въ XVIII в., въ рукописяхъ и въ печатномъ видѣ, проникли въ изящную словесность, завладѣвъ произведеніями Чулкова и др., даже юношеской поэмой Пушкина („Русланъ и Людмила“). До сихъ поръ многіе изъ этихъ романовъ въ лубочныхъ изданіяхъ—любимыя чтебныя книги народа.

§ 65. *Нравоучительныя повѣсти* (свѣтскаго и религіознаго содержанія). Всѣ эти произведенія были настолько близки по духу съ развитіемъ нашей литературы XVII в., что, входя въ ея плоть и кровь, они растворились въ ней, не придавъ ей особой окраски, лишь обогативъ ее новыми сюжетами и мотивами; многія изъ нихъ являлись въ западную Европу съ востока—изъ Индіи, другія—изъ Греціи, третьи—изъ Рима, четвертыя сложились на мѣстѣ, въ западной Европѣ. Одна группа этихъ произведеній собралась въ сборникѣ, носившемъ названіе Gesta Romanorum (Римскія дѣянія), другая, позднѣе—въ сборникъ, извѣстный подъ названіемъ Speculum magnum (Великое Зерцало). Нравоучительныя повѣсти.

«*Римскія Дѣянія*»—одинъ изъ сборниковъ, наиболѣе распространенныхъ въ средніе вѣка. Вліяніе его сказалось и на духовной литературѣ западной Европы—изъ него черпали матеріалъ для своихъ назиданій проповѣдники и моралисты, широко пользовались имъ романисты, въ родѣ Боккачіо, и драматурги, какъ Шекспиръ. Рукописи «Римскихъ Дѣяній» сохранились въ большомъ числѣ по всей Европѣ и тянутся отъ XIII ст. до XVI. Печатныя изданія—съ XV по XVIII в. Все это, конечно, указываетъ на популярность сборника. Составъ его самый пестрый. Сюда вошли и остатки греческой новеллы, и романа, и восточная сказка, и легенда, и народная сказка, сложившаяся уже на почвѣ западной Европы. „Римскія Дѣянія“.

Образованіе этого памятника не можетъ принадлежать иниціативѣ одной личности—онъ составился постепенно при перепискѣ. Оттого изъ 150 списковъ этого произведенія нѣтъ двухъ, вполнѣ между собою сходныхъ. Для примѣра, можно привести наиболѣе характерныя повѣсти «Римскихъ Дѣяній».

«*Объ Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ*»[1]): Царь Антіохъ, сильный владыка, былъ «лица краснаго, возраста высокаго, смысла мудраго, гласа яснаго, сердца смѣлаго». У Антіоха умираетъ жена, остается дочь красоты неописанной». Король искалъ себѣ невѣсты, но не нашелъ, «и нача велми тосковати», и отъ тоя тоски впала мыслію въ сердце его красота дщери его, и нача дщерь свою любити». Онъ хочетъ на ней жениться. „Объ Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ“.

---

[1]) Истор. Хрест., вып. II, стр. 178. Этотъ разсказъ могъ быть извѣстенъ русскимъ людямъ также и изъ византійской литературы.

Приведенъ разговоръ дочери съ отцомъ: она уговариваетъ его придти въ себя. Когда дочь указываетъ на общественное мнѣніе, съ которымъ надо считаться,—отецъ доказываетъ ей наглядно, что общественное мнѣніе со временемъ измѣняется: онъ велитъ по улицамъ города разостлать сукна—первый день никто не осмѣливается на нихъ ступить, а во второй день по сукнамъ стали ходить, а на третій день стали ѣздить телѣги. «Видишь ли, прекрасная, сказалъ Антіохъ, люди новому дивятся и много говорятъ, а привыкнутъ и говорить перестанутъ». Слава о красотѣ царской дочери отовсюду привлекаетъ жениховъ, но Антіохъ соглашается выдать дочь замужъ подъ условіемъ, что женихъ отгадаетъ загадку,—въ противномъ случаѣ, ему грозила смерть. Много юношей сложили свои головы. Наконецъ, загадка была разгадана Аполлономъ Тирскимъ. Смыслъ этой загадки заключался въ любви Антіоха къ его дочери. Антіохъ, услышавъ рѣшеніе, «распалился яростью великою» и сталъ отрицать вѣрность рѣшенія, на что Аполлонъ отвѣчалъ: «всякъ то на твоемъ лицѣ познаетъ, что я твою загадку разгадалъ». Такимъ образомъ, изъ этого мѣста видно, что въ разсказъ введена даже деталь, касающаяся выраженія лица дѣйствующихъ лицъ. Аполлонъ самъ разсуждаетъ съ собою, что ему дѣлать. Въ этомъ монологѣ раскрывается его психика. Всѣ эти мелочи вводятъ насъ въ кругъ тѣхъ новыхъ литературныхъ вкусовъ, которые не довольствовались сухимъ схематизмомъ стараго житія, а требовали себѣ деталей, психологіи, живой картины, доходившей до изображенія игры человѣческаго лица. Аполлонъ бѣжитъ отъ Антіоха, оставляетъ родной городъ. Антіохъ преслѣдуетъ его по пятамъ. Спасаясь, Аполлонъ плыветъ на кораблѣ, подвергается бурѣ; слѣдуетъ ея описаніе, кораблекрушеніе; герой носится на доскѣ по морю, лишенный всего. Его спасаетъ рыбакъ, къ которому онъ и поступаетъ въ работники. Его замѣчаетъ царь и приближаетъ къ себѣ. У царя дочь Люцина, красавица, пѣвица и плясунья. Разъ всѣ гости во дворцѣ восхищались ея искусствомъ, одинъ Аполлонъ, на вопросъ сосѣда, нравится ли ему игра царевны, «главою потрясъ». Замѣтя это, царевна оскорбилась и стала у отца требовать головы Аполлона. Царь сталъ ее успокаивать и, между прочимъ, спросилъ Аполлона, зачѣмъ онъ потрясъ головой; онъ отвѣтилъ, что самъ и пляшетъ и играетъ лучше царевны, «взялъ гусли, начатъ играть вельми вдячно (хорошо) и плясать выборно. Такъ что всѣ крикнули, ркучи: «вдячно гудетъ и лутче пляшеть, нежели королевна». А какъ видѣла королевна его плясаніе, «впалъ ей въ сердцѣ, и почала его вельми любить». У отца она выпрашиваетъ Аполлона въ придворные къ ней. Аполлонъ равнодушенъ къ любви королевны. Къ ней сватаются двое князей. Царь предоставилъ свободу выбора дочери,—хочетъ, можетъ идти за убогаго,—хочетъ—за богатаго. Маленькая сценка, когда царевна рѣшается сама сдѣлать предложеніе о замужествѣ Аполлону, обрисована очень тонко. Чувствуется и нерѣшительность смущенной дѣвушки, и напряженное ожиданіе мамки, разрѣшившееся въ негодованіе, когда ея питомица избрала «убогаго утопленника». Аполлонъ женится на королевнѣ. Потомъ его избираютъ царемъ послѣ Антіоха, и онъ уѣзжаетъ туда, сказавъ, что пришлетъ за женой человѣка со своимъ перстнемъ. Слѣдуетъ трогательное прощаніе жены, ея жалобы, которыя смягчаютъ Аполлона, и онъ беретъ ее съ

собою. На пути она родитъ дочь и теряетъ сознаніе, такъ что ее принимаютъ за мертвую. Тѣло ея кладутъ въ лодку съ богатствами и пускаютъ въ море. Лодку выбросило на берегъ. Ее находитъ лѣкарь, который, всматриваясь въ лицо ея, замѣчаетъ въ ней жизнь, и вылечиваетъ ее. Между тѣмъ, Аполлонъ тосковалъ, потерявъ жену. Дочь онъ отдалъ на воспитаніе въ одно семейство. Когда она подросла, ее тамъ не взлюбили за красоту и рѣшили извести. Рабъ, которому поручено было ее убить, послѣ ряда колебаній, выраженныхъ въ монологахъ, собрался было кончать злое дѣло, но напали на него пираты, отняли дѣвицу и продали въ рабство. Одинъ великодушный юноша спасаетъ ее отъ предстоящаго позора. Аполлонъ, пріѣхавшій туда, узнаетъ въ ней дочь. Вся эта сцена, въ которой они приходятъ къ сознанію, что связаны кровными связями, полна драматизма и жизни. Между прочимъ, она загадываетъ Аполлону рядъ загадокъ—пріемъ, чисто-сказочный. Затѣмъ происходитъ свиданіе съ женой и заканчивается романъ полнымъ благополучіемъ героевъ.

Такимъ образомъ, передъ нами характерный романъ греческаго типа, усложненный лишь нѣкоторыми пріемами новой школы. Вся схема, авантюры, завязка и развязка привязываютъ романъ къ старинѣ, но разработка, носящая, несомнѣнно, характеръ редакціонныхъ дополненій, роднитъ произведеніе съ новой литературой.

„Житіе св. Плакиды".

Въ другомъ родѣ попавшій въ «Римскія Дѣянія» христіанскій романъ: «*Житіе св. Плакиды*» [1]). Плакида былъ знатнымъ рыцаремъ при Троянѣ; былъ онъ идолопоклонникъ, равно какъ и жена его, но оба были добродѣтельны и милостивы. Однажды Плакида на охотѣ гнался за прекраснымъ оленемъ. Вдругъ въ чащѣ лѣса олень остановился, и между рогами у него засіялъ крестъ, съ изображеніемъ распятаго Христа; изумленный рыцарь услышалъ голосъ: «О, Плакида, за что̀ гонишь меня! Я—Христосъ, котораго ты чтишь, хотя и не знаешь Его». На слѣдующій день Плакида съ семьей крестился. Какъ-то на охотѣ Плакида опять встрѣтилъ чудеснаго оленя, который сказалъ ему, что дьяволъ разгнѣвался на него за отступничество отъ язычества и будетъ жестоко его преслѣдовать, но онъ долженъ оставаться твердъ и тогда одержитъ побѣду надъ искушеніями. «Много потеряешь ты отъ суеты свѣта, но духовнымъ богатствомъ будешь вознесенъ». Начинается рядъ испытаній; Плакида обѣднѣлъ, лишился жены, дѣтей; затѣмъ все утерянное возвращается ему, и Плакида кончаетъ свои дни въ довольствѣ и чести. Вошло въ сборникъ и популярное у насъ *житіе св. Алексѣя*, и романическое, менѣе извѣстное, *житіе св. Григорія*. Эти и подобныя произведенія затрагивали фантазію читателя авантюрнымъ складомъ своей композиціи, въ то же время намѣчали ясные образы героевъ, просвѣтленныхъ христіанскими идеалами.

Греческій романъ и христіанство.

Греческій романъ возникъ на закатѣ греческой цивилизаціи, въ ту пору, когда міровоззрѣніе античнаго эллина, его взгляды на «судьбу» и роль боговъ—поблекли и замѣнились предчувствіемъ Христа; вотъ почему греческій романъ, не порвавшій еще связи съ «судьбой» и «рокомъ», однако дошелъ до сознанія, что добро награждается, а зло наказывается.

---

[1]) Истор. Хрест. вып. II, стр. 181. Этотъ разсказъ могъ быть извѣстенъ русскимъ людямъ также и изъ византійской литературы.

Христіанство поэтому легко завладѣло греческимъ романомъ и страстно ухватилось за основную идею греческаго романа. Оставалось только освѣтить яснѣе идеалы, подчеркнуть добродѣтель,—и, вмѣсто блѣднаго фантома «судьбы», поставить образъ дьявола. Добродѣтельный человѣкъ гонимъ дьяволомъ, но Богъ награждаетъ его. Дальнѣйшимъ фазисомъ развитія христіанскаго романа будетъ сознаніе, что награда должна быть не вещественная, матеріальная,—слѣдовательно, ей мѣсто не на землѣ, а за гробомъ. Прямымъ выводомъ изъ этого презрѣнія къ земной суетѣ было ослабленіе интереса къ той земной борьбѣ, которую вели герои греческаго романа, гонимые судьбой по морямъ, по далекимъ странамъ,—борьба суживала предѣлы свои и углублялась въ міръ души,—въ борьбу съ тѣми внутренними голосами, которые воплощались встревоженнымъ воображеніемъ аскета въ образъ дьявола-искусителя.

Бытовой и сказочный элементъ въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“.

«Римскія Дѣянія» интересны еще и въ томъ отношеніи, что даютъ намъ всевозможные образцы развитія христіанской легенды отъ греческаго романа почти до церковнаго житія. Кромѣ подобныхъ произведеній, мы встрѣчаемъ въ сборникѣ разсказы изъ обыденной жизни, встрѣчаемъ сказки, очевидно, прибавленныя неразборчивымъ собирателемъ позднѣе. Передъ нами мелькаютъ разные образы,—то пустынникъ, возроптавшій на несправедливость Бога, убѣждается, что зло, на землѣ происходящее, имѣетъ смыслъ возмездія за прегрѣшенія людскія; гордый цесарь Евиніанъ (онъ же и Агей, въ русскихъ спискахъ) за свою гордость теряетъ и власть, и честь, и имя,—его царствомъ овладѣваетъ двойникъ, а гордецъ, никѣмъ непризнаваемый, ведетъ тяжелую жизнь. Раскаяніе возвращаетъ ему все утраченное. Чернокнижникъ Виргилій, исполняя прихоть цезаря Титуса, ставитъ волшебный столпъ, который изобличаетъ подданныхъ царя; счастливый, по мнѣнію всѣхъ, человѣкъ ведетъ на самомъ дѣлѣ тяжкую жизнь, мучимый желаніемъ мести; чернокнижникъ овладѣваетъ женой рыцаря и хочетъ, съ ея согласія, погубить рыцаря, но погибаетъ самъ; загадки, имѣющія глубокій смыслъ, вѣщія рѣчи, талисманы, въ родѣ ковра-самолета, перстней; короли, задающіе подданнымъ загадки, рыцари, ищущіе невѣстъ за тридевять земель, порочныя жены, неблагодарныя дѣти, простоватые воры, попадающіе впросакъ, мошенники, обманувшіеся въ расчетахъ, — все это мелькаетъ передъ нами, привлекая наше вниманіе живостью изложенія и картинностью. Немудрено, что народное воображеніе затронуто было этими разсказами до того, что и Боккачіо, и Шекспиръ, и многіе другіе воспользовались для себя этими народными разсказами. Нашъ народъ взялъ отсюда рядъ разсказовъ, въ родѣ сказки о Маркѣ богатомъ, о женѣ-доказчицѣ... Возможно, что многія наши народныя сказки моральнаго содержанія примыкаютъ къ повѣстямъ, попавшимъ въ «Римскія Дѣянія». Вѣроятно, и волшебные аттрибуты нѣкоторыхъ русскихъ сказокъ имѣютъ точки соприкосновенія съ волшебными разсказами этого же сборника.

Нравоучительный элементъ въ сборникѣ.

Любопытною особенностью сборника надо признать тѣ благочестивые «выклады», толкованія и нравоученія, которыя слѣдуютъ почти за каждымъ «прикладомъ», т. е. примѣромъ. Такія толкованія сводятся къ раскрытію аллегорическаго смысла приведенныхъ разсказовъ въ примѣненіи къ догматамъ и нравственному ученію христіанства. Конечно, такое

стремленіе найти скрытый смыслъ во всякомъ образѣ, явленіи, сюжетѣ нерѣдко вело къ курьезнымъ натяжкамъ.

Воръ, желая обокрасть домъ, забрался на крышу и сталъ ожидать удобнаго момента для покражи. Его замѣтилъ хозяинъ дома и нарочно сталъ въ комнатѣ вести громкій разговоръ о томъ, будто знаетъ такія слова, благодаря которымъ можно безъ лѣстницы спуститься съ крыши. Воръ не понялъ хитрости, запомнилъ слова и попытался испробовать ихъ силу, — но свалился съ крыши и сломалъ ногу. Толкованіе слѣдующее: воръ — это дьяволъ; онъ хочетъ украсть заповѣди у людей. Воръ на крышѣ — это Люциферъ, мечтавшій поставить высокій престолъ и сравняться съ Богомъ, но оступившійся и попавшій въ адъ.

Извѣстный анекдотъ о трехъ путешествующихъ товарищахъ, рѣшившихъ, что изъ нихъ съѣстъ хлѣбъ тотъ, кто увидитъ сонъ удивительнѣе — нашелъ толкованіе самое неожиданное. Первый путникъ, заявившій, что видѣлъ себя въ раю,— это «сарацины и евреи, мечтавшіе о раѣ»; товарищъ, увѣрявшій, что видѣлъ себя въ аду — богатые и сильные, умирающіе тяжело, съ мыслью объ адѣ. Третій же, увѣрявшій, что видѣлъ своихъ друзей въ аду и въ раю, и потому съѣвшій хлѣбъ—это добрый христіанинъ; хлѣбъ—царство Божіе.

„Великое Зерцало".

Нѣсколько другого рода сборникъ «*Великое Зерцало*» [1]). Онъ сложился позднѣе на католической почвѣ, въ ту пору, когда реформація была уже сильнымъ врагомъ Риму—отсюда нѣкоторый полемическій задоръ, болѣе строгій подборъ примѣровъ и систематизація собраннаго матеріала по группамъ.

Собственно интересующій насъ сборникъ и на западѣ сложился лишь въ началѣ XVII ст., явившись итогомъ многихъ другихъ, предшествующихъ сборниковъ. Эти итоги подвелъ ученый іезуитъ І. Майеръ. Онъ внесъ яркую тенденцію, подобралъ примѣры по догматическимъ и религіозно-нравственнымъ рубрикамъ — и всѣмъ этимъ значительно обезцвѣтилъ повѣсти и анекдоты, возникшіе изъ самой жизни, пропитавъ ихъ аскетизмомъ и ханжествомъ... Назвавъ свой сборникъ «Speculum», онъ хотѣлъ дать читателямъ зеркало, въ которомъ было бы легче видѣть чистоту и безобразіе своей души. Отсюда разсказы распадаются на разсказы о добродѣтельныхъ и порочныхъ людяхъ. Кромѣ поученія, ввелъ онъ и прославленіе Дѣвы Маріи. Назначеніе сборника было не только дать матеріалъ для чтенія и размышленія, но и запасъ примѣровъ для проповѣдника. Но, при всемъ своемъ благочестивомъ желаніи дать исключительно душеспасительный матеріалъ, подобранный и очищенный, составитель не смогъ справиться со своими читателями. Сборникъ пошелъ по рукамъ и, сообразно вкусу читателя-переписчика, сталъ мѣняться: входили одни произведенія, отброшены были другія. Вѣроятно, въ расчеты благочестиваго іезуита не входило, напр., помѣщеніе разсказовъ о томъ, что у дочери Генриха, князя Брабантскаго, родилось вдругъ 364 человѣкъ дѣтей, а у другой заразъ 20, какъ отъ одного брака родился гусь и т. д.

Интересъ русскихъ читателей къ „Великому Зерцалу".

Интересъ, съ которымъ отнеслось русское общество къ «Великому Зерцалу», объясняется тѣмъ, что религіозно-фантастическое направленіе

---

[1]) Этотъ сборникъ переведенъ въ Москвѣ, но такъ какъ былъ занесенъ изъ Польши, то и разсматривается онъ въ этомъ отдѣлѣ, чтобы не дробить курса.

этого сборника совпадало съ тѣмъ моментомъ развитія русской религіозной мысли, когда она сама создавала легенды аналогичнаго содержанія. Въ Патерикахъ, въ Минеяхъ, въ Прологѣ встрѣчалъ русскій книжникъ сходныя произведенія,—въ «Великомъ Зерцалѣ» тѣ же ходячіе мотивы разработаны были въ художественномъ отношеніи тоньше, кромѣ того, назиданіе ихъ, основная идея раскрывалась яснѣе,—слѣдовательно, подъ новой приправой старое явилось въ новомъ болѣе заманчивомъ освѣщеніи. Русскіе редакторы свободно отнеслись къ дошедшему до нихъ сборнику — многое выпустили, многое прибавили. Такъ, прибавлены были назидательные примѣры о необходимости почитать родителей, объ опасности увлекаться колдовствомъ, играми, свѣтскими развлеченіями. Остановлюсь на нѣкоторыхъ повѣстяхъ «Великаго Зерцала». Какъ образчикъ безцвѣтности и тенденціозности, можно привести слѣдующій разсказъ. Одинъ изъ учениковъ предложилъ сдѣлать безнравственное дѣло, но его «благочестивый товарищъ» сталъ сопротивляться предложенію, тѣмъ не менѣе, за одно только сообщество съ дурнымъ мальчикомъ былъ чудесно наказанъ: ангелъ ударилъ его по ланитѣ, такъ что она вспыхнула. «О, блаженный ударъ, восклицаетъ составитель,—ударъ, посланный съ неба въ наученіе впереди идущимъ поколѣніямъ».

Католическій элементъ въ „Зерцалѣ“.

Есть въ «Зерцалѣ» цѣлый рядъ разсказовъ о видѣніяхъ. Эти разсказы переносятъ насъ въ религіозныя настроенія чисто-католическія,— настроенія, чуждыя русскому благочестію. Дѣвочки умираютъ съ мечтами

а) Дѣва Марія.

«о пресладкомъ лицѣ Іисуса», Дѣва Марія внушаетъ къ себѣ священное обожаніе. Одинъ юноша полюбилъ свою госпожу; не встрѣтивъ взаимности, заболѣлъ. Выздоровѣвъ, онъ ѣдетъ молиться. Вдругъ на дорогѣ видитъ онъ прекрасную женщину, озаренную свѣтомъ. Это была Дѣва Марія. Она остановила его коня и стала убѣждать оставить грѣшное влеченіе, за что обѣщала быть его невѣстой; она дозволила поцѣловать себя; поцѣлуй избавилъ юношу отъ грѣшной любви. Борьба грознаго, неумолимаго дьявола и кроткой прекрасной Дѣвы Маріи, заступницы за грѣш-

b) Дьяволъ.

никовъ, также изображена въ длинномъ рядѣ разсказовъ. Дьяволъ являлся, обыкновенно, среди завыванія вѣтра и треска деревьевъ, то быкомъ, страшно ревущимъ, то львомъ, то волкомъ, или псомъ, или котомъ. Человѣческій образъ дьявола представляется то страшнымъ (въ видѣ карлика), то прекраснымъ (когда является женщинамъ), то ученымъ

с) Монашеская жизнь.

(богословомъ и проповѣдникомъ). Есть длинный рядъ разсказовъ аскетическаго характера, въ которыхъ восхваляются подвиги монаховъ и монахинь. Такъ, напр., обѣщаніе постричься спасаетъ отъ смерти и возвращаетъ здоровье человѣку, отъ котораго отступились врачи. Монахини, давшія обѣтъ не выходить изъ стѣнъ монастыря, остаются въ немъ, когда онъ весь былъ объятъ пламенемъ. Монахъ спасается отъ грѣха, погрузившись по горло въ замерзающую воду. Во многихъ разсказахъ изображено великое значеніе молитвы.

Въ одной легендѣ разсказано, какъ одинъ проповѣдникъ въ Майнцѣ видѣлъ на шлейфѣ дѣвицы, выходившей изъ церкви, массу бѣсовъ, которые тащились за ней, какъ рыбы въ неводѣ; священникъ привелъ ее къ покаянію — она оставила «скверный дьявольскій нарядъ». Дьяволъ играетъ съ однимъ азартнымъ воиномъ-игрокомъ, побѣждаетъ его и та-

щитъ сквозь крышу, такъ что всѣ внутренности его вылѣзли изъ чрева воина и остались въ томъ домѣ, гдѣ происходила игра. Во многихъ легендахъ дѣйствуютъ исполины, карлики, чародѣи, волшебники и вѣдьмы (встрѣчается сюжетъ «Вія»). Но, кромѣ такихъ легендъ, въ которыхъ элементъ чудесный переходилъ въ грубую фантастику, есть въ сборникѣ цѣлый рядъ жанровыхъ картинокъ. Особенно много посвящено обрисовкѣ женскихъ пороковъ. Какой-то Генрихъ имѣлъ добрую и любезную жену, но она не могла удержаться отъ привычки, свойственной всѣмъ женщинамъ,—злорѣчить и поносить другихъ. Разъ она стала порицать Еву за ея непослушаніе. Мужъ ее долго удерживалъ отъ злорѣчія, наконецъ, сталъ ей запрещать купаться въ грязной лужѣ на дворѣ. Женщина разсмѣялась. Но съ тѣхъ поръ, проходя мимо лужи, стала останавливаться около нея. Ее тянуло не послушаться мужа и выкупаться — и она выкупалась.

Бытовой элементъ въ „Зерцалѣ".

„Великое Зерцало" внушало неразъ новеллистамъ, западнымъ и нашимъ, XVIII в., художественныя идеи, онѣ нашли выраженіе и въ произведеніяхъ русской народной словесности,— въ духовныхъ стихахъ, лубочныхъ картинахъ, анекдотахъ, имѣли значеніе и у раскольниковъ. Въ духовной литературѣ повѣсти „Зерцала" сыграли также большую роль. Особенно ихъ вліяніе сказалось на литературной дѣятельности юго-западныхъ проповѣдниковъ XVII в.

Литературное значеніе „Зерцала".

§ 66. *Смѣхотворныя повѣсти* (реалистическая новелла), „фацеціи [1]) (латинское названіе) и „жарты" (польское).

Смѣхотворныя повѣсти.

Очевидно, что въ исторіи словесности всегда наступаетъ періодъ собирательный, когда интересъ къ богатству произведеній устнаго творчества возрастаетъ до такой степени, что является позывъ собрать все богатство, разсѣянное въ народѣ. Обыкновенно, послѣ такого періода собиранія наступаетъ періодъ художественной обработки.

Въ этомъ отношеніи судьба сборниковъ фацецій даетъ особенно очевидныя показанія: Боккачіо и другіе западно-европейскіе новеллисты сумѣли пестрое собраніе смѣхотворныхъ повѣстушекъ-анекдотовъ обратить въ рядъ живыхъ, прекрасныхъ жанровыхъ картинъ, въ которыхъ справедливо видятъ начало новаго реалистическаго романа. Многое, конечно, было отброшено, многое измѣнено, развито, освѣщено съ новыхъ сторонъ. Такой обработкой смѣхотворныхъ народныхъ сказокъ и заносныхъ разсказовъ у насъ въ XVIII в. занимались Чулковъ и Новиковъ и мн. др.

Типичной фацеціей надо признать небольшой разсказъ, съ чертами реальнаго быта, съ обыденной темой и обыкновенными

Характеристика „фацеціи".

[1]) Истор. Христ. вып. II, стр. 184.

героями; смѣхъ грубоватый, иронически-простодушный, проникаетъ это произведеніе. Интересъ къ нимъ и спросъ на нихъ явились съ развитіемъ буржуазіи. Они не уносили читателя въ безпредѣльные горизонты рыцарскихъ романовъ, не увлекали идеалами вѣрности, высокой любви,—они водили читателя по чуланамъ и спальнямъ городскихъ домовъ; ихъ смѣхъ и сатира не были проникнуты глубокою мыслью—они скользили по поверхности явленій, трактуя лишь о человѣческой умѣлости, неудачливости, ловкости, или тупости. Смѣшное бралось отовсюду: изъ римской исторіи, изъ среднихъ вѣковъ, изъ восточнаго аполога, изъ жизни города и деревни, простой буржуазной обстановки и жизни дворца. Юморъ этихъ повѣстушекъ мѣстами очень тяжелъ, съ нашей точки зрѣнія, иногда неприличенъ. Многіе анекдоты связаны съ историческими лицами, напр., съ Августомъ, Агезилаемъ Лакедемонскимъ, Альцибіадомъ, Демосѳеномъ, Сципіономъ Африканскимъ, Цицерономъ, Аннибаломъ,—большинство связано съ какими-то сказочными нѣкіими князьями“, и дѣйствіе происходитъ въ „тридесятыхъ царствахъ“. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Фацеція о Карлѣ.

Карлъ, римскій кесарь, разъ наткнулся на улицѣ на пьянаго Гануса. По приказанію кесаря, пьяный былъ перенесенъ во дворецъ, облеченъ въ царскія одежды, окруженъ слугами. Придя въ себя, Ганусъ сперва изумляется, но потомъ быстро осваивается съ положеніемъ, начинаетъ командовать во дворцѣ, объѣдается и опивается до безчувствія и, по приказанію кесаря, выносится въ его прежнемъ видѣ на улицу. Пробужденіе его оказалось не изъ пріятныхъ, но онъ счелъ все пережитое имъ за сонъ. Интересною частностью повѣсти является натурализмъ ея, доходящій до вульгарности: Ганусъ, сидя за царскимъ столомъ, мечтаетъ о томъ, «какъ бы трескать кислую капусту съ сельдями, или рѣдьку съ солью».

Фацеціи о нѣмцѣ, о ворѣ.

Одинъ нѣмецъ, не зная итальянскаго языка, вмѣсто ресторана попалъ въ цирульню, гдѣ ему вырвали зубъ. Любопытна сказка о нидерландскомъ плутѣ, укравшемъ корову. Эта сказка сдѣлалась ходячей, обработана была у насъ въ XVIII в. нѣсколько разъ. Воръ укралъ у простоватаго мужика корову и упросилъ его же продать ее на ярмаркѣ. Мужичекъ, хотя и удивлялся сходству коровы съ той, что принадлежала ему, однако, продалъ корову и вырученныя деньги отдалъ вору.

Фацеціи о женщинахъ.

Особый отдѣлъ занимаютъ анекдоты о женщинахъ. Къ разсказамъ, въ которыхъ чуется еще, хотя и ослабленное, порицаніе «злыхъ женъ», относится слѣдующій анекдотъ объ упрямой женѣ. Шелъ мужикъ домой по покосу. Мужъ сказалъ, что лугъ хорошо выкошенъ, а жена стала спорить, что онъ подстриженъ. Споръ разгорѣлся до того, что взбѣшенный супругъ кинулъ ее въ воду. Упорная баба стала тонуть «и, уже не могущи глаголати, простерши руку изъ воды двумя пальцы, образомъ ножницъ, знакъ показывала, что лугъ подстриженъ, а не покошенъ». Одна упрямая жена потонула въ рѣкѣ. Мужъ сталъ искать ея тѣло выше по теченію рѣки. Всѣ

стали удивляться его глупости, но онъ увѣрялъ всѣхъ, что жена его до такой степени упряма, что и мертвая не сдѣлаетъ того, что̀ дѣлаютъ всѣ покладистые покойники, т. е. не поплыветъ внизъ по теченію.

Я не буду останавливаться на любовныхъ похожденіяхъ лукавыхъ героинь фацецій—онѣ извѣстны почти всѣ изъ новеллъ Боккачіо. Достаточно перечислить заглавія этихъ анекдотовъ, чтобы видѣть, въ чемъ здѣсь дѣло: о «женѣ, всадившей гостя въ полбочки» (ср. Боккачіо), «како жена мужа прелукавила», «како жена мужа поминала», «издѣвка молодыхъ надъ старикомъ», «дѣвка вѣномъ (приданымъ) юношу обольстила», «Кассандры Ѳлорентскія издѣвка надъ мужемъ» (ср. Боккачіо), «о гражданинѣ упивающемся и женѣ его» (ср. Боккачіо), «Двухъ мужей двѣ жены изъ разума вывели и обманули» и т. д. Фацеціи о любовныхъ похожденіяхъ.

Фацеціи принадлежатъ уже совершенно къ свѣтскимъ произведеніямъ,— въ нихъ связи съ міромъ сверхчувственнымъ нѣтъ: земная жизнь вступила въ свои права. Только въ одномъ разсказѣ: «Како баба дьявола обманула» является князь мрака, но и то въ потѣшной роли дурака, обманутаго и осмѣяннаго бабой.

Популярность фацецій была очень широка,—онѣ широкою струею вошли въ народныя сказки, внеся съ собою реализмъ,— вошли онѣ и въ литературу—въ теченіе всего XVIII в. можно насчитать рядъ сборниковъ анекдотовъ, болѣе или менѣе обработанныхъ, которые составились, главнымъ образомъ, изъ сборниковъ фацецій, хотя приняли кое-что изъ „Римскихъ Дѣяній“, изъ „Зерцала“ („Похожденія Ивана, гостинаго сына“, „Старичокъ-весельчакъ“, „Препровожденіе времени“, „Разныя повѣствованія“ и друг.). Литературное значеніе фацецій.

§ 67. *Лубочныя картины* въ это же время были занесены къ намъ. Въ значительной своей части своимъ содержаніемъ онѣ тѣсно примыкаютъ къ смѣхотворнымъ повѣстямъ. Рядомъ съ иллюстраціями къ разсказамъ изъ „Римскихъ Дѣяній“ и къ „смѣхотворнымъ повѣстямъ“, встрѣчаются изобличенія различныхъ пороковъ, олицетворенныхъ въ видѣ звѣрей, изображеніе чорта во время его различныхъ похожденій на землѣ. Много мѣста отведено въ этихъ картинахъ приключеніямъ разныхъ шутовъ и дураковъ. Лубочныя картины.

Карикатуры на пьянство, обжорство въ разныхъ видахъ, особенно потѣшали нашихъ предковъ. Женщинѣ, за ея злобу и лукавство, тоже досталось немало. Общій характеръ и сюжетовъ, карикатуръ и текста къ нимъ, имѣющаго видъ шутливыхъ виршей,—обличаетъ вкусъ читателей низшаго круга, которымъ чтеніе фацецій могло доставлять удовольствіе.

Новая заимствованная литература въ Москвѣ.

§ 68. Вся эта пестрая литература духовная, полудуховная и свѣтская нахлынула на московскую Русь. Ея напору Москва уже не могла противопоставить старыхъ устоевъ и сдалась. Сдалась тѣмъ легче, что въ ней самой, уже съ XV в., намѣчалась новая жизнь, опредѣлялись новые вкусы и желанія. Въ ней самой самостоятельно развилась изъ житія и легенды—свѣтская повѣсть реалистическаго характера; въ ней вполнѣ сложилась къ XVII в. могучая народная поэзія, ничего общаго не имѣющая съ церковными идеалами.

Такимъ образомъ, культурныя вліянія юго-западной Руси *не вносили никакого переворота въ міросозерцаніе Московской Руси XVII в.*, — они лишь усилили, ускорили развитіе этого міросозерцанія въ опредѣлившемся уже стремленіи къ побѣдѣ земныхъ идеаловъ надъ церковными.

Вотъ почему, разбирая литературную жизнь Московской Руси XVII в., мы должны отмѣтить въ ней: 1) то, что̀ явилось въ ней самостоятельно, какъ результатъ самостоятельнаго развитія (сатирическая и реалистическая повѣсть, народная поэзія); 2) что̀ было привнесено въ эту жизнь извнѣ, съ запада, при посредствѣ юго-западной литературы (искусственная лирика, театръ, переводные романы, переводы ученыхъ сочиненій).

Русская сатира.

§ 69. *Русская сатира.* Самосознаніе общества сказывается не только въ выработкѣ идеала, но и въ сужденіи о дѣйствительности. Появленіе сатиры является всегда лучшимъ доказательствомъ такого пробужденія самосознанія. Древняя Русь дала намъ элементы этой сатиры и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, и въ „Словѣ Даніила Заточника“. Неурядицы русской земли, обезсиленной междоусобицами, и безпорядокъ въ отношеніяхъ къ народу князя, заслоненнаго отъ своихъ подданныхъ женщинами и придворными,—вотъ, мотивъ этой древне-русской сатиры.

Сатира въ древней Руси.

Сатира въ московской Руси.

Возрожденіе ея начинается въ московской Руси, но здѣсь содержаніе ея, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сужается до скромныхъ размѣровъ обличенія московскаго чиновничества. Московская приказная волокита, обставленная формализмомъ и, въ то же время, дававшая полный просторъ злоупотребленіямъ— вотъ, главный предметъ обличенія того времени. Въ Москвѣ широкій взглядъ на жизнь потерялъ и ширину, и глубину, и смѣлость. То, что въ древней Руси высказано было прямо въ лицо виновникамъ, то здѣсь прикрылось или ходячей восточной

сказкой о неправедномъ судьѣ, или аллегоріей, въ которой дѣйствующими лицами сдѣлались ни въ чемъ неповинные звѣри.

„Шемякинъ судъ".

Шемякинъ судъ [1]). Популярность этой сатиры засвидѣтельствована и пословицей, и сказкой, и лубочными картинами. Въ основѣ этого произведенія лежитъ восточный разсказъ о праведномъ судьѣ, который защищаетъ бѣдняка отъ преслѣдованій богача. Попавъ на русскую почву, сказка о *праведномъ* судьѣ обратилась въ сатиру на судебное взяточничество и приказныя хитрости. Судъ остался праведнымъ, но судья изрекалъ приговоръ не по совѣсти, а потому, что понадѣялся на посулъ подсудимаго. Правда восторжествовала по недоразумѣнію, съ одной стороны,—благодаря хитрости,—съ другой.

Содержаніе.

Содержаніе заключается въ слѣдующемъ: бѣднякъ взялъ у богача-брата лошадь на время и оторвалъ ей нечаянно хвостъ. Богачъ ведетъ его въ судъ. По дорогѣ они ночевали въ избѣ, гдѣ бѣднякъ, упавъ съ печи, задавилъ младенца. Отецъ убитаго тоже идетъ въ судъ. Желая лишить себя жизни, бѣднякъ бросается съ моста, но убиваетъ больного старика, котораго сынъ подъ мостомъ везъ въ саняхъ. Такимъ образомъ, къ судьѣ Шемякѣ являются уже три обвинителя. Подсудимый показалъ судьѣ камень, завязанный въ платокъ, угрожая убить его въ случаѣ суроваго приговора, а Шемяка, думая, что это—обѣщаніе взятки, произноситъ слѣдующее рѣшеніе: безхвостую лошадь держать бѣдняку до тѣхъ поръ, пока не отраститъ у нея хвостъ, сыну убитаго старика броситься съ моста на бѣдняка и убить его и т. д. Истцы отказались отъ иска, а судья, узнавъ, что въ узлѣ у бѣдняка былъ камень, и что онъ своимъ хитрымъ судомъ избѣжалъ смерти—остался и этимъ доволенъ.

„Повѣсть объ Ершѣ".

Судейскіе порядки изображаетъ и „*Повѣсть объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ*" [2]). Это произведеніе, чисто русское по духу, возникло, очевидно, въ средѣ судейской—слишкомъ хорошо выдержанъ стиль судейскихъ бумагъ. Идея произведенія—прикрыть изображеніе человѣческаго суда судомъ животныхъ, вѣроятно, тоже заимствована. Такъ, мы имѣемъ византійскую сатиру на судопроизводство, гдѣ подсудимымъ является гроздій (виноградъ), а другими дѣйствующими лицами—другія растенія. Различіе въ томъ, что гроздій осужденъ неправильно, хотя съ формальной стороны все судопроизводство ведется вѣрно. Ершъ же, дѣйствительно виноватый, выпутывается, благодаря своему ябедничеству, — онъ глумится надъ судьями и спасается отъ наказанія.

---

[1]) Истор. Христ. вып. II, стр. 177.
[2]) Истор. Христ. вып. II, стр. 177.

Содержаніе.

Начинается повѣсть челобитной Леща: «Рыбамъ господамгъ: великому Осетру и Бѣлугѣ и Бѣлой рыбицѣ бьетъ челомъ Ростовскао озера сынчишка боярской, Лещъ съ товарищами. Жалоба, господа, наша на злого человѣка, на Ерша Щетинникова и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годахъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинниковъ наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ,—расплодился тамъ Ершъ по рѣкамъ и озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, яко лютыя рогатины, и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра и суется по рѣкамъ и озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями».

Ершъ отрицаетъ свою виновность — Ростовское озеро принадлежитъ ему издавна. «А я, господа, Ершъ, Божіею милостью, отца моего благословеніемъ и материнскими молитвами,—не смутчикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ,—въ приводѣ никогда не бывалъ, воровского у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я добрый, живу я своею силою, а не чужою». Затѣмъ онъ ссылается, что его знаютъ многіе знатные люди по всей Руси—«покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцемъ и шафраномъ и ставятъ меня передъ собою честно, и многіе добрые люди вкушаютъ съ похмелья и, кушавши, поздравляютъ». Свидѣтелей, выставленныхъ Лещомъ, Ершъ отводитъ,—они люди богатые, «хотятъ вмѣстѣ съ Лещомъ насъ, маломощныхъ людей, испродать». Отвергаетъ онъ и Сельдь, такъ какъ она сродни Лещу, но за нею всетаки посылаютъ пристава Окуня. Въ «понятые» хотятъ взять Налима, но тотъ отказывается, говоря: «Господине Окуне! Азъ не гожусь въ понятые,—брюхо у меня велико, ходить не смогу, а глаза се малы, далеко не вижу, а се губы толсты, передъ добрыми людьми говорить не умѣю». Лещъ поддерживаетъ обвиненіе. На судѣ обнаруживаются еще другія провинности Ерша. Онъ обманулъ стараго Осетра, сказавъ, что въ Ростовскомъ озерѣ ѣсть нечего,— и завелъ его въ неводъ.

Приговоръ Ершу произнесенъ суровый: его рѣшили выдать Лещу, а затѣмъ казнить торговой казнью: бить кнутомъ и повѣсить въ жаркій день на солнцѣ, «за его воровство и ябедничество». «А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ судебнаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своею лѣвою клешнею, а у печати сидѣлъ Вандышъ (снятокъ)». Ершъ остался приговоромъ недоволенъ. Онъ обвинилъ всѣхъ судей въ лицепріятіи, «плюнулъ имъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли».

Историческое значеніе повѣсти.

Приведенная повѣсть назидательна во многихъ отношеніяхъ. Историческая почва, на которой она выросла — это та смутная пора московскаго царства, когда оно было взбаломучено сверху до низу, когда оттуда, съ самаго низу, вдругъ стали являться на аренѣ исторической „новые люди". Мирно откармливалось рыбье населеніе Ростовскаго озера, охраняемое завѣтами старины и оберегаемое патріархальнымъ судомъ благородныхъ рыбъ. Яв-

ляется откуда—невѣдомо—малый Ершъ, „маломочный“ человѣкъ, и въ сонное царство „богатыхъ“, жирныхъ рыбъ вноситъ смуту. Мало того, для него и судъ старый не страшенъ,—онъ и тамъ готовъ произвести скандалъ и остаться безнаказаннымъ. Всѣ эти Осетры, Лещи, Бѣлуги остаются ни при чемъ—ихъ стародавнія права, поддерживаемыя оффиціальною судебною властью, оказываются необязательными для „новаго“ человѣка. И нельзя не сознаться, что авторъ повѣсти всѣ свои симпатіи отдаетъ ябеднику-Ершу, нашедшему средство бороться со знатью, силой и богатствомъ.

Животный эпосъ въ новой литературѣ.

Таково отношеніе къ животному эпосу новаго времени: уже утеряно наивное отношеніе народной сказки въ міру звѣрей,—теперь они служатъ прикрытіемъ для обличенія человѣческой жизни. Средневѣковый романъ о Ренарѣ (похожденіе лисы), въ рамки котораго широко и свободно улеглась картина всего средневѣковаго общества—конечно, сродни нашей повѣсти объ Ершѣ. Въ изящной литературѣ XVIII—XIX в. Крыловъ широко воспользуется для своихъ сатирическихъ цѣлей міромъ животныхъ, а позднѣе прибѣгнетъ къ его помощи, въ нѣкоторыхъ своихъ сказкахъ, Салтыковъ.

Повѣсть о Курѣ.

Широко распространена была въ рукописяхъ и въ лубочныхъ изданіяхъ того времени „Повѣсть о Курѣ“, т. е. о пѣтухѣ и лисицѣ.

Произведеніе написано стихами. Лисица, увидя пѣтуха на деревѣ, начинаетъ расхваливать его голосъ, убѣждая его спуститься и принести ей покаяніе въ грѣхахъ. Пѣтухъ повѣрилъ, что она «преподобная и убогая, кроткая и смирная вдовица, чернобурая лисица»,—«всѣмъ звѣрямъ и птицамъ духовница» — и попадаетъ къ ней въ когти. Желая спастись, онъ разсказываетъ, что на Крутицахъ умеръ главный пѣвчій, басъ, и архіерей приглашаетъ его, пѣтуха. Затѣмъ онъ разсказываетъ лисицѣ, что, когда онъ попадетъ въ пѣвчіе, ее устроитъ въ просвирни: «станешь ты,—говоритъ онъ,—по вся дни печи просвиры мягкія, варить каноны сладкіе, разводить сыту медвяную и тою сладостною пищею всѣ твои косточки и суставы наполнены будутъ». Лисица заслушалась пѣтуха, распустила когти и пѣтухъ взлетѣлъ на дерево.

Жизнь монастыря зло высмѣяна въ „Челобитной калязинскихъ старцевъ“.

Реалистическая повѣсть.

§ 70. *Реалистическая повѣсть.* Выше было указано, какое значеніе имѣли апокрифы въ исторіи всеобщей литературы: они вносили реализмъ въ разсказъ о событіяхъ священной исторіи; легенды, духовные стихи такое же значеніе имѣли по отношенію

къ церковному „житію“. Когда интересы „мірской“ жизни, интересъ къ „человѣку“ вообще, одержали верхъ надъ идеалами церковными, тогда стали складываться повѣсти, героями которыхъ являлись уже люди обыкновенные; такъ появилась реалистическая повѣсть, на первыхъ порахъ еще сохраняющая нѣкоторыя связи съ полуцерковной повѣстью, легендой и духовными стихами. Съ другой стороны, эта повѣсть опиралась и на устное творчество народа, бытовую сказку, былины-новеллы.

„О Горѣ-Злосчастьи“.

Такъ, напримѣръ, чудная повѣсть „*О Горѣ-Злосчастьи*“ [1])— вся цѣликомъ вытекаетъ изъ духовныхъ стиховъ и народныхъ пѣсенъ — она близка къ нимъ и по образамъ и по настроенію.

Содержаніе.

Начинается повѣсть издалека,—ея запѣвъ о сотвореніи міра, о томъ, какъ грѣхъ завладѣлъ землей—звучитъ мрачно, величественно. Это—увертюра къ тяжелой человѣческой драмѣ. Отецъ съ матерью читаютъ сыну нравоученіе—предостерегаютъ отъ пировъ, отъ пьянства и разгула. Но сынъ былъ непокорливъ. Жить по завѣтамъ старины ему не подъ силу. Онъ не дорожитъ даже благословеніемъ родителей,—онъ вѣритъ въ себя, въ свои силы. Онъ чуетъ въ себѣ уже просыпающуюся личность, жаждетъ свободы и самостоятельности. Гдѣ легче всего найти свободу? — въ кабакѣ, гдѣ собираются такіе же «соколы залетные». Первые шаги оказались неудачны: героя напоили и ограбили. Проснувшись, онъ надѣваетъ на себя отрепья бродяги и горько шутитъ.

И родня, и друзья отъ него «отчитаются», «отпираются»... Онъ идетъ на сторону дальнюю, начинаетъ жизнь сызнова—«сталъ жить умѣючи и отъ великаго своего разума наживалъ имѣнья больше прежняго». Герой счастливъ, онъ женится. На брачномъ пиру онъ опять забылъ завѣты старины, забылъ, что «гнило слово похвальное»,—опять поднялъ голову, опять гордость заговорила въ немъ,—и сталъ онъ хвастаться. Услышало похвальбу «Горе-Злосчастье» и угрюмо отвѣтило про себя на эту похвальбу угрозой, что и «мудрѣе» были люди, чѣмъ онъ, — да и тѣхъ оно, Горе, заѣло.

Итакъ, Горе-Злосчастье — та грозная, неумолимая Судьба-доля, отъ которой не уйти человѣку даже въ могилу, не уйти даже тому, кто живетъ по «старымъ завѣтамъ», обставляетъ себя «умѣлою жизнью»,—не уйдетъ отъ горя и этотъ дерзкій юноша, слишкомъ вѣрящій въ себя. Горе является во снѣ молодцу въ видѣ свѣтлаго духа и уговариваетъ оставить невѣсту и пропить деньги. Онъ это продѣлываетъ и опять скитается бродягой по землѣ. Пришлось ему переѣзжать черезъ рѣку, но денегъ у него не было, чтобы заплатить перевозчику. Съ горя хочетъ онъ утопиться, но Горе запрещаетъ ему это сдѣлать: грозное является оно молодцу и требуетъ покорности.

Молодецъ кланяется Горю своему. Онъ примиряется со своею участью, другими словами,—у него уже подрѣзаны тѣ вольныя крылья, что

---

[1]) Истор. Христ. вып. II, стр. 186.

унесли его изъ отчаго дома, а его «личность», съ которой онъ такъ носился, смята и уничтожена. Въ утѣшеніе, Горе даетъ ему равнодушіе къ горю: «не будь въ горѣ кручиноватъ: въ горѣ жить—не кручинну быть...». И вотъ, недавній соколъ, богатый и вѣрой, и силой—поетъ «хорошую напѣвочку».

Эта веселая, шутливая напѣвочка полна драматизма, — она пѣлась весело, но веселье это покрывало то горе, которое уже не знаетъ слезъ [1])... Пѣсня понравилась перевозчикамъ, они даромъ перевезли молодца, накормили его, одѣли и совѣтовали идти домой къ отцу-матери... Идетъ молодецъ домой, а Горе, что «ворона надъ соколомъ» каркаетъ, что нигдѣ не найдетъ онъ спасенія. Молодецъ напрягаетъ всѣ свои разбитыя силы, чтобы уйти отъ судьбы; онъ уже не борется—онъ безпомощно мечется во всѣ стороны, желая уйти отъ чудовища, его преслѣдующаго. Эта агонія, полная ужаса, отчаянія, передана въ дивныхъ образахъ, цѣликомъ взятыхъ изъ народныхъ пѣсенъ, а потому, быть можетъ, слишкомъ спокойныхъ и эпически безстрастныхъ:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
Горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-травою,
А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злосчастіе надъ молодцомъ насмѣялося:
«Быть тебѣ, травонька, посѣченной
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной!»...
Молодецъ пошелъ пѣшъ-дрогою,
А Горе подъ руку подъ правую,
Научаетъ молодца богато жить—
Убити и ограбити,
Чтобъ молодца за то повѣсили.

Молодецъ, истомленный и измученный этой травлей, идетъ въ монастырь.

А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется!

Историческое значеніе повѣсти.

Все это произведеніе очень любопытно. Однимъ концомъ оно все входитъ въ религіозныя настроенія древней Руси, — въ апоѳеозѣ представлено тихое убѣжище, монастырь, въ которомъ отъ „злой доли" находили покой многіе несчастные люди,—съ другой стороны, произведеніе это глубоко захватывало жизнь русскаго человѣка XVI—XVII вв.: оно рисуетъ намъ въ рѣ-

[1]) „Напѣвочка" эта и отчасти самый образъ героя использованъ недавно Римскимъ-Корсаковымъ въ образѣ Гришки Кутерьмы (опера „Китежъ").

чахъ отца и матери всѣхъ добрыхъ людей повѣсти—въ идеалахъ старины,—ту мудрость „Домостроя“, которая выработана была

Герой повѣсти. вѣками для борьбы все съ тѣмъ же Горемъ-Злосчастьемъ. Но нашъ молодецъ—человѣкъ новаго времени: онъ чувствуетъ силу, не защищаетъ себя идеалами старины. Онъ вѣритъ въ себя—и оказывается беззащитнымъ передъ Горемъ — ничего онъ не можетъ ему противопоставить, кромѣ личной силы, а ея для такой борьбы еще мало,—и вотъ, онъ сокрушенъ, какъ бываютъ сокрушены многія даровитыя личности въ эпохи переходныя,—бродяжничество, убійство, пьянство, разгулъ—вотъ, дорога для многихъ такихъ „выбитыхъ изъ колеи“... Таковъ Ѳома Гордѣевъ Максима Горькаго, начавшій съ протеста, кончившій потерей „личности“. Но нашъ молодецъ еще не совсѣмъ оторвался отъ старины; онъ пытается найти спасеніе въ религіи, въ приближеніи къ Богу своей измученной души.

Связь повѣсти съ житіями. Если мы сравнимъ повѣсть съ „житіями“, мы безъ труда увидимъ и здѣсь нѣкоторую связь. „Житіе“, по существу своему, есть прославленіе человѣка, обратившагося къ Богу. А что было съ человѣкомъ *до* этого обращенія? Объ этомъ житіе, обыкновенно, молчитъ. Итакъ „житіе“ — это, во многихъ случаяхъ, лишь *развязка* человѣческой драмы. *Завязку* и моментъ борьбы надо искать въ повѣстяхъ, въ родѣ „Горя-Злосчастья“. Интересъ къ нимъ характеризуетъ сознательное отношеніе общества къ жизни. Передъ нами отвлеченный образъ—„типъ“ несчастнаго, художественный синтезъ, создающійся изъ анализа внутренней жизни русскаго общества...

Горе-Злосчастье—судьба. Если мы обратимся къ народной поэзіи русской и славянской, мы найдемъ сходные мотивы. Понятіе о „судьбѣ“, какъ рѣшительницѣ всей жизни человѣка, широко распространено у всѣхъ народовъ, особенно языческихъ. Христіанская вѣра въ загробную жизнь, гдѣ праведники получаютъ вознагражденіе,—значительно обезсилила тотъ всемогущій образъ, который изъ ѳивскаго царя Эдипа сдѣлалъ, безъ его вины, слѣпца и изгнанника. Для язычника не было утѣшенія въ надеждѣ на милостивый судъ за гробомъ—и онъ смирялся передъ случайностями жизни, осмысливъ ее волею Судьбы. Народъ, даже съ принятіемъ христіанства, не смогъ разстаться съ этимъ туманнымъ образомъ „Судьбы“, и съ нимъ мы встрѣчаемся въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ и сказокъ, въ длинномъ рядѣ синонимовъ-прозваній Судьбы:

„участь“, „таланъ“, „безсчастье“, „горе“, „нужда“, „кручина“, „доля“, „злыдни“, „осудъ“, „удѣлъ“, „судьбина“.

Отмѣчу кстати, что въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ со значеніемъ „недоли“ является „Обида“ — только здѣсь не одинъ молодецъ навлекаетъ на себя несчастья, а вся русская земля платится за грѣхи своихъ князей: до княжескихъ междоусобицъ, русское храброе гнѣздо „не было Обидѣ *порождено*“,—въ разгаръ же неустройствъ русской земли „возстала Обида въ силахъ Дажьбожья внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крилы на морѣ“... „Судьба“ въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Чтобы убѣдиться, какъ далеки мы съ этой повѣстью отъ древней письменности — сравнимъ это произведеніе, хотя бы, съ „Кіевскимъ Патерикомъ“. Тамъ передъ нами дѣйствуютъ „дѣти“,— и страхи дѣтскіе, и искушенія ребяческія. Въ повѣсти „о Горе-Злосчастьи“ „кривляющагося потѣшника“-бѣса нѣтъ, — передъ нами грозное чудовище, страшное своею безличностью, безформенностью... Искушеніе здѣсь сводится не къ нарушенію монастырскаго устава, а къ ломкѣ всего міросозерцанія. Тамъ паденія инока искупалось наказаніемъ игумена—здѣсь цѣною жизни.

§ 71. Въ другомъ родѣ *„повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ“* [1]). Она примыкаетъ къ житіямъ, разрабатывающимъ мотивъ о „продажѣ души человѣческой дьяволу“ за мірскія утѣхи,—мотивъ, богато разработанный въ литературѣ апокрифической и сказочной. Развитіе этого мотива привело на западѣ къ созданію „легенды о Фаустѣ“. Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ.

Время дѣйствія повѣсти—царствованіе на Москвѣ «богомерзкаго отступника еретика Гришки Разстриги Отрепьева». Ѳома Грудцынъ, по примѣру многихъ, уѣхалъ изъ безпокойныхъ мѣстъ, изъ Великаго Устюга, въ болѣе безопасный городъ Казань и здѣсь поселился. Ѳома занимался крупной торговлей. У него былъ сынъ Савва, котораго онъ понемногу пріучалъ къ торговому дѣлу. Однажды Савва, по торговымъ дѣламъ, былъ въ Орлѣ: съ нимъ повстрѣчался Боженъ, другъ его отца—старикъ «житья благонравнаго и зѣло богатый». Онъ предложилъ Саввѣ поселиться у него въ домѣ. Приведена рѣчь этого Божена, изъ которой онъ рисуется благожелательнымъ и добродушнымъ къ молодому человѣку, — онъ ласково упрекнулъ Савву за то, что тотъ попросту у него не остановился. Савва былъ польщенъ ласкою именитаго богача и «низко поклоненіе твори передъ нимъ». Содержаніе.

Авторъ набросалъ намъ въ нѣсколькихъ чертахъ тяжелое положеніе русской земли, судьбу одного купеческаго семейства. Нѣтъ передъ нами

---

[1]) Истор. Христ. т. I, вып. 2, 192.

людей, особенно выдающихся святою жизнью,—все люди обыкновенные. Тонко обрисована личность старика Божена, раскрыта его душа; въ рѣчи его слышится настроеніе. Юноша Савва ничѣмъ злымъ себя не проявилъ,— въ отношеніи къ старому Божену онъ пока безукоризненно чистъ. Вмѣшивается въ ихъ отношенія «супостатъ-діаволъ»: онъ внушаетъ молодой женѣ Божена любовь къ Саввѣ. «Вѣсть бо женское естество уловлять умы младыхъ», — и Савва «падеся въ сѣть». Образъ жены Божена обрисованъ рѣзкими, сильными чертами: побѣжденная преступною страстью, она нарушаетъ всѣ благочестивые обычаи и вовлекаетъ Савву на этотъ путь легкаго отношенія ко всѣмъ завѣтамъ старины. Когда онъ попытался было разъ не уступить этой женщинѣ, попытался удержаться хоть на мигъ, видя, какъ онъ скользитъ въ пропасть грѣха и преступленія,— женщина рѣшилась мстить. Въ то время, какъ завязывается страшная драма въ сердцахъ двухъ молодыхъ людей, попавшихъ въ сѣти дьяволу, фонъ повѣсти остается такимъ же безоблачнымъ. Старикъ Боженъ ничего не подозрѣваетъ,—ходитъ съ «радостью» въ церковь и водитъ съ собою Савву. Между тѣмъ, жена его приготовила приворотный напитокъ. Дѣйствіе повѣсти развертывается медленно, авторъ не торопится довести до конца фабулу,—онъ задерживается на деталяхъ, на мелочахъ. Онъ разсказываетъ, какъ однажды былъ Боженъ съ Саввой въ церкви, какъ они встрѣтились тамъ съ воеводою, какъ воевода разспрашивалъ Божена и Савву о разныхъ разностяхъ, какъ зазвалъ ихъ къ себѣ и угостилъ. Въ этомъ стремленіи къ детальности—въ этой потребности полнѣе, всестороннѣе обставить дѣйствіе повѣсти—знаменіе новыхъ вкусовъ, новыхъ художественныхъ потребностей. Савва выпилъ поднесенный напитокъ. И началъ онъ съ тѣхъ поръ «сердцемъ тужити и скорбѣти по женѣ оной». Она же изъ мести отвергала его. Мало того—она добилась, что старый мужъ отказалъ Саввѣ отъ дому. Савва вернулся въ гостиницу и сталъ тосковать.

Хозяинъ гостиницы позвалъ волхва посовѣтоваться относительно Саввы,—тотъ посмотрѣть въ свои волшебныя книги и открылъ сердечную тайну Саввы. Между тѣмъ юноша таялъ не по днямъ. Разъ онъ, грустный, «изыде одинъ за городъ на поле отъ великаго унынія и скорби прогулятися».

Интересная деталь. Измученный тоской, юноша идетъ изъ шумнаго града на лоно природы, идетъ къ ней дѣлиться своимъ горемъ, въ ней набраться силъ для дальнѣйшей борьбы съ жизнью. Въ XVIII в... мы увидимъ, какъ на лоно матери-природы придутъ цѣлыя толпы чувствительныхъ людей съ больными сердцами.

Ходилъ Савва по полю и мелькнула у него мысль, что за возвращеніе потерянной любви онъ радъ бы даже «послужить дьяволу». Вдругъ услышалъ онъ голосъ, его зовущій. — Это былъ бѣсъ, который выдалъ себя за родственника Саввы; онъ разсказалъ, что скупаетъ лошадей и временно живетъ въ городѣ. Савва обрадовался родственнику. Тотъ спросилъ Савву, что́ съ него получитъ, если вернетъ ему любовь жены Божена. Савва наивно предложилъ деньги; дьяволъ «усмѣяся» и сказалъ, что денегъ не надо ему, а пусть Савва дастъ лучше «рукописаніе мало нѣкое». Савва обрадовался такому выгодному обороту дѣла, при которомъ

цѣлы оставались деньги его отца и, самъ того не подозрѣвая, отрекся отъ Бога и отдался дьяволу.

Обѣщаніе свои дьяволъ выполнилъ, и Савва, при помощи его, побѣдилъ свою злодѣйку. Савва ведетъ безобразную жизнь, не обращая вниманія на письма матери. Дьяволъ однажды открылся Саввѣ, что онъ не родственникъ его, а сынъ царскій. И, возведя Савву на холмъ, показалъ «въ нѣкоемъ раздолѣ» городъ, сіяющій золотомъ, и сказалъ, что это его городъ. Савва съ дьяволомъ идутъ въ столицу сатаны. Сказочная роскошь, блескъ, богатство, почтеніе, — вотъ, чѣмъ окружены пришедшіе. Очевидно, царство Сатаны для людей XVII в. рисовалось не такимъ безобразнымъ и ужаснымъ, какъ ихъ предкамъ.

Отецъ Саввы отправился на поиски сына; онъ пишетъ Саввѣ нѣжное письмо, но юноша оторвался уже отъ семейнаго очага навсегда. Онъ путешествуетъ съ дьяволомъ по Волгѣ. Послѣ долгихъ странствій Савва съ дьяволомъ очутились въ г. Шуѣ. Здѣсь бѣсъ съ Саввою, прельстившись красивымъ зрѣлищемъ воинскаго ученія, рѣшили оба идти въ солдаты.

Савва на военной службѣ выдѣлился способностями. И, какъ командиръ ротный, Савва оказался на мѣстѣ: у него всѣ солдаты «во всякой тишинѣ и покоѣ пребываху; въ прочихъ же бо ротахъ молва и мятежъ непрестанный, яко отъ глада и наготы, непожалованны помираху». Во время войны подъ Смоленскомъ, Савва, благодаря бѣсу, побывалъ въ городѣ и высмотрѣлъ всѣ укрѣпленія. Кромѣ того, съ помощью бѣса Савва одерживаетъ верхъ надъ тремя поляками-поединщиками и на ратномъ полѣ отличается отвагой. Его начальникъ, бояринъ, сталъ ему завидовать и отправилъ изъ полка. Вернувшись въ Москву, Савва расхворался; пришлось ему исповѣдываться;—и тутъ явились бѣсы въ ужасныхъ образахъ и стали его мучить. Мученія продолжались долго. Разъ явилась къ нему ночью Богородица и милостиво предложила свое заступничество, обѣщавъ его вылѣчить и добыть «богоотметное» письмо, если Савва поступитъ въ монастырь. Во время крестнаго хода, въ присутствіи царя, произошло исцѣленіе Саввы отъ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, и упало сверху писаніе. Савва кончилъ свои дни въ монастырѣ.

Личность героя.

Въ лицѣ Саввы мы видимъ родного брата тому молодцу, котораго Горе-Злосчастье тоже загнало въ монастырь. Оба они преступили завѣты старины, оба слишкомъ опрометчиво кинулись въ круговоротъ жизни, и, искалѣченные, попали въ тихое пристанище—монастырь [1]).

Итакъ Савва — тоже юноша новаго пошиба, который безъ труда рветъ все съ родной семьей, легко нарушаетъ обязанности гостя, — это тоже своего рода „герой времени“. Талантливый, вездѣ умѣющій найтись, нигдѣ прочно не свившій гнѣзда, человѣкъ безъ воли, безъ принциповъ... Его злой геній, бѣсъ, такъ

¹) Источникомъ для этой повѣсти послужили тѣ легенды, въ которыя входятъ мотивы о продажѣ души бѣсу. Ср. Изъ житія св. Василія Кесарійскаго архіепископа, „Чудо о прельщенномъ отроцѣ“ („Истор. Хрестом.“ т. I, вып. 2, стр. 12).

легко и свободно гуляющій по конной площади, надъ всѣмъ подтрунивающій — образъ живой, ничего демоническаго въ себѣ не имѣющій. Это esprit fort, свободомыслящій XVII в., предокъ россійскихъ вольтерьянцевъ XVIII в. Лишь въ испуганномъ воображеніи суевѣрнаго книжника этотъ образъ слился съ образомъ бѣса-искусителя. Въ повѣсти нашей вводится постоянно психологія, введено описаніе, иногда развертывающееся широко и свободно.

Такъ, въ старыя формы приливаетъ новое содержаніе, расширяя эти самыя формы, усложняя художественные пріемы творчества, приближая поэзію къ міру дѣйствительному. Повѣсть „о Саввѣ Грудцынѣ“—въ такомъ же отношеніи къ „житію“, какъ и „Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи“; это тоже „завязка“ драмы, которая привела къ борьбѣ и, наконецъ къ „развязкѣ“—жизни въ монастырѣ, въ общеніи съ Богомъ.

„Смѣхотворныя повѣсти“ въ русскомъ творчествѣ.

Выше уже отмѣчено, какъ западная вульгарная легенда, попавъ въ русскую землю, привилась и дала литературное потомство въ передѣлкахъ и подражаніяхъ. То же случилось и съ смѣхотворными повѣстями. „Сказка о нидерландскомъ татѣ“ попала на лубки и присоединилась къ циклу народныхъ сказокъ о „хитромъ ворѣ“. „Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ“, популярная до сихъ поръ, въ основѣ имѣетъ западный разсказъ о похожденіяхъ неумѣлыхъ упрямыхъ шутовъ. На старыхъ лубочныхъ картинахъ оба брата изображены еще въ нѣмецкихъ шутовскихъ костюмахъ.

Возникновеніе у насъ „пародіи“, сатиры.

Смѣхотворная повѣсть вела къ сатирѣ. Является пародія на похожденія старыхъ богатырей. Иванъ-дуракъ, Алеша Голопузый, Ѳома Беренниковъ — все это богатыри новаго пошиба, которые сражаются съ комарами и мошками, однако, сопоставляются съ Ильей Муромцемъ и Добрыней. Иванъ-Дуракъ—старшій богатырь, Илья—его подначальный. Непосредственная находчивость простака, а, съ другой стороны, наглость и нахальство „новаго“ человѣка—создаютъ ему такую славу, передъ которой блѣднѣютъ строгіе образы старыхъ богатырей. Ясно, что наступила пора новыхъ вкусовъ, новыхъ міровоззрѣній,—пора „новыхъ людей“, „Ершей Ершовичей“, ловкихъ женъ, хитрыхъ плутовъ, Ивановъ-дураковъ... Пусть народъ относится къ нимъ какъ будто иронически — они всетаки его герои,—онъ, посмѣиваясь, любуется ими.

Переломъ русской исторіи.

Эта новая пора совпала съ переломомъ русской исторіи. Прекратился старый родъ Рюриковичей, явились на престолѣ и

около престола новые люди,—передъ изумленнымъ народомъ то монахъ-разстрига садится на престолъ, то является чужой королевичъ, какіе-то проходимцы во главѣ казачьихъ бандъ берутся за рѣшеніе вопросовъ общегосударственныхъ, какой-то невѣдомый мясникъ освобождаетъ Москву, мужичокъ спасаетъ царя... Все это было „новое", неожиданное, какъ появленіе Ерша передъ спокойнымъ соннымъ судомъ благородныхъ представителей стараго уклада рыбьяго царства!..

Въ литературной жизни было тоже много новаго. Явились съ запада свѣтскія произведенія. Народное творчество, уже подошедшее къ разрыву съ тѣми связями, что не давали простору личности въ житіяхъ и церковныхъ легендахъ, — встрѣтилось теперь съ художественными образцами, въ которыхъ всѣ человѣческія дѣянія легко и свободно разрѣшались здѣсь, на землѣ, помимо воли угодниковъ, Бога и Богородицы, помимо монастыря. Мало того, этими новыми произведеніями вносились въ обиходъ русскаго человѣка новыя понятія, новые интересы, новые художественные пріемы: любовь къ женщинѣ, стремленіе къ широкимъ горизонтамъ, къ детальности письма, къ углубленію въ психику героя. Въ этомъ отношеніи, особенно назидательно было чтеніе „Римскихъ Дѣяній",—а для развитія реализма—чтеніе фацецій.

§ 72. Подъ такими сложными вліяніями создалась повѣсть „*О Фролѣ Скобѣевѣ*" [1]). Произведеніе это поразительно своимъ реализмомъ и объективизмомъ: нѣтъ въ немъ фантастики, нѣтъ сатирическаго отношенія къ событіямъ, нѣтъ желанія преподнести читателю какое-нибудь нравоученіе. Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ.

Дѣйствующія лица повѣсти почти всѣ носятъ историческія имена, но авторъ повѣсти, пользуясь фамиліями, современными ему, иногда искажалъ фамиліи, свободно распоряжался съ титулами. Это, конечно, ясное доказательство, что простой, на первый взглядъ, безхитростный разсказъ, близкій къ правдивому изложенію дѣйствительности, есть, на самомъ дѣлѣ, художественное сплетеніе истины съ поэтическою ложью, что съ точки зрѣнія историка литературы только придаетъ цѣнность этому произведенію. Очевидно, фамиліи общеизвѣстныхъ современниковъ взяты для того, чтобы придать произведенію болѣе правдоподобія.

Бѣдный новгородскій дворянинъ Фролъ Скобѣевъ промышлялъ мелкими приказными дѣлами, судейскими кляузами—«ябедой». Содержаніе.

---

[1]) Истор. Христ. т. I, вып. 2, стр. 201.

Узнавъ, что у богатаго стольника Нордина-Нащокина есть дочь Аннушка, Фролъ «взялъ себѣ намѣреніе, чтобы возымѣть любленіе съ тою Аннушкой». Познакомившись съ нянькой, старой мамкой Аннушки, онъ ввелъ въ домъ стольника свою сестру и разъ, вмѣстѣ съ нею, переодѣтый «дворянской дѣвушкою», проникъ къ Аннушкѣ, «для веселости на вечеринку». Мамку онъ подкупилъ 5-ю рублями, открывъ ей свои намѣренія. Она выдумала игру въ «жениха и невѣсту», при чемъ Аннушка представляла невѣсту, а Фролъ — жениха. Эта игра дала возможность Фролу уединиться съ Аннушкой и открыться въ любви.

Между тѣмъ, отецъ Аннушки, жившій въ Москвѣ, выписалъ ее туда, чтобы выдать замужъ. Фролъ, обласканный Аннушкой и одаренный рублями, рѣшился не упускать добычи—онъ ѣдетъ за нею въ Москву: «отъ Аннушки не отстану; или буду полковникъ, или покойникъ»,—говорилъ онъ; при помощи мамки онъ продолжаетъ свиданья свои съ нею. Узнавъ однажды, что отецъ собирается отправить ее на время къ теткѣ, которая была игуменьей въ монастырѣ, Фролъ рѣшается воспользоваться случаемъ и похитить дѣвушку. Для этого ему нужна была карета. Онъ рѣшился ее попросить у стольника Ловчикова, якобы для того, чтобы ѣхать на смотрины. Ловчиковъ пользовался его услугами на судахъ, а потому не отказалъ ему въ его просьбѣ. Фролъ подпоилъ кучера, скралъ Аннушку, переодѣвшись кучеромъ и разыгравъ его роль прекрасно. Вся эта сцена похищенія разсказана мастерски. Затѣмъ, приводя Анну въ свой домъ, онъ лошадей съ пьянымъ кучеромъ пустилъ на волю, и тѣ сами побрели домой.

Старый стольникъ былъ увѣренъ, что дочь его гоститъ у тетки, что та присылала за нею карету. Прошло много времени прежде, чѣмъ открылась пропажа Аннушки. Убѣдившись, что дочь похищена, стольникъ поѣхалъ съ жалобой къ царю: «и велѣлъ государь учинить публикацію о той стольничей дочери,—ежели кто ее содержитъ тайно, чтобы объявилъ, а ежели кто не объявитъ, а сыщется послѣ, то смертью казненъ будетъ». Скобѣевъ забезпокоился, почуялъ бѣду и явился къ Ловчикову. Слѣдуетъ сцена, полная жизни, разработанная съ психологической стороны очень тонко. Ловчиковъ встрѣчаетъ Флора съ снисходительной ироніей: чувствуется, что передъ нами важный бояринъ и мелкая сошка. Фролъ разсказываетъ, что жена его—Аннушка. Ловчиковъ отъ изумленія перешелъ къ негодованію: его боярская спѣсь возмущена. Фролъ смиренно проситъ его быть посредникомъ и уговорить старика Нординъ-Нащокина простить его, Фрола. Ловчиковъ съ негодованіемъ отказывается. Тогда Фролъ также смиренно переходитъ отъ просьбы къ угрозѣ: «ежели ты предстательствовать не будешь обо мнѣ, то и тебѣ будетъ не безъ злого,—мнѣ уже пришло показать на тебя для того, что ты возниковъ и карету давалъ! Ежели бъ ты не далъ, и мнѣ бы безъ того не учинить». Зная таланты Флора по части «ябеды» и «кляузъ», видя, что попалъ въ сообщники грязнаго плутовства, чуя въ будущемъ розыски, быть можетъ пытки, Ловчиковъ сталъ «въ великомъ сумнѣніи» и сказалъ ему: «настоящій ты плутъ, что̀ ты надо мною сдѣлалъ? Добро. Какъ могу, буду предстательствовать».

Скобѣевъ покаялся Нордину; тотъ сгоряча хотѣлъ было ѣхать къ

царю, но стольникъ Ловчиковъ подошелъ къ нему и «сталъ его разговаривать», и убѣдилъ старика прежде посовѣтоваться съ женою. Дома происходитъ трогательное объясненіе боярина съ его престарѣлою подругою. Оба въ горѣ, но родительская любовь къ единственной дочери побѣждаетъ обиду. Они посылаютъ слугу справиться о здоровьи дочери. Фролъ, замѣтивъ посланнаго и смекнувъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ женѣ притвориться больной, а посланному сказалъ, что его жена больна вслѣдствіе гнѣва родительскаго: они ее заочно бранятъ и клянутъ, и отъ того она при смерти лежитъ. Старики повѣрили всему и «пребезмѣрно» горевали: забывъ о Фролѣ, они думали лишь о здоровьи дочери. Старая боярыня стала говорить мужу: «Ну, мой другъ, благословимъ ихъ хоть заочно, а когда сердца наши утолятся, то можемъ видѣться съ ними и сами». «И сняли со стѣны образъ, который былъ обложенъ золотомъ съ драгимъ камнемъ, такъ что прикладу всего на 500 р.—и послали съ тѣмъ же человѣкомъ и приказали сказать, чтобъ они оному образу молились; а плуту и вору Фролкѣ скажи, чтобъ онъ его не промоталъ». — Конецъ этотъ великолѣпенъ художественною тонкостью выраженнаго въ немъ настроенія: здѣсь чувствуется, какъ успокаивается буря негодованія въ душѣ стариковъ, какъ родительское чувство побѣждаетъ обиду, и въ то же время нѣтъ силъ все простить, хочется чѣмъ-нибудь уязвить негодяя-Фролку. Этотъ маленькій штрихъ, быть можетъ, проведенный анонимнымъ авторомъ нечаянно, однако, такъ умѣстенъ въ художественномъ отношеніи, что онъ одинъ подымаетъ эстетическую цѣнность разбираемаго произведенія.

Наконецъ, Фролка, не вѣрующій, очевидно, «ни въ сонъ, ни въ чохъ», видя посланнаго стариками съ образомъ, приказалъ женѣ выздоровѣть и слугѣ боярскому смиренно замѣтилъ: «таково-то родительское благословеніе; и заочно имъ не оставили, и Богъ далъ Аннушкѣ здоровья: нынѣ слава Богу здорова. Благодари ихъ милость, что не оставили заблудшую дочь свою». Въ этихъ лукавыхъ словахъ слышится иронія надъ старыми простодушными людьми, легко вѣрящими всему, а эпитетъ «заблудшая», въ приложеніи къ Аннушкѣ, уже ясно говоритъ намъ, что торжествующій плутъ не въ силахъ былъ удержаться отъ издѣвательства надъ простотою обманутыхъ имъ людей. Старики, между тѣмъ, болѣли душою по своей дочери: «какъ, другъ, быть?» сказалъ бояринъ женѣ: «конечно, плутъ заморитъ Аннушку: чѣмъ ему, вору, кормить ее? и самъ, какъ собака, голоденъ». И вотъ отъ боярскаго двора тянутся подводы съ запасами, потомъ съ имуществомъ, потомъ тайные подарки старой боярыни. Фролъ Скобѣевъ, «даже по реестру не посмотря», приказываетъ все складывать въ свои чуланы.

Прошло еще нѣсколько времени, и старики рѣшили простить дочь и зятя. Они приглашены къ обѣду. «Усмотрѣлъ Нординъ-Нащокинъ дочь свою преклоненну», сталъсъ матерью вмѣстѣ бранить ее и наказывать своимъ гнѣвомъ родительскимъ, и, смотря на нее, плачутъ, что она такъ учинила безъ воли родительской, проклиная жизнь ея словами своими». Простивъ дочь, старикъ велѣлъ ей садиться за столъ и оборотился затѣмъ къ Фролу: «А ты, плутъ, что стоишь? Садись тутъ же. Тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею!». И Фролъ сказалъ: «Ну, государь-батюшка, уже тому такъ Богъ судилъ!». Этотъ маленькій діалогъ тоже полонъ правды.

Много словъ сказалъ старикъ своей «заблудшей» дочери, а для зятя не стоило метать бисера: «чего стоишь, садись тутъ же» — вотъ и все. И какъ хорошъ развязный отвѣтъ Фрола, почуявшаго, что онъ побѣдилъ.

Слугамъ своимъ Нординъ-Нащокинъ не велѣлъ никого принимать, всѣмъ отказывать: «время-де, такого нѣтъ, чтобы видѣть стольника, для того, что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкою, кушаетъ...». Послѣ обѣда старикъ спросилъ зятя, чѣмъ онъ будетъ жить. Фролка, мѣтя въ самое больное мѣсто старика,—въ его самолюбіе, смиренно отвѣчалъ, что, по бѣдности, будетъ принужденъ жить «ябедами». Стольникъ, желая спасти дочь отъ позора быть женою «ябедника», даетъ Фролу вотчину и денегъ. Фролъ кланяется до земли. «Плутъ, не кланяйся! поди самъ справь за собой», сурово прерываетъ старикъ признательныя рѣчи зятя. Чувствуется, какой будетъ конецъ всей этой исторіи. Старикъ будетъ нѣжно любить до конца жизни Аннушку, Фролъ до ихъ смерти не отдѣлается отъ эпитета «плутъ», но будетъ блаженствовать на счетъ своихъ богатыхъ родственниковъ, не обижаясь на кличку «плута».

Эта повѣсть была воплющеніемъ «новаго міросозерцанія»,—въ ней нашелъ полное и блестящее изображеніе «новый» человѣкъ, явившійся на смѣну людямъ стараго уклада.

Литературная судьба повѣсти.

Произведеніе это подверглось въ XVIII в. интересной историко-литературной обработкѣ въ сборникѣ Новикова („Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ"). Тамъ же есть рядъ повѣстей изъ русской жизни приблизительно той же эпохи и того же характера, что̀ и повѣсть о Фролѣ. Можно думать, что всѣ эти произведенія—такая же литературная обработка повѣстей, до насъ не дошедшихъ. Если это такъ, то одиночная повѣсть о Фролѣ окажется окруженной цѣлымъ рядомъ повѣстей того же типа.

Значеніе этихъ повѣстей.

Всѣ эти повѣсти, въ художественномъ отношеніи, отразили „новые вкусы"... Стремленіе къ реализму, къ изображенію дѣйствительности,—„живства", начавшееся давно, нашло въ нихъ свое литературное выраженіе.

Если для русской иконописи западные образцы были той силой, которая освободила художественное сознаніе отъ рутинерства, то переводы и широкое распространеніе въ XVI в. свѣтскихъ повѣстей, даже новеллъ Боккачіо,—а, на ряду съ этимъ, развитіе русской сатиры, охватившей и монашество, и суды, и мѣстничество,—все это, вмѣстѣ взятое, помогло русскому книжнику продолжить развитіе русской повѣсти. Такъ

Личность героя.

получилась бытовая повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ. Этотъ герой— уже не игрушка въ рукахъ злыхъ и добрыхъ началъ,—у него своя воля, свои желанія—за нихъ онъ будетъ разсчитываться самъ, не взваливая вины на дьявола и не считая себя очень

обязаннымъ небесной помощи. Названная повѣсть, несомнѣнно, возникла на русской почвѣ—къ ней подошли всѣ разобранныя выше произведенія,—вся обстановка, все міросозерцаніе, всѣ лица въ ней самаго россійскаго пошиба.

Хотя сюжетъ этой повѣсти очень распространенъ въ „плутовскихъ" романахъ запада, хотя отдѣльные моменты фабулы могутъ быть признаны „общими мѣстами" (переодѣванье героя въ женское платье, притворная болѣзнь жены Скобѣева),—но всѣ данныя повѣсти, всѣ ея характерныя особенности указываютъ ясно, что здѣсь можно говорить лишь о заимствованіи „идеи" изобразить дѣйствительный фактъ, литературная цѣнность котораго до появленія у насъ фацецій и смѣхотворныхъ повѣстей, никому не приходила еще въ голову.

Исправленіе стараго въ московской жизни.

§ 73. 1) *Исправленіе стараго въ московской жизни.* Уже въ XVI в. Москва была полна сомнѣній религіозныхъ и умственныхъ: пропаганда католиковъ, пропаганда протестантовъ, борьба съ вольнодумцами, учениками жидовствующихъ, неурядицы въ церкви, сказавшіяся въ длинномъ рядѣ вопросовъ, часто мелкихъ съ нашей точки зрѣнія,—но всегда очень крупныхъ—съ точки зрѣнія москвичей той поры. Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ, объ исправленіи книгъ, о двуперстіи и троеперстіи [1]), о двоеніи и троеніи аллилуіа [2]),—о хожденіи въ крестномъ ходѣ „посолонь", по солнцу, или противъ,—все это вопросы, поднятые и неразрѣшенные въ XVI в. Почти всѣ они мелки въ своей сущности, но громадны по тѣмъ историческимъ послѣдствіямъ, къ которымъ привело ихъ рѣшеніе, и очень интересны для пониманія русской культуры того времени.

Выше отмѣчено уже, что, въ религіозномъ отношеніи, наши предки были большими формалистами: людей образованныхъ не было—были лишь „начетчики", которые, по словамъ старца Арсенія, „не знали ни православія, ни кривославія,—только божественное писаніе по чернилямъ проходили, не добираясь до смысла". Немудрено, что у нихъ „религія превращалась въ рядъ молитвенныхъ формулъ, а молитвенная формула пріобрѣтала магическій смыслъ".

Оттого каждая буква, каждое слово пріобрѣтало особое значеніе,—тревогой билось сердце у каждаго правовѣрнаго, когда

---

[1]) Т. е. сколько пальцевъ надо складывать для крестнаго знаменія—два, или три.
[2]) Два или три раза надо пѣть „аллилуіа".

онъ встрѣчалъ какое-нибудь отклоненіе отъ стараго уклада. Съ ужасомъ сообщаетъ лѣтописецъ подъ 1476 г., что „нѣкіе философы начали пѣть: „о, Господи, помилуй“, когда другіе, по старинѣ, пѣли просто: „Господи, помилуй“.

Такая чуткость къ буквѣ создала весь расколъ.

Однимъ изъ крупныхъ вопросовъ, волновавшихъ церковь, былъ вопросъ объ „аллилуіа“. Въ Византіи и у насъ въ древней Руси—этотъ припѣвъ троился и двоился одинаково безразлично. Въ XVI в. было обычно употребленіе сугубаго (двойного) аллилуіа въ Москвѣ. Максимъ Грекъ его поддержалъ; Стоглавъ предписалъ сугубить его, признавъ трегубое пѣніе—латинскимъ. Вопросъ о перстосложеніи тоже пережилъ у насъ длинную исторію; въ первую пору христіанства крестились безразлично: и двумя перстами, и тремя. Такое же безразличное отношеніе къ этому обряду было сначала и у насъ. Съ XV в. двуперстіе является преобладающимъ. Въ XVI в. Максимъ Грекъ и митрополитъ Даніилъ рѣшительно стояли за двуперстіе; отцы Стоглаваго собора утвердили это мнѣніе, какъ правильное и обязательное; сомнѣнія улеглись на время благодаря Стоглавому собору.

Аллилуіа.

Перстосложеніе.

Исправленіе книгъ подняло всѣ жгучіе вопросы и страшно обострило ихъ. Царь Михаилъ Өеодоровичъ поощрилъ печатаніе книгъ, и при немъ впервые была образована комиссія справщиковъ. Но справщики дѣлали исправленіе книгъ по старымъ русскимъ спискамъ, не справляясь съ греческими. Вслѣдствіе этого, въ печатныя изданія, выходившія подъ редакціей этихъ справщиковъ, внесены были тѣ мнѣнія, которыя впослѣдствіи сдѣлались основаніями раскола (двуперстіе, сугубое аллилуіа). Паисій, патріархъ іерусалимскій, пріѣхавшій въ Москву въ 1649 г., нашелъ въ московской церкви много отклоненій. По приказанію царя, посланъ былъ на православный востокъ Арсеній Сухановъ—собирать греческія рукописи и присмотрѣться къ церковнымъ обычаямъ и обрядамъ. Результатомъ этой посылки было описаніе 3-хъ-лѣтняго путешествія Суханова въ „Статейномъ спискѣ“, въ „Преніи съ греками о вѣрѣ“ и въ „Проскинитаріи“.

Исправленіе книгъ.

Арсеній Сухановъ.

Арсеній былъ въ Молдавіи, въ Іерусалимѣ, Александріи, былъ даже въ Грузіи. Результаты наблюденій оказались очень печальны: вездѣ былъ полный безпорядокъ въ отправленіи обрядовъ. Поражены были въ Москвѣ, узнавъ, что у грековъ обычно

латинское крещеніе обливаньемъ (не погруженьемъ), что патріархъ іерусалимскій бываетъ въ гостяхъ у армянъ и франковъ, что турецкій паша обѣдаетъ у патріарха.—Вопросы объ аллилуіа и сложеніи перстовъ на востокѣ, въ большинствѣ случаевъ, разрѣшались не въ пользу Москвы [1]).

Авторитетъ православнаго востока потерялъ всякую цѣну. И власти московскія рѣшили продолжать дѣло исправленія ощупью, за свой страхъ... Это робкое блужданье съ завязанными глазами продолжалось до Никона. Явился онъ—и, съ отвагою истаго революціонера, повелъ напроломъ церковную реформу.

Патріархъ Никонъ.

Прежде всего, завелъ онъ единогласное пѣніе, чѣмъ сразу возбудилъ негодованіе многихъ. Одинъ старый священникъ укорялъ сторонниковъ новшества: „Заводите вы, ханжи, ересь новую,—единогласное пѣніе, бѣса имате въ себѣ, ханжи“. Другой оппонентъ заявлялъ, что лучше умретъ, а на такое новшество не пойдетъ. Никонъ ломилъ всякое сопротивленіе, въ особенности, когда вступилъ на патріаршій столъ. Исправленіе книгъ онъ взялъ въ свои руки и довѣрилъ его одному, изъ грековъ, Арсенію, и нѣсколькимъ образованнымъ кіевлянамъ. Выборъ былъ сдѣланъ неудачно: Арсеній былъ ловкій пройдоха, во время своихъ блужданій по бѣлу свѣту, побывавшій и уніатомъ, и магометаниномъ, и свѣтскимъ, и монахомъ. Въ Москву онъ пріѣхалъ съ Паисіемъ и здѣсь остался. Дурное поведеніе привело его къ заточенію въ Соловки, гдѣ онъ вскорѣ вполнѣ освоился: хвалилъ всѣ русскіе порядки, ругалъ греческіе: въ результатѣ, его исправленію повѣрили, вернули въ Москву, и Никонъ поручилъ ему исправленіе книгъ. Товарищи его кіевляне были не чужды католическихъ тенденцій.

Арсеній-грекъ.

Отношеніе Москвы къ юго-зап. Руси.

До XVI в. отношенія Москвы къ юго-западной Руси были вполнѣ дружественны. Связи поддерживались, главнымъ образомъ, благодаря церкви: московскіе митрополиты ставили епископовъ въ юго-западной Руси. Связи эти стали опять усиливаться въ

---

[1]) Греки однимъ своимъ поступкомъ—именно сожженіемъ на Аѳонѣ церковныхъ книгъ московской печати—сильно раздражили Арсенія. Къ этому присоединились еще наговоры со стороны славянскихъ монаховъ на грековъ, которые-де ненавидятъ славянъ. Раздраженный такими наговорами, Арсеній вступалъ въ бесѣды съ греческимъ духовенствомъ, и результаты своихъ преній изложилъ въ особой книгѣ. Здѣсь Арсеній сталъ на точку зрѣнія „третьяго Рима“ и вывелъ заключеніе, что русское православіе стоитъ выше всего и что русскіе могутъ не обращать вниманія на наставленія грековъ. Его книга впослѣдствіи для раскольниковъ служила авторитетомъ и въ части русскаго общества поддерживала недовольство греками и греческимъ ученіемъ.

XVII в., когда, оказывая нравственную и матеріальную поддержку юго-западной Руси, Москва, въ это время, стала пользоваться плодами возникшаго тамъ образованія. Особенно цѣнны для Москвы были книги юго-западной печати.

Со времени митрополита Филарета, привезшаго изъ польскаго плѣна въ Москву предубѣжденіе противъ юго-западнаго православія, было постановлено на духовномъ соборѣ всѣхъ пріѣзжихъ южноруссцевъ испытывать въ вѣрѣ и подвергать ихъ вторичному крещенію, если явятся сомнѣнія въ ихъ православіи. Такое же строгое отношеніе было примѣнено и къ твореніямъ юго-западныхъ ученыхъ: многія богословскія сочиненія ихъ были сожжены „на пожарѣхъ"... Послѣ смерти Филарета книги „литовскаго" письма опять нашли доступъ и распространеніе въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, къ юго-западнымъ ученымъ въ Москвѣ относились съ сомнѣніемъ,—и вдругъ Никонъ поручилъ имъ исправленіе книгъ подъ руководствомъ Арсенія, грека!

Реформы Никона и ихъ результаты.

Въ 1653 г. Никонъ, опираясь на греческій обычай, приказалъ по всей Руси креститься только тремя перстами. Возникшая оппозиція была сурово раздавлена, особенно послѣ обостренія личныхъ отношеній на соборѣ: многіе и видные священнослужители, напр., извѣстный Аввакумъ, разосланы были по далекимъ, глухимъ монастырямъ. Одинъ изъ епископовъ былъ лишенъ епископіи и сосланъ. Эти крутыя мѣры рисуютъ во весь ростъ величественную фигуру Никона,—этого Петра Великаго въ церковной реформѣ: какъ впослѣдствіи Петръ ломалъ все старое и давилъ оппозицію,—такъ и Никонъ велъ свое дѣло прямолинейно и круто. Для исправленія книгъ собрано было въ Москвѣ огромное число рукописей греческихъ,—за ними посылали на Аѳонъ и въ другія мѣста Греціи того же Арсенія Суханова. Работа по редактированію и печатанію книгъ пошла быстро, но не съ достаточной добросовѣстностью. Въ „Служебникѣ", выпущенномъ въ свѣтъ этими справщиками, проклиналось двуперстіе, отметалось слово „истиннаго" въ

Возникновеніе раскола.

8-мъ членѣ Символа Вѣры; книга эта во всѣхъ концахъ Россіи вызвала недоумѣнье, негодованье: монахи ссорились по монастырямъ, епископы отказывались принимать новыя книги; во многихъ мѣстахъ стали писаться отвѣты... Особенно энергично возстали Соловки; братія и игуменъ рѣшили лучше умереть за старую вѣру, но не принимать новыхъ ученій. Изъ Соловецкаго монастыря стали являться энергическія сочиненія противъ трое-

перстія, оттуда раздались впервые предостереженія противъ Никона, какъ „мысленнаго“ Антихриста [1]),—указаніе на то, что конецъ міра близокъ... Когда Никонъ разошелся съ царемъ, стражи древняго благочестія подняли головы и стали писать къ царю челобитную за челобитной. Челобитная Соловецкаго монастыря отличается энергическимъ тономъ и кончается рѣшительнымъ восклицаніемъ: „Лучше намъ умереть временною смертью, чѣмъ вѣчно погибнуть. Пусть насъ предадутъ огню и мукамъ новые учители, но мы не измѣнимъ апостоламъ и отечественному преданію“... Соборъ 1666 г., въ которомъ принимали участіе патріархи александрійскій и антіохійскій, осудилъ Никона, какъ человѣка, и энергично поддержалъ его, какъ реформатора. Царь не внялъ челобитнымъ ревнителей „старой вѣры“; съ этого момента примиренія больше не могло быть, и религіозное міросозерцаніе русскаго общества раскололось на два, враждебныхъ одно другому.

Ожиданіе конца міра.

Ревнители стараго благочестія стали готовиться къ концу свѣта: годъ собора „1666“ слишкомъ подходилъ къ числу апокалипсическаго звѣря. По Апокалипсису, царство Антихриста на на землѣ продолжится $2^1/_2$ года, т. е. до 1669 г., а затѣмъ померкнетъ солнце, звѣзды угаснутъ, сгоритъ земля... Съ 1668 г. многіе не хотѣли обрабатывать землю, молились, пріобщались, каждую ночь ждали трубы архангела, лежа въ гробахъ... Тревожные дни миновали, свѣтопреставленія не наступило, — тогда начетчикъ, провѣривъ свои хронологическіе разсчеты, призналъ свою ошибку: считать надо было не съ Рождества Христова, а съ Воскресенія его, т. е. накинуть 33 года земной жизни Христа,—оказалось, годомъ появленія настоящаго Антихриста надо считать 1699 г. [2]).

---

[1]) Одинъ изъ противниковъ реформы утверждалъ, что царство Антихриста началось съ раздѣленія церквей; предтечи его—папы. Никонъ же и есть самъ Антихристъ,—что явствуетъ, хотя бы, изъ того, что, по Апокалипсису, Антихристъ созидаетъ храмъ Соломоновъ,—между тѣмъ, Никонъ, какъ извѣстно, создалъ „новый Іерусалимъ“, въ которомъ выстроилъ „Воскресенскій монастырь“.

[2]) По странной случайности, 25 авг. 1698 г., т. е. за 5 дней до новаго года (тогда годъ начинался съ сентября) пріѣхалъ изъ-за границы Петръ. Народъ былъ пораженъ тѣмъ, что царь не зашелъ поклониться святынямъ московскимъ, а проѣхалъ прямо въ Нѣмецкую слободу. Здѣсь онъ пировалъ у Лефорта, а на слѣдующій день сталъ рѣзать бороды боярамъ, пріѣхавшимъ его поздравить. Въ новый годъ царь не былъ въ церкви, не былъ у патріарха, и скоро приступилъ къ расправѣ съ стрѣльцами. Позднѣе народное воображеніе было потрясено введеніемъ новаго календаря, при чемъ говорили, что „царь укралъ у Бога 8 лѣтъ“, сосчитавъ отъ Р. Хр. не 5508 л., а 5500. Установленіе считать новый годъ съ января показалось страннымъ: въ январѣ змѣй не могъ бы соблазнить Евы, такъ какъ яблоки созрѣваютъ къ осени, а

Латинствующее духовенство и московско-греческое.

Но если волновался простой народъ, оставшійся вѣрнымъ „старинѣ“, то далеко неблагополучно обстояло и въ передовой партіи, которая шла по пути реформъ. Мы видѣли уже, что всѣ эти реформы не опирались на что-нибудь точное, опредѣленное,— искать авторитета было негдѣ. Пока былъ во главѣ этого дѣла Никонъ, авторитетомъ была его воля,—съ удаленіемъ же его, начались новые непорядки и раздоры. Раздоры возникли среди тѣхъ лицъ, которымъ поручена была судьба русской богослужебной книги: явились среди нихъ двѣ партіи—одна была *латинствующая*, быть можетъ, безъ собственнаго вѣдома, — другая православная, въ *московско-греческомъ* духѣ. Крупнымъ представителемъ второй былъ Епифаній Славинецкій, ученикъ Кіевской академіи, вынесшій оттуда уваженіе къ греческой церкви и отвращеніе къ католической. Въ Москвѣ онъ пришелся ко двору и скоро сталъ на стражѣ московскаго благочестія. Это былъ человѣкъ, который воздерживался отъ активной борьбы съ латинствующими современниками, изъ которыхъ самое видное мѣсто занималъ Симеонъ Полоцкій, одинъ изъ талантливѣйшихъ людей своего времени, поэтъ и драматургъ и, при всемъ томъ, человѣкъ придворный, умѣвшій очаровывать сердца сильныхъ и рѣчами, и стихами, и манерами... Славинецкій принципіально расходился съ нимъ, но оставался его другомъ до смерти. Вражда вспыхнула между ихъ учениками. Ученикомъ Славинецкаго былъ Евѳимій, монахъ стараго закала, со строгимъ взглядомъ на жизнь, не отличавшійся блескомъ способностей, но человѣкъ убѣжденный и болѣе страстный, чѣмъ его учитель. Ученикомъ Симеона былъ Сильвестръ Медвѣдевъ—одна изъ любопытнѣйшихъ личностей этой эпохи. Ближайшій сотрудникъ правительницы Софіи и Василія Голицына, онъ, подъ своей скромной монашеской рясой, скрывалъ честолюбивое сердце общественнаго дѣятеля, съ самыми смѣлыми мечтами. Онъ наслѣдовалъ отъ своего учителя нѣкоторыя католическія мнѣнія и имѣлъ неосторожность выступить съ ними открыто. Особенно возсталъ на него Евѳимій—разгорѣлась полемика. Въ полемикѣ этой приняли сторону Евѳимія пріѣхавшіе тогда въ Москву ученые братья греки Лихуды. Сильвестра поддерживали ученые юго-западной Руси. Въ средѣ

Славинецкій и Полоцкій.

Евѳимій и Медвѣдевъ.

Братья Лихуды.

не среди зимы. Поразилъ всѣхъ и титулъ *императоръ*, — слово, число буквъ котораго по славянскому счисленію—666, если выкинуть букву *м*. Все это, вмѣстѣ взятое, было въ глазахъ раскольниковъ явнымъ доказательствомъ, что царь Петръ— Антихристъ (Милюковъ).

реформаторовъ русской церкви возникъ соблазнительный расколъ, захватившій умы очень многихъ московскихъ людей. Одна партія стала за Евѳимія, Лихудовъ и патріарха, — другая, въ которой было нѣсколько архіереевъ и царевна Софія, — за Медвѣдева. Сильвестръ собиралъ къ себѣ и знатныхъ, и простыхъ, стрѣльцовъ, и купцовъ и ораторствовалъ съ ними о спорныхъ церковныхъ вопросахъ, а попутно готовилъ торжество правительницѣ Софьѣ. Участіе въ дѣлѣ Шакловитаго рѣшило судьбу Сильвестра; онъ, монахъ, кажется мечтавшій о патріаршей митрѣ, сложилъ свою дерзкую голову на плахѣ, — съ нимъ вмѣстѣ пали и тѣ принципіальные вопросы, которые онъ подымалъ такъ храбро. Соборъ 1690 года осудилъ не только Медвѣдева, но и Симеона Полоцкаго, тогда уже покойнаго, осудилъ почти всю юго-западную литературу: сочиненіе Полоцкаго „Мечъ", „Трубы" Лазаря Барановича, „Ключъ разумѣнія", сочиненія Голятовскаго, Гизеля, изданія Петра Могилы и др. Послѣ расправы съ латинствомъ южно-руссовъ въ Москвѣ, московскій патріархъ обратился къ самой Малороссіи и, не взирая на отвѣты и доказательства правоты, принудилъ южно-русское духовенство присоединиться къ московскимъ порядкамъ и взглядамъ. Этимъ осужденіемъ южнорусскихъ мнѣній былъ нанесенъ ударъ кіевскимъ культурнымъ вліяніямъ на Москву. Взявъ все у Кіева — и ученыхъ, и книги, и школы, Москва сумѣла, послѣ недолгой борьбы, выбраться изъ недоумѣній, „сомнѣній", одержала побѣду во имя своихъ старыхъ православныхъ традицій и вступила въ новую жизнь, не утерявъ вѣры въ свое благочестіе. Впрочемъ, побѣда Петра надъ Софьей направила жизнь Россіи въ новое русло: религіозные вопросы и интерессы сразу ослабѣваютъ и блѣднѣютъ, — теперь имъ никогда не было уже суждено сдѣлаться настолько обостренными и жгучими, какъ въ московской Руси. Такова въ краткихъ словахъ, была исторія исправленія *стараго* наканунѣ Петра.

Результаты борьбы.

Пополненіе московской жизни новымъ.

§ 74. 2) *Пополненіе московской жизни новымъ.* Переходя къ рѣшенію вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ чуждыя вліянія, нахлынувшія на Москву въ XVII в. внесли въ ея жизнь новые факты, новыя идеи и чувства, до того времени ей чуждыя, надо остановиться, прежде всего, на вопросѣ о русскомъ образованіи въ XVII в., на обозрѣніи переводной литературы, научной и свѣтской, и, наконецъ, на краткой характеристикѣ новыхъ настроеній жизни русскаго общества наканунѣ Петра.

Еще Петръ Могила обращался къ царю Михаилу съ пред-

Образованіе въ Москвѣ.

ложеніемъ, чтобы царь приказалъ построить въ Москвѣ монастырь для кіевскихъ „старцевъ“ и разрѣшилъ бы имъ открыть тамъ школу для обученія москвичей славянскому и греческому языку. Могила не встрѣтилъ сочувствія; его просьба не была уважена, но черезъ нѣсколько лѣтъ Москва сама просила прислать ученыхъ мужей изъ Кіева для преподавательской дѣятельности. Тогда-то и былъ присланъ, вмѣстѣ съ другими, Епифаній Славинецкій.

Школа Ртищева.

Школа была открыта бояриномъ Ртищевымъ въ окрестностяхъ Москвы, въ Андреевскомъ монастырѣ; оттуда потомъ была перенесена въ Чудовскій. На первыхъ порахъ она у русскихъ людей не встрѣчала сочувствія. Одинъ изъ ея учениковъ говорилъ, что кіевскіе учителя „недобрые“, „въ нихъ онъ добра не позналъ“—особенно пугалъ москвичей латинскій языкъ. Впрочемъ, Епифаній, со временемъ, сумѣлъ твердостью въ вѣрѣ и благочестіемъ внушить къ себѣ уваженіе и довѣріе. Онъ вскорѣ отсталъ отъ училища и, окруживъ себя тѣснымъ кругомъ друзей, ушелъ въ работу надъ переводами и исправленіемъ книгъ, надъ составленіемъ проповѣдей и другими литературными работами.

Школа Полоцкаго.

Въ 1665 г. Симеонъ Полоцкій открылъ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Изъ учениковъ этой школы выдѣлился извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ. Въ школѣ Полоцкаго преобладалъ свѣтскій элементъ: преподавались латинскій и польскій языки, конечно, процвѣтала и поэзія. Какъ извѣстно, Полоцкій былъ наставникомъ царевичей и, быть можетъ, царевенъ. Вѣроятно, урокамъ Полоцкаго надо приписать то, что царевичъ Ѳедоръ, напр., зналъ по-латыни, по-польски, царевна Софья была любительницей и даже, говорятъ, участницей драматическихъ спектаклей,—Наталья сама была драматургомъ и поэтессой. Послѣ смерти Симеона его любимый ученикъ Медвѣдевъ продолжаетъ его дѣло въ школѣ Заиконоспасскаго монастыря;

Основаніе Московской Академіи.

въ 1685 г. его проектъ объ обращеніи школы въ академію былъ утвержденъ правительницею. Академія была открыта патріархомъ Іоакимомъ, противникомъ Медвѣдева, и онъ оказался отъ новаго заведенія устраненнымъ: руководителями перваго высшаго учебнаго заведенія Москвы сдѣлались братья Лихуды, Іоанникій и Софроній, присланные въ Москву для педагогическихъ занятій восточнымъ патріархомъ. Братья были людьми европейски образованными: десять лѣтъ учились они въ Падуанскомъ университетѣ и имѣли докторскіе дипломы. Ихъ появленіе въ Москвѣ и выдающаяся роль, которую они стали играть въ глазахъ патріарха, сразу

пріобрѣли имъ массу враговъ, вызвали цѣлый хоръ ругани, которымъ дирижировалъ Медвѣдевъ. Впрочемъ, и ученые европейцы, при помощи Евѳимія и другихъ своихъ сторонниковъ, не остались въ долгу. Обостренность соблазнительной полемики зависѣла, конечно, и отъ того, что Лихуды приняли большое участіе въ спорахъ русскаго духовенства по вопросу о времени пресуществленія даровъ.

Академія въ рукахъ Лихудовъ процвѣтала: она дала Россіи цѣлый рядъ людей съ извѣстными именами. Кромѣ того, братья сочиняли учебники, изучали ревностно церковнославянскій языкъ. Происками одного изъ восточныхъ патріарховъ они были обвинены въ латинствѣ, при чемъ не добромъ была вспомянута ихъ жизнь въ Падуѣ. Лишившись академіи, сосланные въ одинъ изъ монастырей, братья открыли тамъ частную школу, которая имѣла громадный успѣхъ. Ихъ заточили въ монастырь, далекій отъ Москвы, но тамъ ихъ поддержалъ новгородскій митрополитъ Іовъ и поставилъ ихъ во главѣ своей школы. Лихуды были вскорѣ оправданы и долго служили русскому просвѣщенію; они скончались въ глубокой старости. Какъ ни случайна была судьба лицъ, вводившихъ просвѣщеніе въ московской Руси, оно, съ учрежденіемъ академіи, стало прочно.

Переводы научныхъ и беллетристическихъ произведеній.

§ 75. а) *Переводы научныхъ и беллетристическихъ произведеній въ Москвѣ XVII в.* Нельзя не остановиться также и на краткомъ обозрѣніи книгъ, переведенныхъ въ XVII в. въ Москвѣ, или для Москвы; ихъ содержаніе свидѣтельствуетъ лучше всего, что новые интересы завладѣли умами передовыхъ московскихъ людей. Оказывается, переведено было много сочиненій по географіи (до 10 соч. разныхъ авторовъ), по космографіи (до 10), описанія отдѣльныхъ странъ (10), по исторіи (до 20); по военному искусству (до 10), по астрономіи и астрологіи (до 10); переведены были руководства по охотѣ, по коннозаводству, по хозяйству домашнему и сельскому, по математикѣ, естественнымъ наукамъ,—по медицинѣ, по педагогикѣ, даже по тайнымъ наукамъ. Много переведено было сборниковъ изреченій, нравоучительныхъ и философскихъ размышленій. Изъ духовныхъ сочиненій переведены нѣкоторыя произведенія Августина, Ѳомы Кемпійскаго, папы Иннокентія III, Беллярмина. Изъ историческихъ трудовъ особенно популярна была „Исторія іудейской войны“ Іосифа Флавія, „Исторія Троянской войны“ Гвидо Колумны и „Аргенида“ Барклая. Изъ беллетристическихъ

сочиненій, кромѣ перечисленныхъ выше при обзорѣ судебъ русской повѣсти въ Москвѣ переведено было очень много другихъ романовъ и повѣстей. Если повѣсти, носившія сказочный характеръ и дошедшія до насъ послѣ ряда измѣненій подъ вліяніемъ вульгаризаціи, совершившейся еще внѣ Россіи (сказка объ Еруcланѣ и Бовѣ), вносили мало новаго въ русскую жизнь въ смыслѣ обогащенія ея новымъ содержаніемъ, то теперь, въ концѣ вѣка, появляются переводы авантюрныхъ рыцарскихъ романовъ, въ которыхъ все было ново для русскаго человѣка: и сентиментальные кавалеры, вѣрные до гроба своимъ дамамъ сердца, защитники слабыхъ и угнетенныхъ, рыцарскіе турниры, и, главное, совершенное отсутствіе церковности.

„Пріятныя", „умильныя" исторіи.

Особенно популярны были разныя „пріятныя", „умильныя" исторіи, въ которыхъ „приключенія" героевъ играютъ уже вторую роль, такъ какъ на первое мѣсто выдвигается интересъ къ исторіи сердца, пылающаго любовью. Любовь завоевываетъ центральное мѣсто въ этихъ произведеніяхъ. Впрочемъ, рядомъ съ этой „идеалистической" литературой шла къ намъ и реалистическая, въ которой дѣйствующія лица были первоклассными плутами и мошенниками, любовники не ограничивались платоническими вздохами. Значеніе этой разнообразной переводной литературы было во всѣхъ отношеніяхъ велико. Идеалистическая литература вносила въ міровоззрѣніе русскихъ людей новыя точки зрѣнія на отношенія къ женщинѣ, къ жизни, къ обязанностямъ. Реалистическая—заставляла изъ неопредѣленныхъ горизонтовъ сказки опускаться въ тѣсные предѣлы повседневной жизни. Мысли и чувства русскихъ любителей романа, такимъ образомъ, приближались къ дѣйствительнымъ жизненнымъ отношеніямъ. Милюковъ совершенно справедливо характеризуетъ значеніе этой романической литературы. „Этотъ моментъ", говоритъ онъ, „важно отмѣтить, такъ какъ введеніе любовнаго элемента (и, прибавимъ отъ себя, реализма) было первымъ завоеваніемъ, сдѣланнымъ литературой у жизни, и первымъ пріобрѣтеніемъ, заимствованнымъ жизнью изъ литературы. Въ литературу вошелъ съ этихъ поръ элементъ житейской дѣйствительности, а въ жизнь проникъ элементъ идеализма, облагораживавшаго человѣческія отношенія... Переворотъ, предсказанный на Западѣ Дантомъ и осуществленный Петраркой, совершился въ нашей литературѣ ко времени Петра Великаго". Откуда у нашихъ предковъ взялся интересъ къ та-

Реалистическая литература.

кимъ произведеніямъ, въ которыхъ высказывался взглядъ на женщину, не схожій со взглядами Домостроя? Выше было уже сказано, что и раньше нашъ народъ оцѣнилъ величіе женщины въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ повѣстей (о „Маріи и Мареѣ“, „объ Юліаніи Лазаревской“, „о Петрѣ и Февроніи“). Жизнь брала свое: историческія испытанія равно ложились на мужчину и на женщину,—и оба пола привыкли уважать другъ друга. Западныя культурныя вліянія способствовали этой перемѣнѣ отношеній.

Книга о злонравныхъ женахъ.

Отъ этой эпохи до насъ дошла очень характерная «Книга о злонравныхъ женахъ»,—разговоръ отца съ сыномъ: отецъ — человѣкъ стараго закала, онъ начинаетъ перечислять преступленія женъ, начиная съ Евы: «отъ женщинъ, говоритъ онъ, многія убійства, пролитія крови, разоренія царствъ... Горе царству, гдѣ властвуетъ жена; горе тому, которымъ владѣетъ жена...».

Сынъ указываетъ на современную жизнь, въ которой онъ видитъ рядъ женщинъ-помощницъ своихъ мужей, добродѣтельныхъ и милосердныхъ. Тогда отецъ, оставивъ исторію, тоже обращается къ современнымъ женщинамъ и со злобой рисуетъ портретъ тогдашней щеголихи: «жены привыкли въ зеркало смотрѣть, вапами (румянами) лица помазывать, сурьмой брови подымать, многовидными украшеніями себя украшать». Затѣмъ онъ, въ яркихъ чертахъ, рисуетъ семейную сцену: мужъ не пожелалъ купить женѣ новыхъ нарядовъ,—«она вздыхаетъ и плачетъ, и шепчетъ, ни худа и добра не говоритъ, очи измѣняетъ, носомъ посупитъ; день и ночь гнѣвъ держитъ. Или она причитаетъ: «иныя жены ходятъ хорошо и красно, а я, несчастная, всѣми незнаема и укоряема. Почто ты мнѣ мужъ?.. Я—дочь богатаго купца и славнаго племени. Если-бъ я была дѣвицей, былъ бы у меня мужъ, сынъ отца богатаго, и была бы я госпожа многому и вездѣ была бы честна»... Кончаетъ отецъ совѣтомъ сыну не жениться. Но тотъ говоритъ, что есть жены «добронравныя, добродѣтелью украшенныя—такія мужей спасаютъ и домъ богатствомъ наполняютъ, и мужу приносятъ радость...». Отецъ ругаетъ женщинъ «льстивыми, крадливыми, язычными, колдуньями, еретицами, медвѣдицами, львицами, скорпіями, василисками» и пр. Сынъ отказывается понимать отца. Тотъ объясняетъ свои слова, давая въ бытовыхъ жанровыхъ картинкахъ объясненіе своихъ словъ.

Правда, произведеніе оканчивается указаніемъ на то, что сынъ счелъ себя убѣжденнымъ доводами отца, но для насъ достаточно и того факта, что въ XVII вѣкѣ во взглядѣ на женщину всетаки столкнулись „отцы и дѣти“.

И, конечно, дѣти опирались не только на лучшіе образцы современной имъ женщины, но и на тѣ культурныя воздѣйствія извнѣ, что̀ принесены были, между прочимъ, и романической переводной литературой, съ ея возвеличеніемъ женщины.

Драма. § 76. *b) Драма въ Москвѣ XVII в.* Что касается до *драмы*, занесенной въ Москву извнѣ, то судьба ея тѣсно связана съ исторіей русскаго театра. Какъ вездѣ въ Европѣ, элементы драмы были въ Великороссіи и въ народномъ обычаѣ, и церковномъ богослуженіи, и въ тѣхъ играхъ бродячихъ скомороховъ, которые быть можетъ, въ недалекомъ прошломъ, имѣли родство съ нѣмецкими шпильманами, французскими жонглерами, наслѣдниками классическихъ актеровъ. Традиціонныя игры на Святкахъ, на Масляной недѣлѣ; встрѣчи Зимы, Весны, Лѣта, бытовые обряды (свадебные и похоронные), хороводныя игры — въ народѣ — „умовеніе ногъ“, „хожденіе на осляти“, „пещное дѣйствіе“ — въ церкви, — все это было тѣми зародышами, изъ которыхъ могла бы развиться самостоятельная русская драма, если бы московское благочестіе не такъ ревниво слѣдило за всякими новшествами.

Исторія русскаго театра начинается съ царствованія Алексѣя. Правда, есть основаніе думать, что первый театръ въ Москвѣ былъ устроенъ еще по приказанію Самозванца, но его существованіе прекратилось съ жизнью устроителя, и, повидимому, ничего, кромѣ враждебнаго неудомѣнія, въ москвичахъ не возбудило. Царь Алексѣй Михаиловичъ началъ свое царствованіе съ самыми благочестивыми пожеланіями удержать русскую жизнь въ кругу старыхъ благочестивыхъ обычаевъ. Подъ вліяніемъ духовенства, онъ даже разослалъ по всѣмъ городамъ царскія грамоты, въ которыхъ запрещались всѣ народныя развлеченія. Возбранялось „въ домахъ, на улицахъ и въ поляхъ пѣть пѣсни, по вечерамъ на позорища сходиться, руками плескать и въ ладони бить“. Запрещено было „на свадьбахъ пѣть пѣсни и играть глумотворцамъ, органникамъ, смѣхотворцамъ, гусельникамъ и пѣсельникамъ“; нельзя было на святкахъ „въ бѣсовское сонмище сходиться, играть игры бѣсовскія, загадки загадывать, сказки сказывать, личины и платье скомороШеское на себя накладывать, олово и воскъ лить, зернью, въ карты, въ шахматы играть“; запрещались даже такія невинныя забавы, какъ „на доскахъ скакать“, качанье на качеляхъ, игра на гусляхъ, домрахъ, бубнахъ, волынкахъ, вожденіе медвѣдей, кулачные бои, игра въ бабки... Виновныхъ предлагалось подвергать самымъ разнообразнымъ наказаніямъ. Очевидно, русское духовенство считало своимъ долгомъ подтянуть Русь, распустившуюся въ Смутное время и позабывшую церковь и благоприличіе старыхъ укладовъ жизни.

Едва ли самъ царь вполнѣ сочувствовалъ этимъ строгостямъ, такъ какъ самъ онъ любилъ и соколиную охоту, и пляски шутовъ, и всевозможныя русскія пѣсни,—отъ веселыхъ скоморошескихъ до строгихъ духовныхъ стиховъ.

Конечно, всѣ эти усилія русской церкви оказались тщетны: жизни, ушедшихъ далеко отъ монастырскихъ идеаловъ, нельзя было вернуть назадъ,—и скоро самъ царь вполнѣ отдался вѣянью времени и обаянью тѣхъ забавъ, что шли изъ Нѣмецкой слободы. Особенно этому способствовалъ бракъ его на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, воспитанницѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева. Матвѣевъ, женатый на иностранкѣ, его друзья, Ординъ-Нащокинъ и Ртищевъ, создали около царя такую атмосферу, въ которой легко культивировались симпатіи къ западу.

Вотъ почему жизнь Нѣмецкой слободы, покорившей впослѣдствіи умъ и сердце его великаго сына,—и отца стала привлекать къ себѣ своими развлеченіями. Такъ, наслышавшись о театральныхъ представленіяхъ иностранцевъ, живущихъ подъ Москвой, царь пожелалъ видѣть „комедіи“ собственными глазами. Поручено было полковнику фонъ-Стадену ѣхать заграницу и оттуда привезти труппу актеровъ, а впредь, до его пріѣзда, царь, горя отъ нетерпѣнія насладиться невиданной потѣхой, приказалъ искать среди московскихъ нѣмцевъ опытнаго режиссера. Такимъ оказался пасторъ Грегори. Подъ его руководствомъ была построена хоромина, выучено 64 человѣка актеровъ изъ русскихъ и иноземцевъ, и 17 октября 1672 г. въ присутствіи царя была разыграна „трагико-комедія объ Эсфири и Артаксерксѣ“. Восхищенный царь нѣсколько часовъ не вставалъ съ мѣста, внимательно слѣдя за пьесой. Въ 1674 году разыграна была пьеса „Іудифь“ и тогда же „Эсфирь“. На представленіи второй пьесы въ театрѣ была царица, царевны и царевичи. Правда, онѣ сидѣли, скрытыя отъ публики за рѣшеткой, но, тѣмъ не менѣе, фактъ остается цѣннымъ,—впервые русская женщина высшаго круга явилась въ публикѣ, да еще на театральномъ зрѣлищѣ. Кромѣ названныхъ пьесъ, разыграны были, подъ руководствомъ того же Грегори, еще другія пьесы такого же типа. Всѣ пьесы изъ репертуара Грегори имѣли мало общаго со школьной драмой,—въ нихъ не преслѣдовалось никакихъ нравоучительныхъ цѣлей — это были „прохладныя“, „потѣшныя“ комедіи, въ которыхъ библейскіе сюжеты разрабатывались свободно, въ духѣ старыхъ мистерій.

Къ серьезнымъ пьесамъ строго-школьнаго, нравоучительнаго

характера относится „Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ"; чисто свѣтской пьесой была „Темиръ-Аксаково дѣйство" и комедія о „Баязетѣ и Тамерланѣ". По типу своему, обѣ пьесы подходили къ „англійской комедіи", предшественницѣ Шекспира. Комедія эта была достояніемъ бродячихъ труппъ профессіоналовъ-актеровъ, которые странствовали по всей Европѣ и вездѣ имѣли успѣхъ. Содержаніе этихъ пьесъ почерпалось изъ священныхъ и свѣтскихъ исторій,—изъ романа и легенды, изъ баллады и итальянской новеллы. Сюжеты разрабатывались свободно, безъ соблюденія правилъ драматическаго сочиненія, безъ нравоучительныхъ тенденцій. Въ сущности, большинство этихъ пьесъ сбивалось на эпосъ, переложенный на діалоги, безъ центральнаго событія. Характерной особенностью ихъ было участіе въ нихъ въ качествѣ постоянно-дѣйствующаго лица „дурацкой персоны"—шута-клоуна; это былъ традиціонный типъ, выработанный народными вкусами каждой страны на свой вкусъ.

Этотъ народный любимецъ, всякое появленіе котораго сопровождалось веселымъ хохотомъ зрителей и особымъ напряженіемъ ихъ вниманія, сложился тѣмъ же путемъ, что и образы любимыхъ эпическихъ героевъ: насколько въ нихъ народъ сумѣлъ воплотить лучшія, крупныя стороны своего духа,—настолько въ своихъ національныхъ шутахъ изобразилъ типичныя отрицательныя стороны своей жизни. Въ пьесахъ Грегори эта „дурацкая персона" играетъ видную роль и носитъ въ различныхъ пьесахъ разныя названія.

Кромѣ этихъ главныхъ комическихъ лицъ, постоянный смѣхъ вызывали „солдаты", „обжоры", „хвастуны" и „трусы". Театръ Грегори, сплошь переводный и ничѣмъ не связанный съ національными вкусами и традиціями москвичей, прекратилъ свое существованіе послѣ смерти пастора Грегори и его покровителя царя Алексѣя Михайловича.

Пьесы Симеона Полоцкаго. § 77. Болѣе прочные слѣды остались въ Москвѣ послѣ оригинальныхъ пьесъ Симеона Полоцкаго. Первая изъ нихъ любопытна тѣмъ, что можетъ считаться органическимъ развитіемъ церковнаго представленія—„пещного дѣйства". Нехитрыя сцены, представлявшія сожженіе отроковъ въ печи огненной, внушили Симеону идею написать пьесу на этотъ сюжетъ. Она носила названіе: „Комедія о Навуходоносорѣ, и о трехъ отроцѣхъ въ пещи не сожженныхъ". Другая пьеса Полоцкаго представляетъ собою переложеніе въ дѣйствіе „притчи о блудномъ сынѣ" и носитъ

названіе „Блудный сынъ“; и эта пьеса является показателемъ развитія русской духовной драмы. Особенностью пьесъ Полоцкаго надо считать отсутствіе олицетвореній и святыхъ и, въ то же время, отсутствіе шутовъ и грубыхъ комическихъ шаржей,—передъ нами пьесы, отличающіяся умѣреннымъ реализмомъ, стройныя по композиціи, написанныя иногда очень хорошими стихами.

Содержаніе «Блуднаго сына» слѣдующее: Прологъ объясняетъ зрителяхъ содержаніе комедіи и пользу представленій. Содержаніе.

«Видѣсте притчю, Христомъ изреченну,
По силѣ дѣломъ здѣсь воображенну,
Дабы Христовымъ словамъ въ сердцахъ быти
Глубже,—писаннымъ, чтобы не забыти».

Въ первомъ актѣ отецъ дѣлитъ имущество между сыновьями... Младшій проситъ разрѣшенія путешествовать. Отецъ отпускаетъ его. Во 2-мъ актѣ юный путешественникъ пируетъ съ друзьями, играетъ въ кости, соритъ деньгами. Въ 3-мъ актѣ герой все еще пьянствуетъ,—онъ тратитъ послѣднія деньги. Въ концѣ акта его покидаютъ друзья и слуги, расхищая остатки его имущества. Въ 4-мъ актѣ онъ служитъ свинопасомъ, ѣстъ со свиньями. Вслѣдствіе недосмотра за стадомъ, его бьютъ плетями. Онъ рѣшаетъ вернуться домой. Въ 5-мъ актѣ изображено возвращеніе блуднаго сына; радостная встрѣча съ отцомъ и ропотъ старшаго брата. Въ 6-мъ актѣ блудный сынъ говоритъ поученіе о повиновеніи старшимъ.

Языкъ пьесы вполнѣ литературенъ. Особенностью, очень характерной, является разнообразіе размѣра, въ зависимости отъ того, кто говоритъ, и отъ настроенія, которымъ проникнуто говорящее лицо. Старикъ-отецъ въ 1-мъ актѣ говоритъ мѣрнымъ дактилемъ: Языкъ пьесы.

«Самъ искусихъ ся во всяцей потребѣ,
Егда уповахъ на живуща въ небѣ;
Онъ мою юность добрѣ есть управилъ,
На животъ честный въ мірѣ мя наставилъ» [1]).

Младшій сынъ упорствуетъ, желая ѣхать путешествовать, — стихъ дѣлается отрывистымъ.

«Что стяжу въ домѣ? | чему изучуся?
Лучше въ странствіи | умомъ обогачуся!
Юньшихъ отъ мене | отцы посылаютъ
Въ чюждыя страны, | потомъ ся не каютъ!»

Вырвавшись на свободу, сынъ ликуетъ въ обществѣ друзей, — его рѣчи сбиваются теперь на плясовую пѣсню:

«Бѣхъ у отца моего, | яко рабъ плѣненный,
Въ предѣлѣхъ домовыхъ, | якъ въ тюрьмѣ замкненный!»

---

[1]) Можно думать, что читались нѣкоторые стихи съ натяжкой противъ естественнаго ударенія (ѐгда, нà животъ).

Эпилогъ комедіи опять звучитъ мѣрнымъ дактилемъ:

«Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати» и т. д.

Лирика.

§ 78. с) *Лирика.* Первое появленіе русскихъ виршей связано со смутнымъ временемъ,—быть можетъ, въ этомъ сказалось вліяніе поляковъ и южно-руссовъ. Приведу нѣсколько примѣровъ этихъ „дѣтскихъ“ опытовъ россійской Музы. Кн. Катыревъ свою повѣсть о Смутномъ времени заключилъ слѣдующими стихами:

Кн. Катыревъ.

«Сему писанію конецъ предлагаемъ,
Дѣла толикія вещи во вѣки не забываемъ,
Настоящаго изыскуемъ,
Въ пространную сію исторію сія написуемъ.
Словеса писанію происходятъ въ конецъ,
Умъ человѣчь никто же можетъ исповѣсть.

Антонъ Подольскій.

Затѣмъ, въ XVII в., извѣстенъ былъ въ Москвѣ еще поэтъ Антонъ Подольскій, судя по фамиліи, южноруссъ. Онъ оставилъ послѣ себя „Посланіе къ нѣкоему“. Это произведеніе распадается на рядъ главъ; каждая развиваетъ какую-нибудь нравоучительную идею. Стихи Подольскаго тяжелы, содержаніе бѣдно, а потому они интересны лишь съ исторической точки зрѣнія.

Любовные стихи XVII в.

Сохранилось отъ XVII в. нѣсколько любовныхъ стихотвореній. Развитіе интереса къ любовнымъ романамъ дало содержаніе и русской лирикѣ; возможно, что этому помогло и знакомство съ любовными виршами юго-западной Руси. Въ 1693 году одинъ юноша, при помощи своего грамотнаго слуги, сочинилъ своей любезной слѣдующее трогательное посланіе:

«Очей моихъ преславному свѣту
И нелестному нашему совѣту!
Здрава буди, душа моя, многія лѣта
И не забывай праведнаго твоего обѣта,
Какъ мы съ тобой передъ Богомъ обѣщались,
Въ короткое время перстнями помѣнялись
И вѣнцы на главахъ нашихъ имѣли златые
Во дни мимошедшіе, радостные, святые!
Почасту, свѣте, меня вспоминай,
Наипаче же въ молитвахъ не забывай».

«И такъ-то мнѣ по тебѣ тошно!
Какъ было бы можно,—
И я бы къ тебѣ полетѣлъ,
И къ тебѣ бы, душа моя, прилетѣлъ!» и т. п.

Письмо было перехвачено. Оно было отправлено юношей къ своей невѣстѣ, но авторомъ его оказался 14-лѣтній Савка Карцевъ. Къ концу XVII же вѣка можно отнести и лироэпическій разсказъ какой-то дѣвицы, полюбившей парня, но не встрѣтившей одобренія своей страсти со стороны отца, который ее выдаетъ замужъ за другого.

Лиро эпическая любовная поэма.

Дѣйствіе романа въ Москвѣ. Отецъ узналъ о любви дочери:

«Въ церкви съ сосѣдомъ побранился,
Много укорился.
Пришедъ въ домъ, отецъ мнѣ объявляетъ,
Мать мою сокрушаетъ,
Отецъ мой собакъ съ цѣпей спущаетъ,
Любезнаго отъ меня отлучаетъ».

Мать хотѣла счастья дочери и—

Супружества между нами желала,
Благословеніе подавала».

Но отецъ рѣшительно возсталъ противъ этого и даже, въ порывѣ ярости, тростью сломалъ руку матери. По настоянію отца, дѣвица выходитъ за немилаго:

«Узникамъ милостыню подавала,
И о здравіи любезнаго упрашивала,
О любезномъ не упросила,
Сердце свое сокрушила!
Хотя поневолѣ отъ любезнаго отлучна,
... сердце мое отъ него не отлучно.
Не то дорого, что́ красно золото,
То дорого, что́ чисто серебро.
Любезному—сметанку,
Немилому—творогъ!
Съ любезнымъ часокъ
Лучше немилаго года.
Поневолѣ вѣнчалась,
Сердцемъ надрывалась.
Къ вѣнчанью везли,
Изъ очей моихъ слезы текли».

Далѣе описывается тягостный обрядъ вѣнчанія, когда невѣста колебалась, не признаться ли священнику, что идетъ подъ вѣнецъ противъ воли. Разсказывается, какъ волновался въ церкви ея любезный.

Этотъ лироэпическій разсказъ вводитъ насъ глубоко въ интимную сторону жизни людей конца XVII и начала XVIII в. Очевидно, въ міросозерцаніи русскаго общества произошелъ громадный переломъ, если даже забитая русская дѣвушка рѣшилась выступить съ исповѣдью своего сердца, рѣшилась робко заявить о правахъ его на самостоятельное рѣшеніе своей судьбы.

Всѣ приведенные примѣры (за исключеніемъ стиховъ Подольскаго) сочинены людьми, очевидно, не знавшими „піитическихъ" пріемовъ, не знавшими даже правилъ стихосложенія,—одна только

риѳма украшаетъ эти незамысловатыя произведенія, возникшія, быть можетъ, и подъ вліяніемъ книги, но всетаки не изъ нея, а изъ собственнаго сердца.

Симеонъ Полоцкій.

§ 79. Симеонъ Полоцкій въ своихъ стихахъ явился лирикомъ другого характера,—онъ представитель *школьной поэзіи*, вооруженный знаніемъ піитическихъ хитростей, опытный версификаторъ, онъ писалъ много стиховъ. Но живого, непосредственнаго чувства въ его стихахъ мы не встрѣтимъ; если оно и есть, то глубоко скрыто подъ поэтической фразеологіей. Стихи его, „гимны" [1]) и „элегіи" собраны въ двухъ сборникахъ: „Риѳмологіонѣ" и „Вертоградѣ многоцвѣтномъ". Кромѣ нихъ, помѣщены стихи „на случай—„на Рождество Христово", „къ государю царю отъ государя царевича" „къ государю царю отъ служащихъ", „къ царицѣ отъ государя царевича", „отъ сына къ отцу", „отъ раба", „отъ старицы" и т. д. Встрѣчаемъ мы здѣсь цѣлый рядъ" привѣтствъ": „новоизбранному патріарху", „на именины царя Алексѣя Михаиловича" и пр. Въ сборникахъ Полоцкаго зачастую попадаются стихи въ формѣ звѣзды, креста, стихи польскіе и латинскіе. Многіе отличаются совершенною правильностью размѣра и должны быть признаны тоническими (См. выше, стр. 193).

„Орелъ Россійскій".

Очень интересенъ панегирикъ Полоцкаго, носящій названіе: «Орелъ Россійскій». Здѣсь встрѣчаемъ мы всѣ принадлежности ложноклассической оды: и Апполонъ, и Геликонъ, и Музы упоминаются постоянно. Царь Алексѣй поставленъ выше Тита, императора римскаго. Любопытны рѣчи Музъ и Аполлона, въ которыхъ восхваляется «Орелъ Россійскій».

Нравоучительный и сатирическій элементъ въ стихахъ Полоцкаго.

Въ сборникахъ Полоцкаго много стихотворныхъ нравоученій, касающихся всевозможныхъ случаевъ каждодневной жизни, много стихотворныхъ изреченій, афоризмовъ. Самыя заглавія стиховъ говорятъ объ ихъ содержаніи: „Богъ-всевидецъ", „Гражданство", „Начальникъ", „Врачъ", „Жидъ", „Магнитъ", „Соль", „Воздержаніе", „Богатство", „Женъ близость", „Розга", „Въ заемъ давати", „Богатыхъ обычай" и др. Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ, особенно тѣ, въ которыхъ говорится объ обязанностяхъ людей разныхъ классовъ, иногда сбиваются на сатиру, довольно живую. Такъ, напр., въ стихотвореніи: „Монахъ" встрѣчаемъ мы обличеніе разныхъ проступковъ монашества, современнаго Полоцкому. Тонъ обличенія негодующій.

Ученики Полоцкаго.

Эта школьная лирика не умерла съ Симеономъ—его ученики продолжали эти „пріятныя" и „невинныя" занятія. Такъ, Силь-

---

1) Гимны, какъ извѣстно, были стихи, восхваляющіе Бога, св. Дѣву, угодниковъ,

вестръ Медвѣдевъ, Каріонъ, Истоминъ писали вирши, хотя гораздо хуже своего учителя: размѣръ былъ ими опять утраченъ. Изъ поэтовъ того времени, также учениковъ Симеона, знаемъ мы царя Ѳеодора и царевну Наталью.

§ 80. Таковы итоги того *чужого*, которое занесено было въ Москву XVII-мъ вѣкомъ. Повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ, о Горѣ-Злосчастьи, о Саввѣ Грудцынѣ—были общенародными произведеніями, одинаково доступными и интересными боярину и мужику. Не такъ дѣло обстояло съ литературой, только-что разсмотрѣнной,—она была доступна „избранникамъ,—тѣмъ „передовымъ" людямъ, которые уже оторвались отъ народа, окружили себя иностранной обстановкой, культивировали свои чувства и мысли въ тепличной атмосферѣ западной цивилизаціи.

Художественный и политическій расколъ въ русскомъ обществѣ.

Выше, въ главѣ о церковной реформѣ, было отмѣчено существованіе раскола въ русскомъ обществѣ на почвѣ *религіознаго* міросозерцанія. Но этотъ расколъ наблюдается и въ *художественномъ* міросозерцаніи, и въ *политическомъ*. Народъ остался со своими сказками, былинами и пѣснями, со своими повѣстями—интеллигенція увлеклась рыцарскими романами, чувствами нѣжной любви, театромъ и новой лирикой. Знать, уступая сильному свѣтскому вліянію запада, сдѣлалась со временъ Петра индифферентной къ мужицкой вѣрѣ предковъ, къ ихъ утомительному благочестію; народъ — или ушелъ въ расколъ, или съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на непонятную ему жизнь „обасурманившейся" знати... Совершалось что-то странное: сперва на престолѣ очутилась царевна—дѣвушка, по старому обычаю дѣдовъ, обреченная на постриженіе; потомъ на престолѣ оказались *два царя*—явленіе, тоже небывалое на Руси. Наконецъ, отношеніе Петра къ старинѣ,—отношеніе, по многимъ причинамъ, совершенно непонятное народу,—все это, отъ недоумѣнія и испуга, вело народъ къ полному разрыву съ интеллигенціей. *При такомъ разрывѣ невозможно было дальнѣйшее органическое развитіе національной русской литературы и искусства*,—вотъ почему самобытное развитіе „національной" поэзіи въ теченіе всего XVIII в. еле замѣтной струйкой пробиваетъ себѣ путь къ XIX вѣку.

Агіографія въ XVII в.

§ 81. d. *Агіографія (писаніе житій) въ XVII в.* Впрочемъ, почти внѣ этихъ чуждыхъ воздѣйствій,—извнѣ и сверху—остался цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, на которыя надо смотрѣть, какъ на дальнѣйшія ступени развитія русскаго житія и русской лѣтописи. Житія къ XVII в., мало-по-малу,

обращаются въ „сказанія“ и „повѣсти“, съ реалистическимъ характеромъ, съ яснымъ субъективизмомъ освѣщенія, съ интересомъ къ современности. Такъ, къ XVII-ому вѣку относятся—житія, изображающія эпоху Смутнаго времени, быта крестьянъ, иногда даже окрашенныя народно-поэтическимъ колоритомъ. Особенно для насъ интересны, по силѣ красокъ,—„житіе Аввакума“, „житіе Морозовой и Урусовой“, двухъ сестеръ-раскольницъ.

Автобіографія Аввакума.

Автобіографія Аввакума — это совершеннѣйшее произведеніе русской агіографіи. Передъ нами—длинная лѣтопись страданій и радостей Аввакума, его жены и его дѣтей. Отъ Москвы, съ ея кипучей религіозной жизнью, авторъ уноситъ насъ въ снѣга сибирской тайги, на угрюмые берега Байкала. Съ поразительною яркостью проносятся передъ нами могучіе люди того вѣка, съ ярко выраженною «личностью»—самъ «богатырь»-протопопъ, его друзья и враги. Попутно рисуетъ онъ пейзажи сибирскихъ рѣкъ, Байкальскаго озера. Житіе написано прекраснымъ языкомъ. «Люблю русской природной языкъ, виршами философскими не обыкъ рѣчи красить»—говоритъ Аввакумъ и доказываетъ своимъ живымъ, картиннымъ изложеніемъ, до какой высоты достигла русская рѣчь его времени. Эта рѣчь блещетъ и юморомъ, и силою, и красотою... Живой діалогъ, и лиризмъ, описанія, богатыя красками, — все это имѣется въ житіи Аввакума, — и при томъ все это русское, простое, народное...

Исторіографія.

§ 82. *Исторіографія* въ XVII в. подошла къ такимъ же результатамъ. Тѣ повѣсти, которыя въ старой лѣтописи сливались съ нею, теперь развиваются въ самостоятельныя произведенія. Таковы повѣсти о бояринѣ Годуновѣ, о Смутномъ времени, о бояринѣ Ртищевѣ. Въ Хронографахъ XVII в. мы встрѣчаемъ характеристики дѣйствующихъ лицъ, попытки заглянуть въ ихъ душу; свѣтскій элементъ и субъективизмъ автора отличаютъ ихъ отъ старой лѣтописи. Интересы у этого автора тоже другіе — не тѣ, что у стараго лѣтописца: сообщаются факты изъ новой исторіи западной Европы, важныя историческія, географическія и этнографическія данныя,—о реформаціи, объ открытіи Америки, о природѣ, разсказываются подробности о жителяхъ чуждыхъ странъ,—вотъ, что интересуетъ историка этой поры. Изъ отдѣльныхъ историческихъ сочиненій и сказаній любопытны: „Скиѳская исторія“ Андрея Лызлова, „Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева“, „О стрѣлецкомъ бунтѣ въ началѣ царствованія Петра“, „Сказаніе объ осадѣ Троицкой Лавры“, „Объ

„Взятіе Азова“.

Астраханскомъ бунтѣ“ (Стенька Разинъ), „Взятіе Азова донскими казаками“ [1]). Послѣднее произведеніе написано прекраснымъ на-

---

[1]) Истор. Христ., вып. II, 212.

роднымъ языкомъ, богато поэтическими описаніями и оборотами рѣчи. Всѣ эти произведенія цѣнны и потому, что отражаютъ дѣйствительность, что въ нихъ личность русскаго человѣка болѣе индивидуализируется: человѣкъ дѣлается хозяиномъ и судьей жизни, перестаетъ быть игрушкой въ рукахъ неземной силы.

§ 83. Итакъ, съ какимъ литературнымъ багажомъ вошли русскіе люди въ XVIII вѣкъ? Выводы.

Въ литературѣ мы видимъ—1) болѣе или менѣе, самобытно развившуюся повѣсть, съ яркимъ реалистическимъ характеромъ, съ психологическими интересами, съ той детальностью рисунка, которая говоритъ уже о манерѣ письма новаго времени. 2) Личность автора проясняется, мало-по-малу, въ слабыхъ попыткахъ лирическихъ опытовъ, въ народной поэзіи, въ исторіографіи. 3) Введены въ литературное обращеніе новые „жанры“, занесенные извнѣ: искусственная лирика, драма и романъ. Уже на русской почвѣ и лирика, и драма развиваются въ дѣятельности Симеона Полоцкаго въ смыслѣ приближенія къ *реализму*, къ дѣйствительной жизни.

4) Въ передовомъ обществѣ литература освободилась отъ служенія церкви: она—свободное искусство; въ обществѣ, враждебномъ реформѣ,—наоборотъ, она еще сильнѣе сковывается узами служенія церкви (раскольничья письменность).

Этотъ *расколъ* сказался и въ общемъ міросозерцаніи,—у однихъ расширился духовный кругозоръ благодаря знакомству съ западомъ,— со свѣтскими знаніями, всеобщей исторіей, географіей,—другіе упорно замкнулись въ свои скиты, заброшенные въ лѣсахъ и болотахъ сѣверной Россіи. Религія у одной части общества смѣнилась индифферентизмомъ, даже тяготѣніемъ къ протестантизму, у другой—окрасилась такимъ тупымъ стародумствомъ, которымъ не отличалась даже московская Русь. Политическое міровоззрѣніе русскаго общества колебалось между новымъ пониманіемъ царской власти, — между идеями о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ“, о міровой политикѣ Россіи—и проклятіемъ государству, какъ царству Антихриста. Конечно, все это говорится о крайнихъ концахъ русскаго общества: масса находилась въ выжидательномъ положеніи,—восемнадцатый вѣкъ склонилъ ее на сторону реформы. Девятнадцатый—побѣдилъ и расколъ. Расколъ общественнаго самосознанія.

БИБЛІОГРАФІЯ.

По исторіи древней словесности сочиненія общаго содержанія:

Пыпинъ. „Исторія русской словесности". Ч. I.
Порфирьевъ. „Исторія русской словесности". Ч. I.
Голубинскій. „Исторія русской церкви". Ч. I.
Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры".
Ждановъ. Соч. т. I.
Тихонравовъ. Сочиненія.
Буслаевъ. „Историческіе очерки. Ч. II.

I. Кіевскій періодъ:

Переводная письменность и русск. письменность XI в. Владимировъ. „Древнерусская литература Кіевскаго періода". Келтуяла. „Курсъ исторіи русской литературы", ч. I. Иконниковъ. „Опыты изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи". К. Терновскій. „Изученіе византійской исторіи". К. Архангельскій. „Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности". Истринъ. „Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи". „Откровеніе Меѳодія Патарскаго". „Александрія русскихъ хронографовъ". „Сказанія объ Индійскомъ царствѣ". 1890. Кирпичниковъ. „Греческіе романы въ новой литературѣ". „Повѣсть о Варламѣ и Іоасафѣ". Веселовскій. „Исторія романа и повѣсти" Карнѣевъ. „Матеріалы къ исторіи Физіолога". Викторовъ. „Стефанитъ и Ихнилатъ". Рыстенко. „Стефанитъ и Ихнилатъ". Франкъ. „Варлаамъ и Іоасафъ". Сухомлиновъ. „О древнерусской лѣтописи". Бестужевъ-Рюминъ. „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в.". Маркевичъ. „О лѣтописяхъ". Срезневскій. „Чтеніе о старорусскихъ лѣтописяхъ". Аристовъ. „Первыя времена христіанства въ Россіи по содержанію лѣтописей". Хрущовъ. „Древнерусскія историческія повѣсти и сказанія". Шляковъ. „О поученіи Владимира Мономаха". Ивакинъ. „Князь Владимиръ Мономахъ и его поученіе". Владимировъ. „Древнерусская литература Кіевскаго періода". Барсовъ. „Слово о полку Игоревѣ".

3 т. А. Смирновъ, „Слово о полку Игоревѣ". Потебня. „Слово о полку Игоревѣ". Вс. Миллеръ. „Взглядъ на слово о полку Игоревѣ". Владимировъ. „Слово о полку Игоревѣ". Шляпкинъ. „Слово Даніила Заточника". Гуссовъ. „Къ вопросу о редакціяхъ моленія Даніила Заточника". Лященко. „О моленіи Даніила Заточника". Лопаревъ. „Слово о погибели русской земли". Поповъ Андрей. „Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій". Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемической литературы". СПБ. 1878. Веневитиновъ. „Хожденіе игумена Даніила". СПБ. 1877. Заболотскій. „Легендарный и апокрифическій элементъ въ хожденіи Даніила" („Р. Ф. Вѣстн."). Лященко. „Замѣтки о сочиненіяхъ Өеодосія, писателя XII в.". Чаговецъ. „Өеодосій Печерскій". Бѣльченко. „О сочиненіяхъ Өеодосія Печерскаго". Никольскій. „О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича". Яковлевъ. „Древне-Кіевскія религіозныя сказанія". Шахматовъ. „Кіево-Печерскій Патерикъ и Печерская Лѣтопись". Абрамовичъ. „Изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ". Сухомлиновъ. „Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго". Викторова. „Кіево-Печерскій Патерикъ". Е. Пѣтуховъ. „Серапіонъ еп. Владимирскій". „Хожденіе Даніила Игумена", изд. Палестинскаго прав. О-ва, ред. Веневитинова. „Хожденіе Антонія въ Царьградъ", ред. Лопарева.

II. Переходный періодъ. XIII—XV в.

Объ историческихъ сказаніяхъ у Бестужева-Рюмина. „Русская Исторія" т. I, Срезневскій. „Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ" (соотвѣтствующіе №№). „Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ". „Памятники О-ва люб. древн. письм." XXXVI. Спб. 82 г. Некрасовъ. „Вліянія Сербіи и Аөона на русскую литературу въ XIV—XV в." („Заря" 1871, 5). Соболевскій. „Южнославянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в.". Шляпкинъ. „Георгій Писидійскій". („Ж. М. Н. Пр." 1890. № 6). „Поученіе митр. Алексѣя". („Душеполезное Чтеніе", 1861, ч. I). „Посланіе Василія о земномъ раѣ" „Лѣтописи русской литературы и древности", т. VI Кириллъ Бѣлозерскій, три посланія (Историч. хрест. Буслаева). „Поученія митр. Петра". „Памятники старинной русской литер." Костомарова, т. IV и у Срезневскаго „Древн. памят. русск. яз. и письма". „Изв. Ак. Наукъ" т. X. „Задонщина" „Учен. Зап. Акад. Наукъ", т. V, вып. III. Тимофеевъ. „Сказанія о Куликовской битвѣ". „Ж. М. Н. Пр." 1885. № 8—9. Шамбинаго. „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ". Хрущовъ. „О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву". К. 1878. „Повѣданіе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Ивановича", изд. Снегиревымъ. („Русск. Истор. Сборн." т. III). „Повѣсть о взятіи и разореніи Москвы Тохтамышемъ". Полное Собр. Лѣтописей, т. VI. 84 стр. О. Миллеръ. „О древнерусской литературѣ по отношенію къ татарскому игу" („Др. и Нов. Россія". 1876, № 6). Некрасовъ. „Зарожденіе національной литературы". Ключевскій. „Древнерусскія житія святыхъ". Кодлубовскій. „Очерки по

исторіи древне-русской литературы житій" 1900. Голубинскій. „Сергій Радонежскій и его лавра". „Исторія русской церкви", т. II. Буслаевъ. О легендахъ: „О Меркуріи Смоленскомъ", „Объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ", „О Муромскомъ князѣ Петрѣ" (Очеркъ).

III. Московскій періодъ. XV—XVI в.

Хрущовъ. „Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина". **Архангельскій**. „Нилъ Сорскій". **Жмакинъ**. „Митрополитъ Даніилъ". **Иконниковъ**. „Максимъ Грекъ". Павловъ. „Историческій очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи". Ясинскій. „Сочиненіе кн. Курбскаго". К. 1889. **Дьяконовъ**. „Власть московскихъ государей". Савва. „Московскіе цари и византійскіе василевсы". **Васенко**. „Степенная Книга". Некрасовъ. „Опытъ историко-литер. изслѣдованія о происхожденіи Домостроя". 1872. Михайловъ. Статьи о Домостроѣ въ „Ж. М. Н. Пр." (1886). Калугинъ. „Инокъ Зиновій Охтенскій" Соболевскій. „Южнославянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в." (1894). „Образованность Московской Руси" (XV—XVII в.) Спб. 1894. Костомаровъ. „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVIII в." (Монографіи). „Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI в." (Монографіи). Иконниковъ. „Русскіе общественные дѣятели XVI в." („Кіев. Унив. Изв." 1866). Ждановъ. „Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора" (Соч.). „Сказаніе о князяхъ Владимирскихъ" (Ждановъ. „Русскій былевой эпосъ"). „Сказаніе объ Іуліаніи Лазаревской" (Буслаевъ, „Историческіе очерки"). Пыпинъ. „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ". (1858). Пановъ. „Ересь жидовствующихъ" („Ж. М. Н. Пр." 1877, № 2. Вадковскій. „Изслѣдованіе о поученіяхъ Фотія" („Прав. соб." 1875 № 3 и 9). Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики". Спб. 1788. Срезневскій. „Хожденіе Аѳанасія Никитина за три моря" (Уч. Зап. Ак." 1856 кн. II, вып. 2). Шмурло. „XVI вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи". Спб. 1891. Малининъ. „Старецъ Филофей". Сочиненія Максима Грека. 3 т. Соч. Нила Сорскаго изд. въ книгѣ: „Преподобный Нилъ Сорскій, первооснователь скитской жизни въ Россіи". Соч. Іосифа Волоцкаго. „Просвѣтитель" (1882). „Повѣсти о бѣломъ клобукѣ" („Памятники старинной русской литературы"). „Повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ" (изд. у Попова: „Обзоръ полемич. соч. противъ латынянъ"). „Сказаніе о Царьградѣ" (напечат. у Яковлева). „Житіе Св. Сергія Радонежскаго" (Изд. О-ва люб. др. письм.).

IV. Русская письменность XVII в. (наканунѣ Петра).

Литература юго-западной Руси XVII в. Архангельскій. „Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII в.". М. 1888. „Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой половины XVII в." (Чт. О-ва ист. и др." 1888). Владимировъ „Докторъ Францискъ Скорина". Спб. 1888. Голубевъ.

„Петръ Могила“ 2 ч. Пекарскій. „Представители Кіевской учености въ XVII в.“ („Отеч. Зап.“ 1882). Петровъ. „О словесныхъ наукахъ и литер. занятіяхъ въ Кіевской Академіи“ („Труды Кіев. Дух. Ак.“ 1886, 1867, 1878 гг.). „О вліяніи запад.-европейской литературы на древнерусскую“ („Тр. Кіевск. Дух. Ак.“ 1872, №№ 4, 6, 8). Сумцовъ. „Къ исторіи южно-русской литературы XVII“. В. I—II. „Лазарь Барановичъ и Инокентій Гизель“. „Іоанникій Голятовскій“. 1885. Петровъ. „Очерки изъ исторіи украинской литературы“. XVIII в. К. 1880. Соболевскій. „Переводная литература въ Московской Руси“. Голубевъ. „Исторія Кіевской Академіи“. Харламповичъ. „Православныя юго-западныя школы“. Завитневичъ. „Палинодія Захарія Копыстецкаго“. Шляпкинъ. „Св. Дмитрій Ростовскій и его время“. Спб. 1891. Марковскій. „Антоній Радивиловскій“. Соболевскій. „Образованность Московской Руси XV—XVII в.“. „Переводная литература Московской Руси“. Спб. 1905. Архангельскій. „XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы“. Спб. 1884. Каптеревъ. „О греколатинскихъ школахъ въ Москвѣ XVII ст.“ (Прилож. къ „Твор. Св. Отецъ“ 1889, т. IV). Ключевскій. „Западное вліяніе въ Россіи XVII в.“ („Вопросы философіи и психологіи“ 1897). Майковъ, Л. „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст.“. Тихонравовъ. Соч. т. II. Платоновъ, С. Ѳ. „Повѣсти о Смутномъ времени“. Маркевичъ, А. И. „Гр. Карп. Котошихинъ“. О. 1895. Маркевичъ, Арс. „Юрій Крижаничъ“. Вар. 1876. Каптеревъ, Н. „Патріархъ Никонъ“. О. 1887. Смирновъ. „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.“. 1898. Бѣлокуровъ. „Арсеній Сухановъ“. 2 т. Бороздинъ. „Протопопъ Аввакумъ“. 1898. Цвѣтаевъ. „Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ Государствѣ“. М. 1887. Татарскій. „Симеонъ Полоцкій“. М. 1886. Поповъ. „Симеонъ Полоцкій“. М. 1886. Смирновъ. „Исторія Московской славяно-греко-россійской академіи“. М. 1885. Прозоровскій. „Сильвестръ Медвѣдевъ“. Брайловскій. „Одинъ изъ пестрыхъ XVII ст.“. Смендовскій. „Братья Лихуды“. Шляпкинъ. „Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ“. Веселовскій Алексѣй. „Старинный театръ въ Европѣ“. М. 1870 г. Тихонравовъ. „Русскія драматическія произведенія“ (предисловіе и тексты). Морозовъ. „Исторія русскаго театра“. Тихонравовъ. Сочиненія. Пыпинъ. „Очерки литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ“ (1858). Веселовскій, А. Н. „Изъ исторіи романа и повѣсти“. „Памятники старинной русской литературы (повѣсти XVII в.)“ „Исторія о Брунцвикѣ“ („Пам. др. письмен.“, LXXV вып). „Исторія о Мелюзинѣ“ (Общ. люб. др. письм. вып. I—II). „Повѣсть о Василіи Златовласомъ“ („Пам. др. письм.“, ред. Шляпкина). „Римскія Дѣянія“ (Изд. О-ва люб. др. письм. 1877—78). „Фацеціи“ или жарты. (Въ „Сборникѣ повѣстей скорописи XVII в.“ въ „Памятникѣ др. письм.“ 1878—79). Сиповскій. „Русскія повѣсти XVII—XVIII вв.“. (1905). Повѣсти XVII в. напечатаны тоже въ „Памятникахъ старинной русской литературы“ Костомарова. (Повѣсти „о бражникѣ“, „о хмелѣ“, „о судьѣ Шемякѣ“).

— То же. Безъ удареній. Ц. каждому тому по 1 р. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.*

— То же. Томъ 3. Книга для занятій по теоріи и исторіи словесности въ старшихъ классахъ средн.-уч. зав. Изд. 8. Ц. 1 р. 85 к. *Доп. М. Н. Пр.*

МИЛОВИДОВЪ, А. Изъ родной поэзіи. Литературная хрестоматія. Образцы классной разработки произведеній на урокахъ объяснительнаго и выразительнаго чтенія. Изданіе 3, заново переработанное, дополненное. Цѣна въ коленкор. переплетѣ 1 р. 25 к. Изд. 1-е. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.—Доп. Св. Син.*

ОВЧИННИКОВЪ и ПЛЯШКЕВИЧЪ. Русская азбука и первая книга для чтенія. Ц. 20 к. *Доп. М. Н. Пр.*

РУДНЕВЪ, В. Родной мірокъ. Русскій букварь и первая послѣ букваря книжка для чтенія. Учебное руководство для перваго обученія въ народной школѣ, съ образцами для письма, упражненіями для самостоятельныхъ письменныхъ работъ и большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Изд. 22. Ц. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.*

СИПОВСКІЙ В. В. Проф.:

Исторія русской словесности.

Часть I. Выпускъ 1-й: Народная словесность. Изданіе 6. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Часть I. Выпускъ 2-й. Исторія русской письменности отъ начала до XVIII вѣка. Изданіе 6. Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

Часть II. Исторія литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 1-й: Исторія новой русской литературы XIX столѣтія (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій). Изданіе 3. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 2-й: Очерки русской литературы XIX ст. 40—60 годовъ. Изд. 3. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Допущены Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища М-ва Нар. Пр.; вслѣдствіе такого постановленія допущены въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣд. Императрицы Маріи.

Сокращенный курсъ исторіи русской словесности. Въ трехъ частяхъ. Часть первая. Народная словесность.—Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в. Ц. въ переплетѣ 1 р. *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ качествѣ руководства для средн. учебн. зав.*

— Тоже. Часть 2-я. Исторія новой русской литературы (съ начала XVIII-го в. до Пушкина включ.). Ц. въ перепл. 1 р.

— Тоже. Часть 3-я.

Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Примѣнительно къ „Исторіи русской словесности“.

Томъ 1 вв. 1—3, т. 2, вв. 1—5 и т. 3, вв. 1, 2 и 3 *допущены Ученымъ Ком. М-ва Нар. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія въ средне-учебныя заведенія Мин. Нар. Прос.; вслѣдствіе такого постановленія они допускаются и въ учебн. зав. Вѣд. Императрицы Маріи и учебн. зав. М. Т. и П.*

Томъ I. Вып. 1-ый: Народная словесность. Изд. 6. Ц. въ пер. 90 к.

Томъ I. Вып. 2-ой: Русская письменность съ XI до XVIII вѣка. Изданіе 6. Ц. въ переплетѣ 90 к.

Томъ I. Вып. 3-й. Русская литература XVIII-го в. Изд. 5. Ц. въ пер. 80 к.

Томъ II. Вып. 1-ый. Русская литература XVIII—XIX в. Изданіе 3. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 2-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 3. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 3-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ II. Вып. 4-й: Русская литература 20—30-хъ годовъ XIX в. Пушкинъ и Гоголь. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Томъ II. Вып. 5-й: Русская литература 30—40-хъ годовъ XIX в. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Ц. въ переплетѣ 1 р. 40 к.

Томъ III. Вып. 1-й: Русская литература 40—60-ыхъ годовъ XIX в. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р.

Томъ III. Вып. 2-й: Русская литература 40—60-хъ годовъ XIX в. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р.

Томъ III. Вып. 3-й: Русская литература 60—70-хъ годовъ XIX в. Н. Некрасовъ, Гр. А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и Фетъ. Изд. 2. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ III. Вып. 4-й: Русская критическая литература XIX в. Ц. въ перепл. 1 р.

Очерки изъ исторіи русскаго романа. Томъ I. Вып. 1-й и 2-й. Ц. 7 р.

Михайло Ломоносовъ. Жизнь и творчество. Съ портретомъ Ломоносова, съ видами памятника его, Холмогоръ, церкви и школъ имени Ломоносова въ Денисовкѣ. Ц. 20 к.

Книги подъ редакціей проф. **В. В. Сиповскаго:**

1.—**БѢЛИНСКІЙ, В. Г.** Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ, подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Цѣна въ папкѣ 50 к. Содержаніе: *Вступительная статья В. В. Сиповскаго. Пушкинъ*: Народность, гуманность и художественность — отличительныя черты поэзіи Пушкина. Евгеній Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ. *Гоголь*: Повѣсти. Ревизоръ. *Лермонтовъ*: Стихотворенія. *Кольцовъ*: Стихотворенія. *Мысли о литературѣ.* Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе поэта къ дѣйствительности.

2.—**ЛОМОНОСОВЪ, М. В.** Избранныя сочиненія. Съ портретомъ и автографомъ Ломоносова и рисунками. Подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Изд. 3, безъ перемѣнъ со 2-го. Ц. 30 к. Изд. 2, въ переплетѣ. Ц. 40 к. *Учен. Ком. М. Н. Пр. допущ. въ ученич. библ. низш. учебн. завед., а равно внесено въ списокъ сочиненій, заслужив. вниманія при пополненіи безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ.— Уч. Ком. Вѣд. Учр. Императр. Маріи рекоменд. для ученич. библіотекъ учебн. завед.*

СТЕФАНОВСКІЙ, И. Учебный курсъ теоріи словесности. Изд. 5. Ц. 75 к. *Доп. М. Н. Пр.*

ТАРАПЫГИНЪ, Ѳ. А. Матушка Русь. Хрестоматія. 2 части. Съ портретами и рисунками. Редакція Ѳ. А. Витберга. Ч. I. Для учениковъ младшихъ I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2. Ц. въ пер. 1 р. 25 к. Ч. II. Для учениковъ младшихъ III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к. *Обѣ части Учен. Комит. М-ва Нар. Пр. допущ. въ качествѣ учебн. пособія въ младш. класс. средн. учебн. зав. — Рек. Гл. Упр. В. У. З. — Доп. Св. Син.—Рекомен. Учебн. Комит. Вѣд. Учрежд. Императрицы Маріи.*

ШУЙСКАЯ, А. П. Краткій курсъ русской грамматики. Учебникъ и сборникъ примѣровъ для разбора и другихъ упражненій. Изд. 3. Ц.

въ папкѣ 60 к. *Одобр. С. С.* Изд. 2. *Одобр. М. Н. Пр.— Удостоенъ преміи митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.*

ВАСЕНКО, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ проф. С. Ѳ. Платонова. Съ портретами, рисунками, картами и съ картиной И. Е. Рѣпина „Защитники Кремля". *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. признана подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи какъ ученич. старш. возраста библіотекъ средн. учебн. зав., такъ и безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ.—Допущ. учебн. Ком. М-ва Торг. и Пром. въ ученич. библ. коммерч. у-щъ. — Учебн. Ком. Св. Сгнода допущ. въ ученич. библіотеки дух. семинар. и женск. дух. у-щъ и въ фунд. библ. мужск. у-щъ.* Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 80 к.

— **С. В.** Годъ великаго испытанія. Отечественная война. Для народа и народныхъ школъ. Съ портретами и рисунками. *Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено въ ученич. библіотеки низшихъ учебн. завед.— Учебн. Ком. М-ва Торг. и Пром. допущ. въ учен. библ.—Учебн. Ком. Св. Синода допущ. въ ученич. библіот. мужск. и женск. духовн. у-щъ.* Изд. 2. Ц. 15 к. Съ картиной И. Е. Рѣпина „Защитники Кремля". Ц. 20 к.

ВУЛЬФІУСЪ, А. Г. Учебникъ средней исторіи. Изд. 3. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.* Ц. въ переплетѣ 80 к.

— Учебникъ новой исторіи для средней школы. Ц. 80 к.

ЕФИМЕНКО, А. Я. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ ср.-уч. зав. и городск. училищъ. Съ 44 рис. и 5 картами. Ц. въ переплетѣ 90 к. *Допущ. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для 3-класс. женскихъ гимназій.*

— 1812. Чтеніе для народа, народныхъ и городскихъ школъ. Изд. 2-е съ рис. Ц. 15 к. Съ карт. И. Е. Рѣпина „Защитники Кремля". Ц. 20 к. *Учебн. Ком. Торг. и Пром. допущ. въ учен. библіот.—Учебн. Ком. Св. Синода допущ. въ ученич. библ. мужск. и женск. духовныхъ училищъ.*

ЛИБЕНЪ, П. и ШУЙСКАЯ, А. Краткій курсъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и 8 картъ. Изд. 4, значительно дополненное и иллюстрированное. Ц. 60 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для низшихъ уч. зав. и для тѣхъ уч. зав., въ коихъ приходится элементарный курсъ отечественной исторіи, и въ качествѣ пособія для мл. классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.*

ПЛАТОНОВЪ, С. Ѳ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Изд. 4, съ приложеніемъ 5 картъ, составленныхъ И. Н. Михайловымъ. Ц. въ переплетѣ 2 р. *Доп. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для средн. учеб. завед.*

— Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI-XVII вв. Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время. Изданіе 3-е, съ приложеніемъ двухъ картъ. Ц. 3 р. 50 к.

С. Ѳ. ПЛАТОНОВУ — ученики, друзья и почитатели. Сборникъ статей, посвященныхъ **С. Ѳ. ПЛАТОНОВУ.** Ц. 2 р.

ПЛАТОНОВА, Н. Н. Кохановская (Н. Н. Соханская). 1823—1884. Біографическій очеркъ. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к. *Удостоено отъ Академіи Наукъ Ахматовской преміи.*

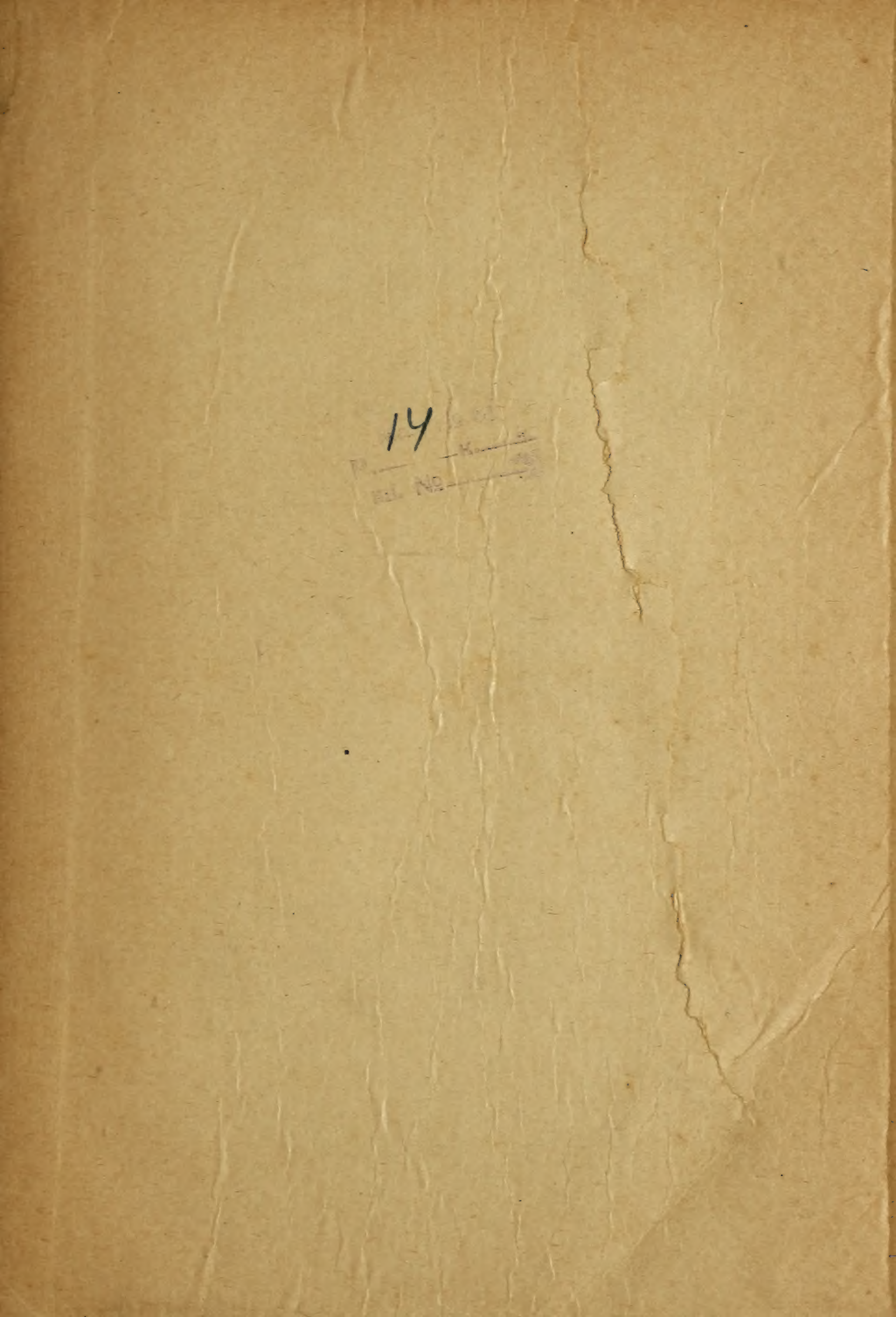
СИПОВСКІЙ, В. Д. Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. Съ 50 политипаж. въ текстѣ и однимъ на отдѣльн. листѣ. Изданіе 4-е. *Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія для мужск. гимн. и прогимн., а также въ учеб. библ. средн. учебн. зав. Ц. 75 к.*

— Сократъ и его время. Съ рисунками. Изданіе 3. Ц. 40 к., въ переплетѣ для подарковъ 1 р.

СКВОРЦОВЪ, И. В. Русская исторія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Изданіе 2-е. Въ переплетѣ. Ц. 1 р. 70 к. *Доп. М. Н. Пр. — Одобр. У. К. Св. Син. какъ руководство.—У. К. Вѣд. уч Имп. Маріи одобрена какъ руководство.—Св. Син. удостоена преміи Митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.*

ФРИДОЛИНЪ, П. П. Краткая исторія европейскаго искусства. Съ 132 рисунками. Въ перепл. 1 р. 75 к. *Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. книга признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ средн. уч. зав. — Уч. Ком. Вѣд. Учр. Импер. Маріи рекомендована для внѣкласснаго чтенія средн. уч. зав.—Гл. упр. в.-уч. зав. допущена въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

14

Цѣна въ переплетѣ 1 руб.